

фантастическая
история

Михаил Королёк

Спасти СССР.
Инфильтрация

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Случайная – или не совсем? – встреча с попутчиком в поезде, разговор за рюмкой, оживленный спор... Может ли один человек, если вернуть его в прошлое, изменить историю хотя бы одной страны, обладая всеми знаниями сегодняшнего дня? «Я бы взялся, да кто ж предложит», – говорит Андрей Соколов, наш современник. «Вот прямо так бы все бросил и взялся?» – не верит попутчик. ...И вот Андрей оказывается в конце семидесятых, в своем собственном теле восьмиклассника ленинградской школы. Конкретных задач перед ним никто не ставил, инструкций не давал. Ему самому предстоит решить, что делать: зная о грядущем развале страны, успеть отыскать теплое местечко на земном шаре, благо возможности есть, или все-таки остаться и попробовать повлиять на ход исторического процесса и спасти СССР.

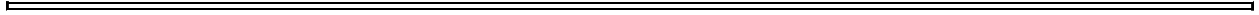
- [Михаил Королук](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

Михаил Королёк

Спасти СССР. Инфильтрация

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Пролог

10 июля 2015 года, 09:57

Украина

– Ну что, вмажем по стремянной, что ли, на ход ноги? – жизнерадостно предложило сидящее напротив существо. – Для стимуляции мыслительных процессов.

Я лишь слегка кивнул в ответ. Оно тут же сноровисто обновило кальвадос в рюмашках, извлекло из воздуха золотистую тушку цыпленка табака и решительно разломило ее на две приблизительно равные части, роняя мутные капельки застывшего жира на небрежно брошенную на стол салфетку. По купе разнесся чесночный дух.

Поезд тряхнуло на стрелке, и в окно нагло полезло солнце. Мой визави оторвал взгляд от мелькавших за стеклом кустов и многозначительно посмотрел на меня:

– До Шепетовки осталось минут пятнадцать. Пора...

Я опять изобразил вялый кивок, рассеянно наблюдая, как при каждом перестуке колес по поверхности чая пробегает рябь.

«Да, сегодня ты, Дюха, достиг новых высот. С кем только не пил, но чтобы с явлением... – После бессонной ночи мысли двигались еле-еле, словно плавники разморенной в теплой воде рыбы. – Пожалуй, это слишком смелая концепция для меня, что бы оно ни говорило. Пусть побудет существом, раз не является человеком. В конце концов любое существо – само по себе явление...» – Я готов был думать обо всем, кроме главного.

Где-то в животе пульсировал шальной восторг ожидания чуда, и одновременно холодным червячком шевелилось опасение обмана. Слишком сладким ломтем меня поманили... Не муляж ли это?

Я еще помню, как было до, и знаю, как сделалось после, и оттого мне порой становится страшно. Это не тот страх, который ползет мурашками по коже, когда ты на кураже залез на десятиметровую вышку и, подойдя к краю, обнаружил, что люди под ногами съежились до букашек: такой страх можно преодолеть, сделав шаг вперед. Нет, это другой страх, тоскливый и безнадежный, цементирующий ночь могильной уверенностью, что серое и корявое сегодня, так внезапно выкрутившееся из ничего и заслонившее собой прекрасное далёко, теперь навсегда. Навсегда – вот ключевое слово.

Стоп. Хватит дергаться. Сейчас все станет ясно, я же ничем не

рискую? Лишь надеждой... В худшем случае ничего не изменится.

Странно, но я так и не испытал сомнений в реальности происходящего. Как-то сразу и однозначно стала ясна фальшивость версий об иллюзорности, сне или гипнозе. Да и доказательства своих слов оно, что ни говори, предъявило убедительные. Ой не сон это, Андрюха, не сон...

Время как будто замедлило бег, и мозг, продолжая перепроверять уже принятое решение, одновременно отстраненно замечает и запоминает всякую мелочь вроде взаимного расположения косточек от маслин на столике или рисунка-вышиванки на наволочке. Почему-то кажется, что даже в порядке мелькания хат за окном и перестуке колес есть скрытый смысловой слой, который можно будет потом, в спокойной обстановке, раскодировать и использовать.

Чушь, конечно. Значение имеет только происходящее в купе, только те слова, которые сейчас скажу.

– Я решил, – начал я. Вышло сипло и фальшиво. Хмыкнув, попытался расслабить горло и без всякого удивления обнаружил, что все тело, видимо уже давно, сковано предельным мышечным напряжением. Крутанул головой, сделал пару движений плечами, с хрустом разминаясь, поморщился из-за тупой боли под левой лопаткой и уже нормальным голосом повторил: – Я решил. Март семьдесят седьмого, в себя.

9 июля 2015 года, 16:34

Москва, Киевский вокзал

Он вошел в купе минут через пять после того, как уплыл назад перрон Киевского вокзала и я уже успел возрадоваться счастливой случайности, лишившей меня в поездке на юг соседей по купе.

Первым в откатившуюся дверь просунулся слегка потертый жизнью, но сохранивший импозантность темно-рыжий портфель с медными накладками на углах. Сразу стало понятно, что скроен он из самой что ни на есть натуральной свиной кожи хорошей выделки в те времена, когда воздух был чист, рыба в Оке водилась, а идея приделывать к классическим мужским портфелям ремни для ношения на плече еще никому не пришла в голову.

Я подавил вздох разочарования и быстро нацепил на лицо гримасу радушия. Вышло, полагаю, неважно – актер из меня так себе.

За портфелем в проеме возникла невысокая, но крепко сбитая мужская фигура из тех, о которых говорят «старичок-боровичок». Слегка волнистые иссиня-черные волосы с редкой проседью эффектно обрамляли породистое лицо, на котором играло странное для такого возраста озорное выражение.

– День добрый, – провозгласил он, уложив портфель на полку, и, протянув руку, представился: – Владимир, ваш сосед до Шепетовки.

– Андрей. – Я ответил рукопожатием и, заулыбавшись уже по-настоящему, еще раз окинул взглядом колоритного попутчика. Этаким благообразный хитрован лет шестидесяти с выразительной мимикой и прущей наружу харизмой. Напоминает того русского попики из анекдота, который на сельской свадьбе на вопрос: «Что пить будете, батюшка, – водку, вино?...» – жизнерадостно отвечает: «И пиво!»

«Не самый худший вариант попутчика, лишь бы не храпел», – успокоившись, решил я.

Минут через тридцать, когда проводница окончательно убедилась в нашем праве занимать места и, получив заказ на два чая с лимоном, удалилась, Владимир достал из портфеля нарезку твердокопченой колбасы, по виду – брауншвейгской, хлеб и банку греческих маслин. Финальным аккордом стали извлеченные жестом фокусника бутылка кальвадоса «Буляр Х.О.» и две допотопные рюмки с потертыми золотистыми ободками по краям, никак не вяжущиеся своим внешним обликом с благородным напитком.

– Прошу без лишнего стеснения, – веско сказал сосед, решительно сворачивая бутылке голову и ловко наполняя сосуды. – Если нет медицинских противопоказаний, конечно. Воспользуемся отсутствием дам.

По купе поплыла ароматная симфония легких коньячных нот с отчетливым яблочным оттенком. Я с благодарностью улыбнулся госпоже Удаче. Вот уже года два, как у меня длится «кальвадосный период», и я, перебрав несколько вариантов, пришел в итоге к тесной дружбе именно с данным сортом. Иногда крепость наших отношений проверялась моими легкими интрижками с другими «Х.О.» и «V.S.O.P.», но каждый раз я убеждался, что время для окончательного разрыва еще не пришло.

– Э-э-э... Да я как-то не захватил с собой ничего для адекватного алаверды... – протянул я неуверенно.

– Бросьте, Андрей. Все это, – небрежно махнул он рукой, – мелочи, не стоящие того, чтобы из-за них комплексовать. Смело пользуйтесь тем, что Бог послал. Кстати, вы знаете, что использованное вами слово «алаверды» как раз переводится с тюркского как «Бог дал»?

– Интересно... Нет, не знал. – Я перестал ломаться и завладел тем ломтиком колбасы, который сильнее всего подманивал меня задорным блеском своих соевых крупинки. И ведь не сказать, что голоден, но слюна на перекус в купе выделилась сразу – рефлекс с детства. С другой стороны, сидеть и куситься тоже глупо.

Подхватил рюмку, изобразил привычное круговое движение и вдохнул аромат:

– Божественно... И жизнь хороша, и жить хорошо. Ваше здоровье, Владимир.

– За встречу, – охотно поддержал он и, артистично чокнувшись, одним глотком отправил содержимое рюмки в себя. С акцентированным пристуком опустил рюмашку и веско добавил: – Жизнь – штука странная, иногда и случайная встреча в вагоне может ее изменить.

Это был намек, но тогда я его не понял и промычал в ответ что-то нейтральное.

9 июля 2015 года, 23:15

Россия

– ...сам подумай, – энергично напирал оппонент, азартно постукивая ногтем по краешку стакана, – в Штатах два процента населения, работающего в сельском хозяйстве, легко кормили всю страну, а в СССР двадцать процентов трудились в совхозах и колхозах – и был дефицит продовольствия. В десять раз больше, а все равно страну накормить не могли! О чем тут спорить?

– Не, Володь, ты не прав. Дьявол – в мелочах. – Для большей убедительности я почему-то ткнул пальцем вверх. – Во-первых, кого считать аграрием. У нас учитывали весь списочный состав колхозов, включая нянечек в детском саду, медсестер, сторожей, шоферов и бухгалтеров, а за бугром – только непосредственно работающих на полях или с живностью.

Я перевел дух, глотнул с доньшка настоявшийся на лимоне чай и, отставив стакан, продолжил:

– Во-вторых, климатические условия у нас сильно различаются, поэтому и результаты несопоставимы. В Штатах только один процент посевов находится в зоне недостаточного увлажнения. В СССР таких было почти шестьдесят процентов, а остальное и того хуже – в зоне рискованного земледелия. Если корректно учесть влияние природных факторов, то производительность труда в сельском хозяйстве в СССР была где-то на пятнадцать – двадцать процентов ниже, чем на Западе, но никак не в десять раз. И обусловлено это было нашим отставанием по уровню механизации.

Володя слушал вежливо, не перебивая, но мимикой выразительно изображал свое категорическое несогласие.

– Ну и в-третьих, – я победно улыбнулся своему партнеру по

интеллектуальному фехтованию, – в магазинах да, было пусто, но в холодильниках-то – густо! Голодных не было. Хлеб чуть ли не бесплатный, молоко и картошка – копейки, основные продукты – в достаточном количестве и очень дешево. Разнообразие продуктов не хватало, но чтобы кто-то систематически именно голодал... – Я развел руками, демонстрируя недоумение.

Выпитое напомнило о себе с предельным коварством: мой локоть отправил в полет стоявший на краю стакан.

– Тьфу ты, довыступался, – ругнулся я, приступая к ликвидации последствий.

«Хорошо, что спор идет без осатанелости. Обычно дискуссия на такую тему на третьей фразе срывается в «сам дурак», – думал, выцарапывая подстаканник из-под полки. – Не переболело еще...»

– Ну да, ну да, – ухмыльнулся Володя, когда я выполз из-под стола на свое место. – Вот спасибо, голода не было. А овощегноилища помнишь? Треть урожая теряли на хранении. А какой картофель в продаже был? Гнилой и на четверть веса глины!

– Было дело... – задумчиво протянул я, вспоминая редкие эпизоды ночных разгрузок вагонов на овощебазе. В памяти всплыли сладковатый запах картофельной гнили и прыжок рассерженной крысы на опрометчиво протянутый палец. А как спать тогда хотелось...

«Пора, однако, на боковую», – подумал я, провожая взглядом плывущую за окном тьму. Сразу навалилась легкая усталость, а азарт спора начал быстро улетучиваться. Я подвел, больше для себя, итоги:

– Говорить, что СССР развалился из-за того, что люди недополучали благ, э-э-э... – Я замялся, пытаюсь подобрать выражение повежливее. Не скажешь же малознакомому собеседнику в лицо: «Ты глупость говоришь». – Не совсем логично.

Володя с ироничным пониманием покивал моей заминке.

– Страну развалили не низы, которые порой испытывали определенные материальные лишения. Последние лет десять сельское хозяйство действительно не справлялось, шло ухудшение ситуации. Но эта замятня была инициирована той частью элиты, которая имела все. Именно поэтому бессмысленно вспоминать, «как мало было колбасы». Как раз те, кто раскачал систему и пустил ее вразнос, колбасы имели навалом. Не в том причина. А так... Все было, и плохое тоже было. Но почему же почти всем, жившим в те годы, так упорно кажется, что вместе с грязной водой выплеснули и ребенка? Все могло произойти иначе, если бы не череда ошибок и случайностей. Распад страны уж точно не был предопределен

историей, существовали иные варианты.

– А без ошибок не бывает исторического процесса. Все ошибаются.

– Это да... Знал бы прикуп – жил бы в Сочи. Если бы хоть кто-то точно знал, – выделил я голосом последнее слово, – к чему все это приведет, историю можно было бы развернуть в другую колею.

– Наверяд ли, – со скепсисом откликнулся Володя. – Исторический процесс обладает инерцией разогнавшегося катка. Один человек для него – что тля под кузнечным прессом. Ничего бы ты не сделал, даже обладая всеми знаниями сегодняшнего дня. Я имею в виду, ничего, что смогло бы радикально изменить историю хотя бы одной страны.

Я откинулся назад, обхватив плечи руками, и задумался над этой гипотетической ситуацией. Володя тем временем вновь наполнил рюмки и, порывшись в бездонном портфеле, достал и разделил молочную шоколадку.

– Пожалуй, я бы поспорил с таким утверждением. Я бы взялся, да кто ж предложит... – грустно пробормотал я, закусывая.

– Что, – недоверчиво хмыкнул Володя, – вот прямо так бы все бросил и взялся?

– Угу. Согласный я. О дайте, дайте мне возможность! – запрокинув голову к тускло мерцающему потолочному плафону, фальшивя, напел я.

В глазах у Володи что-то мелькнуло, и он замер, наклонив голову набок и раздумывая. Потом неожиданно резко подался вперед и жестко рубанул ребром ладони по столу:

– Договор.

– Что? – не понял я.

– Договорились, говорю. Пробуй.

– Не смешно, – фыркнул я.

– Согласен, не смешно. Но смешно и не должно быть, – сочувственно прозвучало в ответ.

Попутчик снова принял расслабленную позу и сделал кистью какой-то круговой пасс с потягиванием на себя. Я протрезвел и ошалел.

С минуту мы сидели молча, глядя друг на друга: я – застыв в наклоне вперед, а он, напротив, – небрежно откинувшись на подушку в тени верхней полки. Мысли в голове внезапно устроили подобие шабаша, словно каждая извилина попыталась докричаться до сознания независимо от остальных. Я отстраненно любовался тем, как хаотично возникающие идеи сталкивались и разлетались на фрагменты, из которых складывались новые причудливые комбинации желаний и образов. Затем досадливо потрянул головой, призывая мозг к порядку, и, добившись хотя бы видимости равновесия, смог вернуться во внешний мир.

– Договор – это было утверждение или вопрос? – спросил я внезапно севшим голосом.

– Пусть будет вопрос. Рассматривайте как оферту, – мягко, с каким-то прорезавшимся легким акцентом перешел собеседник на «вы». – Есть возможность... и воспользоваться ею вы можете до Шепетовки. Через двенадцать с половиной часов мы по-любому расстанемся.

Я побарабанил пальцами по столу, раздумывая. Очень хотелось поверить, и одновременно очень страшно обмануться, поверив. Но мгновенное протрезвление от пасса рукой? Как врач, я знал, что такое не может быть фокусом. Да и что теряю? Я устроился поудобнее:

– Расскажите подробнее. Кто вы, Володя, на самом деле, зачем вам это надо, как вы собираетесь это обеспечивать. И... продемонстрируйте что-нибудь еще, что ли...

Собеседник внимательно взгляделся в мой левый глаз, что-то там выискивая, потом кивнул какой-то своей мысли и, немного помолчав, начал:

– Во-первых, я не «кто», а «что». Явление в процессе... – он покрутил кистью в воздухе, подбирая слово, – самосборки...

10 июля 2015 года, 10:10

Украина-1

– Я решил. Март семьдесят седьмого, в меня.

Сразу резко полегчало. Я махнул в себя рюмку и впился в сочное бедрышко цыпленка. Пока жевал, в разом опустевшей голове вертелось навязчивое: «Сегодня я в последний раз побрился».

Минут через пять тщательно протер руки салфеткой и с надеждой посмотрел на существо напротив:

– Готов.

– Не будем тогда затягивать. Удачи нам, – улыбнулось оно уголками рта, театрально развело руки, слегка хлопнуло в ладоши и начало быстро блекнуть. Сквозь тело проступил рисунок стенки, подушки и смятого одеяла на полке, как будто кто-то оконтурил изображение фигуры в фотошопе и потянул за бегунок прозрачности. Я удивленно моргнул, и через мгновение в купе не осталось никого, кроме меня.

Черт! Захотелось завывать от отчаяния. Спину сгорбило навалившейся тяжестью, и резкая колющая боль раскаленным жгутом прошила левую руку от плеча до мизинца так, что перехватило дыхание и выдавило слезу.

Не повезло. Чудо прошмыгнуло мимо, лишь чуть заметно колыхнув воздух вокруг. Мне выпала горькая доля доживать здесь. Представил

тянущиеся теперь передо мной глухие окольные темные тропы и разочарованно вздохнул поглубже: «Что ж... Пусть так, принимаю жребий».

Подвигал плечом, пытаюсь разогнать отголоски боли, подрагивающей рукой вылил в рюмашку остатки янтаря, поднял и повернулся к зеркалу:

– За тебя, Андрюш. Пусть тебе там повезет. Прозит.

10 июля 2015 года, 10:10

Украина-2

– Не будем тогда затягивать. Удачи нам, – улыбнулось оно уголками рта, театрально развело руки, слегка хлопнуло в ладоши, и все вокруг начало быстро блекнуть. Я изумленно посмотрел, как сквозь стенку купе и тело напротив стремительно проступает какой-то приближающийся рисунок.

«Словно в фотошопе прозрачность...» – начала формироваться мысль, но в этот момент нечто, несущееся навстречу, шмякнуло в лоб, вышибая сознание. Последнее, что ощутил, – задирающиеся вверх ноги и неловкое падение в какой-то провал.

Глава 1

15 марта 1977 года, 15:25

Ленинград, Измайловский проспект

Сквозь царящий в голове болезненный гул тяжело продавливались какие-то звуки. С трудом приоткрыв глаза, вгляделся, пытаюсь разобраться в плавающих передо мной пятнах темно-оливкового цвета. Ничего не разглядел. В памяти всплыла цитата: «Трясущейся рукой провел по бедру, чтобы определить, в брюках он или нет, и не определил».

«Если могу мыслить цитатами, значит, существую». – Я криво усмехнулся и попытался различить, где верх и где низ. Внезапным рывком, словно кто-то крутанул объектив, окружающая реальность приобрела пугающую резкость и глубину. Я, голый и мокрый, лежу на полу в позе запутавшейся в своих лучах морской звезды. Темная шероховатая поверхность перед глазами – дно чугунной ванны, вот ножка торчит, а дальше – кусок линолеума и подергивающаяся дверь. Значит, верх – вон там...

Шипя, расплел ноги, выдернул из-под себя руку и предпринял попытку сесть. Голова резко, до темноты в глазах, налилась тяжестью, и навалилась дурнота. Спустя пару мгновений мир еще раз сжалился надо мной, и стоявший в ушах шум расслоился на узнаваемые звуки. Кто-то дергал с той стороны дверную ручку и испуганно, на грани паники, кричал:

– Андрюшенька, что с тобой?! Господи, открой дверь!

– А-а-а... – Я попытался подать признаки жизни. Из горла вырвался какой-то хрип. – Сейчас... – Со второй попытки удалось произнести слово громче.

Дверь перестала дергаться, и мамин голос (ну конечно, как я сразу не узнал?) взволнованно зачастил:

– Ну что там у тебя случилось?! Ты упал? Давай открывай скорее! Ничего себе не сломал?!

– Подожди... Сейчас, – повторил я, борясь с подступающей дурнотой. Наконец удалось неловко сесть, привалившись спиной к холодному кафелю, и подтянуть под себя непривычно безволосые ноги.

«Ну да, – обвел я глазами помещение, – узнаю. Ванная на старой квартире. Все верно, без обмана». С облегчением на секунду прикрыл глаза и, криво улыбаясь, перевел дух. Потом поднял руку и сорвал с трубы висевшее надо мной полотенце.

– Сейчас, мам, – произнес уже окрепшим голосом. – Сейчас...

За дверью притаилась встревоженная тишина. Мама прислушивалась, пытаясь определить тяжесть полученных мной повреждений и их совместимость с жизнью.

Встать удалось неожиданно легко. На пару секунд замер перед зеркалом: там кривилось в гримасе смутно узнаваемое детское лицо. Справа на лбу – косая ссадина, на глазах набухающая кровью. Длинные темные сосульки мокрых волос, узкие плечи и худая шея над выступающими ключицами.

«Да, красавец... Ладно, потом налюбуюсь. – Повернулся к двери и запахнул вокруг себя полотенце. – Черт, защелка как неудобно высоко висит...»

Наконец удалось справиться с замком, и в ванную ворвался перевозбужденный вихрь. Меня за пару секунд осмотрели, ощупали, встряхнули, отругали, пожалели и попытались опросить. Организм возмутился. Почувствовав неладное, я прошмыгнул мимо мамы, сделал несколько быстрых шагов по коридору, придерживая полотенце левой рукой, рванул дверь – только бы успеть! – и согнулся над унитазом.

«Молодца, – подумал, оторвавшись на пару секунд от увлекательного занятия. – Успел».

Спустя минут пять меня водворили в койку. Ссадина под горестные мамины причитания смазана йодом и залеплена лейкопластырем, а поверх расцветающего синеватым великолепием шишака возложена обернутая вафельным полотенцем грелка с ледяной водой. Мама удалилась, и я с интересом приступил к изучению своей комнаты.

На стене над кроватью – темно-багровый ковер с абстрактным рисунком и кисточками по краям. Пылесборник, надо будет избавиться при случае. На противоположной стене уступом расположились три книжные полки, на нижней из них – горшок с тощим аспарагусом. На полках выстроились узнаваемые корешки, среди которых разноцветным орнаментом выделяется «Тысяча и одна ночь» и монументальностью – «Одиссея». Сверху – истертая стопочка «Искателя». Под полками на свисающей холстине наколота коллекция значков с гербами городов СССР. Периметр высокого потолка обрамлен золотисто-бронзовым резным багетом, а в центре, под фигурной розеткой, повисла трехрожковая люстра. Все узнаваемо, особенно запах родного дома.

Расслабившись, устало закрыл глаза и стал перебирать в уме события последних часов. Ну что ж, теперь я точно знаю, что небывалое бывает.

Из плюсов – чудесное перемещение в детство, как и обещали. Мне

сейчас сколько? Мм... Четырнадцать, через пару месяцев будет пятнадцать. Чудный возраст, здоровое тело, хорошая социальная среда, любящие родители, полное отсутствие серьезных проблем. Как я это не ценил! Мечтал побыстрее окончить школу. Казалось, что жизнь в школе неполноценна, а вот потом...

«Идиот. Был идиотом, – мечтательно улыбнулся я. – Теперь встал на путь исправления».

Еще один плюс – способ внедрения. Володе лобовое столкновение со стеной прощаю, так и быть. На сотрясение мозга спишу неизбежные ляпы при адаптации и внезапное повзросление. Ну не смогу я, старый циник, достоверно отыгрывать ребенка. Буду крутить хвостом, замечая следы, и кивать на травму.

Из минусов – ничего из обещанных способностей. Глухо как в танке. Я сосредоточился и попробовал еще раз толкнуть несколько образов, как делал тогда, в купе. Ничего, пусто. Абсолютно. Ни возможности обращения к памяти реципиента, ни брейнсерфинга.

Уже пора паниковать или еще немного подождать? Что это – неудачная пересадка сознания или временный сбой из-за травмы?

Без памяти реципиента я буду первые недели выглядеть полудебиллом. Как бы из одной спецшколы, с углубленным изучением английского, не загреметь в другую, для дефективных. Вот будет начало карьеры, зашибись...

За тридцать пять лет из памяти выпала масса сведений. Ну, предположим, в районе не заблужусь. В школе – тоже. Но, черт побери, я не помню имена и отчества половины учителей, большую часть нынешних кличек одноклассников и их привычки, особенности отношений. Не помню свою одежду и где она лежит... Какая из зубных щеток в ванной – моя? Блин... А почерк? Если почерк изменился, то пиши пропало. Учителя наши каракули узнают влет.

А самое палево – не помню, чего в восьмом классе категорически не мог знать. К примеру, английский язык... Сейчас я им владею явно лучше, чем в конце восьмого класса, – несколько лет жизни за границей даром не прошли. Эльвира же мой текущий уровень представляет хорошо. У учителя английского от силы сорок учеников зараз, видимся каждый день да не первый год, всю подноготную мою помнит, все любимые ошибки. А вот я – нет. И как объяснить резкий скачок в разговорном английском, изменение произношения – фиг его знает. Зато грамматику сейчас завалю – сложно завернутые фразы в реальной жизни встречаются редко. Ума не приложу, что делать, ни одной разумной версии...

Дверь приоткрылась, в проеме возникла мама с подносом:

– Сынуля, может, пообедаешь? Супчик куриный погрела. А я в поликлинику потом сбегаю, вызов участковому оставлю. Как ты себя чувствуешь? Не тошнит больше? Как голова?

Пока мама хлопотала вокруг, пытаюсь помочь усесться, вгляделся в ее черты. Она же сейчас, получается, младше меня лет на пятнадцать. Если взять те критерии, по которым я оценивал женщин еще сутки назад, – молодая красивая женщина. Очень необычно, очень непривычно, особенно если учесть, что я видел ее всего неделю назад.

– Спасибо, мам, поем. Вроде ничего, голова побаливает да кружится немного. Но хуже не становится – это главное. Отлежусь за два-три дня.

– Ох, а контрольные четвертные? – Мама испуганно округлила глаза. – У тебя же завтра физика и сочинение? Как же тебе оценки за четверть выставят?

– Ну представь, что у меня аппендицит случился. Или ногу бы сломал. Как учился в четверти, так и выставят, – ответил я, лихорадочно соображая: «Точно, последняя неделя марта – каникулы. Раз мне предстоят в ближайшие дни четвертные контрольные, значит, сейчас идет неделя перед каникулами. Надо косить до них – чем больше времени будет на адаптацию, тем лучше. Интересно, какой сегодня день недели?»

Мама расстроено покачала головой и оставила меня наедине с обедом. Так-с, куриный супчик с лапшой, картошкой и морковкой – первая проба пищи в двадцатом веке. Повел носом, втягивая туманящий разум аромат, одновременно прислушиваясь, не усиливается ли дурнота. Вроде таможня дает добро – вон как живот голодно заурчал. И я замолотил ложкой.

Минут через десять довольно потянулся, сыто откинувшись на подушку. Молодой организм с энтузиазмом метнул в себя две порции супа и не отказался закусить булкой с плавленым сыром «Янтарь».

Ну что я могу сказать... Никакого сравнения, конечно: все вкусы и запахи стали ярче и объемнее, чем были еще сутки назад. Случайно раскушенная горошинка перца взорвалась во рту таким болезненным жжением, что пришлось быстро захлебывать ее бульоном. Значит, это не еда стала лучше, а обострилась чувствительность. Правы те, кто говорят о притуплении с возрастом вкусовых и обонятельных рецепторов. Видимо, именно поэтому с годами люди постепенно переходят на все более крепкий чай, кладут больше специй и могут смаковать коньяк и виски.

Вот и еще один плюс обнаружился. В ближайшие десять лет лишний вес мне априори не грозит, можно от души пожрать. Это будет славная

охота...

Хлопнула входная дверь: мама умчалась в поликлинику. Самое время выйти на разведку. Сбросил со лба грелку, надел вытянутые в коленях темно-синие тренировочные штаны, майку, нацепил на ноги войлочные тапки и осторожно двинулся к выходу из комнаты.

Первым делом – на кухню. На холодильнике должны быть свежие газеты. Ну вот, прикуп и определился. 15 марта 1977 года, вторник, полтретьего.

На что можно рассчитывать от медицины при сотрясении мозга? Три дня постельного режима. Среда, четверг, пятница.

Я радостно ухмыльнулся. Просто праздник какой-то, до каникул – на справке. Ха! Не очень-то в школу и тороплюсь.

Довольно насвистывая, огляделся по сторонам. На подоконнике рядом выстроились баночки из-под майонеза. В каждой торчит по луковице, выбросившей вверх дружные зеленые стрелки. В трехлитровой банке с затянутым марлей горлышком медузой висит чайный гриб. Не удержавшись, я налил полстакана светло-желтого, шипящего пузырьками напитка, добавил пол-ложки сахара, размешал. Эх... Давно забытый вкус.

За окном непривычно пустой Измайловский проспект. За минуту, что я вглядывался в заоконье, проехали лишь четыре машины – два бледных, будто выцветших, «жигуля», темно-зеленая хлебовозка и синяя с белой диагональю «почта» – да прогрохотал желтый трамвай с облупившимся штурвалом тормозной колонки на задней площадке. На растяжке поперек проспекта подергивался на ветру красный трафаретный профиль Ленина. Проезжая часть и тротуары на удивление чисты, но фасады зданий напротив выглядят мрачновато из-за накопившейся на стенах копоти и давно не крашенных темных рам. Никаких кричащих вывесок или рекламы, лишь лаконичные: «Вино-Водка», «Булочная» и вдали, ближе к собору, «Диетическая столовая» и «Почта».

Оторвавшись от окна, полез с обыском в холодильник, на котором памятью о прошедшем Восьмом марта маячила в хрустальной вазе осыпающаяся веточка мимозы. Так-с, эмалированный бидон с молоком, пол-литровая банка сметаны, яйца, масленка, сырница, запечатанная зеленой фольгой бутылка с чем-то кисломолочным, кастрюля с уже отведенным супом, ярко-алая чугунная гусятница с тушеной говядиной и поставленный в кастрюльку алюминиевый дуршлаг с откинутыми отварными макаронами подозрительно серого цвета.

Не удержавшись, выудил сметану и протестировал продукт.

– Зачет, – промурлыкал я, довольно облизывая ложку. – А жизнь-то

налаживается!

В прихожей быстро провел ревизию шкафа и вешалки. Определить, где моя одежда и обувь, было не сложно – я сейчас сантиметров на двадцать ниже отца. М-да... И вот это придется носить?! Нет, все чистенькое, не вытертое, не заштопанное, но все такое... такое... простое и безыскусное. Как с китайского рынка десятилетней давности. Закрыв дверцу шкафа и удрученно вздохнул. Придется привыкать. Одна надежда на то, что на общем фоне не буду выделяться в худшую сторону. Насколько помню, я еще неплохо одевался.

В комнате родителей только огляделся. В конце концов, ничего нового я там не увижу, только хорошо забытое старое. Телевизор «Рекорд» на тумбочке бара, недавно купленный чешский гарнитур с темными полированными поверхностями, пара кресел, журнальный столик и застеленная тахта. За стеклянными дверцами серванта громоздятся хрустальный сервиз и другая посуда – эдакая выставка достижений семейного хозяйства. И книги, книги в большом количестве – обязательный атрибут «приличной» квартиры. Чем больше книг, тем она приличнее. Справедливости ради надо заметить, время покупать книги «для мебели» еще не пришло: все приобретенное честно читалось всей семьей.

Добравшись до трюмо в прихожей, смог наконец спокойно себя оглядеть. Из зеркала на меня внимательно смотрит длинноногий подросток. И что я комплексовал из-за оттопыренных ушей? Ни фиги не оттопырены, нормальные груздочки.

Густые темно-русые волосы непривычно длинны, никаких признаков будущих залысин. Надо что-то сделать с прической, отвык я от патл, почти целиком закрывающих уши. Конечно, помню, что мода такая была, и за право носить каждый дополнительный сантиметр волос происходили Фермопилы, но, может быть, мне в этой битве капитулировать?

Прямой лоб, чистая кожа. Слава богу, юношеские прыщи никогда не являлись моей проблемой. Брови... Я погримасничал немного: брови легко заламывались выразительным домиком. Неплохо.

Глаза серовато-зеленоватые, неравномерной окраски, с прямыми, как стрелки, неяркими ресницами. Смотрят серьезно и немного исподлобья. Нос как нос, обычный. Не большой, не маленький, не картошкой и не вздернутый, без горбинки.

Губы... Губы хорошие – девушкам нравились, а подбородок они называли решительным. Вспомнив о девушках, я мечтательно заулыбался и решил не привередничать. Внешность в мужчине – не главное, лишь подспорье. Оно у меня есть, и ладно. Отодвинулся и окинул себя взглядом

еще раз.

«В целом приличный материал, жить можно», – решил я, направляясь назад в свою комнату.

Добрался до письменного стола и начал рыться в ящиках в поисках фотоальбома. Предстояло восстановить в памяти лица друзей, подруг и учителей, попытаться вспомнить их имена... Альбом нашелся в итоге не в ящиках, а на боковых полках. Я сдул с него пыль и направился к кровати, по дороге сбросив в кресло одежду.

Забился под одеяло и свернулся клубочком, пытаюсь согреться. Немного подташнивало, слегка знобило, усилилась головная боль. Все же шмякнулся об стенку солидно, действительно не мешает полежать пару дней. С этими мыслями начал расслабляться, и тут меня осенило, да так, что застонал:

«Шестидневка, мать ее! Здесь же суббота – рабочий день в учебных заведениях. – Я еще раз мысленно пересчитал дни недели. – Значит, в субботу мне в школу...»

В задумчивости потрогал заклеенную лейкопластырем шишку. Ну ничего не поделаешь, надо опять выползать из норы. И я закружил по комнате в поисках портфеля. Ага, вот он, почему-то между столом и стеной.

Устроившись поудобнее в кровати, извлек из портфеля дневник и чуть покачал им в воздухе. Интуиция подсказывала, что я сейчас узнаю о себе много нового и интересного. Опасливо открыл. «Почерк – как кура лапой» – обо мне. Как же, помню, но не думал, что все было так ужасно. Корявые буквы разной высоты пьяно шатались в строю, словно революционные матросы после экскурсии по винным подвалам Зимнего.

Красными чернилами крики души: «Качался на стуле», «Опять качается на стуле», «Пришел без сменной обуви»... Что значит «плевался на перемене!»? А, жеваной бумагой из трубочек. Интересно, а в меня тоже... плюются?! Что-то я не уверен в своей способности перенести подобное без ответного членовредительства...

Ладно, будем решать проблемы по мере их поступления.

Полез в конец дневника. «Тройки» и «четверки» в четвертях по английскому, русскому и литературе, рисованию и труду. Да, писателем или художником мне не быть... Остальное, слава богу, – «пять».

Пролистал до текущей недели. В субботу меня поджидают геометрия, химия, физкультура, английский и биология, потом классный час.

Отложив дневник, взялся за учебники. Что хоть учим-то в этом сезоне?

Отлично, по биологии – анатомия и физиология человека. Я радостно

фыркнул, верхнее медицинское мне в помощь. По химии – неорганика. Сверившись с изредка встречающимися в дневнике заданиями, определил изучаемые в третьей четверти темы: галогены и группа кислорода. Ха-ха, всего тридцать страниц в учебнике, за час вспомню.

– Эту неприятность мы переживем, – немзыкально напел я и с тревогой взялся за учебники по геометрии и алгебре.

Ы-ы-ы... Как чувствовал! Теоремы косинусов и синусов, вписанные и описанные многоугольники, квадратные уравнения. А слова-то какие! Дискриминант, теорема Виета, разложение квадратного трехчлена. На последнем я хихикнул, потом взгрустнулось. Может, в школе я это и сдавал в свое время на «пять», но сейчас к такому подвигу не готов категорически.

– Что ж вы, товарищ Барсуков, – ласково говорю обложке, – такой курс написали сложный-то?

Шутки шутками, но светит мне все каникулы изучать алгебру с геометрией заново...

С русским еще хуже. «Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельствами степени и образа действия», «сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельствами следствия, цели и сравнения». Это же филология, в восьмом-то классе... Ужасик. Что-то мне видится неправильным в обучении детей грамоте через тонкое знание морфологии языка. Верно Алла Борисовна спела: «Нынче в школе первый класс вроде института», святая истина.

На таком фоне программа по физике выглядела стройной и лаконичной: второй и третий законы Ньютона, закон всемирного тяготения, момент силы, закон сохранения импульса. Готов за день выучить.

Итак, алгебру и русский придется восстанавливать на каникулах. Грустно, девушки. Кстати о девушках... Нет, стоп, поручик, первым делом – самолеты. Я волевым усилием сначала отогнал горячащие мысли о непотребном на задний план, а потом и вовсе выкинул их из головы. Сейчас есть задача поважнее.

Откинувшись назад, задумался. За неделю каникул, конечно, начитаю всю программу года по всем предметам. Все-таки учиться – тоже навык, и если у школьников он еще недоразвит, то к окончанию института отполирован до блеска. Как езда на велосипеде – если уже научился, то не разучишься.

А вот суббота меня напрягает. Может, аггравировать симптомы? Опасно, можно загреметь в больницу, чего категорически не хочется. Ладно, биологию я и сам могу вести, химия страха не вызывает, геометрию придется выучить – в конце концов, там всего сорок страниц. Осилю за три

дня. А вот с английским надо что-то придумывать, там могу проколоться на слишком хорошем знании, и объяснить это будет сложно.

Вздыхнув, сложил учебники в портфель и взялся за изучение прихваченной с кухни стопки газет. «Правда», «Красная звезда», «Советский спорт» и недельной давности «Литературная газета». Сверху – вырезка из какой-то газеты с программой телепередач. С нее и начал.

Итак, сейчас идут «Отзовитесь, горнисты». Затем в течение получаса будут идти, хм, «Рассказы о ПТУ». Нет, спасибо, не надо... Далее целых полтора часа классической музыки: сцены из опер Скрябина, Мусоргского и Глинки. В прайм-тайм... Обалдеть. В двадцать один – «Время». Потом фильм о Мравинском – и все, конец передач по первой программе.

Да, негусто. Интересно, это осознанная политика, чтобы люди у телевизора не жили, или власти на самом деле не понимают, как с толком использовать такой мощный ресурс? Вот и первая тема на обдумывание.

Я потянулся к «Правде», и тут в коридоре резко затрещив телефон.

– Алло.

– Ну что, поел? – решительно раздался из трубки незнакомый девичий голос и продолжил, не дожидаясь моего ответа: – А я стрижку сделала, завтра увидишь. Под Мирей Матье. Как ты думаешь, мне такая идет?

Началось! Мгновенно взмокнув, я поволок телефон в комнату, на ходу лихорадочно перебирая в уме варианты ответа. Версия, что кто-то перепутал номер, не принимается.

– Ну если ты споешь так же, как она, то даже короткий «ежик» будет неплохо смотреться, – осторожно забросил я ответ.

– А? Короткий «ежик»? А это идея... – В трубке колокольчиком разливается смех. – Эриковна зайкой сделается, меня увидев.

– Да, популярность будет тебя преследовать. Не будешь знать, куда от нее спрятаться, – подтвердил я, пиная зацепившийся за край двери телефонный шнур.

– Сейчас, погоди, я час заварю... А то еще не ела после школы...

Смутные подозрения начали оформляться в гипотезу. Да, этот голос я не слышал тридцать пять лет, но интонации припоминаю. Да и кто еще мог мне так звонить?!

Это Света Зорько. Умненькая, веселая и некрасивая девочка, по какой-то неведомой причине избравшая меня в восьмом классе в качестве объекта любви и сохранившая верность своему выбору до конца школы. Потом пути-дорожки разошлись, и я с облегчением выдохнул. По слухам, Зорька вышла замуж и родила сына. В школе мне, к счастью, удавалось удерживать ее на расстоянии вытянутой руки и даже чуть дальше, но

нервов на это ушло немало.

– Слушай, – начинаю я вкрадчиво, – у меня тут неприятность.

– Что, опять? Во что теперь вляпался?

– Э-э-э... Судя по всему, в сотрясение мозга.

Интересно, что она имела в виду под «опять?»

– Ой... Как угораздило?

– Классически. Поскользнулся, упал, очнулся – ан гипса-то и нет. Зацепился за бортик ванны, вылезая из душа, и спикировал головой в стену напротив. Теперь лежу, жду врача, мама в поликлинику побежала.

– Я сейчас приеду!

Меня еще раз окатило холодным потом. Только не это...

– Стой! Не надо. Я себя плохо чувствую, голова болит и все такое. Сейчас с тобой поговорю и спать завалюсь. Скорее всего, меня врач на три дня дома оставит. Значит, я выйду в школу в субботу. Напомни, – добавляю в голос просительных ноток, – у нас там что из контрольных будет? А то у меня в дневнике ничего не записано.

– В твоём дневнике – да чтоб что-то было записано! Сейчас... Летучка по геометрии, контрольная по химии и темы по английскому. Кстати, не забудь тогда в субботу принести книгу, что обещал на каникулы.

– Какую книгу? – спросил я, нервно сглотнув.

– Ты не придируйся. Обещал – значит, неси.

Думай, голова, думай... Нет, не угадаю.

– Слушай, напомни...

– Ты что, головой стукнулся?

– Ты запомнила, правда? – восхищаюсь я.

– Андрюх, – на выдохе с ужасом в голосе, – ты что, серьезно?

Так, надо использовать ситуацию. Насколько я помню, она ради меня в фольгу была готова раскататься. Столько мне не надо, но от небольшой товарищеской поддержки не откажусь. Жаль, не скажу точно, «Джентльмены удачи» уже вышли на экраны или нет.

– Обещаешь молчать? Я даже маме пока не говорил.

– Да-да, обещаю! Давай колись, – запритопывала подружка от нетерпения на том конце провода.

– Только чтобы действительно молчок, по-серьёзному. Не хочу родителей огорчать. Короче, у меня от удара легкая амнезия развилась.

– Тут помню, тут не помню? – откликнулась паролем Света.

Ага, значит, вышел фильм. Тем легче, концепция посттравматической амнезии в массы внедрена.

– Знаешь, странное ощущение. Как будто память на кусочки

разбилась, разлетелась и сейчас складывается постепенно обратно. Большинство уже встало на место, а некоторые еще нет. Надеюсь, что пазл соберется, пока я отлеживаюсь, но некоторые вещи сейчас действительно не помню.

– Пазл?

Черт, слово не в ходу сейчас. Внимательней, Андрюха, внимательней...

– На Западе так называют головоломку, когда картинку режут на фрагменты, мешают, а потом их надо собрать в правильном порядке. Короче, какую книгу тебе обещал принести, я действительно не помню, – улыбнулся в трубку.

– Ты мне «Пером и шпагой» обещал.

– Ага, хорошо. Сейчас поговорим, найду и в портфель положу. Так... А какие темы по английскому надо учить?

– Знаешь... – задумчиво отозвалась трубка. – Я сегодня, так и быть, не поеду, но завтра после школы точно зайду, что-то ты совсем плох стал. И лучше бы тебе все самому вспомнить к моему приходу!

– Ой, уже боюсь, – заулыбался я. – Ты ж на раненого руку-то не поднимешь? Ладно, договорились, буду стараться. Давай, Зорька, теперь ты спокойно попьешь чай без телефонной трубки у уха, а я полежу.

– Как ты опять меня назвал?! – взвилась Света на том конце, словно укушенная оводом.

– А что, Зорька – очень красивое имя, мне нравится.

– Так коров зовут! Ты хочешь сказать, что мне идет коровье имя?! Может, ты у меня еще что-нибудь общее с ними видишь?!

– Все-все, – я стремительно капитулировал, – пожалей больного на голову. Ну извини, пожалуйста. Я действительно не хотел тебя обидеть. А имя и правда красивое.

Трубка немного помолчала, потом неуверенно переспросила:

– Ты это что, у меня прощения сейчас попросил?

– Ну да, почему нет, раз тебя обидел...

Еще немного помолчав, Света с чувством выдохнула:

– Ты запомнил, об какую плитку ударился? Пометь ее, пожалуйста, прямо сейчас, пока не забыл, – она волшебная. Иначе потом придется искать методом проб и ошибок, а голова у тебя только одна.

Из прихожей донеслись звуки открывающегося замка. Приглушив голос, я доложил:

– Мама пришла. Давай до завтра, удачи в школе на контрах, ни пуха ни пера.

– К черту, тьфу-тьфу-тьфу. Выздоровливай быстрее.

Аккуратно положив трубку на аппарат, я задвинул телефон под кровать и шмыгнул под одеяло. На пороге возникла мама с сумкой в руке.

– Повезло: на обратном пути заскочила в гастроном, а там сосиски как раз выкинули. Успела ухватить два килограмма, пока очередь не набежала, – похвасталась она успехами. – А что телефон в комнате, кто звонил?

– Света.

– Вот неугомонная! – Мама неодобрительно насупилась. – Ты ей сказал, что болен?

– Угу, сказал. Завтра придет после школы.

– Зачем это еще? – насторожилась мама.

– Прическу новую показать. Успокойся, успокойся, я пошутил! Темы по английскому сверим к субботе.

Мама, удовлетворившись версией, направилась в кухню, а я взялся за фотоальбом. Минут за десять, морща лоб и пыхтя, вспомнил имена и клички двух третей класса, но человек пять смог восстановить только по фамилиям, и то не с полной уверенностью. По окончании учебного года из двух классов сделают один, остальных разгонят по обычным школам и училищам. Вот ушедших после восьмого я помню, за редким исключением, плохо.

Раздался звонок во входную дверь, в прихожей что-то забормотали. Судя по всему, подросла медицинская помощь. Быстро – мама минут тридцать как оставила заявку.

«Значит, – напомнил я себе, – надо получить справку как минимум на три дня».

Дверь в комнату открылась, и на пороге появилась блондинистая девчонка в отглаженном белом халате поверх темно-синего вязаного платья. На шее фонендоскоп, в руке – сумка, на симпатичном лице – строгое выражение. Лет двадцать пять, прикинул я, года два после меда.

«Не окольцована», – на автомате завершил анализ мозг.

«Господи, ну какая мне сейчас разница?» – поразился я вывертам подсознания.

– Ну, что случилось? – спросила она, усаживаясь на край кровати рядом со мной и участливо разглядывая шишку.

До меня докатился наивный аромат простеньких духов, вызвав неожиданное сердцебиение и легкий румянец на щеках.

– Я на кухне готовила, вдруг слышу в ванной глухой удар и как тело упало, – взволнованно начала мама, размахивая руками. – Я туда, а дверь

закрыта изнутри. Дергаю, кричу: «Андрей!» – и ничего... Я...

– Мне протокол составлять не надо. Я не милиционер, меня другое интересует, – улыбаясь, остановила врача мамин монолог. Затем наклонилась ко мне и положила руку на лоб. Халат немного распахнулся, и на фоне окна совсем недалеко от моего лица прорисовалась обтянутая платьем симпатичная окружность.

О, черт! Я такого не заказывал! Молодой организм меня достал, не было же в этом возрасте у меня эрекции на взрослых тетя, я точно помню!

«Ну все, – заметалась мысль. – Сейчас, значит, она выяснит анамнез, спросит, что беспокоит, и захочет постучать по коленям для определения асимметрии коленных рефлексов. – Я испуганно скосил глаза на рукоятку молоточка, торчавшую из правого кармана врачебного халата. – Попросит, значит, сесть и закинуть ногу за ногу... И что я ей скажу и что скажет мама?»

Тихонько согнув ноги в коленях, я сложил кисти в замок на животе и, пока мама в красках и с выражением рассказывала мои паспортные данные, попробовал сделать несколько медленных глубоких вдохов. Помогло не очень. Я прислушался: совсем даже не помогло. Организм имел свою собственную точку зрения на то, чем надлежит сейчас заняться, и менять ее не собирался.

«Это конец», – подумал Штирлиц».

Услужливое воображение подхватило и творчески развило тему, переодев девушку в затянутый португеей эсэсовский мундир. Получилось премило. Особенно если эти светлые волосы распустить. Или нет, наоборот, заплести в косу и закрутить вокруг головы... Эрекция усилилась, хотя я только что был убежден, что дальше уже некуда. Ошибся, резервы молодости неисчерпаемы. Щеки начали пылать.

– Мам, ты бы чаю пока приготовила человеку, – начал я звенящим от волнения голосом, – а я и сам все расскажу.

– Ой, и правда, я сейчас... – Мама метнулась на кухню.

Минут пять у меня есть – пока чай заварит, пока бутерброды нарежет.

– Вылезал из душа, запнулся о бортик ванной, упал, ударился головой об стенку, потерял сознание секунд на двадцать, наверное. Когда очнулся, два раза вырвало. Сейчас слабость и потливость. Тошнота постепенно уменьшается. Если хожу или сижу – немного начинает болеть и кружиться голова. В покое голова уже не болит и не кружится. Доклад окончен.

– С вами все понятно, больной, – протянула врача задумчиво, наклоняясь еще ближе и внимательно вглядываясь сначала в один мой зрачок, потом в другой.

Анизокорию проверяет. М-да, а глаза у нее синие-синие, в обрамлении черных ресниц... И ямочка на левой щеке, когда улыбается.

Ладонь докторши опустилась на рукоятку молоточка, и я затосковал.

– Ну-ка, смотри сюда, – ласково сказала девушка и ловко нарисовала им надо мной крест.

Я послушно подвигал глазами.

– Угу, так... – Пристукнула молоточком по подбородку, затем решительно встала, повернулась ко мне лицом и дружелюбно приказала: – Садись, ногу на ногу закинь.

Я помотал головой и поджал ноги посильнее.

– Что такое? Боишься, голова закружится?

– Я вас стесняюсь, – пунцовея, сделал я первый заход.

– Ой, да брось, я же доктор, нас стесняться не надо, – почти убедительно проворковала она, при этом по лицу скользнула мысль: «Да и что я там не видела...» – Ты что, без трусов лежишь?

– В трусах. Но они не сильно помогут.

Теперь надо уверенно посмотреть ей в глаза и чуть нагловато улыбнуться, только не переиграть. Зафиксировав взгляд, я указал глазами вниз, разогнул колени и развел кисти в сторону. Взгляд врачихи задержался на выразительно взбугрившемся одеяле.

– Я боюсь вас испугать, – твердо сказал я, с легкой улыбкой глядя в глаза, и мысленно добавил: «Или обрадовать».

Секунды три девушка переваривала увиденное и сказанное, затем брови изумленно взлетели вверх, щеки начали заметываться румянцем, и она захихикала, прикрывая левым кулаком рот. Я с облегчением вздохнул и натужно улыбнулся.

– Комсо-омо-о-о-ол... – протянула она восторженно, продолжая хихикать. – Восьмой класс!

– Третья четверть, – подхватил я. – Это все дремучие инстинкты! – Меня подняла и понесла волна дурашливости. – Хочется хватать красивых девушек и тащить их в пещеру на шкуру убитого саблезубого тигра.

– Давить надо такие инстинкты, – наставительно заявила докторша. – На корню.

– Угу, попробуй задави... – горестно вздохнул я. – Скорее они сами задавят. Против природы не попрешь. К тому же я не тащу никого в пещеру. Пока...

Докторша как-то неуверенно хихикнула еще раз и с сомнением покосилась на меня.

– Вам, между прочим, радоваться надо, – начал я подводить к

интересующей меня теме.

– С чего бы это вдруг? – Девушка с подозрением нахмурила брови.

– Ну... – застенчиво поковырял я пальцем одеяло, – базовые функции организма пациента не пострадали... как мы убедились. Можно без госпитализации обойтись, правда? Вам же проще – не надо эвакуацию заказывать. Отлежусь несколько деньков – и вперед с песнями.

– В целом верно. А откуда терминологию знаешь?

– Папа врач. Учебники иногда почитываю.

– А-а... понятно. А где папа работает?

– Военно-медицинская академия.

– У-у... понятно. Ладно, чудо, лежи... Сейчас справку в школу напишу. Но если вдруг станет хуже – обязательно снова вызвать врача.

Врачиха присела за стол, достала из сумки обычный тетрадный листок и что-то быстро застрочила, время от времени давая улыбку, отчего на щеке появлялась та самая ямочка. Я с умилением любовался ее профилем.

– Ну вот, готово. – Девушка повернулась ко мне, нарвалась на взгляд и опять нахмурилась.

Я смущенно отвел глаза.

Тут весьма своевременно в комнату просочилась мама:

– Доктор, вы закончили? Что с ним, ничего серьезного?

– Легкое сотрясение мозга... – Врачиха с сомнением оглядела меня, словно мысль о наличии у меня мозгов показалась ей нетривиальной. Невольно задержала взгляд где-то посередине моего тела, резко вильнула глазами в сторону и, слегка покраснев, зачастила: – Три дня постельного режима, две недели освобождения от физкультуры. Станет хуже, появится рвота, усилятся головные боли – обязательно тут же звонить в «скорую». Но, думаю, все будет хорошо.

– Спасибо огромное! – Мама с заметным облегчением приняла справку. – Пойдемте на кухню, я там чай заварю, бутерброды сделала со шпротами и колбаской...

Докторша непроизвольно сглотнула слюну, но попробовала упереться:

– Да нам не положено... вызовы еще есть...

Бесполезно. Я маму знаю. Точно, девушку со словами: «А мы быстренько, на пять минут всего», – уже волокут в кухню.

– Приятного аппетита! – кричу я ей вслед. – Заодно с мамой моей познакомитесь...

Докторша негромко фыркнула и решительно променяла меня на бутерброды.

Я облегченно расслабился. Отлично, несколько дней я себе на

адаптацию выиграл. А вот фортели организма меня напрягали. Сделал охотничью стойку на женщину лет на десять старше, потом дурашливость накатила, чего еще ждать?

Ясно одно: мое тело – не пассивная матрица. Подлянку может подкинуть в любой момент. А все время себя контролировать – можно и с ума сойти. Расслабиться, что ли, и получать удовольствие? Дрема постепенно овладела мной, а потом перешла в крепкий сон, ведь предыдущую ночь я не спал вовсе, с энтузиазмом осваивая брейнсёрфинг.

Сколько мне открылось секретов... Заговор с целью убийства Кеннеди был, Улофа Пальме действительно завалил псих-одиночка, инопланетян пока не обнаружили, самый богатый человек мира живет по принципу «большая вода тихо течет» в маленькой хижине в Малайзии, клуб по управлению миром существует, но работает прискорбно неэффективно. И как все это бесполезно здесь и сейчас...

Где-то среди ночи я проснулся и немного поворочался, наблюдая за колыханием теней на потолке. Затем не выдержал, поднялся и пробрался к окну. За холодным стеклом сквозь редкие ветки деревьев темнели силуэты домов. Слегка покачивающаяся под железным колпаком одинокая лампа выхватывала конусом света косо летящий мокрый снег. На отвоеванном у тьмы клочке двора распласталась комковатая серая слякоть. Я любовался этим, торжествующе улыбаясь. Мой любимый светлый мир, я пришел к тебе!

Глава 2

Среда 16 марта 1977 года, 8:40

Ленинград, Измайловский проспект

Окончательно я проснулся от щелчка закрывшегося замка, хотя и до этого сквозь приятную полудрему до меня порой доносилось какое-то шептание в прихожей и в коридоре. Судя по всему, родители ушли на работу – значит, начало девятого. Вот я придавил на массу, чуть ли не пятнадцать часов суммарно! Странно, что папа не разбудил меня для осмотра. Пожалел, наверное, мой крепкий лечебный сон.

Сладко, до хруста в спине, потянувшись, прислушался к телу. Оно желало распрямиться упругой пружиной и понестись туда, где есть еда и девушки. Или девушки и еда? Я попытался выделить доминантное желание. Хм... Похоже, все-таки еда. Ну оно и к лучшему – что пожрать, я сейчас точно найду, а вот девушка в квартире за ночь навряд ли завелась. Раньше, по крайней мере, со мной такого не случалось. Даже обидно.

Я еще повалялся в кровати, размышляя о девушках вообще и тех их лучших представительницах, которые будут в моем окружении в ближайшие месяцы, потом с печальным вздохом развеял сладостные грезы. О деле надо думать, о деле.

Мышцы вибрировали свежей силой, в голове царила непривычная для утра ясность. Эту хлещущую из меня энергию – да на мирные бы цели. Ну, тело, погоди! От сотрясения отойду и впрягу тебя в нагрузки, взвоешь еще.

Я перевернулся на другой бок. Надо будет составить программу физического развития и поддержания здоровья. Предстоит период бурного роста, а это оптимальное время для формирования фигуры. С отягощениями еще года два лучше не заниматься, пока связки и суставные сумки не окрепнут, а вот над общей выносливостью, скоростными способностями, растяжкой надо обязательно поработать. До зубовного скрежета.

Кстати о зубах. Клянусь! Торжественно клянусь тщательно чистить их два раза в день и полоскать после каждого приема пищи. Встречаться со здешними стоматологами, которые высверливают без обезболивания даже пульпит, мне совершенно не хочется. Воспоминания примерно этой поры свежи даже через треть столетия.

С другой стороны, есть смысл проявить инициативу, дабы не доводить до худшего. Надо бы к стоматологу самому сходить: маленькую дырочку

легче лечить, чем здоровенный кариес. Встревоженно поводил языком по зубам в поисках дыр, не обнаружил и, не успокоившись на этом, двинулся в ванную. Осмотр нижних «шестерок» был прост – раскрывай рот и смотри. С верхними сложнее... Порывшись в прихожей, нашел прямоугольное карманное зеркальце и радостно сунул его в рот. С помощью системы из двух зеркал осмотрел верхний ряд и с облегчением вздохнул – чисто.

Ну что ж, раз уж я встал, то часть планов можно начать осуществлять прямо сейчас. Странно, в стакане стоят всего две зубные щетки, сухая и мокрая. Первая загадка решена: вот эта сухая щетка – моя. Но появился новый вопрос: почему мокрая – только одна? Недоуменно пожав плечами, выдавил из алюминиевого тюбика «Поморин», привет из братской Болгарии, и начал первый день новой жизни.

На кухне меня ждала записка:

«Дюш, на завтрак сырники, в одеяле в большой комнате. На обед – суп или тушеное мясо с макаронами. Я сегодня до 19. Целую, мама».

Ниже торопливо приписано: «Не вставай, весь день лежи! Зинаиде Эриковне я позвонила. Станет хуже – звони мне!!!»

Выложив на тарелку еще горячие сырники и залив их сметаной, я присел перед телевизором: надо побыстрее окунуться в жизнь социума и почувствовать себя его частью.

Прогревшись с полминуты, «Рекорд» мерзко запищал и вывел на экран настроенную таблицу. Пришлось вставать, топать к телевизору и крутить тугой переключатель каналов. На четвертом щелчке выпала «Утренняя гимнастика». Шесть средней симпатичности девочек в трико и юбочках под бряцание рояля повторяли за тренером наклоны.

Некоторое время я с интересом наблюдал за ними, потом с легким вздохом развеял появившиеся вдруг эротические фантазии и с энтузиазмом взялся за вилку.

Дожевав последний сырник, приступил к изучению программы передач. Утренний выпуск «Времени» в восемь ноль-ноль я пропустил, следующие новостные программы – это «Сегодня в мире» в 18:45 и вечерний выпуск «Времени». Днем в трансляции перерыв на три часа. До него ничего интересного не предвидится – «Отзовитесь, горнисты» и документальный фильм «Мы и природа», – можно расслабиться. После перерыва будет петь Сибирский русский народный хор, затем – какая-то программа «Объектив», «Веселые старты» и еще один концерт. А после «Времени» передача «Лица друзей» и опять концерт. На этот раз украинского эстрадно-симфонического оркестра. Не программа передач, а мечта меломана...

Я пересчитал музыкальные программы: три концерта классической или народной музыки – треть всего времени вещания по первому каналу. Зачем?! Просто время забыть?

Вторая программа почти целиком посвящена учебным фильмам и программам, с небольшим перерывом на репортаж с чемпионата СССР по боксу в городе Фрунзе.

О! Ни фиги себе!.. Я даже привстал от волнения. Вечером четвертьфинал Кубка европейских чемпионов: «Динамо» Киев – «Бавария» Мюнхен. Смотрю!!! Две пинты бимиша мне и свиных ребрышек. Нет, две порции свиных ребрышек. Да, с соусом... Э-э-э... есть у вас такой – в основе томаты, сладкий перец, мед и имбирь? Да... И тонкий лаваш.

Я сглотнул слюну. Помечтал – садись читай дальше. О пиве на ближайшие годы можно забыть, не советское же пить? Оно того не стоит, по крайней мере, общедоступное.

Нет, ну скажите мне, как можно жить, если перед глазами настырно маячит призрак ребрышек?! Кстати, там же не только мясо вкусное, еще можно сжевать размягчившийся кончик кости и потом высосать сочный отвар костного мозга. А для запекания можно взять медово-соевый соус и смазать им ребрышки в последние пятнадцать минут. Или заранее замариновать в медово-грейпфрутовой смеси, а потом присыпать порошочком чили...

Чертыхнувшись, я поднялся и, злобно цыкая зубом, пошел на кухню рубануть ломоть пошехонского сыра. Кусок черняшки, сливочное масло... Я вдумчиво зажевал доппаек. И стакан молока сверху. А ничего, вполне. Прислушался к себе – призрак ребрышек истаял почти до полной прозрачности. С облегчением вздохнув, вернулся к телевизору.

Так. Третья программа предлагает фильм про БАМ «Трасса юности – трасса молодости», «Музыкальный киоск», «Спокойной ночи, малыши», «Народные мелодии» и «Служу Советскому Союзу!». Все понятно – и тут смотреть нечего, только слушать...

Мощный инструмент управления настроениями явно используется не на полную катушку. Вот и первый резерв, только как его задействовать? И, главное, для чего? Надо определить, в какую именно сторону я хочу толкать колесо истории, если и когда у меня прорежется брейнсёрфинг.

Абсолютно ясно одно: в прошлый раз это колесо покатило по хреновой колее. Распад страны, миллионные людские потери из-за конфликтов, иммиграции, разгула бандитизма и снижения рождаемости, десятки миллионов сломанных судеб.

Впрочем, дело даже не в сокращении численности населения, хотя и

это, конечно, отвратительно. Будущее, тень которого уже начинает накрывать страну, хуже катастрофы Великой Отечественной. Тогда, несмотря на колоссальное число погибших и огромные разрушения, моральный стержень, на котором держалась общность, лишь окреп. Здесь же грядет гибель нового, основанного на альтруизме, общественного сознания. Поражение – в этом.

В сточную канаву, как отход производства, сольют высшее достижение страны – с трудом выпестованное поколение, готовое к бескорыстному служению обществу. Ну да, оно еще не все такое, но концентрация мыслящих именно так детей, подростков, молодых людей подошла к критической отметке, за которой начинается кристаллизация нового качества.

Она, эта поросль, сейчас взращивается в теплых, солнечных условиях гуманизма, дружбы и интернационализма. У нее хватает идеализма, но уже нет свирепости дедов и отцов, потому что исчезла та атмосфера, настоящая на густом запахе крови.

Лет через двадцать, на рубеже тысячелетий, они, пройдя через сито испытаний, вошли бы в силу, и человечество увидело бы расцвет нового типа общества, открылась бы принципиально иная перспектива социального развития.

Ржа скосила и поколение, и перспективу. Бездарная попытка реформ позволила всплыть на поверхность тому дерьму, что накопилось на дне общества, во мраке цеховиков, фарцовщиков, толкачей, зэков и коррумпированной торговли. И не только всплыть, но и перехватить управление страной.

Вот это взращиваемое сейчас поколение и надо сохранять. Не допустить до руля плесень, озабоченную только собственным благополучием. Иначе уже в следующем поколении мальчики будут мечтать стать бандитами, а девочки – валютными проститутками. Понятно, какая потом из них будет власть: готовая отдаться за деньги сильнейшему и замочить слабейшего. Возникнет ситуация плохого равновесия. Попад в него, выбраться почти невозможно.

Задумчиво отложив стопку газет, я каким-то верховым чутьем нашел банку кофе. Вот тебя-то мне и надо, золотце мое! Две чайные ложки легкого, как пыль, темно-коричневого порошка, горячая вода и полторы ложки сгущенки... Тот самый кофе, тот самый вкус... Не самый ароматный, но привычно бодрящий.

Встал у кухонного окна, грея ладони о чашку, и снова взгляделся в жизнь Измайловского проспекта. Предстояло придумать, как жить дальше,

чтобы потом опять не было мучительно больно... Один раз я уже пожил, поплеывая в вечность, больше не хочу.

Отставив чашку, начал нарезать круги по кухне, выплескивая переполняющую меня энергию. Итак, передо мной две задачи. Одна – тактическая – вписаться в социум, не вызывая сильного удивления своим поведением. Тут есть сложности, но мне это по силам даже без памяти реципиента. В конце концов, реципиент – это я, только тридцать пять лет назад. Да, я многое забыл, но многое и помню. А часть забытого быстро восстановлю. К тому же все равно деваться некуда, я уже здесь.

Вторая задача – стратегическая – ни много ни мало, а повернуть колесо истории. Смогу ли я это сделать без особых способностей, которых пока нет и неизвестно, появятся ли они? Предположим, способности просто еще не проявились. Предположим. Буду исходить из этого, так приятнее. Иначе мне остается только плыть по течению истории, наблюдая за перестроением общественного сознания и распадом страны. И фарш будет невозможно повернуть назад.

Я опять задумчиво закружил, потом упал на руки и попытался в темпе отжаться.

У-у-у... совсем забылся... Голова взорвалась болью, накатил дурнота. Сев на пол, я прислонился к кухонной тумбе, дотянулся до стоявшего на углу стола стакана и отхлебнул. Погорячился. Временно надо обходиться без привычного способа концентрации.

Через две-три минуты полегчало. Ладно, пока стратегических идей нет, буду решать тактическую задачу и надеяться на лучшее. И я пошел за учебником геометрии.

Где-то через час, исчеркав несколько листов в черновике, с облегчением откинулся на спинку стула и отложил в сторону китайскую чернильную ручку. Почерк, кстати, когда не задумываюсь над ним, получался «как лапой».

Первоначальный страх, что не угол в треугольнике тупой, а я, сменился заслуженной гордостью – «кое-что можем». Вроде бы и не высока преграда – курс геометрии за восьмой класс, но за последнюю треть века я стал сугубым гуманитарием, у которого синусы-косинусы вызывают паническую реакцию. Однако теперь я уверен, что прикидка сил была правильной, – к субботе восстановить всю геометрию в памяти реально.

Особо радовали прорезавшиеся острота и резвость мышления. Все же с возрастом способности мозга снижаются, причем настолько постепенно, что самому это и не заметно. И только резкое омоложение дало мне возможность почувствовать разницу: мозг работает как губка, интенсивно,

чуть ли не урча от удовольствия, впитывая новые знания и, подобно лучу лазера, легко препарируя логические конструкции.

«А неплохой мне процессор достался, – подвел я промежуточный итог. – Надо его холить и лелеять, к примеру, давать вовремя отдохнуть. А лучший вид отдыха – смена деятельности. Иди сюда, биология, полистаю я тебя...»

Звонок в дверь грянул неожиданно, оторвав меня от изучения тонкостей химического равновесия. Я изумленно похлопал глазами: «Кого это черт принес?»

– Ловко ты от контр увернулся, – с завистью заявил Паштет с порога. – Один щелбан от стены, а сколько плюсов!

– Не слушай балбеса, – возникла за его плечом разругавшаяся от морозца Света. – Он сегодня по английскому два «тройка» сразу схлопотал, теперь боится, что его в поход на каникулах не отправят.

– Проходите, гости дорогие, – посторонился я, вглядываясь в своих товарищей и заново знакомясь с ними.

Зашедший первым Паштет быстро скинул ботинки, вздернул на вешалку потертую куртку и, слегка косолапя, уверенно направился в мою комнату, освобождая место для Светы. Высокий, крупный, круглолицый, с небольшим курносом носиком, усыпанным неяркими веснушками, тускло-рыжеватой шевелюрой и маленькими голубенькими глазками, он был лишь чуть моложе уже основательно поистершегося из моей памяти образа.

Света отпихнула ногой брошенный в прихожке портфель Паштета, разгребая себе пятачок для маневра, и начала снимать пальто. Я протянул руки, чтобы его принять.

– Ты это что? – удивленно замерла она в неудобной позе.

– Пальто помочь повесить... – с недоумением откликнулся я.

– Да... Крепко тебя приложило... – кривовато улыбнулась Света, удивленно покачивая головой. – Ты мою просьбу выполнил?

– Каку таку просьбу?

– Плиточку волшебную пометил?

Я шагнул вперед и взял легкое пальтишко:

– Не холодно в таком бегать сейчас? На улице не лето.

– Ничего, я короткими перебежками, по два-три прыжка. От дома к метро, от метро к школе. Не шубу же сейчас носить. Ты как? – Она встревоженно уперлась взглядом мне в глаза.

– На западном фронте без перемен. – Теперь пришла моя очередь кривовато улыбаться. – Жить можно. Гони Паштета руки мыть, и на кухню

давайте. Будем практиковать высокое искусство приготовления горячих бутербродов.

– Горячих? Это как?

– Сейчас покажу. Я в старой «Работнице» недавно рецепт видел. Легче сделать, чем рассказывать. Кыш глистов с рук смывать! – И я пошел на кухню приводить в порядок мысли.

Появление Паштета всколыхнуло во мне старое чувство вины, хотя разве я виноват, что он лег за Пянджем? Светка же привела в недоумение тем, что первое впечатление о ней совсем не совпало с воспоминаниями. Да, красавицей ее не назовешь, факт. Но и точно не «уродина», как я думал раньше.

На полголовы выше меня, тонкая-звонкая, длинношеяя. Продолговатое лицо с крупными чертами, выдающиеся вперед челюсти. О таких лицах иногда говорят «лошадиное», но в данном случае у меня возникала иная ассоциация. Широко расставленные большие темные глаза, высокие рельефные скулы и агрессивная линия подбородка – все это в сочетании с веретенообразной фигурой наводило на мысль о стрекозе, но не беззаботной «попрыгунье», а серьезном хищнике мира насекомых, грозе мошек и букашек. Впечатление усугублялось привычкой смотреть слегка исподлобья и иногда прорывающейся властью характера. В такие моменты я невольно чувствовал себя той самой букашкой, на которой с недобрыми намерениями остановился фасетчатый взгляд.

Но чуть неприятное впечатление развеивается, стоит Свете начать говорить. Блеск глаз, живая мимика и милая улыбка четко оконтуренных губ заставляют забыть об особенностях внешности, оставляя на поверхности лишь интересную и легкую в общении девушку-подростка. Странно, что в детстве я замечал лишь худшее.

И ноги у нее стройные... Интересно, она так выпендривается с длиной юбки до середины бедра или это мода сейчас такая? Если мода, то я горячо «за». Как много нам открытий чудных...

Жизнерадостно насвистывая «Прощание славянки», я начал потрошить холодильник. Сосиски, сыр, масло сливочное, сметана, горчица и томат-паста. Основа есть. Городской батон, растительное масло. Отлично, все необходимое в наличии.

Сковородку на огонь, лью в нее масло. Косо нарезаю батон и начинаю обжаривать ломтики, ожидая появления похрустывающей золотистой корочки. Одновременно включаю духовку на нагрев. И кастрюлю с супом на плиту: сосисок не много, надо и на родителей оставить.

За плечом нарисовался вечно жизнерадостный Паштет:

– Люблю повеселиться, особенно пожрать, двумя-тремя батонами в зубах поковырять!

– Но-но. На слишком много не рассчитывай, надо маме с папой оставить.

Паштет оживился:

– А что, предок сегодня должен приехать? Ты же его в пятницу вечером ждал?

Я взял тайм-аут на раздумье, имитируя бурную деятельность:

– Черт, подгорает! Пашка, на лопатку, переворачивай куски, я пока сосиски с сыром нарежу и приправу замешу.

Но сбить Паштета с мысли не удалось. Ловко работая руками, он с энтузиазмом продолжал допрос:

– Так приехал? Магнитофон привез? В воскресенье «Иглз» будут передавать по «Вашему магнитофону», наверняка запустят эту новую песню, «Отель Калифорния». Надо обязательно записать.

На помощь, с сочувствием взглянув на меня, пришла Света:

– Нет, раз конгресс в Париже до вечера среды, значит, раньше пятницы не приедет, чего спрашивать? А в понедельник вечером программу все равно повторяют, можно будет записать, если магнитофон появится.

Я кивнул головой, принимая подачу. Эпизод я помнил хорошо. Еще бы, папа тогда привез из-за границы двухкассетник и десять 60-минутных кассет «Super Chrome» фирмы «Maxwell». Не забывается такое никогда. Вот почему зубных щеток было только две.

– Магнитофон привезет, раз обещал, – будет и на нашей улице праздник. «Иглз», безусловно, достойны записи. Семь минут медленного танца. Ты с кем, Паштет, собираешься в первую очередь слиться в экстазе?

Светка захихикала, Паша потупил глазки.

– Я сегодня, между прочим, тоже чуть сотрясение мозга не получил, – буркнул он. – Ирка за мной так носилась, так носилась... Если б догнала, прибила б!

– Чем ты ее так достал?

– Да он стащил на уроке ее кеды и разрисовал фломастерами. Сердечки там всякие и любовные послания, – охотно пояснила Светка. – Когда обнаружила, визгу и писку было до первого этажа. Если бы не Биссектриса, Пашке каюк, Ира его уже в угол зажала.

– Да, Паштет, внимание к себе ты привлек, но не с тем знаком. Или ты и задумывал это ради единоборства в уголке? – со смешком прокомментировал я, размешивая сметану с горчицей и томат-пастой. – Попробуй в следующий раз классику, портфель там поднести или сменку.

Снимай сковородку, хватит.

Паша уморительно задрал нос кверху:

– Еще чего. Нужна она мне.

– Ну-ну, почти верю. Так. Демонстрирую один раз. Мажем булку получившейся ядерной смесью. – Я попробовал результат, подумал и досыпал в смесь пол чайной ложки сахара. Перемешал еще разок, лизнул и, удовлетворившись, начал намазывать ломти батона. – Затем кладем нарезанные вдоль сосиски, видите, они как раз по длине ложатся. Сверху пластинку сыра. Опа! Теперь на противень – и в духовку, пока сыр не расплавится целиком. Минуты на три-четыре.

Мы на корточках столпились у плиты, зачарованно наблюдая, как сначала «потеет», а потом начинает оплывать сыр. Подсветку в духовых шкафах еще не придумали, но окошко с термостеклом в дверце уже было.

– Мы от этой ядерной смеси, что ты намешал, не загнемся? – задумчиво поинтересовался Паша, втягивая раздувающимися ноздрями аромат, пробивающийся из-за неплотно прилегающей дверцы духовки.

– Я готов принять весь удар на себя. Ты прав, тебе не следует так рисковать.

– Нет-нет, ты не понял. Я о тебе беспокоюсь, ты для общества важнее – у тебя средний балл выше.

Мы дружно похихикали. Затем я быстро налил три тарелки супа, раздал ложки и торжественно извлек противень. Бутерброды с еще пузырящимся кое-где сыром были переложены в одну большую тарелку и водружены на центр обеденного стола.

– Он сказал: «Поехали!» – и взмахнул рукой, – продекламировал я и, подавая пример, осторожно взял первый бутерброд.

– Мм... – замычал Паштет, неосторожно отхватив одним укусом треть бутерброда. – У-ум-м...

– Ась? Не расслышал, какую философскую концепцию ты хочешь обсудить? – поглумился я над ним.

– Ат-али... нэ эшай эс.

– Как ты думаешь, – обратился я к Зорьке, – эти милые фефекты дикции могут дать ему несколько дополнительных очков в Иркиных глазах? Девушки должны сочувствовать сырым и убогим... Света, ты же комсомолка, защити больного товарища от агрессивно настроенного гиппопотама!!

Минут через десять мы закончили бодро стучать ложками и сыто откинулись на спинки.

– Хороший рецепт, годный, – подвела итог Света. – Жаль, сосиски в

магазинах ловить надо, а то бы можно было только этим и питаться. При случае своим предкам сделаю.

– Угу, неплохо, – подтвердил Паштет. – Если бы у нас было рабовладельческое общество, я бы купил тебя к себе поваром. Заслужил.

– Ох и намучился бы ты. Я жизнеописание Эзопа читал, знаю, как таких хозяев приучить строем на обед ходить.

– Кстати о походах строем, – оживился Паша. – Свет, что у нас там в кино на каникулах интересного?

Света задумалась, покачиваясь на стуле, потом, с осуждением глядя на нас, изрекла:

– А мы еще «Рабу любви» не посмотрели. Уже два месяца идет, скоро закончится, а вы все никак не соберетесь. Ну и еще начали показывать «Игрушку» с Пьером Ришаром, говорят, смешно.

– О! На Ришара обязательно сходим. Бельмондо, жаль, нового нет... А рабу на фиг. – Паша выразительно поморщился. – Фи на эти мелодрамы.

– Паш, душа обязана трудиться, – наставительно сказала Света, глядя на Паштета так, как смотрят любящие родители на дебильноватого сынка. – Мелодрамы надо смотреть, иначе так чурбаном неотесанным и останешься. Будешь Ире кеды раскрашивать да бумажками в нее стрелять.

– Света права, – поддержал я. – «Рабу любви» обязательно надо посмотреть, Михалкову фильм однозначно удался, будет классикой.

– Вообще, – мечтательно протянул Паша, – название фильма звучит интригующе. Вот было бы смешно, если бы Ирка в меня влюбилась до состояния рабы, – вот бы я повеселился.

– О боги! – задохнулась Зорька от возмущения. – Когда они повзрослеют наконец!

– Скоро, Света, скоро, – обнадежил я ее. – У нас сейчас возраст такой, интересный: девочкам уже хочется поцелуев в уголке, а мальчикам – до сих пор на перемене стёрками в футбол погонять. Но это ненадолго.

Света с подозрением царапнула меня взглядом и, чуть помедлив, сказала:

– Хм... Как-то странно ты запел. Ну-ка, проверочный вопрос... Скажи-ка мне, что лучше – любить или быть любимым?

– Вот спросила! – немедленно вклинился Паша, возбужденно размахивая руками. – Дураку понятно – лучше, чтобы тебя любили! Какие возможности открываются!

Света с пренебрежением отмахнулась от него и попыталась перехватить мой взгляд. Я старательно скреб им по потолку. Наконец, когда молчание уже неприлично затянулось, посмотрел ей в глаза.

– Ну, – начал я, – считай, что я тебя понял. Достойная позиция.

– Вы о чем это? – Паша вертел головой, пытаясь прочесть что-нибудь по нашим лицам.

– Ты что, с-с-скотина, – со зловещим присвистом начала, наклоняясь ко мне, Света, – влюбился уже в кого-то? Ну-ка признавайся!

От волнения у нее на скулах выступили пятна. Я отпрянул, опешив, и, выставив вперед ладони, примирительным тоном начал отмазываться:

– Что ты, что ты! Свят-свят-свят! С чего ты решила?

– Да с того, что раньше за тобой такого понимания ни грамма не было. Мычал бы бред, как Пашка. Признавайся немедленно!

– Э-э-эм... Может быть, ума прибавилось от удара?

– Да при чем тут ум! – От волнения Света аж подпрыгивала на стуле. – На этот вопрос и дурак правильно ответит, если он хоть раз был влюблен!

Упс, замаскировался, называется... Прокол на первой же беседе. И, что характерно, не на речи или незнании чего-нибудь, а на изменении личности. Было бы странно, если бы этого не произошло.

– Хм... – Я уселся поудобнее, заодно выйдя из радиуса действия Зорькиных рук. Так, на всякий случай. – Тогда, вероятно, мой организм уже готов в кого-нибудь влюбиться. Но еще не влюбился. Эдакое предощущение возможности любви. Как такое предположение, а? Может такое быть?

Света некоторое время буравила меня взглядом, потом нехотя буркнула:

– Наверное, может... – и сварливо любопытствовала: – И в кого это ты собрался, интересно, влюбляться?

– О, разве тут можно предугадать? – начал я вдохновенно впаривать, хотя рабочая гипотеза на эту тему возникла еще вчера при просмотре фотоальбома. – Как звезды лягут, от меня мало что зависит. Это же инстинкт – он никого не спрашивает. Его не зовут, он сам приходит.

– Любовь – инстинкт? Ну ты загнул, – протянул Паша.

– Ни малейшего сомнения. Хотя, признаю, тут все очень запутано. Для начала мы называем словом «любовь» два совершенно разных чувства. Они очень сильно различаются у мужчин и у женщин. По-хорошему, их надо было бы обозначать разными словами...

– Теоретик, – фыркнула Света.

Ах теоретик! Во мне стремительно взметнулась темная волна гнева:

– У тебя, как и у всех женщин, на уровне генома защита необходимость достичь важной для вида цели. Ну ты понимаешь, о чем я... А любовь нужна, чтобы ты достижением этой цели не манкировала. Этакий

механизм, пресекающий излишнюю разборчивость в выборе отца для своего ребенка. Время пришло, и все – цигель-цигель, ай-лю-лю, вперед, исполнять свой долг перед видом. Нефиг перебирать варианты, бери что есть. Отсюда и «любовь зла, полюбишь и козла».

Паша аж прихрюкнул. Зыркнул, как ему показалось, незаметно на погрустневшую Зорьку и елейным тоном осведомился у меня:

– Как-как ты себя назвал?

– Как есть, так и назвал. Ни я, ни ты ничего собой еще не представляем. Даже не козлы еще, а так, козлята на выпасе. Ты сначала стань кем-то, там, глядишь, и высокого звания «козла» от Иры удостоишься.

Света, было фыркнувшая на «козла от Иры», опять посмурнела. Помолчала, потом повернулась к нам боком и приступила к разглядыванию угла на потолке подозрительно поблескивающими глазами. Паштет вопросительно посмотрел на меня, и я почувствовал себя последней сволочью. И что на меня накатило, с одного безобидного слова завелся? И на кого рассердился? На безответно влюбленную девчонку. Скотина ты, Дюша.

– На самом деле, конечно, – вздохнув, признался я, – ты намного более права, чем я. Я же сразу сказал – достойная позиция.

Встал, взял стул, прошел до Зорьки и уселся перед ней. Она опять отвернулась. Подумав, взял ее вздрогнувшие ладони.

– Я прав с точки зрения холодного ума, а ты – чувств. Но это тот самый случай, когда второе важнее первого.

– Правда? – Просветлев, она с надеждой повернулась ко мне. Ох и намайусь я с ней...

– Правда. – Ума не приложу, как мне удалось в ответ улыбнуться, не разжимая стиснутых зубов... Теперь надо убежденно нести любую банальность, глядя глаза в глаза. – Любовь – это самое сильное светлое чувство, и зачем ее преуменьшать, включая разум? Настоящее «горе от ума» получается. – И про себя добавил: «Особенно верно для женщин».

– Ты правда так думаешь? Правда-правда?

Я всерьез задумался. Потом медленно заговорил:

– Ты знаешь, правда. Любовь – редкий приз, и выпадает в жизни максимум несколько раз. Одна из немногих вещей, ради которых стоит жить. Так стоит ли искусственно уменьшать накал страстей? Да, отключив разум, можно накуролесить в любовном угаре такого, что потом с трудом расхлебашь. Но, пожалуй, оно того стоит. По крайней мере, будет что вспомнить. А кто утверждает иначе, говорит это на холодную голову, когда

сам не влюблен. Тут-то все мудрецы горазды советы давать...

Мы помолчали каждый о своем.

– А давайте какао сварим? – предложил я, похлопывая Зорькиными ладошками друг о дружку. – С желтком.

– Это как? – воскликнул Паша.

Света грустновато улыбнулась и согласно кивнула.

– Все просто. – Зарывшись в холодильник, я начал очередной мастер-класс: – Сначала греем молоко, примерно две трети от потребного, почти до кипения и удаляем пенку.

Пощелкав электрозажигалкой, развел огонь, влил в эмалированную кастрюльку примерно пол-литра молока и поставил на конфорку.

– Пока молоко греется – фокус: отделение желтка от белка с помощью двух половинок скорлупы.

И я продемонстрировал это действие изумленной публике.

– Надо добыть еще два желтка, кто возьмется?

– Я!

– И я!

– Вперед. Только аккуратно, не проткните желток краями скорлупы.

На удивление, оба справились и, довольно сияя, удостоились заслуженной похвалы.

– Теперь перетираем желток с сахаром и постепенно добавляем какао. И трем, трем, трем до получения однородной массы. Уф... – Запястье быстро устало. – Давай, Паш, ты потри еще. Ну а теперь все просто: разводим горячее молоко холодным – надо получить не более шестидесяти градусов, иначе желток свернется, выливаем в растертую смесь и все еще раз хорошо вымешиваем. Вот так. А теперь по чашкам – и наслаждаемся.

Вдумчиво прихлебывая, мы дегустировали редкий напиток. Получилось достойно – еще бы по чайной ложке коньяка на порцию, того, пятизвездочного, что я в семейном баре обнаружил. Но не поймут ребята.

Покосился на беспечно развалившегося на стуле Пашку. В прошлый раз он оказался среди тех, кто не попал в объединенный девятый класс, – чуть-чуть не прополз по оценкам. Надо подкорректировать жизненный путь друга детства.

– Паштет... У тебя какой средний балл за четверть выходит?

– Выше четырех. Наверное... – Паша опять потешно сморщил свой нос-кнопку. – Если Эльвира не срежет до «тройки».

– Делать ей больше нечего, как специально тебя резать. А у Биссектрисы что – безнадега?

– Ну... да... ты ж знаешь... Я не Валдис.

– Тут Валдисом быть не надо. На «четыре» алгебру и геометрию любой, прилагающий достаточно стараний, вытянуть может. Эх, Пашка... Давай в следующей четверти вместе позанимаемся, а то вылетишь ведь при объединении классов. Тебе надо до «пятерок» оба предмета поднять. Да и химию тоже реально на «пять» вытянуть, если постараться. А мы поможем.

– Какое объединение? – хором воскликнули Паша и Света, с изумлением глядя на меня. Паша даже не стал оспаривать гипотетическую возможность получения «пятерок» по проблемным предметам.

– Нам разве еще не объявляли? – ляпнул я, не подумав. Черт, что я несу? В задумчивости потер шишак, глядя на мотающих головой одноклассников. – Э-э-э... ну... короче... я слышал, что из двух классов будут делать один.

– Когда слышал?

– От кого слышал?

В этот раз каждый выкрикнул свое. Света подалась вперед, и у меня возникло ощущение, что ответ из меня сейчас будут вытрясать.

– Мм... – Я растерянно покусывал губы, выигрывая себе секунды на поиск ответа. – Это не так важно. Но информация точная. Сольют «А» и «Б» в один класс. И, ребята, большущая просьба – не говорите пока никому, хорошо? Давайте лучше подумаем, чем нам это грозит и что в связи с этим надо делать.

Паша встревоженно заелозил на стуле, бросая полные отчаяния взгляды на меня со Светой.

– Я в «двести восемьдесят шестую» не хочу... – затряс он головой.

– А нефиг было балду бить весь год, – мрачно отрезала Зорька. – Любовь у него...

– Тихо, тихо, – вмешался я. – Ничего непоправимого еще не произошло. Решение будет приниматься по итогам последней четверти. Если Паша продемонстрирует резкий, я подчеркиваю – резкий! – прогресс в оставшиеся два месяца по западающим предметам, то пройдет. У тебя же английский – твердая «четыре», правильно? Тут отставание и за четверть было бы тяжело вытянуть. А алгебру с геометрией и химией подтянуть за неделю каникул можно, если плотно взяться.

– У меня ж поход... – застонал Пашка. – Пеший переход по Карельскому перешейку на пять дней... Я не могу не пойти.

Мы обменялись со Светой взглядами, и я задумчиво забарабанил пальцами по столу:

– Свет, как его вытягивать будем? До экзаменов всего ничего осталось.

– Дневник, – коротко скомандовала Света, и Пашу выбросило из стула в прихожую как пружинной, только ветерок по кухне прошелестел.

Я еще раз восхитился ее командными навыками – мне бы такие.

– Вот. – Паштет преданно протянул изрядно помятый дневник.

– Листик найди... И карандаш.

Света принялась считать. Через минуту голосом, в котором слышался лязг танковых траков, подвела итог:

– Это ты, Паш, размечтался о среднем балле выше четырех. Оболтус! Три восемьдесят пять!

Паша полез перепроверять, я же прикинул в уме. Двенадцать предметов, повышение оценки по любому предмету на балл дает чуть менее одной десятой. Значит, надо как минимум два предмета по итогам года на балл повышать, чтобы вытянуть среднюю выше четырех. А лучше по трем.

Отобрал у Паштета дневник и проверил расклад по четвертям. Ну, все так и есть, надо алгебру с геометрией тянуть и химию – у него в первой четверти по ним была «четверка», а затем съехал на «тройки». Надо вытягивать по этим трем предметам с «троек» на «пятерки». Но он должен этого очень сильно захотеть. Впрочем, рецепт прост до примитивности.

– Паш, скажи мне правду, как есть, – ты хочешь в одной школе с Родиной учиться? – Я сразу зашел с козырного туза.

Паштет от неожиданной постановки вопроса потерял дар речи и судорожно втянул воздух. Затем, кое-как справившись с переполнявшими его эмоциями, задумался, глядя куда-то в угол кухни. Света весело подмигнула мне.

– Это... – Паша начал свою речь нетривиальным вступлением. – Да... – Он снова задумался. Потом решительно сказал: – Я готов впрячься сразу после каникул.

– Точно балбес, – огласила приговор Света. – Каникулы восемь дней, а поход – пять. Знаешь, сколько можно за три дня выучить? Не знаешь? Узнаешь. С какого по какое идете?

– С двадцать второго по двадцать пятое. Но у нас двадцать шестого дискотека школьная...

– И что, ты будешь весь день па разучивать, чтобы Иру в самое сердце поразить? Волосы бриолинить, стрелки на брюках наглаживать... – Свету понесло.

– Короче, Склифосовский! – подвел я черту. – Делаем так. Начинаем подготовку к переводным экзаменам с понедельника, с двадцать первого марта. А по окончании каникул будем после школы часа на полтора

собираться. Повторяем все с самого начала по алгебре, геометрии и химии. Свет, ты что-нибудь возьмешь на себя?

– Да что угодно, – с готовностью откликнулась она.

Я призадумался, потом продолжил:

– Химию возьмешь? А я алгебру с геометрией.

– Возьму. Готовься, Паш, с таблицей Менделеева во сне встречаться.

Паша слабо застонал, обхватив голову руками. Потом дернулся:

– Кроме сред! У меня по средам занятия во Дворце пионеров в кружке. – Тут он встрепенулся, как будто его кольнули шилом в сидалище: – Ой, сегодня же среда! Засиделся, на кружок опаздываю!

Быстрыми глотками он влил в себя остатки какао и рванул в прихожую.

– Света, ты со мной до метро или остаешься?

– Э-э-э... Свет, если не торопишься, мы еще хотели темы по английскому посмотреть, – напомнил я. – И пока не забыл. На! Книга.

– Да-да, – быстро закивала Зорька, – я остаюсь. Ты, Паш, беги.

Паша торопливо натягивал на себя одежду и путано объяснял:

– В поход надо командира отряда выбрать. Сегодня. И комиссара. И аптечку не забыть, как в прошлый раз.

Закончив недолгие сборы, он выпрямился, светло улыбнулся, провел пальцем по волосам и, заговорщицки наклонившись ко мне, громко прошептал:

– Оставляю больного в надежных руках. Они и коня на скаку остановят, так что будь осторожен! – И выскользнул на площадку, увернувшись от двух прощальных тумачков.

Ухмыляясь, я закрыл за ним дверь и на секунду замер, ощущая спиной внимательный взгляд. Чуть помедлив, повернулся – точно, Света настороженно зыркает на меня. А я что? Я ничего, и мыслей не было...

Затянувшуюся паузу прервала Зорька. Натянуто улыбаясь, она тряхнула волосами и спросила, как-то умудрившись при этом глянуть снизу вверх:

– Как тебе моя новая прическа?

Я окинул ее взглядом. Потом еще раз. Нет, ничего не изменилось. Более дурацкую прическу для нее трудно подобрать.

– Что, все так плохо? – нервно прервала она осмотр.

– Мм... – Я все никак не мог выбрать линию поведения. – Пошли на кухню. Начну с того, что я не помню старую. Впрочем, для мужчин это характерно – мы воспринимаем женский образ целиком, а не дробим его на компоненты. Мы сразу выставляем оценку, а попроси ее разложить по

полочкам – испытываем затруднения.

– И какую же оценку ты мне выставляешь? – На скулах Светы опять загулял румянец волнения.

Идиот! И ведь сам завел разговор сюда... Быстрее возвращайся к прическе, это безопаснее.

– «Четыре». Но ее можно улучшить. Ты почему выбрала именно этот фасон?

– У Мирей Матье классно смотрится... – подавленно призналась она. – И Стрелка сделала, ей тоже здорово.

– Стрелка? – задумчиво потер я лоб.

– Ну Стрелкова. – Света удивленно посмотрела на меня.

Я напряг извилины. Нет у нас в классе такой.

– Из девятого «Б», – пришла на помощь Света, глядя на меня уже встревоженно.

Я наморщил лоб в титаническом усилии, и – о чудо! – из памяти вдруг удалось буквально выдавить достаточно яркий образ. По кухне в сопровождении подозрительного потрескивания почему-то поплыл запах сушеной полевой ромашки.

– Вспомнил! – расцвел я, взволнованно пройдясь вдоль стола, и покрутил головой в поисках источника запаха. – Уф... Вот, Света, так это и происходит, очередной кусочек памяти встал на место. А... ты запах какой-нибудь чувствуешь?

Я демонстративно втянул воздух. Зорька пару раз шмыгнула носом и с подозрением уставилась на меня:

– Какой запах?

– Ромашки. Сушеной.

– Не-а... ничем не пахнет таким.

Я еще раз принюхался, повертев по сторонам головой. Запах стремительно таял, ромашек нигде не было видно. Глюк, что ли? Недоуменно пожав плечами, отодвинул мысль об этой странности на задний план.

Конечно, это никакой не «кусочек встал на место». Похоже, мне удалось выколотить что-то из памяти реципиента. Сам я Стрелкову вспомнить вряд ли мог, тем более так ярко. Да я о ней забыл сразу, как только она ушла из школы! Девчонки классом старше казались настолько недоступными, что даже задумываться о них не имело смысла. С глаз долой – из сердца вон.

– Смотри! – поднял я палец. – У Стрелки черты лица мелкие, как у мышки-погрызушки, маленький носик и ротик, яркие, но небольшие

глазки. И форма лица – треугольная. Ей прямое каре идет. Во-первых, уменьшается площадь лица, за счет этого мелкие черты зрительно становятся крупнее. Плюс прямое каре приближает треугольное лицо к овальному, а подвитые внутрь кончики отвлекают внимание от острого подбородка. Поэтому ей эта стрижка подходит, так же как и Матье.

Зорька в изумленном молчании выслушала мой спич. Я мотылялся по кухне вправо-влево, активно жестикулируя рукой в такт фразам, являя собой живую иллюстрацию неистребимой привычки лектора ходить вдоль аудитории при раскручивании логических конструкций.

Еще раз внимательно и неторопливо осмотрел Свету. Она потупила глаза и нервно затеребила школьный передник.

– Пошли, – скомандовал я ей и, взяв стул, потащил к трюмо в прихожей. – Садись.

Зашел ей за спину и, положив ладонь на темя, повернул лицом к зеркалу – нечего на мне дыру вертеть взглядом. Затем широко загреб пятернями волосы и стянул к затылку, полностью открывая лицо, уши и шею. От неожиданности Светка дернулась и застыла столбиком, глядя в свое отражение.

– У тебя красивая форма лба, – начал я анализ, – симпатичные ушки...

Кончики ушей стремительно заалели. Мне даже показалось, что я запястьями ощущаю инфракрасное излучение. Поди, в темноте сейчас бы светились.

– Изящная шея, – продолжил я, наклоняясь, чтобы рассмотреть поближе. – Действительно изящная, с какого ракурса ни взгляни. Ключиц, к сожалению, не видно. Впрочем, к прическе они отношения не имеют...

Э-э-э... Похоже, я что-то не то делаю: Светка как-то подозрительно затихла, разомлев.

Я на мгновение запнулся, анализируя. О черт! Откуда-то, не спросившись у меня, в голос пролезла бархатисто-обволакивающая, идущая из живота хрипотца. И как только мои детские голосовые связки такое выдали? Кхекнул, сбивая их настройку, и резко продолжил:

– Зачем все это скрывать? Не говоря о том, что каре уменьшает площадь лица, зрительно увеличивая черты, а они у тебя и без того не мелкие.

Света вздрогнула, возвращаясь к реальности из каких-то своих далей.

Я усмехнулся про себя, вспомнив анекдот: «Пока он говорил ей «привет!», она успела выйти за него замуж и родить троих детей».

– У тебя классическая прямоугольная форма лица... – Я запнулся. Кого же она сейчас сильно напоминает? – Поэтому тебе надо визуально

расширять область висков, а ты ее каре закрыла. Сейчас...

Я отпустил волосы, залез в выдвижной ящик и начал набирать мамины невидимки.

– Сейчас... Смотри... – Я начал переключать волосы в новое положение. – Вообще каре – не совсем твоя прическа, но раз уж сделала, то ее можно превратить в нечто более симпатичное. Челку не прямо, а косо, с одним боковым разрывом. Вот так... Край волос вдоль лица отвести подальше назад. Концы каре загнуть не внутрь, а наружу... Как-то так...

Мы уставились в зеркало, с одинаковым удивлением взирая на результат.

«Однако... – подумал я. – Чуть другая укладка волос – и радикально иной имидж. Кого же она мне напоминает? У кого из актрис был такой типаж?..»

Света покрутила головой, постреляла глазами в зеркал^а трельяжа и с восторгом оглянулась на меня:

– Здорово! Так действительно гораздо лучше. Откуда ты в этом разбираешься?

– Э-э-э... У меня же тетя – парикмахер, я тебе говорил раньше? – сообразил я правдивую отмазку: моя тетя делала прически в гостинице «Москва». Не рассказывать же в самом деле, что моя жена любила таскать домой стопки журналов «для женщин?» Иногда что-то и мною прочитывалось...

– Не-а. – Внимание ее тут же переключилось на более животрепещущий вопрос: – Так мне что, косое каре носить лучше?

– Вообще говоря, твой стиль немного другой. Смотри. – Я снял все невидимки и снова оттянул волосы назад. – В идеале тебе надо иметь волосы средней длины, где-то до плеч или верха лопаток. Они должны свободно ниспадать вниз за ушами, оставляя их открытыми. Можно делать асимметрично, с одной стороны – за ушами, с другой – закрывают. А вот сверху волосы тебе лучше убирать назад, причем не в натяг, а создавая небольшой объем над челкой. Вот примерно так. – Я перехватил челку одной пятерней и смоделировал тот образ, который уже увидел.

Света с воодушевлением оценивала результат, с довольным видом поворачивая голову то вправо, то влево.

– Еще вариант для тебя – создать объем над челкой, а остальные волосы закрутить и уложить на затылке, – продолжил я.

«Типаж «расхитительницы гробниц», – неожиданно понял я. Именно типаж, отнюдь не копия. Губы совершенно другие, нет характерного носогубного треугольника, другой разрез глаз. Но форма лица, лба,

выдающиеся челюсти, подбородок...

Хмыкнув, отпустил ее волосы и отошел.

– Вот как-то так... – протянул задумчиво. – Пошли теперь с темами по английскому разберемся.

Закрыв за Зорькой дверь, я некоторое время задумчиво постоял в прихожей, злобно постукивая костяшками кулака по упруго пружинящим квадратикам пеноплена. Чертовы психологи! Советуют в такой ситуации «вежливо дать понять, что любовь не будет взаимна и лучше переключиться на кого-нибудь другого». Идиоты! Как будто в голове у женщины есть указатель, который можно перещелкнуть волевым усилием.

Да у девушек при первой любви такой накал чувств, какой мужчина никогда себе представить не сможет! Она нашла своего избранника – и все, точка! Дальше идет сметающая все стихия. А у меня в качестве щита от нее только куцее предложение дружбы в руках.

Господи, как хорошо, что в СССР секса нет! Благодарю тебя за невинность этих детей. Лет через двадцать меня бы уже, возможно, ломали приемами вольной борьбы в партере. А тут пока старшеклассник может верить, что обмен генетической информацией между мужчиной и женщиной происходит со слюной при поцелуе. «А что, разве есть другие варианты?»

– Мы выбираем, нас выбирают, как это часто не совпадает, – безбожно фальшивя, напел я. На душе было мутно.

Мама, вся распаренная от быстрой ходьбы, ворвалась в квартиру за двадцать минут до начала футбола.

– Уф, отпросилась пораньше на матч. Дюш, ставь пока ужин греть, я в душ.

– Яволь, мой командир! – Я изобразил пятками щелчок каблуками и метнулся на кухню.

Подтянув еду в комнату, мы с мамой оккупировали кресла и припали к экрану. Интересно, насколько изменился футбол за треть века? Мне дана редкая для неспециалиста возможность оценить эту эволюцию.

Черно-белое изображение и трансляция с одной-единственной камеры отчасти компенсировались отсутствием рекламы и Николаем Озеровым в качестве комментатора. Левитан советского спорта, в совершенстве сочетающий эмоциональность и интеллигентность в репортаже. Недостижимая, увы, высота для эпигонов.

Фигуры футболистов кажутся непривычно длинноногими из-за более

коротких трусов и гетр, чем я привык видеть в последние годы. Поле, увы, в крайне плохом состоянии: мокрое и вязкое, с зеркалами луж вдоль бровок. Моросит дождь, в Киеве всего три градуса тепла. Тем не менее на трибунах киевского стадиона собралось сто тысяч зрителей. Мельком показали Лобановского, который уселся на скамейку и начал привычно качать свой маятник. Вот у кого на прессе кубики должны быть рельефными!

– Мученик, – с сочувствием отреагировала мама.

Озеров оглашает составы команд. Увы, Герда Мюллера в составе «Баварии» нет из-за травмы. Жаль, я бы посмотрел на эту звезду. А «Бавария»-то – действующий обладатель Кубка чемпионов. Величина, однако! И в первом матче наши проиграли в Мюнхене лишь 1:0. Шансы есть. Только вперед, оле-оле-оле!!! Мама с удивлением косится на меня, – кажется, последнее я напел вслух.

А на предыдущем этапе киевляне, оказывается, разнесли греческий ПАОК с суммарным счетом 6:0. Судя по всему, мы сильны. Поехали!

Минут через пятнадцать я немного разочарованно откинулся назад. Что можно сказать... А футбол-то тут попроще. И тактически более прямолинейный, и командные скорости ниже, и индивидуальная оснащенность ниже что у наших, что у немцев. Против этой хваленной «Баварии» и наш «Терек» фаворитом смотрелся бы, пожалуй... Но приятно, что и наши, и немцы бегают с горящими глазами. А это в футболе чуть ли не главное.

О! Скоростной прорыв Блохина прервали подсечкой в штрафной площадке, и судья совершенно справедливо назначает пенальти. Олег и взялся исполнить. Как-то кривоного подбежал к мячу и вмазал несильно: вратарь угадал направление и коснулся мяча. Удар в штангу, рикошет от нее в голову вратаря – и обратно впритирку с все той же многострадальной стойкой за лицевую. Офигеть какой облом... Второй пенальти не дадут, а немцы обороняются четко. Сушат игру, на удержание действуют, хотят на классе пройти дальше.

Перерыв. Мы с мамой наперегонки рванули к объекту стратегического назначения, где я, как джентльмен, уступил, направившись на кухню ставить чайник. Хоть футбол и ниже классом, но в напряжении все равно держит по полной. По игре шансы есть, но где-то фифти-фифти. А забить-то надо два и не пропустить ни одного. Задача...

После перерыва немцы окончательно перешли к катеначчо. А наши продолжали виться вокруг штрафной противника. Блохин – красавец, конечно. Таких скоростных игроков у нас только два на моей памяти и

было: он да Беланов. Но если Беланов просто очень быстро бегал (или будет бегать, как правильно говорить в моем случае?), то Блохин еще и дриблинг на скорости показывает. Хотя, разумеется, на таком поле скоростной дриблинг уместен, как балет в ямальской тундре.

Все ближе и ближе к свистку, немцы откровенно тянут время, осталось лишь десять минут. Упс!.. Фол на Блохине в штрафной – и еще один пенальти. Странно, я помню разговоры, что «советских» засуживали в Европе. Но тут второй пенальти против действующего обладателя Кубка... Все по-честному.

Пошел бить Леонид Буряк. Короткий разбег, удар, гол!!! Обманул вратаря Леонид, ударил прямо по центру. По итогам двух матчей ничья, один-один. И восемь минут до конца. Дело идет к серии пенальти. Немцам такая рулетка не по нраву: пошли вперед. Теперь наши судорожно обороняются, сев в своей штрафной и откровенно вынося мячи. Давит наших немецкая машина. Опасно...

Осталось немного вытерпеть, две минуты до свистка. Перехват мяча, пас на Блохина, и он рвется в прорыв по левому флангу. Обошел одного, отрывается от второго... Мля! Этот нехороший человек Блохе чуть ногу не оторвал подкатом сзади! Очень жесткий фол. И даже карточки нет... Только штрафной с левого фланга, метров за двадцать от лицевой.

А-а-а-а!!! Навес Буряка в штрафную, и сыгравший на классическом опережении у ближней штанги Слободян заносит мяч в ворота. Два-ноль!! Оле-оле-оле!!!

Йес! Финальный свисток, мы прошли!!! Мы с мамой одновременно выпускаем вздох облегчения. Стотысячный стадион ликует. Охрипшим голосом счастливый Озеров заканчивает репортаж. С поля, опустив голову, бредет поверженная «Бавария». Победа!

Сразу после окончания футбола, без всяких рекламных пауз, началась программа «Время». Мама ушуршала на кухню, а я остался слушать, чем живет страна.

В блоке официальной информации сообщили о назначении секретаря ЦК КПСС товарища Катушева заместителем Председателя Совета Министров СССР. Отмечено, что зоной его ответственности является взаимодействие со странами СЭВ.

Затем погнали примерно десятиминутный блок «Шаги десятой пятилетки». Хотя «погнали» – не про советские новости. Никаких скороговорок, быстрого переключения между сюжетами. Напротив, дикторы с хорошо поставленным голосом неторопливо зачитывают официоз, съемка сюжета идет преимущественно длинными планами.

Лозунги выглядят вполне разумно, хотя и звучат излишне протокольно: «Пятилетке качества – рабочую гарантию», «От высокого качества работы каждого – к высокой эффективности труда коллектива», «Рабочая совесть – лучший контролер».

Вообще слова «эффективность», «качество», «производительность труда» встречаются часто. Ругают «вал», который губит то самое качество, за которое надо бороться. Между делом мелькнула поразившая меня цифра 27 % – на столько планируется за пять лет поднять производительность труда. «Нехилая задачка поставлена», – присвистнул я с уважением.

– Десятая пятилетка – пятилетка эффективности и качества, – с экрана на фоне работающего конвейера выступал парторг цеха Кировского завода. – Качества не только станков или автомобилей, но и всей нашей работы, отношений между людьми, коммунистических черт советского человека. Красивый труд предполагает и отличный результат человеческой деятельности: высококачественное изделие, добротный построенный комфортабельный дом, вкусно приготовленное блюдо, совершенный прибор или механизм. Забота о качестве выходит далеко за рамки производственных задач, она является составной частью советской морали.

«Красиво говорит, и без бумажки, с чувством, от себя», – подивился я.

Прошли сразу два сюжета с достаточно острой критикой. Сначала заместитель главного конструктора «Уралмаша» пожаловался на засилье бюрократии. Для принятия к производству более совершенной конструкции стиральной машины «Малютка» им пришлось согласовывать технические условия с пятью министерствами и шестнадцатью институтами. Под документом поставили свои подписи пятьдесят шесть должностных лиц.

Затем жестко проехали по Министерству путей сообщения, которое выполняет план подачи вагонов лесозаготовителям лишь на пятьдесят процентов, в результате чего гниют уже срубленные деревья.

– Что толку из того, что тысячи людей рубят ангарский и енисейский лес, сплавляют, выгружают на берег, если он здесь годами гниет? – гневно вопрошает ведущий за видеорядом с рубкой леса. – Территория складов на лесоперевалочных базах загружена нескончаемыми рядами штабелей из посеревших от времени бревен. В погрузочных пунктах Союза скопилось свыше двадцати миллионов кубометров лесоматериалов.

«По крайней мере, критика присутствует. И задачи, в общем, формулируются правильные, – отметил я с удовольствием. – Кстати, больших переборов с восхвалением Брежнева и партии нет. Ожидал худшего».

Центральное место среди международных новостей занял сюжет об убийстве в окрестностях Бейрута «видного ливанского политика, основателя Прогрессивно-социалистической партии Ливана, лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Камиля Джумבלата». Насколько я помню, это лидер ливанских друзей – у них семейство Джумблатов княжит из поколения в поколение.

После этой новости сюжеты о росте забастовочного движения в странах Запада и борьбе за мир во всем мире выглядели пресно.

В разделе культуры сообщили о решении создать в городе Биробиджане филармонию, а на ее базе – Камерный еврейский музыкальный театр.

Я, согнувшись, захрюкал от смеха.

– Ты чего? – встревоженно спросила зашедшая в комнату мама.

– Ох... – Я вытер слезы. – Новость услышал и анекдот, э-э-э... придумал.

– Давай, – сказала мама заинтересованно.

– Политический.

– Не рано начинаешь?

Я мотнул головой.

– Ну все равно давай, – решила мама.

– Приходит Демичев, который министр культуры, к Брежневу, – начал я, – и говорит: «Леонид Ильич! Тут от группы товарищей поступило предложение открыть еврейский камерный театр. Что вы по этому поводу думаете?» Брежнев: «В целом хорошее, своевременное предложение, товарищ Демичев. А на сколько камер?»

Мама со смехом взлохматила мне волосы:

– Неплохо для начала. В школе только не трепись.

– Да знаю... – протянул я. – Зачем мне дешевая популярность?

Тем временем на экране с голов в ворота «Баварии» начался спортивный блок. Вообще хорошо, что я за давностью лет совершенно не помню результатов таких матчей, – можно смело смотреть их по второму кругу.

Еще фрагмент из Тбилиси, где прошел товарищеский матч по футболу между «Динамо» Тбилиси и сборной СССР, – прощальная игра капитана сборной страны Муртаза Хурцилавы. Сборники на руках проносят Муртаза вокруг поля. Повязка капитана сборной передана Евгению Ловчеву. Что-то не запомнился он мне в прошлом в этой роли...

Вот и прогноз погоды – поплыли по экрану строчки с городами необъятной страны, зазвучала мелодия оркестра Франка Пурселя, и мама,

негромко намурлыкивая: «Я прошу тебя простить, как будто птицу в небо отпустить», стала собирать с журнального столика посуду. Я задержался, глядя на экран: ничего приятного не обещают в Питере, слякоть продолжится.

Потянувшись, выбрался из кресла. Учиться уже не тянет, чем бы еще заняться? О, идея! Я направился к «Ригонде»: послушаю, что «голоса» говорят на средних волнах.

Мягко вдавилась кнопка «сеть», и шкалу откуда-то снизу залила теплая подсветка. В динамиках засвистело и защелкало. Теперь кнопка «СВ», и начинаю покручивать правую ручку, наблюдая, как стрелка скользит мимо заманчивых надписей: «Берлин», «Люксембург», «Тирана», «Лейпциг», «Бухарест»... Нарвался на Би-би-си на английском, конец международного блока. Достаточно равнодушно обсуждают резню, которую устроили друзья в двух христианских деревнях в отместку за смерть Джумבלата. Погибших более сотни, в основном женщины и дети. Пафоса осуждения в голосах ведущих не слышно – скорее витает нечто философское, вроде «так устроен этот мир» вперемешку с «да пусть они там хоть все друг друга перережут».

Кручу дальше, ищу что-нибудь русскоязычное. О, есть... Не пойму, то ли «Голос Америки», то ли та же самая Би-би-си на русском:

«По сообщениям из Москвы вчера КГБ арестовал отказника и активиста борьбы за права человека Натана Щаранского. Это уже пятый арест среди членов Московской Хельсинкской группы за последние два месяца. В феврале были арестованы руководитель группы академик Юрий Орлов, распорядитель общественного фонда помощи Алексей Гинзбург, руководитель Украинской Хельсинкской группы Николай Руденко и один из основателей украинской группы Алексей Тихий».

Да... Я удивленно покачал головой. В интересное время попал – сколько событий сразу. Тут мне и «Динамо» Киев – «Бавария», и Джумבלата завалили, и Щаранского арестовали...

Натан, конечно, парень был упертый, три года еженедельно выходил на улицы Москвы с плакатами за свободу эмиграции. Что интересно, ничего ему за это от «кровавой гэбни» не было, пока не слил агенту РУМО США список, составленный при опросе других отказников. А там – более тысячи закрытых предприятий и институтов СССР с указанием расположения, профиля деятельности, выпускаемой продукции, тем исследований, руководителей, телефонов ключевых сотрудников... Такая вот «правозащитная» информация.

Самое смешное, что американцы потом сами же его и сдали.

Опубликовали в одной из газет статью «Русские косвенно раскрывают свои секреты», а потом подставили под арест ее автора. На допросе в КГБ последний, даже не дожидаясь вопросов, быстренько сдал информацию о своем источнике. Для идеологической борьбы требовались «жертвы» советского режима; если их не доставало, то они готовились по спецзаказу.

Ладно, пока суд да дело, поучу темы по английскому. Надо их тупо зазубрить, чтобы не использовать при пересказе нехарактерную лексику. Вытянул наугад лист и забубнил несложный текст, поражаясь тому, как легко укладываются в память полужнакомые фразы. Похоже, с обучаемостью у меня проблем не будет.

Глава 3

Суббота 19 марта 1977 года, 07:45

Ленинград, Измайловский проспект

– Вставай, засоня! – Меня затеребили чьи-то руки.

– А?..

– Вставай, поднимайся, рабочий народ, – пропела мама. – Вставай на врагов, брат голодный!

– Господи, – очнулся я. – Чур меня, чур. Не надо меня по утрам рабочей марсельезой пугать, а то начну спросонья под кроватью мозолистой рукой винтовку искать... И что ты будешь делать, если я ее таки найду?!

Мама, довольно хихикая, улизнула на кухню. Отбросив одеяло, я упруго поджал колени к подбородку и резко вскочил, добившись от кровати недовольно-жалобного скрипа. Повертел головой, пара наклонов вниз и вбок, сложил руки в замок и крутанулся вправо-влево. Прекрасно! Ничего нигде не болит, даже не верится. Сон слетел, как и не было, голова сразу стала яснее ясного, и жрать хочется не по-детски. Давно забытый зверский аппетит – как ты прекрасен в процессе своего утоления!

Закончив гигиенические процедуры, критически осмотрел себя в зеркале. Шишак за прошедшие дни немного спал, однако по-прежнему отчетливо выдавался вперед, как будто с этой стороны лба у меня режется рог. Синюшность начала свой закономерный переход в зелень и постепенно стекала к надбровью. Ссадина засохла бурыми корочками. В общем, сомнений в том, что я серьезно пострадал головой, ни у кого возникнуть не должно.

Меня начал бить предстартовый мандраж – сейчас произойдет первый выход в люди, каким-то он получится? Хорошо бы не сильно накосячить. Совсем не косячить не удастся, Светка вон изменения заметила на раз. Главное, чтобы их можно было разумно объяснить. А с этим, я тяжело вздохнул, непросто. Один серьезный прокол уже допустил – со сливанием классов. В общем, рецепт универсален: «Побольше молчи – и сойдешь за умного».

Напевая:

– Голова повязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве, – я вышел из ванной.

– Так, чтоб не копался, через сорок минут стартовал в школу, –

инструктирует мама, в паузах между фразами нанося помадой последние штрихи. – Талон на обед на холодильнике. Я сегодня у Митрофановны пораньше отпрошусь, часам к пяти буду дома. Да! Сменку не забудь.

– Уже в портфеле.

– И справку от врача в портфель положи прямо сейчас.

– Да я с вечера уже положил, когда портфель собирал, не волнуйся.

– Мм... – Мама с сомнением посмотрела на меня. – Портфель с вечера собрал? Это что-то новенькое в программе нашего цирка. Может, ты еще с вечера начнешь и обувь свою чистить?

– Ага, чистить обувь вечером, чтобы с утра надевать на свежую голову, – согласился я, переминаясь с ноги на ногу. Аппетит перешел в голод, и меня как магнитом тянуло на кухню, из которой несся соблазнительный аромат запеканки. – Давай беги в свою БАНю^[1], опоздаешь.

Мама крутанулась от зеркала, впрыгнула в сапожки и уже в дверях пожелала:

– Удачи на контрах, ни пуха ни пера!

– К черту, – постучал я по косяку, закрыл входную дверь и, нетерпеливо урча, рванул на запах.

В чреве еще горячей духовки покоилась чугунная сковородка, а в ней – моя прелесть! – восхитительное, с золотистой хрустящей корочкой, полукружье запеканки с изюмом. Лет до двадцати пяти лишний холестерин в организме не задерживается, поэтому я смело шмякнул поверх этого великолепия две ложки густой сметаны, посыпал сахаром, и за ушами затрещало.

Из радио донеслись знакомые аккорды, а затем тонкий девичий голосок энергично воскликнул:

– Здравствуйте, ребята!

И сразу за ним уже мальчишечий:

– Слушайте «Пионерскую зорьку»!

– Давайте, пацаны и пацанки, зажгите утро! – откликнулся я с готовностью.

Прихлебывая ароматный чай с лимоном, я наслаждаюсь радио. Не оторваться, честно! Высочайший профессионализм и редкого качества атмосферность. Надо иметь немерено таланта, чтобы на протяжении всего выпуска так поддерживать высокую ноту оптимизма и вливать такой заряд энергии, ни разу при этом не сфальшивив. К концу передачи казалось, что даже подмороженный сумрак за окном тепло подсвечен добрыми ожиданиями. Совершенно неожиданно поймал себя на том, что с задором

подпеваю вслух, похлопывая ладонями по столу в такт мелодии: «Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь...»^[2]

Шмяк. Я почти физически почувствовал, как от души с противным треском оторвалась и улетела куда-то вниз, рассыпаясь, чешуйка цинизма, одна из многих, накопленных за последние десятилетия. Пока только первый фрагмент той брони, что нарастала надо мной из года в год, как ледовый щит Гренландии, отгораживая от живительного тепла этого мира. Приятно щекокнула радость очищения, родственная тому почти животному удовольствию, что возникает в бане после долгого похода, в котором уже привычно не ощущаешь на себе корку из пота и грязи.

Я прислушался к себе. Пожалуй... пожалуй, я только что разменял часть накопленной стервозности на заряд идеализма. И этот размен пришелся мне по душе. На мир вокруг искрящейся изморозью опустился тонкий налет доброй сказочности.

И пусть кто-нибудь, скривив харю, бросит мне за это презрительное «совок» – да я лучше буду верить в сказку, чем в мир из сволочей вокруг! Каждый слышит, как он дышит! Мне нравится жить в атмосфере социального оптимизма и братства и не мерить счастье батонами сожранной колбасы на душу человека.

Я замер, почувствовав, что только что задел краем какую-то важную мысль. Ухватившись за только что прочувствованное, начал осторожно разматывать клубок:

«Атмосфера социального оптимизма и братства. Да, это она, квинтэссенция СССР. Впервые в истории человечества удалось добиться преобладания такого мироощущения в обществе. Именно ее, этой атмосферы, мне так остро не хватало там, откуда я, слава тебе господи, вырвался. Именно по ней я, сам того не осознавая, ностальгировал. Кто ее не ощущал, тот этой ностальгии не поймет. Поди объясни слепому концепцию цвета или глухому – звука. Поди объясни, как это ощущать всем существом, что это – МОЯ страна, это – МОЙ народ».

Я пружинисто выпрямился посреди кухни, повернувшись лицом на юг, и прикрыл глаза. Мысленно потянулся правой рукой на запад. Вот мой Таллин с моим Старым городом, и я погладил мыслью крепостную стену. Моя Рига, мой Домский собор – я нежно обвел указательным пальцем вокруг шпиля. Дальше, дальше на запад. Мои леса Игналины пощекотали ладонь и смочили брызгами озер. Моя Куршская коса – я зачерпнул и любовно просыпал между пальцами золото дюны. Вот царапнули обильно политые кровью моего народа проломы в метровых стенах фортов Кенигсберга. Какой, к черту, Калининград! Только Кенигсберг. Мой!

Медленно повернул голову, окидывая мысленным взором свою страну. Провел левой ладонью над болотистыми меандрами Припяти и Волынской возвышенностью, лиманами Одессы, бухточками Крыма, высоким правым берегом Днепра. Мой Кавказ, Арал, Бухара. Мои белорусы и украинцы, грузины и казахи, узбеки и киргизы, мои евреи, немцы, буряты. Мой Сахалин и шершавый край моей Камчатки.

Я стоял посреди кухни, раскинув руки крестом на треть планеты. Это МОЯ страна, в ней живут МОИ люди! Я здесь хозяин!

– Не отдам, суки! – выдыхаю с ненавистью.

Сорвавшаяся фраза сняла концентрацию транса, и я осторожно опустился на стул, к остывшему чаю, додумывать мысль.

Все, чего здесь не хватает, – свободы. Возможно ли налить в общество свободы, не потеряв при этом в оптимизме и братстве, не получив на выходе атомизированного социума? Я совершенно не хотел терять ощущение единения со страной.

Или свобода и братство не живут вместе? «Свобода, равенство и братство» – это волк, коза и капуста?

Хм, одно в этом лозунге уже неверно, надо вычеркнуть. В равенство я давно не верю. Даже не так. Я знаю, что оно невозможно. Чисто биологически. Любое человеческое общество автоматически выстраивает иерархию, потому что стремление к доминированию у мужчин – это один из базовых инстинктов. Любые искусственные попытки добиться формального равенства, будь то монашеские или коммунистические общины, очень быстро скатывались к естественно возникающему неравенству. И люди воспринимали такое неравенство как справедливое.

Общество не сможет взять вверх над этим сильнейшим инстинктом без серьезного изменения биологической природы человека. А до этого ой как далеко. Да и вредно подавлять стремление к доминированию. Весь прогресс человечества держится на нем. Надо стремиться не к равенству, а к справедливости неравенства.

Остаются свобода и братство. Неужели это два несовместимых полюса, неужели ситуация – «или-или?»

Я замер, размышляя. Хм... Кажется, я вижу тропинку. Жаль, время поджидает, пора в школу бежать. Не доверяя памяти в столь важном вопросе, заскочил в комнату и набросал на листке цепочку смысловых якорей:

«Элита и не элита. Не элита – неспособное к критическому осмыслению большинство, управляемое элитой. Минусы управления при тоталитаризме, авторитаризме, демократии. Авторитаризм элиты –

«золотая середина»? При наличии свободной конкуренции групп элит и исправном социальном лифте. Левое конфуцианство».

Куда бы засунуть? А то вопросов от родителей не оберешься... Вот, в детскую энциклопедию, том третий, «Числа и фигуры. Вещество и энергия». Вряд ли они начнут ее листать.

Я вышел из подворотни на проспект, пересек пустую проезжую часть наискосок и двинулся в сторону собора. Да, как-то отвык я от такого накала, слушая всякий жмых в FM-диапазоне. Почему-то отмена цензуры не привела к появлению шедевров, напротив, заметно снизила общий уровень. Разве можно было сказать про какую-нибудь программу на радио ТАМ, что это произведение искусства? Да даже поставить вопрос так никому в голову не придет! А здесь об этом невольно задумываешься.

«Классную, кстати, идею с точки зрения пиара кто-то выдал», – вспомнил я фрагмент передачи: собрать школьников – победителей сбора металлолома в Магнитогорске и дать поучаствовать в плавке собранного металла. Я бы и сам не отказался в таком мероприятии поучаствовать.

Мысль скакнула к увиденному вчера во «Времени». Скалистый, заросший тайгой отрог Давана, на котором краской нарисована громадная подкова. Рядом – монструозная конструкция, хищно нацеленная на кряж. Минус пятьдесят. Начало прокладки байкальского тоннеля у поселка Гоуджент. Тоннельный отряд – почти сплошной молодняк, средний возраст двадцать два года, добровольцы со всего Союза: латыши, грузины, казахи, ну и русские, конечно... И в таком возрасте что делают! Десантировались в необжитую тайгу, в палатках жили с топорами и бензопилами в обнимку. За полтора года поселок поставили, подготовили площадки для приема тяжелой техники и, вообще фантастика, сами на месте ее освоили. Это японские-то горнопроходческие рамы! Без всяких институтов! А там сложностей – масса, и дисциплина должна быть как на подводной лодке. Я шалею... Иностранные специалисты отказались работать в таких условиях за любые деньги, многие ученые сомневались, что это вообще возможно – прорыть здесь тоннель. А наши начали вчера рыть. И, я-то знаю, пророят.

Но даже не это главное. Лица – вот что меня зацепило. Спокойная уверенность в своей правоте. Закутанный по глаза корреспондент сочувственно спрашивает: «Сложно?» И один из них, глядя поверх камеры, отвечает без всякого намека на патетику: «Коммунизм всегда непросто строить. Но мы строим его здесь и сейчас. На века, – и, слегка разведя руки, словно обводя мир, – для всех».

Куда, в какую тектоническую расщелину провалится способ

воспитывать ТАКИХ людей, умеющих так чувствовать мир и такое делать в таком возрасте?!

Я злобно потряс головой и начал переходить проспект Москвиной. Взгляд застрял на стоявшей через дорогу часовне. Всплыло в памяти, что она построена в честь спасения Николая Второго при покушении на него в Японии. Засмотрелся до того, что пришлось отпрыгивать от недовольно загудевшего троллейбуса, подкравшегося ко мне со стороны Лермонтовского проспекта. Да, было бы смешно профукать свой шанс под колесами общественного транспорта на полупустой улице...

Чем ближе к школе, тем гуще становился поток детей. И, что характерно, никаких родителей или бабушек с дедушками. Даже первоклашки идут в школу в одиночку. Никто даже представить себе не может, что такой поход таит для ребенка какую-нибудь опасность. Слово «маньяк» тут еще неизвестно.

Кстати... Если брейнсёрфинг проявится, надо будет местными маньяками заняться. С этой мыслью я пересек порог своей школы и завертел головой, узнавая-вспоминая.

Она отчетливо уменьшилась в размерах и облупилась. Коридоры, запомнившиеся своей немереной длиной, укоротились, потолки опустились, на стенах по краске змеятся ранее не замечавшиеся трещинки. Выщербленный кое-где кафель на полу, слабенькое освещение, поскрипывающие дверные петли, потеки и капли масляной краски.

У входа на лестницу, ведущую к классам, двое дежурных старшеклассников с красными повязками на левом предплечье проверяют, поменяна ли уличная обувь. Я нырнул в подвал, где в страшном гвалте и веселой толчее производится переодевание и переобувание. Быстрей, быстрей – и наверх, в класс математики и геометрии.

Черт! Я затормозил буквально в трех метрах от двери класса. Ы-ы-ы... Аж застонал от досады. Я же не помню, где и с кем сижу. Подготовился к школе, нечего сказать! Идиот...

Быстро развернулся и решительно двинулся назад, в направлении туалета. Стоять в коридоре с потерянным видом? Увольте.

Не успел я пройти и пятнадцати шагов, как с лестничной площадки навстречу мне шагнула Зорька. Боюсь, она неправильно истолковала ту нескрываемую радость, которую я испытал при этой нечаянной встрече: засветилась так, что мне стало стыдно.

– Ой, Свет, классно выглядишь! – Я умудрился перестроиться буквально за долю секунды.

– Как выгляжу? – Изумленно подняв брови, она остановилась

напротив меня.

– Э-э-э... Первокласно! – сообразил я. Внимательно осмотрел ее еще раз с ног до головы и, кивнув, добавил: – Честно.

Света потупилась, зардевшись. Прелесть, ей-богу, чистейшей прелести чистейший образец. Жаль, что не мой типаж. Но если ей в будущем удастся немного разбавить властность женственностью, то от многочисленных ухажеров придется отбиваться. С этими мыслями я развернулся, и мы неспешно направились в сторону класса. С двух сторон нас обтекал мелеющий ручеек пробегающих мимо школьников – вот-вот прозвучит звонок.

– Свет, – начал я мягко, слегка наклонив голову в ее сторону, – а где и с кем я сижу на геометрии?

– А?.. – вырвалась она из своих размышлений и буквально через мгновение спокойно выдала ответ: – С Валдисом, левый ряд, третья парта, справа.

Похоже, мои провалы в памяти перестали ее шокировать.

– А ты сильно изменился, – задумчиво произнесла она, когда до дверей класса осталось шагов семь.

– Надеюсь, в лучшую сторону? – нервно выдавил я голливудскую улыбку.

– Да... – как-то неуверенно протянула Света. – Пожалуй...

– Что-то не слышно в голосе убежденности. – Я приостановился, пропуская ее вперед, и осторожно спросил в спину: – А какой я был раньше?

– Доброе утро, – поздоровалась, заходя в класс, Света и, обернувшись ко мне, ответила с ехидцей: – Капризный взбалмошный мальчишка.

– Доброе утро, – повторил я, переступая через порог, но был прерван восторженными возгласами:

– Уи-и! Светка! Наконец-то ты сказала это ему! В лицо! – Сидящая за ближней к входу партой Женя радостно захлопала в ладоши и подалась вперед, надеясь в полной мере насладиться из своего партера намечающейся сценой.

Я меланхолично улыбнулся, обдумывая, надо ли как-то реагировать, но тут раздался звонок, и вопрос отпал.

– Привет, привет, привет!.. – Пожимая руки парням, я пробирался к цели.

– Привет! – протянул мне для очередного рукопожатия ладонь Армен. – Что-то рано у тебя рожки начали пробиваться, – добавил он, демонстративно разглядывая мою шишку.

Вокруг захихикали.

– И тебе привет! – Пожав его кисть, я не выпустил ее из руки, а развернул вверх, перехватил у запястья и начал, улыбаясь, рассматривать. Посмотреть, кстати, было на что – изящно вытянутая ладонь, длинные и тонкие пальцы будущего профессионального скрипача. Сам Ара тоже весь из себя такой изящный армянский мальчик с постоянным румянцем на щеках и длиннющими, загнутыми почти к бровям мохнатыми ресницами броского черного цвета. Сейчас он почуял недоброе, и румянец усилился.

– Да... – задумчиво покачал я головой и еще раз усмехнулся.

– Что? – занервничал Ара.

– Да анекдот вспомнил.

– Какой? – повелся он.

Я обвел взглядом притихший класс. Все повернули головы в нашу сторону, ожидая продолжения. В просвете дверного проема маячила Биссектриса – она активно мигала мне, прижав палец к губам, требуя анонсированного анекдота.

– Ну, – начал я, по-прежнему не выпуская кисть товарища из рук, – пошел как-то Ара на свидание с девушкой... – Переждал пару секунд вспыхнувшие смешки, зафиксировал взгляд на Ире Ключевой, к которой, насколько я помню, Армен был равнодушен. – Ира его и спрашивает... – Тут я скорчил умильную физиономию, похлопал ресницами и, жеманно растягивая слова, выдал: – «Ара, у тебя такая изящная кисть, такие тонкие, длинные пальцы. Ты, наверное, скрипач?»

По классу прошелся короткий ржач, но все быстро замолкли, ожидая продолжения. Ара расслабился, мечтательно заулыбавшись. А зря.

– «Нэт, – я начал пародировать кавказский говор, хотя Армен говорит по-русски исключительно чисто, – я лабарант, прабырки мою». – И, растопырив пятерню, сделал жест «вперед-назад», демонстрируя, для чего именно хорошо подходят тонкие и длинные пальцы Ары.

Отпустив наконец многострадальную кисть, я сел на место. Через пару секунд класс взорвался восторженным хохотом. Сема Резник, привычно балансировавший на двух ножках стула, потерял равновесие и с выражением полного изумления на лице грохнулся на пол. Веселье, начавшее было затихать, пошло на второй круг.

Биссектриса просочилась к доске и имитировала протирание чистой поверхности влажной тряпкой, спина ее тряслась от с трудом сдерживаемого смеха.

– Привет! – протянул я руку Валдису и поморщился от боли в кисти. Совсем забыл его милую привычку выжимать при рукопожатии шестьдесят

килограммов. Здоровый бык, истинный ариец, будущий профессор математики в Йельском университете. Впрочем, может быть, не в этот раз.

– Доброе утро! – Биссектриса повернулась к нам лицом, глаза ее весело блестели.

– Доброе утро! – нестройным хором откликнулся класс, в котором то тут, то там продолжали вспыхивать смешки и перешептывания.

Биссектриса внимательно обвела всех взглядом, прислушалась к гуляющему по комнате шуму и решительно прихлопнула классным журналом по столу. Тут же наступила тишина. Чуть наклонив голову к плечу, учительница пару секунд вслушивалась в тишину и потом одобрительно кивнула головой, признавая дегустацию удавшейся.

В сознании у меня приятной высокой нотой лопнуло драже с лимонно-мятным запахом, и я вспомнил происхождение ее прозвища.

В начале года она как-то встала у доски, подняла к потолку слегка выгнутый указательный палец и, обведя класс шальным, каким-то ведьмовским косоватым взглядом, по секрету громким театральным шепотом поведала:

– Биссектриса – это такая крыса, которая бежит по углам и делит угол пополам.

Кличка прилипла намертво. Впрочем, похоже, ей это даже нравится.

Я мотнул головой, отгоняя воспоминание, и углубился в решение задач.

На второй переменке я смог чуть расслабиться. Никто не кричал: «Ату его, ату!», не задавал неудобных вопросов и не косился с подозрением. Первый этап инфильтрации проходит успешно. На геометрии отстрелялся нормально и теперь ожидал заслуженной «пятерки». На биологии я вообще расслабился, для меня это уровень детского сада. А сейчас и вовсе лафа будет – физра, от которой у меня освобождение. Радостно посвистывая, я направился в зал.

– Добрый день, – поприветствовал физручку, которая проворно закрывала окна после проветривания.

– Ты что без формы? – встретила меня вопросом Тамара Борисовна. – А-а-а... – понимающе протянула, заметив мой синячище.

Я молча извлек из портфеля справку и протянул ей.

– Куда-то влетел или подрался?

– Влетел. Поскользнулся, упал... – заученно повторил я.

– Садись на лавку, – махнула она рукой.

Я послушно уселся на длинную низкую скамью и опять воткнулся в

темы по английскому.

Первыми в зал ворвались ребята и сразу затеяли нечто похожее на регби, которое, похоже, искренне считали баскетболом. Ближе к звонку начали впархивать девчата. С интересом изучил фигурки: трансформация в девушек началась у всех, вызывая стыдливую сутулость в попытках скрыть происходящие изменения.

Зря стесняются, конечно. Вон пусть берут пример с Наташки Кузенковой. Наша первая красавица вплыла в зал, гордо распрямив спину, и, как крейсер среди каботажных лоханок противника, принялась расстреливать суетливо задержавшихся мальчишек залпами своих стержневых карих глаз. Попавшие под артобстрел ребята вздрагивали и отдергивали взгляд, срочно начиная интересоваться всяко-разно важными вопросами – разволокненным концом каната, шнурками на кедах, баскетбольным кольцом...

Вот очередь дошла и до меня: приняв – видимо, на чистом инстинкте – максимально выигрышную при осмотре проекцию, Кузя взмахнула ресницами и вlepила очередной залп из своих башенных орудий. Несмотря на всю готовность и жизненный опыт, меня слегка контузило – зачастило сердце, покраснели щеки, захотелось отвести взгляд.

«Сильна, чертовка!» – Я постарался непринужденно откинуться на стену и насмешливо усмехнулся в ответ.

«Осечка», – недоумением отразилось у нее в глазах. На мгновение изумленно замерев, Кузя парой легких шагов сократила дистанцию, чуть склонила голову, прицельно улыбнулась и саданула в меня взглядом с прямой наводки.

Я нагловатo облизал ее взором с ног до головы.

Подойдя вплотную, она наклонилась, упершись ладонями в колени, и с веселым удивлением пристально осмотрела меня.

Странно, она же почти брюнетка, а на носу у нее россыпь мелких конопушек, правда, не рыжих, а темно-коричневых. Никогда раньше не обращал на это внимания.

– Ты, Соколов, как я посмотрю, много думать о себе стал, – ласково пропела она обвинительный приговор.

– Что ты! – не задумываясь, откликнулся я. – Как можно думать о себе, когда есть ты? Кстати, только сейчас заметил, что у тебя веснушки. Забава-авные... – с придыханием протянул я. – Кузя, зачем ты их от меня прятала, а?

Такого сопротивления от учебно-тренировочной мишени Наташа явно не ожидала и, недоуменно заломив брови, приступила к переоценке

диспозиции. «Так тебе! – злорадно подумал я, разглядывая румянец досады на глянцевого щечках. – Это тебе не безоружные конвои топить в рейдерской атаке. На каждый крейсер найдется свой линкор».

Тут в спортзал влетела Зорька и, мгновенно оценив ситуацию, пошла на сближение, словно торпедоносец-камикадзе, взявший боевой курс.

– Аларм, – сообщил я вполголоса.

Кузя быстро оглянулась, слегка кивнула головой и, величаво распрямившись, так же вполголоса сверху вниз многообещающе бросила:

– Ты у меня еще взрыднешь, Соколов. – Свысока подарила прощальную улыбку и горделиво удалилась.

Я с облегчением вздохнул. Все-таки она создает вокруг себя слишком высокую концентрацию женского начала, как Джессика из мультика про кролика Роджера. И это всего лишь конец восьмого класса...

Света подошла, гневно раздувая ноздри, и взглядом распяла меня в перекрестье прицела. Я нервно сглотнул и молча развел руками. От дальнейших разборок спас длинный свисток начавшей урок физручки.

Минут за пятнадцать до большой перемены я почувствовал нарастающий голод и решился на просьбу:

– Тамара Борисовна, а можно я в столовую пока пойду?

– Только прямо в столовую, больше нигде не шляйся. – У нашей физручки я был на хорошем счету как спортивный мальчик.

Под завистливыми взглядами класса я стремительно дезертировал из спортзала. В буфете взял треугольный пакет витаминизированного молока на четверть литра, капустный салат и сдобную булочку с обсыпкой из сахарной пудры. За все про все – девятнадцать копеек. У прилавка с горячими блюдами протянул талон на двадцать четыре копейки:

– Добрый день, мне суп гороховый и бефстроганов с пюре.

– Соколов! – раздался из-за плеча смутно знакомый голос. – Ты почему не на уроке?

– И вам добрый день, Татьяна Анатольевна, – повернулся я к забавному коlobку на ножках и ткнул пальцем в лоб: – Освобождение от физкультуры, Тамара Борисовна отпустила пообедать.

Директриса кивнула, принимая объяснение. Я забрал заказ, стянул с подноса с бесплатным хлебом один ломоть и устроился за столиком. Через минуту напротив уселась Тыблоко и принялась возбужденно мешать чай. Чем-то она напоминала растрепанного воробья после насильственного купания в луже.

– У вас сегодня классный час последним?

– Да, Татьяна Анатольевна, – подтвердил я и, чуть помедлив, спросил: – Что-то случилось?

– Случилось, – подтвердила она, злобно бросив чайную ложку на стол, звучно швыркнула чаем и замолчала.

– Секрет? – вежливо поинтересовался я для поддержания разговора.

– Уже нет... Все равно сегодня на классном часе будем обсуждать. Сокращают один девятый класс. – Она виновато посмотрела на меня, словно это было ее решение. – Будем сливать «А» и «Б»... А кто послабее – в обычные школы пойдут и ПТУ.

– Ого! Вот это новость! – изобразил я, как мог, изумление. – Неожиданно. Восемь лет углубленно изучать английский язык, чтоб потом пойти в ПТУ. Это ж сколько на нас уже потрачено средств.

– А я о чем! Я в райкоме то же самое говорила, все без толку... Мол, не хватает людей рабочих профессий, нечего заповедники элитные устраивать – все равны, – Тыблоко злобно пыхтела, постепенно повышая голос, – решение принято, извольте выполнять.

Я задумчиво дегустировал суп – вкусно, однако, хоть добавку бери.

– Сейчас начнется, – задумчиво протянул я. – Дикая природа, борьба за жизнь...

– Ну тебе-то особо беспокоиться нечего, если в последней четверти не съедешь по успеваемости... А так – да, начнется, родители побегут... – Она раздраженно бросила ложку на стол и, помолчав, добавила с тоской: – Еще этот вопрос национальный, проклятуций...

Я поднял бровь, прося разъяснений.

– Ну что ты не понимаешь? – с полтычка завелась она. – Сколько у вас евреев на потоке? И слабых детей среди них нет. У меня запросили средний балл по ученикам восьмых классов – они все по оценкам проходят. Восемь человек на тридцать два места! Двадцать пять процентов... – Она с досадой махнула рукой. – И что мне теперь делать? Кого не брать из твоего класса? Левицкую? Сам знаешь, лучшая ученица, первое место в городе по русскому языку. Резника? Дыскина? Они не сильно отстают от Левицкой. Симцевич? Так в объединенный класс проходят с десятков хуже нее по среднему балу. Оценки им за национальность я срезать не буду. Я так в райкоме и сказала.

Я с уважением посмотрел на директрису. Во тетка дает, ей же до пенсии еще лет десять пахать.

– Хм... – Я задумчиво подергал себя за нос, припоминая историю класса. – У меня для вас есть радостные новости. По слухам, – я акцентировал последнее слово, пристально взглянув в глаза собеседнице, –

Симцевич собирается уходить в музучилище. Хочет заниматься музыкой, а талантища, чтобы с такой фамилией без вопросов поступить в консерваторию, нет. Какой смысл ей сидеть здесь еще два класса?

– Это точно? – впилась в меня директриса.

– По слухам, – повторил я. – Но похоже на правду. Это раз.

Я сделал паузу и отправил в рот пюре с подливкой.

– Что, есть и два? – не поверила своему счастью Тыблоко.

– Угу, – промычал я, наслаждаясь ситуацией. Хорошо быть благим вестником – директриса смотрит влюбленным взглядом... Главное, паузу не затянуть, а то у нее на дне глаз белым ключом начинает закипать раздражение. – Есть и два. Дыскин хоть и не Валдис Чапелль, но в точных науках силен. Просто на фоне Чапелля он выглядит бледно, а так вполне готов для математической спецшколы. Так что от нас не только Валдис уходит, но и Миша. По слухам!

– Фух, – выдохнула директриса с облегчением, как после стопарика водки. – Это совсем, совсем другой коленкор. Спасибо, Андрей, помог. Тогда, – задумчиво закатила она глаза к сводчатому потолку подвала, что-то подсчитывая, – тогда все складывается: и овцы целы, и райком почти доволен...

Где-то вдали прозвенел звонок, и мы быстро засобирались. Сейчас начнется половодье из оголодавших школьников – могут и в пол втоптать.

– Ты только, Андрей, это... – Директриса замялась, подбивая слова.

– Могила, – заверил я.

– Ага, молодец, понимаешь. Особенно насчет евреев никому.

– Понимаю, Татьяна Анатольевна, – кивнул я.

– Хорошо, беги.

Я прыснул в кулак:

– А можно пойду?

– Хорошо, – заулыбалась Тыблоко, – иди.

И я пошел, осторожно, вдоль стены, чтобы меня не снесли ломящиеся наперегонки в столовую, как стадо обезумевших гамадрилов, ученики. Впереди инглиш, а у меня так и не появилось ни одной убедительной идеи, как мимикрировать под уровень знания восьмого класса.

Хоть и говорят, что перед смертью не надышишься, но я решил использовать спокойную обстановку в пустом классе для последнего прогона текстов. Первые пятнадцать минут именно этим и занимался, пока за моей спиной не заняла свое место Тома.

Я замер, уткнувшись ничего не видящим взглядом в страницу, потом

собрался с духом и обернулся. Тома повторяла темы, наклонив голову, и солнце бликовало яркой медью в ее чуть завивающихся каштановых волосах. Почувствовав взгляд, она оторвалась от тетрадки и вопросительно посмотрела на меня.

Да, они все такие же двухцветные. В прошлый раз мы оказались глаза в глаза слишком поздно, за неделю до выпускного бала, и все последующие годы сожаление о несбывшемся порой накрывало меня, как волна, с головой, отправляя в черную депрессию. Я улыбнулся:

– У тебя глаза разного оттенка, один ярко-зеленый, второй – зеленовато-серый. Знаешь?

– Только сейчас заметил?

– Угу, дурак был.

– Самокритика – это хорошо, у нас это приветствуется.

– Правду говорить легко и приятно, – с достоинством ответил я.

Тома чуть прищурилась и впервые посмотрела на меня с интересом:

– Читал?

– Многократно.

– «Посев?» – лукавая улыбка с ямочками.

Ну да, ямочки на щечках – это мое слабое место, знаю и ничего поделать с собой не могу. Да и не хочу.

– Приличная советская девушка не должна знать таких ругательств.

Тома закусила губу, пытаясь сдержаться, но не вышло, и она засмеялась во весь голос, откинув голову назад.

– Да, надо запомнить, дома повеселю. – Легким движением она отбросила свалившуюся на левый глаз челку.

Я с какой-то щемящей грустью рассматривал милую линию ее шеи и подбородка, слегка розовое на просвет левое ушко. Помнится, у нее хрящики там мягкие, как тряпочки, и при сильном ветре ушки забавно трепещут в потоках воздуха.

– Ты что? – встревоженно спросила она.

– А? – оторвался я от созерцания. – А, люблюсь красивой девушкой.

– Дурак, – отрезала Тома, заливаясь краской до самого белоснежного воротничка, и отгородилась от меня листьями с темами.

– Наверное, да, дурак, – помедлив, признал я и медленно отвернулся.

Точно дурак. Привык к общению с нагламурными стервами за сорок...

Эльвира шла строго по алфавиту, и до звонка оставалось заслушать только меня и Чистякову. Кошмар моих школьных лет сидел через парту от

меня, нахохлившись, подобно небольшой злобной птичке, готовой задолбить своим острым красным клювиком любого оступившегося на тропе знаний. Сегодня Эльвира была очевидно нездорова, и болезненный цвет носика объяснялся тем, что его ежеминутно терзали скомканным и безнадежно мокрым носовым платком. Казалось, воспаленные глаза вот-вот затянутся белесыми перепонками и она упадет со стула на пол, воздев к потолку окоченевшие лапки. Однако это все никак не происходило, время шло, очередь опрашиваемых сокращалась, а англичанка, собрав силы в кулак, продолжала методично потрошить нашу группу. Вот закончила запинаясь на последней трети текста Ирка Родина.

Эльвира качнула головой, позволяя сесть, поморщилась и после короткой паузы резюмировала:

– Four. Not confident and sequence of tenses as usual^[3].

Короткий взмах пера, и вот моя очередь идти на Голгофу.

– Moscow is the capital of our country, the Union of Soviet Socialist Republics...^[4] – бодро начал я тарабанить выпавшую тему.

Англичанка ушла в себя, лишь изредка подергивая бровями на каких-то значимых для нее ухабах.

Две страницы печатного текста уложились в пять минут, и, финишировав, я опасливо замолчал. Эльвира сфокусировала на мне взгляд и, задумчиво пожевав нижнюю губу, выдала:

– Sit down^[5].

Авторучка нависла над журналом и, не ужалив страницу, легла на стол. Учительница с чувством высморкалась, чертыхнувшись вполголоса, и уставилась в окно. Класс в тревожной тишине наблюдал за сбоем в программе. Наконец, что-то для себя решив, Эльвира оторвалась от панорамы города и перешла на русский:

– Соколов, задержишься на перемене. Чистякова, go on.

Последним из класса, бросая в мою сторону сочувственные взоры, вымелся Паштет. Дверь хлопнула, отсекая меня от воздуха свободы. Эльвира еще раз высморкалась, с некоторой неуверенностью покрутила в руках авторучку, как будто не знала, как приступить к разговору, потом решила:

– За тему – «пять». – И после короткой паузы перешла в наступление: – Однако меня смущает один момент. У тебя изменилось произношение. За три дня! Мы в нашей школе ставим кембриджский вариант, а у тебя вдруг стало проскальзывать много американизмов. Я учу английскому уже двадцать пять лет и никогда о таком даже не слышала.

Чем ты это можешь объяснить?

Она испытующе уперлась в меня гипнотическим взглядом. Ну да, чуда не произошло, пора извлекать из кармана заготовленную нелепицу.

Я замялся, изображая неловкость, разорвал взгляды и уставился в окно. Из нашего расположенного на чердаке класса открывается шикарный вид на город – как не полюбоваться?

– Ну, Андрей, я жду.

– Эльвира Хабибульевна... – уныло проныл я.

– Это я знаю, меня так уже полвека зовут. Дальше.

Хм... Вдруг немного лести поможет? Я изобразил удивление:

– Да не может быть! Я думал, значительно меньше... – и невинно захлопал глазками.

Эльвира болезненно поморщилась:

– Соколов, я не в том сейчас состоянии, чтобы твое пустословие слушать.

– Извините, – покаялся я.

– Дальше, дальше.

Я поковырял пальцем парту, шмыгнул носом и поднял на нее полные мольбы глаза:

– Эльвира Хабибульевна... Тут такое дело... Мне бы очень не хотелось, чтобы об одной моей проблеме узнали в школе и родители. Я могу рассчитывать, что сказанное мной никуда не уйдет?

– Это будет зависеть от сказанного, – ожидаемо ответила англичанка, впившись в меня взглядом. – Говори, Андрей, говори, перемена короткая.

Я еще раз ковырнул парту, глубоко вздохнул, понурился и начал излагать.

– Видите, – ткнул пальцем в шишак, – сильно ударился головой. У меня появилась ретроградная амнезия.

– Ретроградная, наверное?

– Да, точно, ретроградная. К примеру, забыл, где и с кем сижу в классе, имена-отчества частично, клички... Но память постепенно восстанавливается. Периодически всплывает то, что забыл. Что-то аккуратно вопросами выясняю. Пока никто ничего не заметил. Мама об этом не знает, папа в командировке. В школе только один человек еще знает. Вот... – Я оторвал взгляд от парты и вперился в зрачки Эльвиры. – Судя по всему, английский тоже пострадал. И на это наложилось то, что мне вдруг стало интересно слушать радиостанции на английском языке всякие: новости, про культуру, науку, спорт... Я три дня, пока на справке был, «Ригонду» слушал, «Голос Америки» на английском в основном.

Видимо, особенности произношения легли на временно освободившиеся места в памяти. Ничем другим объяснить не могу...

– Хм... – Англичанка задумалась, вертя в руках авторучку. – Интересная версия. И что ты там узнал, например?

– Э-э-э... После убийства Джумבלата ливанские друзья вырезали жителей христианской деревни, около которой он попал в засаду. Убито около ста человек, в основном женщины и дети... Вчера в Конго президента убили... Сложное имя такое, не запомнил... У нас еще об этом не объявляли. Председатель конголезской партии труда. Какого-то Натана Щевранского все упоминали в связи с заседанием конгресса по советским евреям...

– Достаточно, достаточно, – торопливо остановила меня Эльвира. – Понятно. Хм.

Она ненадолго задумалась, болезненно щуря глаза.

– Ладно, – решительно подвела черту, – будем выбивать. Даже интересно. – Англичанка окинула меня хищным взглядом, словно решая, с какого места прямо сейчас начнется то самое «выбивание».

Я невольно поежился. Впрочем... Пусть выбивает, от меня не убудет. Кембриджское? Ха, нашли чем испугать. Я робко улыбнулся:

– Эльвира Хабибульевна, я пойду? Звонок скоро...

Эльвира поиграла бровями, шмыгнула еще раз, полистала свой журнал и напоследок зловредно сказала:

– А за четверть – «четыре». Пахать надо, Соколов, па-хать! Английский надо задницей брать. В слове засомневался – открываешь Мюллера и ищешь. И тут же заучиваешь всю словарную статью. А, что тут говорить. – Она с досадой махнула рукой. – Иди...

– Ну? Как?!

– На заднем дворе их много.

– Сейчас стукну! Вот дай только сапоги сниму.

– Считаю до десяти, я пока спрячусь.

– Сейчас... дай только сапоги снять... сейчас... – Наклонившись, мама нервно подергала на сапожке заевшую молнию, потом нетерпеливо распрямилась и гневливо топнула: – Я тебя сейчас сама между половицами спрячу, паршивец мелкий, папа потом с микроскопом не найдет! Отвечай быстро, что по русскому, литературе и английскому?!

– «Три», «четыре», «четыре», – дурашливо вытягиваюсь в струнку и рапортую, радостно поедая глазами лицо начальства. Потом опускаюсь на колени: – Да не дергайся, сейчас расстегну... Вот, с лаской надо, с

любовью...

– Так... – мама на глазах веселеет, – уже легче. Тему на что сдал?

– «Пять», – отвечаю гордо.

– По остальным что в четверти?

– То же, что и во второй.

Мама повесила пальто и вспомнила, что хвалить вредно:

– По русскому – три балла, стыдоба-то какая! Как жить будешь с такой грамотностью? Начальство не будет уважать, коллеги станут смеяться за спиной, пальцем показывать... – запричитала она жалобно над моей судьбинушкой.

– Девушки любить не будут, – с тоской в голосе подхватил я скорбный перечень.

Мама сразу заметно напряглась:

– Какие девушки? Зорька твоя, что ли?

– Ну зачем обязательно Зорька... Это даже, совсем напротив, необязательно... Вообще девушки как биологический вид. Вот скажи, – с энтузиазмом развиваю тему, – ты в папин диплом с оценками когда заглянула – до моего рождения или после?

– Э-э-э... – ошеломленно тянет мама, – я?

– Ну да, мне-то зачем?

Она что-то такое вспомнила и порозовела.

– Ты это кончай выдумывать, оценки какие-то...

– Есть кончать с оценками! – довольно согласился я. – И вообще, что у нас сегодня на праздничный ужин планируется?

Мама пару раз озадаченно моргнула:

– Тьфу на тебя, язык длиннющий! Совсем заболтал. Ты не думай, что я тебе эту «тройку» так спущу! Ты у меня учебник наизусть учить будешь! Вот подожди, папа приедет...

И под эти ритуальные обещания мы переходим на кухню. Пройдя к столу, мама вытряхнула из матерчатой сумки добычу и азартно нависла над ней. Сероватая бумага распахнулась, и я увидел легендарную синюю птицу. Судя по застывшему в глазах выражению, она так и умерла непокоренной. Чем-то, то ли горделиво заброшенной вверх головой с топорщащимся гребнем, то ли свободно распрямленной позой, она походила на непреклонно прошедшую по жизни старушку-раскольницу. На кур двадцать первого века смахивала не больше, чем жилистая дворняга – на разожравшегося ротвейлера. Элегантно вытянутые тонкие синюшные лапки были обтянуты кожей с топорщащимися кое-где жесткими остями. Сквозь нее просвечивали тугие жгуты сухожилий и мышц, накачанных,

видимо, за время предсмертного перегона строим из Сибири на Синявинскую птицефабрику. Судорожно скукоженные когтистые лапы молили о скорейшей отправке к задней стенке морозилки, где они упокоятся в жутковатом, навевающем мысли о Дахау, штабеле себе подобных до первомайского студня.

– Ты иди и дверь закрой, я ее сейчас опаливать буду, – озабоченно сказала мама, открывая форточку.

– Почему килограмм трофея? – поинтересовался я, разглядывая размашистый карандашный росчерк «два двенадцать» на углу обертки.

– Два тридцать.

– Меньше килограмма...

– А с чего им больше быть? Кормят впроголодь, а яйца всю жизнь неси. Бедняга – тощая, как цыпленок.

Мама засунула руку в курицу и начала что-то там нашаривать.

– Да, а у нас классы объединяют. Из двух наших восьмых делают один девятый, остальные – в училища и обычные школы, – поделился я главной новостью дня.

– Черт! Да разве ж можно такое под руку говорить?! Разорвала из-за тебя желчный пузырь, теперь горчить будет... – Мама огорченно рассматривала выдернутую из тушки печень.

– Дрогнули руки у Никиты Кожемяки, и порвал он шесть воловьих шкур, – речитативом продекламировал я.

– Да ну тебя, одно расстройство. – Мама наконец оторвалась от курицы и повернулась ко мне: – Так что там с объединением?

– На классном сегодня Тыблоко объявила. Сказала, что пройдут тридцать два лучших по среднему баллу ученика, мол, все будет честно.

Мама небрежно отмахнулась:

– Ну это понятно, как иначе-то?

Я задохнулся от неожиданности. Как может быть иначе?! Да легко, мать-перемать... Перед глазами внезапно поплыла красноватая пелена ярости, и я сцепил челюсти, чтобы из меня не вырвалась полыхнувшая ненависть. Вдох-выдох, вдох-выдох...

– Э, ты чего, Дюш?

– В ухе стрельнуло что-то... – Для убедительности я потер правое ухо. – Все, прошло. Так вот, меня сегодня с физры пораньше отпустили, и я с Тыблоком обедал. Она сказала, что у меня все о'кей, если не съеду в последней четверти сильно.

– Готовься, – сказала мама спокойно, – будем три шкуры с тебя спускать.

– Всегда готов! – вскинул я руку. Учебой меня теперь испугать сложно. Так бы вот всю жизнь учился и учился...

Долгожданный скрежет ключа в замке раздался, когда по «Времени» показывали награждение хоккеистов ЦСКА золотыми медалями. Я, впившись взглядом в экран, рассматривал молодые лица легенд – Харламов, Жлуктов, Фетисов, Цыганков, Петров, Михайлов, Викулов, Лутченко, Третьяк...

Мама, радостно взвизгнув, опрометью бросилась в коридор и повисла на папе, я терпеливо пристроился позади. Потом дошла очередь и до меня. Привстав на цыпочки, я вдохнул знакомый запах трубочного табака и подивился отсутствию привычной седины в бороде.

Оторвавшись, рассмотрел внимательнее. Папа молод, бодр, элегантен и окружен каким-то нездешним флером, слегка выпадая из советского антуража. Пожалуй, выражением глаз: сквозь радость встречи и облегчения от окончания дороги просвечивают легкое недоумение и какая-то светлая тоска по мельком увиденному, как у мальчонки-подпаса, издали посмотревшего на игры приехавших в имение на лето барчуков, – ему в эту сказку попасть не светит при любом раскладе.

Память выбрасывает на поверхность строки: «В глазах оленей призрачных горит, как дальний свет, та дикая Америка, которой больше нет». Ну нет и нет...

Я еще раз взглянул отцу в глаза и принял на себя еще один долг, которым так часто пренебрегал там. А для начала пусть испытает радость от дарения подарков любимым.

– Пап, пап! Мы по тебе скучали! Мама так вовсе места себе не находила – видишь, как меня в сердцах шлепнула? Признавайся, что ты нам привез?!

Папа, смеясь, обнимает нас вместе, потом пытается провести медицинский осмотр прямо в коридоре.

– Да все в порядке уже, – уклоняюсь я. – Все прошло, как с белых яблонь дым. Давай, сим-сим, открывайся, мама извелась вся!

– Да-да, – подключилась мама, нетерпеливо приплясывая, – иначе никакого ужина!

Папа обреченно потянул носом, потом начал, радостно блестя глазами, одаривать эксклюзивом. Ну да, по советским меркам – выше только звезды. Маме достались маленький флакончик какой-то туалетной воды, кусок ароматизированного мыла и что-то из предметов туалета. Она в ответ одарила папу восторженным поцелуем и с повизгиванием унеслась в

комнату для примерки.

Мне же торжественно вручили брусок двухкассетного магнитофона, десять 60-минутных кассет «Super chrome», кассету для чистки головки, футболку с трилистником «Адидаса» и пять одноразовых шариковых авторучек «Bic».

– У-у-у, здоровски! Спасибо, пап, – старательно изобразил я восторг – практики лицедейства у меня в последние дни было предостаточно. – Ого, израильская! – Я указал на синюю шестиугольную звезду на этикетке футболки.

– Хм, – папа с сомнением посмотрел на политически неблагонадежную полоску ткани, – не заметил. Спороть бы ее надо...

– Зачем?

– Скажут, что экономически поддерживаем противника.

– Ага, туалетную воду от страны – члена НАТО можно, а футболку из Израиля – нет?

– Эх, Дюш, кто может знать заранее, что этим дубам в голову придет? На твою детскую демагогию всегда найдется демагог с тридцатилетним стажем, который со ссылками на Маркса с Лениным как дважды два докажет, что ты – враг народа и сионистский диверсант, да так ловко, что и сам в это поверишь.

– Ничего у меня не детская демагогия, а самая что ни на есть настоящая... Спарывать?

Папа еще раз взвесил на чутких внутренних весах все обстоятельства и махнул рукой:

– Оставляй. Только никому не хвастай, тогда можно будет сказать, что не обратили внимания.

– О'кей. А себе что взял?

– Да ничего. Что там брать-то на эти недельные командировочные? Да еще подарки для работников ЦК надо было купить, а то в следующий раз на конгресс могут и не послать... Хорошо хоть им немного надо, тех же авторучек «Bic» вязанку да шоколадку начальнице.

– Занес уже?

– Угу, сегодня прямо из аэропорта туда и заехал. Прошелся по кабинетам, поулыбался, раздал да выклячил у теток проездной на самолет до Ленинграда, а то бы только завтра поездом приехал. Со Старой площадью надо дружить...

Я разложил привезенные подарки на своем столе: магнитофон, стопку кассет, пучок шариковых авторучек, вражескую футболку – и разглядывал,

постепенно наливаясь злостью. Нет, не понимаю... С какой стороны ни посмотри, все равно не понимаю. Ладно, были люди идеи. Но ведь многие отказались от своей страны ради возможности покупать такое барахло. Похоже, нас развели, как индейцев Северной Америки, за горсть бус и несколько зеркалец.

Вскинул глаза на свое отражение в темном стекле. Лица не видно, только контур упрямо наклоненной вперед еще детской фигуры. Эх, малыш... Куда ты лезть собрался? Это колесо тебя разотрет и не заметит. Может, ну его на фиг?

Глава 4

Воскресенье 20 марта 1977, 9:35

Ленинград, Измайловский проспект

Отодвинув от стены «Ригонду» и разложив мануалы, я уже полчаса терзал мозг, пытаясь понять, как поженить отечественный выход СШ-5 и непонятную распайку на входе двухкассетника. С ходу запись не пошла – значит, несовместимость, надо перепаяивать переходник. В гадской западной инструкции про разводку ни слова. Можно, конечно, пойти методом перебора, у СШ-5 всего три контакта используется, но все равно вариантов получается немало.

– Воскресенье – день веселья, песни слышатся кругом! С добрым утром, добрым утром и хорошим днем, – насмешливо пропело радио.

Я посмотрел на него недобрый взглядом и задумчиво почесал затылок. Что-то нет желания полдня перепаяивать контакты... И опять хочется есть. Это просто напасть какая-то – голод приходит к молодому растущему организму по несколько раз на дню, как по расписанию. Скоро там мама завтрак приготовит? Нервно выдернул паяльник из розетки, задвинул на место «Ригонду» и, проскользнув мимо мучающего пружинный эспандер отца, пошел на разведку.

– Ты что пришел? Рано еще, позову, – попыталась выдворить меня мама.

– Учиться, – соврал я, не моргнув глазом, потихоньку прокрадываясь к столу с вареной колбасой. – А то только и умею, что чайник вскипятить, макароны сварить и консерву открыть. Давай говори, что делать.

– Куда руки потянул, проглот! Аппетит испортишь, положи, поло... Все, больше не бери. Иди сюда, на, три сыр.

– Мой аппетит невозможно испортить, на нем знак качества негде ставить. – Довольно жмурясь, я проглотил кружок колбасы и пристроился к терке.

Мама тем временем поставила на огонь большую сковороду и бросила на нее добрый кусок сливочного масла, граммов так на сто. Поверх мягко легла сероватая гора крупнокалиберных макарон. Божечки мой... Где ты, здоровое питание, в каких далях?

Дзинь... Доставка. Ага... У нас в СШ-5 схема 2-3-5, земля, левый и правый, а там 2-1-4 стандартно должно было. В голове проявилась схема распайки переходника. По-ня-тно...

Меня начала бить крупная дрожь, пришлось бросить сыр и вцепиться в столешницу. Невидяще уставился на мелкие потеки масляной краски на стене и принялся считать про себя от десяти в обратном порядке. Уф... Покосился на маму: ничего не заметила – увлеченно строгаёт в стопку бутерброды. Взял сыр и начал сосредоточенно тереть. Вжих... вжих... вжих. Очень медитативное занятие, но руки все равно дрожат.

Заработало! Восторженно матерюсь про себя, по лицу ползет довольная улыбка. Мать-мать-мать, заработало...

Захлопнул за родителями дверь и, повернувшись, прислушался к пустой квартире. Ни-ко-го. Отлично, никого не хочу сейчас видеть и слышать. Пусть родители катаются себе на катке – час до стадиона Ленина, час оттуда, там еще часа три. Замечательно, а мне надо причесать мысли.

Возбужденно прошел в свою комнату и попытался набросать план первоочередных дел. Ни фига не получилось, мысли скачут, как стая растревоженных белок. Чертыхнувшись, полез под душ. Минут пять массажа горячими жесткими струями – и я уже почти человек. Ладно, план подождет, это я погорячился, сначала надо определиться с целью. Пока не было брейнсёрфинга, думать о ней было рано, но теперь пора.

Заварил по правилам, до пенки, краснодарский чай и, устроившись с ногами в кресле, погрузился в воспоминания.

Перестук колес, полутьма купе, запахи затянувшейся вечеринки. Колышутся неясные тени, напротив – самый главный собеседник в моей жизни.

– Во-первых, я не кто, а что. Явление в процессе... – Он покрутил кистью в воздухе, подбирая слово, – самосборки. Я – тень, которую отбрасывает в прошлое одно вероятное явление, частью которого может стать человечество.

– Забавно, – подумав, откликаюсь я. – А парадокса в такой самосборке нет?

– Нет. Способность к самосборке – мой атрибут, поэтому парадокс не возникает.

– Шулерство какое-то, – ворчу я.

– Так только кажется. Впрочем, это не особо и важно. Суть в другом. Одним из условий моей реализации является формирование человечеством определенной общественной формации. В этом – мой интерес. К сожалению, это маловероятный исход. Поэтому я инициирую запуск альтернативных временных потоков, пытаюсь достичь результата хотя бы в

одном из них, этого будет достаточно.

– То есть они все-таки есть, альтернативные временные потоки?

– Да, когда я их создаю.

– Хм... – приподнял я бровь. – И, наверное, вы хотите предложить мне поработать на вас в одном из таких потоков... Так?

– Вы поняли абсолютно верно.

– Осталось понять, хочу ли я, чтобы эта редкая формация случилась. Может, человечеству лучше обойтись без нее?

Собеседник грустно усмехнулся:

– Если человечество не погибнет, то эта формация обязательно возникнет. Проблема в том, что пока не получается не погибнуть. Но решение возможно, иначе бы я здесь сидеть не мог.

– Погодите-погодите, не понял... – Я потрясенно замотал головой. – Что значит «не получается не погибнуть?»

– То и значит. – Лицо его болезненно дернулось. – В базовом, нулевом потоке и во всех временных потоках, которые я уже создавал и наблюдал, человечество погибает примерно на этой стадии развития. Мой опыт подсказывает, что и здесь опять произойдет нечто подобное в течение ближайших ста – ста пятидесяти лет.

На словах о «ближайших ста» первой выскочила радостная мыслишка: «На мой век хватит, не так много мне и осталось». Я гадливо стряхнул ее и внимательно посмотрел на Владимира. Что я могу знать о его мотивах? Говорит ли он правду? К чему меня подталкивает? Зачем?

– Два вопроса. Мм... Даже не знаю, с какого начать... Первый – если вы имеете возможность активно вмешиваться, то что мешает действовать самому? Судя по всему, ваши возможности весьма велики. Ведь так? И второй вопрос – отчего человечество гибнет? Есть какая-то единая причина или всякий раз по-новому?

– Увы. Мои возможности фундаментально ограничены. Я не могу лично оказывать значимое воздействие на события в созданном мной временном потоке. И не могу, кстати, создавать произвольное количество реальностей. Число возможных альтернативных реальностей зафиксировано одной из констант универсума. Да, оно значительно, несколько десятков тысяч, но около восьмидесяти процентов попыток мной уже использовано. Безрезультатно.

Владимир помолчал, задумчиво подвигал рюмашку и тихо продолжил:

– Я каждый раз присутствую при конце. Каждый конец ужасен по-своему. Видел, как фанатики конструировали и запускали абсолютно летальные вирусы со сверхдлинным инкубационным периодом и

воздушно-капельным путем заражения. Традиционные ядерные армагеддоны – я наблюдал их тысячи раз. Климатическое и сейсмическое оружие, вышедшее из-под контроля. Пошедшие не так эксперименты, в результате которых кора планеты сминалась, как пластиковый стаканчик под колесами машины. Локальные изменения физических констант или метрик пространства. Человечество очень изобретательно в поисках новых видов сеппуку. Единственное, что оно не может, – это выжить.

Быстро кинув в себя содержимое рюмки, он чуть поморщился и поднял полный страдания взгляд:

– А я... Все, что я на самом деле могу в каждом отдельном временном потоке, помимо его запуска, – это шунтировать информацию против градиента времени. Перенос личностной матрицы в прошлое – это информационное шунтирование. Предоставить возможность из прошлого обращаться к знаниям будущего – тоже. Все. На этом мои возможности заканчиваются.

– И все-таки... – концентрируюсь на четкости формулировки, – изменю вопрос: каждый раз, как я понял, катастрофа носит случайный характер. Но тысячекратно произошедшая случайность – закономерность. Должна быть общая причина тому, что на данном этапе социального и технологического развития реализуется именно такой исход. Вы не могли об этом не думать... Итак, ваше мнение?

– Вы делаете ошибку, думая обо мне как о личности. – Сидящий напротив грустно усмехнулся. – Я – пока не личность, я – возможное явление потенциально более высокого масштаба, чем отдельная личность. Разговаривая с вами, я лишь имитирую разум. На самом же деле я использую уже существующие в этом мире логические конструкции и аргументы, личностные маски. К сожалению, я не могу создавать новые аргументы и умозаключения, иметь собственную личность. Пока.

– Однако... тест Тюринга вы бы прошли успешно... Поздравляю. – Я задумался, ища возможность выдоить дополнительную информацию. – Хорошо, предположим, что это так... Но наверняка в других временных потоках катастрофы не были в большинстве случаев абсолютно неожиданными. Наверняка было их предощущение и мыслители искали ответ на мой вопрос. Какие были выдвинуты концепции?

– Увы, ответ на этот вопрос был бы информационным шунтированием из других временных потоков. Я не могу это делать, есть фундаментальное ограничение. Только из вашего текущего настоящего в ваше прошлое. Зато я могу делегировать управление этим шунтом. Используя здешние метафоры, можно назвать такую способность брейнсерфингом.

– Что за зверь? – Я заинтересованно подался вперед. Плюшки? Это я люблю.

– Представьте, что разумы всех живущих сейчас людей – это серверы, к которым вы можете адресовать любые запросы. Вам в прошлом будут доступны все существующие в момент вашего ухода отсюда знания, понимания и навыки. Различие между знанием и пониманием объяснять?

Я на несколько секунд задумался:

– Знания – это знания, а понимание – их взаимосвязи?

– Примерно так. Грубо говоря, понимание – это когда вы можете дать ответ на сценарий «что, если» напрямую. Это опыт практического использования знаний. Давайте теперь объясню, как этим брейнсерфингом пользоваться. Есть два режима запросов. Первый – адресация неопределенному кругу. Такой запрос может исполняться достаточно долго, и в полученной информации надо разбираться, сортируя, приводя в порядок и очищая от противоречий. Есть смысл его использовать только для поиска очень редкой информации, известной очень небольшому кругу людей, причем они – не с вершины пирамиды власти. Во всех остальных случаях разумно идти по цепочке сверху вниз, ища известных экспертов, и далее потрошить их знания, понимания и умения...

Да, инструктаж в вагоне был недолог. «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Похоже, он наугад работает. Или нет?

Я задумчиво потерел губу. Была там одна скользкая фраза... Двусмысленная. Про невозможность шунтирования из параллельных потоков. «Знаю, но сказать не могу». Ну предположим... И что мне это дает?

Наблюдаю, меланхолично помешивая сахар в стакане, за малолюдным проспектом. Некоторых людей уже узнаю. Вон, к примеру, однорукий дедок трется у водочного магазина с утра пораньше – я его здесь и вчера видел, в допотопном пальто «привет из пятидесятых» с воткнутым в карман рукавом. Дворничиха в тулупе, лениво с ним переругиваясь, неторопливо метет тротуар. Метла из прутьев, а не из ставшей уже привычной синтетики. Мамаша куда-то ведет двойняшек. По будням она тащит их в детский садик напротив собора. Кстати, садик – с изучением английского языка в старшей группе, есть в СССР и такие.

Я оторвался от окна и опять начал выписывать круги по кухне.

А дает мне это понимание: зная причину, «явление» может выбирать из исполнителей и точек бифуркации. Выбор меня, страны и времени сам по себе кое о чем говорит. И тогда менять историю следует в соответствии

с тараканами в моей голове. Ничего мудрить не надо, мой первый порыв – самое оно. Осталось теперь его исполнить.

Прошелся по кухне, проверяя логику. Очевидных косяков не видно. Значит, можно начинать планирование с учетом имеющегося ресурса. А пока мне надо стать эдакой маленькой серенькой мышкой под веником, слиться с фоном. Обычный советский школьник – смогу ли я хорошо отыграть эту роль?

Понедельник 21 марта 1977 года, 11:40

Ленинград, Измайловский проспект

– Ой... Привет, Тома! – оторопело смотрю я на девушку, с которой нос к носу столкнулся в полутемном тамбуре хлебного магазина. – Сто лет жить будешь.

– Здравствуй, – свысока кивает она и направляется мимо.

– То-о-ом, – тяну я в спину, глядя на полупустую матерчатую сумку у нее в руке, – ты домой или дальше по магазинам? Если дальше, то пошли вместе, я тоже отсюда обход начал.

Она оборачивается, на лице – раздумье.

– Вместе весело шагать по просторам, – бросаю с серьезным видом аргумент.

Тома фыркает, потом, чуть подумав, согласно кивает:

– Ладно... Я на улице постою.

Странно это все... Вроде и не мальчик, но откуда такая радость? Почему понятное желание понести ее сумку превращается в мучительные метания в поисках подходящих слов?

Надавил вилкой на черняшку – свежайший. Взял еще теплый, чуть маслянистый брусок, понюхал – и сладковатый ржаной запах вытеснил все мысли. Торопливо отламываю уголок и хрущу чуть кисловатой корочкой обдирного. В сумку, туда же горчичный батон. У кассы перечислил лежащее в сумке, расплатился и торопливо пошел к выходу.

Спускаясь, задержался на последней ступеньке.

– Господи, ну скорее бы вырасти. Так хочется взглянуть на тебя сверху вниз. – Со вздохом сделал еще один шаг, и вот я снова сантиметров на семь короче Тома. Тоска смертная. – Ну какие у тебя планы по закупкам?

– Молочный еще и овощной. Картошка и морковь. – Тома с некоторым сомнением взглянула на меня.

– Угум-с... – Я задумываюсь над выстраиванием оптимального, с точки зрения моих интересов, маршрута. – Значит, мы сделаем так, – начинаю командным голосом. – Сейчас идем в молочный, потом ты

заскакиваешь к себе и оставляешь купленное, потом заходим ко мне, я тоже оставляю, пьем чай и идем в овощной.

На «пьем чай» мой голос предательски надломился, не выдержав внутреннего напряжения, и я дал позорного петуха.

– О боги! – Я раздраженно закатил глаза к небу.

Тома деликатно ткнулась мордочкой в воротник пальто, пряча усмешку.

– Ужасный возраст, – поделился я с Томой своими переживаниями. – Пошли. Держись за меня, скользко. – Протягиваю ей руку.

Тома чуть нарастила дистанцию между нами. Понятно... Ладно, пойдем длинной дорогой:

– Что читаешь?

И мы двинулись, повышая в споре голос и размахивая руками. Нет, я, конечно, понимаю, что девочки сентиментальны, но это же уму непостижимо – сравнивать глыбу Хемингуэя и коммерческого писателя Ремарка. Да этот Мария осознано использовал пафос и сентиментальность, разжевывал для читателя малейшие шероховатости и не видел разницы между фашизмом и коммунизмом. А ее переход от Ремарка к Экзюпери – это вообще верх нелогичности!

На верхней точке моста через Фонтанку Тома вскочила на высоченный поребрик:

– Подожди чуть-чуть... Полюбуюсь, очень красивый вид отсюда.

Выцелила взглядом в створе проспекта золотую иглу Адмиралтейства и неподвижно замерла, приподнявшись на цыпочки, лишь чуть-чуть двигались лепестки ноздрей, втягивая морозный ленинградский ветерок.

Я смотрел на тонкий профиль, и память своевольно подбрасывала чуть более взрослые образы. Реальность оплывала мягким воском под устремленным в будущее взглядом. Я грезил, и мимо неторопливой каруселью проплывали видения: музыка Доги и счастливые глаза напротив в кружении выпускного вальса; бокалы с шампанским на гранитном парапете, и стая разноцветных шаров рвется в светлую июньскую ночь; сочная зелень полей прижимается к ныряющей между холмами цепочке пирамидальных тополей, в просвете между деревьями машет мне рукой чуть дрожащая в воздухе тонкая девичья фигурка. Пряно-горьковатый аромат кружит голову, где-то сбоку чуть хрипловатый женский голос выводит: «Dance me to the end of love», и я слегка киваю в такт мелодии.

– Ну что ты так на меня смотришь? – выдернул меня из нирваны нервный вопрос. – И не вздумай опять свои глупости говорить!

– Но думать-то глупости ты мне не можешь запретить, верно? – слегка

заломив бровь, взглянул я в зелень глаз напротив.

Отвернулась, нахмурившись, но по легкому шевелению ушек я догадался, что уголки ее рта поехали вверх. Протянул руку и помог спуститься на обледеневший тротуар. В многозначительном молчании дошли до ее парадного.

– Где твое окно? – спросил, запрокинув голову к фасаду.

– Вон видишь на третьем этаже балкончик? Это мой. Серенады выть будешь? – деловито уточнила Тома.

– Угу, и будут у тебя теперь под окнами литься горестные звуки баркаролы заказной...

– Стих?

– Не обращай внимания – дурацкая привычка извлекать из себя цитаты.

– Дюх, – впилась она в меня клещом, – расскажи, я такого не слышала...

– Спой, светик, не стыдись?

– Ну пожа-а-алуйста...

Я заглянул в подсвеченные солнцем глаза, увидел лишь не замутненное ничем любопытство и капитулировал.

– Сейчас... Вспомнить надо. – Я шепчу про себя полузабытые строки. – Значит, так. Там будет слово «Веспер» – это название вечерней Венеры у римлян.

Приосанился и начал декламировать:

Ночь светла. В небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Догаресса молодая
На подушки прилегла,
Безучастно наблюдая
Танец легкого весла.

Что красавице светила?
Что ей ход небесных сфер?
Молчалив супруг постылый,
Безутешен гондольер.

Не о том ли в час разлуки
Над Венецией ночной
Льются горестные звуки
Баркаролы заказной?^[6]

Устремив взор в себя, Тома некоторое время беззвучно шевелила губами, повторяя какие-то строки, потом вскинула на меня требовательный взгляд:

– Чье это?

– Современного поэта, ты не знаешь.

Конечно, не знает – оно еще не написано.

– Современного... странно... – опустив голову, начала задумчиво рассуждать сама с собой. – А так на Пушкина похоже... Но, конечно, не он, иначе это стихотворение было бы в избранном, а его там нет.

В полном изумлении я посмотрел на девушку. Нет, я знал, что у нее светлая голова, но чтобы настолько...

– Слушай, – в голосе прорвалось уважительное удивление, – ты меня сейчас поразила. Честно. Тут ведь Пушкин действительно присутствует.

– Ты же сказал, что современный! – обиженно воскликнула она.

– Так и есть. Понимаешь, Пушкин тут присутствует как основа, – начал я излагать взволновавшую меня историю. – Первые пять строчек – это чуть переделанный черновик, написанный им за месяц до гибели, так называемое неоконченное «венецианское» стихотворение Пушкина. В целом же виде этот стих недавно воспроизвел пушкинистам один старичок. Вроде как он запомнил его наизусть в юности со слов приятеля, утверждавшего, что в его семье хранился альбом, где эти строки были кем-то записаны. А в годы Гражданской войны тот альбом был утерян. Представляешь потрясение пушкинистов?! Нет текста – нет возможности доказать авторство. Но кто еще может написать – «танец легкого весла»? Кто еще в шестнадцать строчек втиснет шекспировский сюжет? Кто у нас помнит, что такое баркарола? Это, между прочим, романтическая серенада венецианских лодочников – ее часто распевали именно на заказ под определенным окном. И когда экстаз пушкинистов достиг максимума, дедок, между прочим известный художник-иллюстратор детских книг, признался в мистификации – это он дописал стихотворение Пушкина. Шутка! Но какая!

Тома зачарованно слушала, не сводя с меня округлившихся глаз, ладошки молитвенно сложены на груди. Я замер от желания сделать

полтора шага навстречу и ткнуться носом в завиток у виска. Еще рано, очень-очень рано...

– Ты, оказывается, не только красивая девушка, но еще и тонко слышащая, – искренне выдохнул комплимент. – Почти никто вот так на слух Пушкина в незнакомом стихотворении не опознает.

По лицу Тома скользнула довольная улыбка, потом девушка подхватила сумку, бросила: «Я быстро», – и стремительно исчезла в темноте парадного.

Запрокинув голову и довольно щурясь, я изучил рустику на фасаде. Это я удачно в булочную зашел, молодец!

– Па-ап... – Я налил себе чая и присел напротив.

– Ась?

– У меня каникулы.

– Сердечно поздравляю.

– Э-э-э... – Я замялся – не люблю просить деньги. – Как ты думаешь, если я приглашу девушку в кино, то финансовое благосостояние нашей семьи не будет сильно поколеблено?

Папа насмешливо задрал брови:

– Как ты сложно завернул... Не сразу даже и сообразишь, на что намекаешь. И в конце, венцом творения, волшебное слово «поколеблено», чтобы окончательно меня запутать и дезориентировать.

Улыбнулся в ответ:

– Ну не могу же я подойти и сразу в лоб: «Дай рубль».

– Ого, целый рубль? Это ж сколько девушек можно сводить в кино... – Папа мечтательно закатил глаза к потолку и начал что-то подсчитывать. – Пять штук!

– Мороженое перед сеансом в калькуляцию заложил? – уточнил я деловито. – Пышки с кофе после... Плюс резерв на непредвиденные обстоятельства.

– О, так речь не просто о кино... Тут планомерная осада намечается. – Папа заинтересованно потер ладони. – Из класса?

– Ага.

Папа опасливо покосился на прикрытую дверь и, понизив голос, уточнил:

– Зорька твоя?

– Да, это хорошо, что ты напомнил... С Зорькой тоже в кино собираемся, но втроем, с Паштетом. Возможно, даже два раза.

Папа чуть повеселел и, наклонившись к журнальному столику, приступил к набиванию трубки.

– Что бы с тебя такого запросить за это... – он неопределенно пошевелил пальцами в воздухе, – эдакого...

– Как насчет ежедневных занятий физкультурой? С апреля, как освобождение закончится.

– Ого, эх тебя прижало, чтобы на такое подписаться. Надеюсь, это не будут перевороты с боку на бок в постели?

– Не-а, я все равно собирался, а тут появится дополнительный стимул – раз с тобой договорился.

– Хм. Ну давай попробуем. Интересно даже, на сколько тебя хватит.

Папа достал пружинную монетницу и начал выщелкивать из нее двадцати- и пятнадцатикопеечные монеты.

– На, тут два с полтиной – на каникулы. Хватит?

– Спасибо, с запасом. – Я с облегчением принял в ладошку горстку серебра и направился в свою комнату.

– Да, кстати, запомни, – полетело мне в спину, – мужчины, по крайней мере большинство из них, устроены так, что не понимают намеков и невербальных сигналов. Невербальные сигналы – это...

Я приостановился в дверном проеме:

– Я знаю, что это.

Папа чуть удивленно посмотрел на меня, слегка кивнул и продолжил:

– Хорошо... Если ты хочешь чего-то добиться от мужчины, то говори прямо и обосновывай логически. А вот женщины прекрасно умеют изъясняться намеками и жестами. Из-за этого, кстати, часто происходят ссоры в семьях. Жене кажется, что она ясно дала понять, чего ожидает от мужа, а муж эту просьбу просто не услышал.

Я вернулся к креслу и заинтересованно пристроился на подлокотнике:

– Забавно... А еще?

– Что – еще?

– А еще какие есть различия между нами тут? – Я постучал пальцем по виску.

– Еще... – Папа на мгновение задумался. – Еще женщины способны одновременно контролировать несколько задач, мужчины же лучше приспособлены к концентрации на одной.

«Многопоточные и однопоточные системы», – перевожу для себя.

– Поэтому среди высококлассных ученых или шахматистов мирового уровня так мало женщин, – сделал вывод папа. – Они просто биологически не могут конкурировать с мужчинами там, где требуется высокая концентрация внимания на одной проблеме. Зато они легко обходят нас при выстраивании отношений, что тоже немаловажно.

– Может быть, и важнее...

– Может, – согласился папа, раскуривая трубку.

Ответственный момент. Я на некоторое время замолкаю, наблюдая за священнодействием. Две минуты борьбы, четыре спички – и папа в блаженстве откинулся на спинку кресла, наблюдая за расплывающимся облачком.

– А еще?

Папа жизнерадостно заржал:

– Ты серьезно готовишься, как к битве. Не бойся, все не так страшно.

– Да я и не боюсь... Почти. – Я улыбнулся. – Просто интересно. Мы же действительно не только внешне разные, но и головы работают иначе, а об этом нигде не пишут.

– Ну-ну... – Папа насмешливо усмехнулся и продолжил: – А еще у нас разная память на поступки. У мужчин этот вид памяти заметно короче, поэтому женщины кажутся нам злопамятными. На самом деле – просто памятьливее нас.

Струйка дыма, извернувшись, дотянулась до меня, и я с удовольствием втянул сладковатый аромат.

– Но-но, не вздумай, – заметил мое движение папа. – Засеку – будешь дран. Или драт? Хм... В общем, мало не покажется.

– Да нет, и не собираюсь, – ответил я искренне. – А еще?

– А еще оценка поступков разная: у женщин – качественная, у мужчин – количественная. Женщины ставят за поступок плюс или минус, причем без разницы, что ты сделал – купил ей громадный букет роз или помог надеть пальто. Все равно будет только один плюс. Мы же шкалируем оценку поступков... Есть такое выражение – «женская стервозность». Это когда на фоне полного, как нам кажется, благополучия в отношениях мы вдруг получаем шилом в зад. И нам невдомек, что причина есть – у женщины наш баланс поступков ушел в отрицательную зону. А мы свято уверены, что в твердом плюсе. Все дело в разных способах оценки и разной длине памяти. Короткий стек с количественными оценками против длинного стека с качественными. – Папа задумчиво пыхнул и утвердительно уточнил: – Что такое стек, знаешь?

– Угу. В «Науке и жизни» было, – бросил наугад.

Папа покивал и продолжил лекторским тоном:

– Ну и еще одна наша типичная ошибка: нам кажется, что, купив огромный букет, мы себе надолго заработали индульгенцию. Ошибочка-с – только один плюсики. Поэтому лучшая тактика для набора баллов – часто и мелко «плюсить». То, что женщины называют «уделять внимание» и чего

мы так не любим.

Я повертел головой, припоминая эпизоды своей прошлой семейной жизни. А ведь сходитесь, черт побери! Из меня чуть не вылетело: «Что ж ты мне раньше этого не сказал!»

– Да они инопланетяне! – воскликнул я растерянно. – Другой биологический вид. Столько различий!

Семья собралась на программу «Время», я одним ухом слушал «Голос Америки»:

– На проходящем сегодня в Москве шестнадцатом съезде профсоюзов СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев дал положительную оценку работе профсоюзов, – зачитывает текст диктор. – «Нет сомнений, что в решение задач, связанных с улучшением жизни народа, весомый вклад внесут профсоюзы. Ведь именно ради человека, ради его интересов действуют наши советские профсоюзы. Отсюда первостепенное значение постоянной заботы об улучшении условий труда, о сведении к минимуму ручного, малоквалифицированного, физически тяжелого труда, о создании обстановки, исключающей профессиональные заболевания и производственный травматизм».

– В Иерусалиме прошла десятитысячная демонстрация протеста против ареста Натана Щаранского, – нашептывает радио. – С речью, осуждающей репрессии против советских евреев, выступила бывший премьер-министр Израиля Голда Меир.

– Сегодня в торжественной обстановке заложен первый блок фундамента на строительстве главного корпуса Экибастузской ГРЭС-1, – вклинивается телевизор. – Строительная площадка раскинулась на двадцать пять квадратных километров. Размеры главного корпуса составят пятьсот метров в длину и сто тридцать два в ширину. Это будет самое крупное производственное здание в мире.

– Палата представителей Конгресса США, – доносится сквозь завывания глушилки, – приняла резолюцию, осуждающую преследование советскими властями евреев и других желающих эмигрировать. Результаты голосования по резолюции: «за» – четыреста, «против» – два.

– У рабочих Волжского автомобильного завода праздник, – несутся радостные нотки, – сегодня с конвейера сошел первый советский серийный легковой автомобиль повышенной проходимости ВАЗ-2121, получивший фирменное название «Нива». Среди технических новинок, не имеющих аналогов среди автомобилей такого класса в мире, специалисты отмечают постоянный полный привод, независимую переднюю подвеску,

цельнометаллический несущий кузов и множество других оригинальных решений.

– Сегодня, – возражает «Голос Америки», – из Союза советских писателей исключен литературовед-германист, диссидент Лев Копелев. Активный участник Великой Отечественной войны, Лев Копелев был впервые арестован в тысяча девятьсот сорок пятом году за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением в Восточной Пруссии. Приговорен к десяти годам за пропаганду «буржуазного гуманизма» и «сочувствие к противнику». Заключение отбывал в спецтюрьме МГБ номер шестнадцать, где произошло его знакомство с Александром Солженицыным. Именно Лев Копелев со своим коммунистическим идеализмом стал прототипом Рубина в книге «В круге первом»...

Резко выключил «Ригонду». Какой все-таки идиотизм у нас с этим еврейским вопросом. Всех выпускать, никого не впускать – и все. Ведь очевидно же, что рабский труд непроизводителен. Насильно мил не будешь. Проиграли борьбу за умы этих людей – будь честен, признай и сделай правильные выводы. Но это же надо признать поражение... Расстроено вздохнув, пошел в свою комнату.

Ладно, девушку в кино пригласил, денежку добыл, несколько запросов исполнилось – день прожит не зря. Надо будет потом, после исполнения первых пунктов плана, заняться ликвидацией кассового разрыва. А то столько соблазнов, все хочется попробовать. Сегодня проходил мимо чебуречной «Вьюнок» и не удержался, зашел, на свою голову, посмотреть. Как увидел громадный алюминиевый таз чебуреков, как вдохнул запах – чуть не обезумел. И еще долго потом шел по улице, тоскуя и сглатывая слюну. Определенно с этим надо что-то делать.

Глава 5

Четверг 24 марта 1977 года, 13:30

Ленинград, Измайловский проспект

Вот уже минут пятнадцать я, как последний идиот, то торчал на углу около бывшей часовни Троицкого собора, плясь на голубые купола напротив, то заскакивал на очередную рекогносцировку в кафе-мороженое, чтобы еще раз оценить ассортимент: шоколадное, крем-брюле, фруктово-ягодное, пломбир обычный, с орехом и изюмом. И густой молочный коктейль, вид которого вдруг закольцевал в мозгу прошлое и будущее, создав иллюзию бесконечности наподобие той, что возникает, если встать между двумя неидеальными зеркалами. Видишь пышную молочную пену, вальяжно льющуюся из высокого стакана-смесителя, и на языке возникает мираж восхитительного вкуса из далекого детства – того самого детства, веселого и беззаботного, в котором сейчас и нахожусь.

Несмотря на середину буднего дня, небольшое, всего на три столика, помещение отнюдь не пусто: по залу гуляет легкое постукивание алюминиевых ложечек по эмалированным креманкам, а в воздухе витает слабый кофейный аромат. Купол над головой, барельеф по кругу, два высоких окна почти от пола со сдвоенными колоннами по бокам – стильный интерьер будит фантазию, которая деловито заменяет мебель, расставляет витые свечи и цветы. Отличное место для свидания.

Опять выхожу на улицу. Оказывается, моя будущая девушка излишней пунктуальностью не страдает. И не излишней тоже. «Ну что ж, – злобно решил я, – на мороженое перед сеансом она себя уже наказала. Так что теперь или-или: или мороженое после сеанса, или пышки. Если будет себя хорошо вести. Если придет...»

Справа раздался веселый гомон: малышня раздобыла в кафе большой кусок сухого льда и радостно топила его в узкой полоске воды вдоль поребрика, изумляясь густоте стелющегося над поверхностью тумана. Да, дня три как резко потеплело, и сугробы на газонах начали проседать, с охотой выдавливая из себя талую воду. Никак весна начинается?

Весна семьдесят седьмого... Неверяще потряс головой. Спало напряжение первичной адаптации, но по-прежнему иногда вдруг темным облачком налетали сомнения в реальности происходящего. Сомнения и страх. Страх, что чья-то рука вдруг сдернет, как грязную занавеску, реальность семьдесят седьмого и меня выкинет в пустое купе на подъезде к

Шепетовке.

Как за соломинку, зацепился взглядом за виднеющийся вдали дом с балкончиком на третьем этаже и немного успокоился. Здесь я, здесь. Под ногами чуть неровный потрескавшийся асфальт, чистый воздух омывает лицо и сыто втекает в горло, сердце взволнованно бьется, и где-то под дыхом опять зашевелился червячок голода. Достал из кармана болоньевой куртки пятерню, пошевелил пальцами: «Точно, моя, хоть и непривычно выглядит... Слушается».

Окинул еще раз ждущим взглядом улицу и, разочарованно вздохнув, вернулся к размышлениям.

Итак, сейчас я – рычаг в поисках точки опоры. Я могу перевернуть мир, но мне нужен патрон, через которого можно продавливать решения. Кто-то из Политбюро, очевидно, – другие просто не имеют необходимого веса. И этот кто-то должен мне поверить и быть готов пойти на риск ради идеи. На большой риск.

В идеале – Брежнев, но маловероятно. Андропов? Громыко? Романов? Или кто-то еще? Надо поднимать воспоминания людей, хорошо знавших этот состав Политбюро.

Выявить потенциального патрона и наладить канал для двусторонней связи, оставаясь анонимом. Не хочу лезть в клетку, пусть даже она будет золотой. Знаю, что любого из них станет интересовать в первую очередь. Они убеждены, что основная угроза СССР идет извне, а внутри страны все в порядке. Начнут качать из меня сведения по развитию военной техники и клепать танки с ракетами вместо масла. А потом почувствуют себя всесильными и полезут в авантюры за рубежом. Будет не один Афган, а несколько... На фиг, на фиг, буду фильтровать информацию. Страна нуждается в разумных реформах, а не в бесконтрольном наращивании военной мощи. Сила государства определяется тем, что ребенку дают на бесплатном завтраке в детском саду, а не количеством «калашниковых» на складах.

Я еще раз вздохнул, вглядываясь в силуэты людей. Где же Тома, что за черт? Отминусовал молочный коктейль – все равно уже не успеем до сеанса... Поднял глаза, любуясь выбеленной синевой ленинградского неба.

Интересно, сколько времени понадобится для перепроверки моей информации? Когда мне начнут по-серьезному доверять? Митрохина проверить быстро, а вот остальное – не очень. Заложу-ка я полгода на ожидания.

Ладно, приму это за отправную точку. Теперь, что у меня в активах?

Воспоминания реципиента, иногда прорывающиеся в сопровождении

слуховых и обонятельных галлюцинаций. Пользы от них – почти ноль. Ну да, всплыло знание о заначке, спрятанной на антресолях, – еще рубль семьдесят мелочью. Остальные воспоминания – шлак. Я и без них быстро адаптировался.

Забавно, что характер галлюцинаций как-то связан с эмоциональной окраской воспоминаний. Приятные сопровождаются мелодичными звуками и экзотическими ароматами, всякая гадость лезет из памяти реципиента в окружении вони и какофонии.

Зато брейнсёрфинг работает, и это главное. Правда, как-то непонятно. То сложный запрос обрабатывается достаточно быстро, за пару часов, то на простой уходят сутки. Похоже, ширина канала плавает, иногда уходя в ноль.

Умения вылуциваются из доноров очень долго, а потом все равно приходится нарабатывать моторные навыки. Да, знаю, как надо двигаться, да, закрепление идет быстро, но без тренировок ничего не получается. Не удастся взять с полки знание карате и накинуть на себя. Увы мне, увy...

Щеки залило краской: вспомнил, как выглядела сегодня в зеркале попытка исполнить самбу. Жалкое зрелище.

За спиной раздалось девичье похихикивание. Я обернулся и с недоумением посмотрел на державшихся за руки подружек.

«Мы так не договаривались, откуда здесь Ясмина?!» – с укоризной взглянул на Тому.

– Извини, – сказала она, нимало не смутившись, – задержались немного. Пошли?

Нет, я лично против Яси ничего не имел. Пусть ее в классе считали серой мышкой, но я-то знал, что это не так. Где-то в начале девяностых жизнь свела наши семьи, и мы несколько лет довольно плотно общались, а ее смешливые мальчишки-близнецы Егорка и Глеб пару раз даже ночевали у меня дома. Я знал, что за неброской внешностью скрывается мощный интеллект – кандидатами в мастера спорта по шахматам просто так не становятся; а молчалива она отнюдь не из-за стеснительности – просто ей интереснее наблюдать, чем участвовать. А еще у нее тонкий и спокойный, почти английский юмор. Но божечки мой, сегодня эта Томина наперсница явно лишняя!

– Пошли, – проворчал я недовольно. – И пошли проворно – до сеанса минут тридцать осталось.

– Куда и на что идем? – уточнила Яся.

– В «Космонавт», на «Три дня Кондора». Остросюжетный штатовский фильм, Сидни Поллак режиссер. Это который снял «Загнанных лошадей

пристреливают».

– А, сильный фильм, но жутковатый. – Тома слегка помрачнела. – Я его прошлым летом в деревне смотрела, черно-белый. Джейн Фонда там понравилась. А этот такой же по настроению будет?

– Говорят, что другой. Крепкий боевик. – Я старательно избегал слова «триллер» – не помню, используется оно сейчас или нет.

– А сколько идет? – интересуется Яся. – Мне надо к пяти в дом «Знания»^[7] успеть.

– Два часа, – припомнил я расписание сеансов. – К четырем закончится. А что ты там забыла?

– Котов будет лекцию читать: разбор двух первых партий четвертьфинала Спасский – Горт.

– Успеешь, – уважительно кивнул я. – Красивое, кстати, здание – выделяется даже на Литейном. И внутри шикарно. Один из бывших особняков князей Юсуповых.

– Юсуповы? – Тома сдвинула брови, что-то припоминая. – Кажется, слышала эту фамилию... А, точно, Пушкин с каким-то Юсуповым был хорошо знаком. Стихотворение «К вельможе» ему написано. А чем-нибудь еще эта фамилия была известна?

Я диковато покосился на нее, опешив. Да уж, историческую память перепахали и переборонили на совесть...

– Да как тебе сказать, – задумчиво потер подбородок. – Шесть веков истории у князей Юсуповых за плечами. Начиная с Ивана Третьего – одна из опор престола. Не единственная и не самая главная, но важная. А начало род берет от Едигея, эмира Золотой Орды и родственника Тамерлана...

К моему удивлению, помнил я довольно много, так что баек про де-факто майорат, жемчужную эполету от Николая Первого и убийство Распутина хватило до самых касс. В фойе мы протиснулись минут за десять до начала киножурнала. Кое-где в людской толчее мелькали знакомые лица. Стайка девчонок из седьмых классов, бойко поблескивая глазками, оживленно защебетала, узрев меня с Томой, и чуть взгрустнула из-за краха смелых гипотез, когда к нам присоединилась Яся. Многозначительно окинув нас взглядом, павой проплыла под ручку с каким-то чернявым студентом отнюдь не первого курса Кузя. Расстроено отошел от игрового автомата «Снайпер» Сашка Лейтман и тут же, наклонив голову, начал размашисто вытряхивать перхоть из засаленных волос. Народ шарахнулся в стороны. Ничего, Сашок, скоро твои мучения закончатся – через пять лет после школы будешь щеголять шикарной плешью.

Лейтман задумчиво повел головой и встrepенулcя, увидев нас. Грусть

ушла из его чуть выкаченных миндалевидных глаз, сменившись неподдельной радостью встречи. С неприятным дребезжанием пришло понимание, что он неровно дышит к Томе. Быстро окинул взглядом проталкивающуюся к нам фигуру и расслабился – не соперник.

– Привет, какая встреча! У вас какие места? – протараторил он, бесцеремонно вторгаясь в личное пространство. Его взгляд хаотичными скачками обшаривал наши лица, пухлые губы растянулись в широкой улыбке.

– Здравствуй, – холодным хором откликнулись девушки.

– Здоров, – сказал я.

Тома, помешкав, сделала пол приставных шажка ко мне и взяла за локоть, пристроившись чуть за плечом. «Сашка, золотой ты мой, я тебя уже люблю!» – Я с приязнью посмотрел на мнущуюся перед нами широкотазую фигуру.

– А я с гантелями начал заниматься, – похвастался он, косясь на Тому. – Во, пощупай, – подсунул мне согнутую в локте руку.

– Молодец, – легко похвалил я. – Решил поработать над собственной сексуальной привлекательностью? Правильное решение – тебе надо.

Каким-то образом почувствовал легкую улыбку Тома за плечом, со стороны греющих уши семиклассниц полетело тихое злорадное хихиканье. Коротко скользнул по этим гадким утятам взглядом – дети детьми, но почти все уже пытаются строить глазки. Нет, девочки, такого счастья мне не надо. Мне бы с Зорькой разобраться без членовредительства...

Тревожный холодок предчувствия пробрался за шиворот, заставив поежиться. Я, конечно, скоро буду весь из себя гигант мысли и двигатель мирового прогресса, но вот как решить маленькую тактическую задачу под названием «Зорька», не представляю.

Радовало только одно – мы уже двигались в зал. Сашка с Ясей шли впереди, прокладывая дорогу, а Тома так и не выпустила мой локоть. Жизнь, похоже, налаживается...

Пятница 25 марта 1977 года, 10:10

Ленинград, Измайловский проспект

Робкие попытки весны просочиться в город, предпринимавшиеся всю последнюю неделю, были этой ночью парированы прорвавшимся с северо-востока циклоном. К утру серьезно подморозило, и газоны во дворе, начавшие было раскисать из-за талой воды, покрылись броней из ледяной корки. Аккуратно встаю на пяточок земли – держит. Слегка перенес тяжесть на одну ногу, и твердь под ней сначала спружинила, а потом нехотя

поддалась. В образовавшиеся трещины густой черной пастой полезла почва.

Прямоугольник двора над головой, как крышкой, накрыт быстро летящим низким небом. Даже здесь, в окружении высоких домов и деревьев, ощутимо дует. В струях воздуха носятся редкие жесткие снежинки и больно бьют по ресницам. Натягиваю вязаные рукавицы, поддергиваю повыше шарф и решительнодвигаюсь к полутемной подворотне.

«Между прочим, только что ты сделал первый шаг, который должен изменить этот мир. Один шаг для тебя и огромный шаг для человечества», – чертиком выскочила ехидная мысль. От неожиданности приостановился, огляделся. Отмерил взглядом на память тот самый шаг, с газона на выщербленный асфальт, и упругой походкой направился к цели.

Сегодня я делаю первый ход в своей игре. Легонько толкну устоявшийся мир, но и этого должно хватить, чтобы под колесами истории начали стелиться чуть иные рельсы. Мир станет немного лучше. И этот первый ход инвариантен. Что бы я ни решил делать дальше, дебют в любом случае следует разыгрывать именно так. Грязь надо вычистить.

«Запулю камень в пруд. Точнее, три камешка. А где-то через неделю меня начнут искать очень-очень серьезные дяди из комитета для длинных вдумчивых бесед. Дяди с весьма серьезными ресурсами. Ну что ж, побегаем, да», – мечтательно улыбнулся я подкопченным фасадам Измайловского проспекта. Настроение зашкаливает за отметку «отлично», я больше не беспомощен перед ликом Истории.

Искать меня будут профи. Землю рыть. Надо все сделать крайне аккуратно и обязательно проложить много ложных тропок для следопытов. Когда они сосчитают камешки, проанализируют полученную информацию и проверят ее на правдивость, то будут готовы к самым фантастическим гипотезам. Надо помочь полету их мысли.

Кошусь на почту через дорогу. Соблазнительно. Заскочить, купить и оказаться через пять минут дома, в тепле. И за работу. Но нельзя. Слегка вздохнув, шагаю мимо, сворачиваю на Первую Красноармейскую и ускоряюсь. Совмещу приятное с полезным, разомнусь.

Взгляд привычно коллекционирует отличия. Много мужчин с папиросами и мало – с сигаретами. На улицах не бывает курящих женщин. Никто не пьет спиртное на ходу. Совсем нет женщин за рулем легковушек. Почти нет людей с озабоченными лицами. У многих после сорока во рту не хватает зубов. Асфальт все же хуже. Взрослые не боятся делать замечания незнакомым подросткам. Много, просто очень много людей в форме. Нет

решеток на окнах и кодовых на парадных. Милиционеры ходят без оружия. На улицах гораздо чаще встречаются куда-то несущиеся веселые детские компании.

Минут через пятнадцать я с трудом вдавливаюсь через циклопического размера двери в мрачную глыбу Фрунзенского универмага. Кручу головой в поисках указателей, не нахожу и начинаю искать методом тыка. Отдел канцелярских товаров обнаружился в глубине первого этажа, за лестницей.

Тихонько, бочком-бочком, пристраиваюсь к торцу витрины, разглядывая нужный товар. Вот эти конверты, с портретом Алексея Силыча Новикова-Прибоя и маркой за четыре копейки, подойдут. К сожалению, народу немного, первая половина буднего дня. Надеюсь, что в школьнике, покупающем всякую мелочь, нет ничего такого, ради чего продавщица стала бы меня запоминать.

Достаю из кармана заранее отсчитанную мелочь и просовываю в окошко кассы:

– Двадцать девять копеек в третий отдел.

Кассирша скользит по мне невидящим взглядом и протягивает чек. Неторопливо иду к отделу, где по другую сторону прилавка оживленно о чем-то судачат две продавщицы средних лет, и протягиваю чек:

– Пять конвертов, пожалуйста, и две тетрадки в клетку.

Судя по всему, для этих продавщиц я тоже остался человеком-невидимкой, но на всякий случай слегка опускаю голову, будто бы разглядывая выложенное на прилавок. На самом деле слежу за движениями пальцев продавщицы при отсчитывании конвертов.

Отлично. Как и рассчитывал, отпечатки появились только на первом и последнем конвертах. Этим серьезным дяденькам хватит терпения собрать отпечатки пальцев со всех продавщиц почтовых конвертов этого города. Не собираюсь облегчать им задачу.

Ну, с Богом. Сажусь за стол, придвигаю лист и начинаю быстро сбрасывать в черновик первого письма вытяжку из запросов:

«Генерал-майор ГРУ Дмитрий Поляков работает на ЦРУ с ноября 1961 года. Мотив – любит азартную жизнь. После досрочного отзыва из Индии в этом году временно заморозил контакты. Многочисленные хорошо замаскированные тайники дома, на даче и в доме матери в самодельной мебели и деталях интерьера, ручке спиннинга, конвертах грампластинок, шифр-блокнот под обложкой несессера».

Да, это у нас самая большая дыра, надо ее срочно зашить, а то еще восемь лет будет сливать сверхсекретную информацию. Генерал ГРУ – это

фигура. И некоторых наших нелегалов он уже успел убить. Маша Доброва выбросилась с двенадцатого этажа, когда фэбээровцы попытались ее арестовать. А прошла Испанию, блокаду в Ленинграде и девять лет нелегальной резидентуры в США...

«Генерал-майор КГБ Олег Калугин, Управление «К» ПГУ, работает на ЦРУ с 1958 года (Колумбийский университет, двойной агент Кук, сдал Липка (NASA), убийство Артамонова, оговорил и сдал Кочера, блокирует информацию Дроздова по Шевченко). Мотив – идеологическая неприязнь к СССР. Во время зарубежных командировок передает информацию на сотрудников ПГУ КГБ компрометирующего характера, облегчая их вербовку».

Еще одна дырища, только не в ГРУ, а в КГБ. Главный контролер разведки является предателем.

«Аркадий Шевченко, чрезвычайный и полномочный посол СССР в ООН, заместитель Генерального секретаря ООН, в ЦРУ с 1975 года, «медовая ловушка» с Джуди Чавис (Нью-Йорк, ФБР)».

Тоже мощный прокол. Будучи доверенным помощником Громыко, Шевченко осуществлял связь МИДа с КГБ и в силу этого знал очень много о нашей нелегальной резидентуре.

Теперь предатели, пока не успевшие здесь нанести серьезного вреда, но способные это сделать.

«Василий Митрохин, архивный отдел ПГУ КГБ. Делает выписки из дел с целью передачи противнику в будущем, мотивы корыстные. Выносит, спрятав в ботинки, носки или брюки, дома перепечатывает и прячет на даче под полом.

Полковник Владимир Пигузов, отдел кадров института КГБ, «медовая ловушка», 1976 год, Индонезия, ЦРУ».

С этими все ясно, нужно было давить еще в колыбели. А вот про Толкачева писать или нет? С одной стороны, сейчас у нас очень серьезный отрыв по технологиям невидимости самолетов. По сути, в результате этого предательства США в прошлый раз стянули у нас всю технологию-стелс. С другой стороны, наши тогда очень элегантно это отыграли – вычислили предателя и налили через него же первосортной дезы по характеристикам советских радаров. США потратили на программу невидимости тридцать миллиардов и получили самолет, невидимый для их радаров, но прекрасно видимый нашими.

Ладно, раз в прошлый раз сумели сыграть, смогут и сейчас.

«Адольф Толкачев, ведущий конструктор Министерства радиопромышленности. По собственной инициативе предпринял в этом

году несколько пока безуспешных попыток выйти на связь с ЦРУ. Мотив корыстный».

Теперь всякая мелкая гнусь, ничего особо серьезного пока не сделавшая.

«Владимир Резун, ГРУ, Швейцария, успешно вербуетя МИ-6 в настоящее время.

Олег Гордиевский, ПГУ КГБ, Дания, «медовая ловушка», в МИ-6 с 1974 года.

Сергей Бохан, ПГУ КГБ, Греция, в ЦРУ с 1976 года.

Борис Южин, ПГУ КГБ, завербован в Сан-Франциско в 1976 году, ЦРУ.

Людек Земенек («Дуглас»), нелегал ПГУ КГБ, перевербован ФБР в этом году.

Леонид Полещук, ПГУ КГБ, Непал, в ЦРУ с 1975 года, по возвращении в СССР на связь с ЦРУ решил не выходить.

Анатолий Филатов, ГРУ, Алжир, «медовая ловушка», в ЦРУ с марта 1974 года, связник – работник посольства В. Крокер, тайник на Костамаровской набережной.

Ричард Куклинский, полковник, генштаб Польской Народной Республики, в ЦРУ с 1972 года по идеологическим соображениям.

Михай Пачепа, генерал-лейтенант Секуретате, руководитель службы внешней разведки Румынии (DIE), готовит побег в США.

Морис Чайлдс, заместитель генерального секретаря компартии США, агент ФБР с 1958 года».

Помотал уставшей рукой в воздухе, очень быстро устает запястье... Так, теперь те, которые прекратили работу, но в прошлом нанесли значительный вред.

«Сотрудник нью-йоркской резидентуры ПГУ КГБ А. Кулак работал на ФБР с 1962 по 1970 год. Оперативный фотограф ГРУ Николай Чернов работал на ЦРУ с 1963 по 1972 год».

И кое-какие новинки из области технического шпионажа:

«В декабре 1976 года на орбиту (247°53', 96.9°) выведена новая модель разведспутника – Keyhole KH-11. Передача снимков по радио, детализация до 15 сантиметров, способен работать в ближнем инфракрасном спектре, возможность коррекции орбиты. Время от команды на снимок до получения готового снимка в центре в Форт-Белвоире – 1 час.

Кабель Палана-Пьяшна прослушивается начиная с ноября 1971 года установленным на нем индукционным аппаратом (6 м*1 м). Количество контролируемых линий – несколько десятков. Радиоизотопный источник

энергии. Глубина установки – 120 метров. В случае подъема кабеля производится отцепление аппарата. Установка аппарата и регулярное снятие записей – подводная лодка «Halibut». В ближайшие годы вероятно установка аналогичного устройства на линии Северодвинск – Мурманск.

Летом 1975 года в районе Бородинского поля работниками посольства США установлено два прибора радиоэлектронной разведки, замаскированных под пенки. Передача на спутники.

ФБР и АНБ снимают информацию с посольских (включая новый комплекс в Вашингтоне) и консульского (Сан-Франциско) зданий путем подведения к ним подземных тоннелей и размещения там комплекса специальной аппаратуры для снятия звуковой информации, распространяющейся по водопроводным трубам и стальной арматуре; для перехвата информации в электронном виде внедряют микрофоны в стены и систему водоснабжения».

И пара финальных аккордов, пусть фантазируют.

«Разрабатываемый вами в настоящее время сотрудник МИДа Александр Огородников имеет ампулу с ядом, вмонтированную в авторучку. Тайник в квартире – одна из батареек в электрическом фонаре развинчивается (могут возникнуть сложности с обратной сборкой). Второй тайник – в гараже, контейнер в виде булыжника, содержит инструкции и шифр-блокнот».

Мерзавец... Отравил ядом свою невесту, которая стала догадываться о его двойном дне. Пришлось ЦРУ выдавать ему вторую порцию яда. В прошлый раз успел куснуть ампулу при аресте и ушел слишком легко.

«Сотрудники, склонные к предательству:

УКГБ по Москве – Сергей Воронцов; 8 ГУ КГБ – Виктор Шеймов; Управление «Т» ПГУ КГБ – Владимир Ветров; ПГУ КГБ – Геннадий Вареник, Владимир Васильев, Станислав Левченко, Геннадий Сметанин, Владимир Кузичкин; Институт США и Канады – Владимир Поташов».

Подумал, поулыбался и дописал:

«Получение письма прошу подтвердить путем публикации на третьей странице газеты «Красная звезда» заметки, где будет упомянут майор Д. Гремлин».

Надо все это красиво завершить. Пройдясь по комнате, я еще раз перебрал варианты. Ладно, хулиганство, конечно, но мне этого очень хочется. А такое сильное желание не может быть плохим, не так ли? Шутить так шутить, и я вывожу:

«Квинт Лициний Спектатор, руководитель полевой студенческой практики лаборатории социального прогресса Расеннского университета».

Теперь второе письмо, подорожная в ад для борцов с «жидороссийской империей»:

«Январские взрывы в Москве проведены группой в составе Степана Закитяна (организатор), Акопа Степаняна и Завена Багдасаряна (исполнители). В этом году вероятно повторение попытки теракта.

Получение письма прошу подтвердить путем публикации на третьей странице газеты «Красная звезда» заметки, где будет упомянут лейтенант С. Орков».

И третье, тут вообще без вопросов.

«Андрей Николаевич Евсеев, «убийца женщин в красном» в районе Таганки, проживает в Хотьково. Ценности, похищенные у жертв, хранит в квартире в пакете с мукой.

Для передачи в Главное управление уголовного розыска СССР.

Геннадий Модестович Михасевич, деревня Солоники Витебской области. Серия убийств женщин и девушек в Витебской области (треугольник Лепель – Витебск – Полоцк: вдоль трассы Полоцк – Новополоцк и у поселка Руба – 1971 год, у станции «Лучеса» – 1972–1973 годы, окраины Полоцка и вновь вдоль трассы Полоцк – Новополоцк – 1975–1976 годы). Все жертвы удушаются руками или петлей-удавкой часто из предметов одежды жертв или сплетенной из растительности, часто во рту кляп, иногда добиваются острыми предметами. Ценные вещи и деньги похищаются. По ряду убийств осуждены невиновные граждане.

Анатолий Емельянович Сливко, город Избербаш. Убийства мальчиков с 1964 года (в том числе Несмеянов в 1973 году, Погасян – в 1974-м). Дома хранит кино- и фотопленки с убийствами, ведет дневник с описанием преступлений.

Разыскиваемый в южных регионах РСФСР фальшивомонетчик – житель Ставрополя Виктор Иванович Баранов. При назначении наказания рекомендуем обратить внимание на слабую выраженность корыстных мотивов и высокий творческий потенциал.

Для передачи в Ленинградский уголовный розыск. Совершенное в марте изнасилование девочки с проникновением в квартиру под видом работника милиции осуществил ранее судимый (в 1965 году) Сергей Дмитриевич Григорьев.

Получение письма прошу подтвердить путем публикации на третьей странице газеты «Красная звезда» заметки, где будет упомянут прапорщик В. Эльфян».

Призываю первое вылущенное умение – четкий характерный почерк одной молодой женщины из двадцать первого века, равно красивый как в

варианте кириллицы, так и латиницы. Один из слоев моей защиты. Подумав, достал из запасника новую перьевую авторучку. Буду использовать ее только для «писем счастья». А чернила у меня стандартные для Союза – «Радуга». Пусть ищут...

Аккуратно вывожу в черновике: «Съешь еще этих мягких французских булочек». Еще, еще, до автоматизма. К концу четвертой страницы почерк начал выходить из-под пера без участия мозга. То, что надо.

Ладно, подготовка завершена, пора переходить к основной стадии. Порывшись в шкафу, нахожу папины белые парадные перчатки. Чуть великоваты, но писать не мешают. Открываю купленную сегодня тетрадь, вырываю несколько листов из середины и неторопливо переношу на их внутренние развороты тексты из черновиков. Закрыв, сложил.

Вытащил из пачки конвертов верхний и нижний с отпечатками и отложил в ящик стола – пригодятся. На три оставшиеся нанес обратный адрес, от балды, но реальный. Все письма без обратного адреса в СССР негласно досматриваются, а оно мне надо? Усмехнувшись, вспомнил анекдот.

«Осуществляется ли перлюстрация писем в СССР? Нет, но доставка писем с антисоветским содержанием не производится».

Затем надписываю конверты домашними адресами получателей, успешно вытянутыми из моего прошлого будущего.

Итак, первый конверт – Григоренко, начальнику Второго главного управления КГБ, наша контрразведка. С иудами разбираться он умеет хорошо. Данте поместил предателей в самый страшный, девятый круг ада. Вот пусть они туда и валят, калеки духа. А я с радостью помогу.

Второй конверт – Бобкову, начальнику Пятого управления КГБ. Доморощенные террористы – его профиль. Задумался, вспоминая, что знаю о Филиппе Денисовиче. Достойнейший человек. Приписал себе в документах два года и сбежал добровольцем на фронт в сорок втором. Рядовой, замкомвзвода, командир стрелкового взвода. Ржевско-Вяземская операция, Смоленская наступательная, зимнее наступление в Белоруссии в сорок третьем – сорок четвертом, Кенигсберг. Два ранения, одно из них серьезное, сорок осколков от мины словил... После войны – военная, потом идеологическая контрразведка. Работал с Меркуловым, Семичастным, теперь вот с Андроповым.

Ну и третий конверт – Еркину, начальнику МУРа, человеку-легенде. Его не надо учить, как эти данные использовать.

Конверты заклеил кисточкой и уложил все вместе в большой конверт. Теперь можно и надоевшие перчатки снять. Черновики на мелкие клочки и

в унитаз.

Одевшись и натянув перчатки, опять выхожу из дома. Доехал на троллейбусе до Владимирской и кинул письма в первый попавшийся почтовый ящик на улице Достоевского.

Все, процесс пошел! Охваченный какой-то странной гордостью – я вошел в число людей, делающих Историю, – стою и укладываю в память этот ящик. Кто знает, может, тут когда-нибудь мемориальную доску повесят...

Усмехнулся дурацкой мысли. Что-то в последнее время у меня из всех щелей начинает лезть детство. Это, конечно, прекрасно, но с моим доступом к критически важным знаниям легко можно стать обезьяной с гранатой.

Назад пошел пешком. В душе царило чувство глубокого удовлетворения.

«Это катастрофа!» – струится по извилинам бесконечная, как лента Мебиуса, мысль.

Сморгнул предательски выступивший излишек влаги, но от тоски так просто не избавиться, мир по-прежнему слегка зачернен, как будто в сети пропало напряжение. Не идти я не могу, но и идти тоже не в состоянии. В этом – на танцы?! Легче умереть.

– Дюш, да ты что, – воркует мама, – отличные полуботиночки, вон блестят как, почти новые.

– Коричневые?! К черным брюкам?! – Я с трудом сдержал желание проорать это во всю глотку.

– Ну и что? Тебе что, на тан... э-э-э... Отлично сочетаются! Да кто там в темноте что увидит! – Мама суется вокруг, старательно избегая встречи взглядами.

– Ну да, и что я из брюк вырос сантиметров на пять, тоже не видно?! – Вкладываю в голос максимальную дозу сарказма.

– Да приспусти ты их пониже. – Мама дергает штаны вниз, зазор между краем полуботинок и штанинами сузился на сантиметр. – Вот и замечательно!

– Что за шум, а драки нет? – В комнату зашел папа.

– Пап, ты вообще о чем думал, когда получал со склада коричневые ботинки? Тебе же черные должны давать! Зачем ты эти взял?!

– А твоего размера только коричневые оставались. Думаешь, много офицеров с тридцать седьмым размером? Вот и обуви такой мало на складах. А тебе же на строевой смотреть ходить не надо, так какая разница?

Сжимаю челюсти. Только не орать, только не орать...

– Но отрез же ты получил черный? Для моих брюк?

– Ну и что? Тебе же в них не на тан... э-э-э... Ну да, не идеально сочетаются. Но темное с темным вполне можно носить. Ремень коричневый мой вдень – и будет нормально.

Делаю два глубоких вдоха, пытаюсь успокоиться. Не орать, только не орать... Из зеркала напротив смотрит растрепанный пацан, губы сжаты в тонкую полоску, ноздри раздуваются. Взгляд скользит ниже: у краев широкого выреза рубашки торчат головки хрупких ключиц. Дрожащими пальцами с трудом застегиваю верхнюю пуговицу, и становится еще хуже – тонкая шея болтается в воротнике, как кисточка в стакане. Опускаю взгляд к полу и с отвращением рассматриваю широкую полосу темно-синих носков, предательски выглядывающую между коричневыми полуботинками и черными расклешенными гачами.

– Клоуна вызывали? Я здесь! – Голос дребезжит, словно у козы.

Вижу в зеркале, как родители обмениваются за моей спиной ироническими взглядами, и мама выскальзывает в коридор, давась ухмылкой.

Это последняя капля. На мгновение пелена злости ослепляет, а когда мир вокруг начал опять отражаться в сетчатке, я оказался на дне стремительно набирающей силу черной воронки. Хлоп – края ее встретились надо мной, и я замер, замороженно наблюдая, как взметнулась, наливаясь мощью, изумительно черная и кристально прозрачная волна чистого гнева. Как хорошо, как честно будет сейчас с праведным криком выплеснуть ее из себя вовне, ни о чем не заботясь и ничего не страшась. В перехваченном спазмом горле клокочут и саднят, сбиваясь в шершавый ком, слова ответной обиды. Бросив рукояти управления, срываюсь в сладостное пике:

– Да вы... Вам наплевать! Хожу в робе, копейки считаете!

Краем глаза замечаю свое отражение: лихорадочные красные пятна на скулах, блестящие влагой глаза и перекошенные в нелепой гримасе губы. За спиной – внимательно глядящий в зеркало отец. Всплывает в памяти цитата: «Он разглядывал меня с интересом энтомолога». Нет, как-то иначе... Морщу лоб, выдавливая из себя забытый термин. А! «Энтомолог»! Угу... «Он разглядывал меня с интересом энтомолога». Мимолетно радуюсь находке.

Эта микропауза оказалась спасительной: я чудом успел перехватить управление. Зажмурив глаза, замер, вскинув руки в жесте «сдаюсь».

– Уф... – протяжно выдохнул я, открывая глаза. – Спокойно... Папа,

мам, я уже вернулся.

Из-за двери выглянула встревоженная мама. Они обменялись с папой взглядами, и он отправил ее кивком назад в коридор.

– Фу... – обернулся я. – Извините оба, естественно, я так не думаю. Это эмоции захлестнули.

– Ты хоть понял, что с тобой было? – озабоченно спросил папа.

– Что было... Да понятно, что было, «сложный подросток» попер во всю мощь. Однако, – я озадаченно покрутил головой, – чуть не захлестнуло с головой. Еле выплыл.

– Удивительно, что ты это осознаешь. – Папа внимательно поглядел на меня. – Обычно самокритичность в таких ситуациях резко снижается до нуля, как у шизофреников, которые не могут осознать бредовость своих идей.

Сделав парочку глубоких вдохов, я окончательно сбросил напряжение.

– Ну ты сравнил... Да минует меня чаша сия. Но мощно накрыло, да...

– Между прочим, «сложный подросток» – это проявление очень интересного инстинкта. – Папа с профессорским видом расположился в кресле, наблюдая за моими попытками расстегнуть поддрагивающими пальцами ворот. – Когда мы жили в саванне, в этом возрасте подростки уже становились самостоятельными, могли сами добывать еду, отбиваться от хищников, заводить себе... хм... подружек и даже заботиться о своих детях. Вскипающая в этом возрасте раздражительность по отношению к родителям – это катапульта, выбрасывающая подростка в самостоятельное плавание. Наверное, подобное раздражение к опостылевшему гнезду испытывает и птенец, совершающий первый шаг через край. Проблема лишь в том, что возраст вступления в самостоятельную жизнь теперь наступает годика на два-три позже, а инстинкт об этом не знает. Вот и возникает сложная ситуация, когда раздражительность подростка нарастает, а самостоятельно жить он еще не может.

Я окончательно успокоился и решил пофилософствовать:

– Тогда у меня есть встречная гипотеза. Дружбы детства – это инстинкт, закрепляющий чувство локтя в небольшом отряде охотников примерно одного возраста. И из гнезда они катапультируются не поодиночке, а более-менее спаянной группой, что повышает шансы на выживание. И... возможно... по отношению к ним, напротив, снижается критичность.

Папа замер, задумавшись, потом с удивлением сказал:

– А ты только что сформулировал первую разумно выглядящую гипотезу, поздравляю. Хм... Право, действительно разумно... Это еще вроде не обсуждалось. Забавно... – Он потянулся в кресле, как огромный

кот. – Может быть, ты и не безнадежен. Запомни этот день, сегодня тебе впервые удалось встать на небольшой, еще не истоптанный человечеством участок мироздания.

– Сколько пафоса, папа! Ты переложил заварного крема в пирожное.

– А ты зря так. – Папа, кажется, немного обиделся. – Это действительно важный день. Подавляющее большинство проживают всю жизнь, так и не выйдя даже на шаг из этого истоптанного круга.

– Не думаю, что их это сильно огорчает.

Я зарылся в шкаф. Где-то здесь висел дедов костюм. Возможно, пиджак от него мне подойдет, дед был отнюдь не гигантом... Угу, слегка болтается, но для моих целей, пожалуй, сойдет. Белую водолазку надену под него, даже с намеком на какой-то стиль будет. Если, конечно, не смотреть на штаны и полуботинки... Нет, точно, нужно срочно не только придумать, откуда брать деньги, но и как их легализовать.

В радостном нетерпении я переминался около спуска в подвальное помещение, где в школьном гардеробе переодевалась Тома. С третьего этажа доносится: «Не прожить нам в мире этом без потерь», мимо торопливо проскакивают опаздывающие к началу дискотеки. Слышно, как на площадке второго этажа их встречает директорский патруль: Тыблоко с заучем бдят, чтобы не пронесли спиртное или не пришли выпившими.

Почувствовав движение за спиной, обернулся и от неожиданности приоткрыл рот – Тома поднималась из гардеробной на достаточно высоких каблуках. Иду навстречу и внимательно оглядываю ее снизу вверх. Да, теперь напротив моих глаз, если смотреть прямо, уже не кончик чуть вздернутого носика, а нижняя губа. Попытался представить нас со стороны, и меня передернуло от унижения.

– Тома... – простонал я, – что ты наделала... Специально?

– Что именно? – вздернула она правую бровь.

– Туфли на каблуке... Неужели сложно было подумать о том, что я сейчас и так ниже тебя ростом?!

Как назло, на последней фразе опять даю петуха.

Тома промолчала, насупившись. Радостно почикивая, мимо проскочила стайка спешащих наверх девчонок. С интересом рассмотрели нас, некоторые продолжали нагло оборачиваться, даже пройдя мимо, а затем все вместе неприятно захихикали, обсуждая. Я покраснел от стыда и распирающей меня злости.

– Тома! – громко прошипел я. – Ну включи ты голову! Представь, как будет сейчас выглядеть наша пара!

– Пара? А с чего ты вдруг решил, что у нас будет пара? – с убийственным спокойствием спросила она и, обойдя опешившего меня, быстро зацокала по ступенькам.

Я замер, парализованный последними словами. Ситуация перевернулась настолько стремительно, что сознание не успевает за происходящим, и я лишь беспомощно провожаю удаляющуюся Тому взглядом, торопливо перебирая в уме варианты ответа и не находя ни одного спасительного.

Ушла. Прислушиваюсь к равномерному поцокиванию по кафельной плитке. Вот она на площадке третьего этажа – и все. Звучание каблучков стало глуше – в коридорах паркет – и затем совсем исчезает за дверью актового зала. Сверху, словно в насмешку, полилось, отражаясь от стен: «Червону руту не шукай вечорами...» Бреду в темный конец коридора, встаю у окна и, обхватив себя руками, начинаю покачиваться с пятки на носок и обратно, пытаюсь успокоиться. Контуженные мысли по пьяным траекториям отползают от эпицентра; поверх них, чавкая острыми копытами, носятся огненные зебры злости и обиды.

Все, свободен, можно идти домой? Чувствую себя обделанным оленем.

– Ты мне не снишься, я тебе тоже, – начинаю вполголоса мрачно подпевать новой мелодии, выстукивая ритм подушечками пальцев по подоконнику. Хорошо, что меня парализовало. А мог бы и рвануть... Зажмуриваюсь, представив последствия. Вот... Что-то светлое в ситуации уже нашел. Давай мыслить позитивно. Ничего непоправимого, обычная размолвка.

Решившись, побрел, нетвердо переставляя ноги, на звук. На площадке второго этажа Тыблоко просветила, как рентгеном, взглядом и, не найдя ничего подозрительно похожего на выпирающую из-под одежды бутылку, пропустила наверх. Покрутившись на пяточке у входа в актовый зал, понял, что еще не готов к встрече с прекрасным, и направился в место не столь отдаленное, чтобы попить воды и привести в порядок расстроенные чувства.

В туалете кто-то умудрился выкрутить лампочку, и я озадаченно замер на пороге, вглядываясь в копошение неясных теней в темноте.

– Спокойно, ребята, это Дюха, – сказал кто-то негромко и скомандовал мне: – Проходи, не торчи там на проходе.

Я закрыл дверь, сделал пару шагов внутрь и остановился, присматриваясь. В углу кучковались несколько темных фигур, чуть дальше, у приоткрытого окна, кто-то быстрыми затяжками курил на улицу.

– Ха, пацаны, бухаем? – догадался я.

– Тихо ты! – сердито одернули меня. По голосу узнал Димона из десятого «Б».

Зрение тем временем адаптировалось, и я смог разглядеть детали действия. В центре группы старшеклассников – Антоха Веселов. Комсорг школы, любимец учителей, спортсмен и кандидат на золотую медаль, пытался вырвать зубами пластиковую пробку из тугого бутылочного горлышка, остальные тихо шипели советы.

– Тони, боюсь даже представить, как вы пронесли бутылку в школу, – вырывалось у меня. К счастью, моего юмора никто не понял.

– Где, где... Учись, молодой, пронесли заранее, в портфеле, и спрятали в надежном месте.

– А надежное место – это?..

– Это вот тут. – Димон горделиво похлопал по высоко висящему сливному бачку.

– Ловко, – оценил я. – И температура как раз нормальная получается.

Тут пробка не выдержала напора молодости, и группа поддержки негромко зашумела, выражая бурное одобрение.

– Стакан, – командует Антон.

– Здесь! – В центр группы просунулся граненый стакан.

Раздалось деликатное позвякивание и побулькивание.

– Давайте по кругу... Три раза по сорок грамм.

– Даже по сорок два...

– Пит, считай лучше – сорок один и шесть в периоде.

Димон взял на себя бремя лидерства, и в полутьму полетел звучный всхлип.

– Ох и кислятина... Что это?

– «Рислинг»...

– Дай я... Ой, да...

– Кхе... сахарку бы добавить...

– Раствор холодный, долго бы растворялось...

– Заесть бы чем...

– Да, Сэм, надо было «Фетяску» брать...

– Дюха, хочешь попробовать?

– А давайте. – Я решительно взял почти опустевший стакан и осторожно допил. Брр... Действительно очень кислое вино. – Нет, ребята, это надо с закуской. Взять курочку горячего копчения и неторопливо, по глоточку... А так, на бегу – нельзя. Точнее, можно, но только от большой безысходности. У вас она большая?

– Дык больше ничего нет, – расстроено протянул Антон. – Будем

мучиться.

Дверь за его спиной рывком распахнулась, и на пороге возник грозный абрис Тыблока. Позади маячил завуч.

– Так... – раздраженно процедила директриса. – Выходи по одному.

Ребята на мгновение замерли, как зайцы в свете фар, и начали обреченно шевелиться.

«Пара секунд, пока у нее зрение адаптируется, есть», – мелькает в голове.

Выдергиваю из руки оцепеневшего Антона бутылку, руку за спину, плавный приставной шаг за угол, привстав на носочки, аккуратно, чтобы не звякнуть, вешаю стакан на барашек вентиля и затем, легко подпрыгнув, плашмя возвращаю емкость с вином в лоно сливного бачка. Тихий «бульк» был перекрыт злобным ревом Тыблока:

– Лампочку сейчас же вкрутить! Как выкручивали, так и вкручивайте!!!

Высоченный, под метр девяносто, Ломов садится на корточки, ему на шею взбирается легкий верткий Сэм. Секунда – и вот он уже крутит лампочку под потолком. Безжалостный свет заливает туалет, заставляя всех сощуриться.

– Построиться вдоль стены! Светлана Афанасьевна, проследите.

Директриса врывается в опустевший туалет и быстро осматривает его понизу, затем выглядывает в окно и изучает двор. Шеренга замерла не дыша.

– Так... – Тыблоко вразвалочку выходит из туалета и подводит итог налета: – Курили!

Парни с облегчением выдохнули, вдохнули и начали переглядываться.

– Соколов, – остановилась директриса передо мной, – а ты что тут делал?

– Вы не поверите, Татьяна Анатольевна, – проникновенно говорю, – писал...

– Курил? – буравит меня взглядом.

– Не курю. Вообще, – отвечаю со спокойным достоинством.

Еще секунду она пристально изучает меня, потом разрешающе махает рукой:

– Иди.

Делаю несколько шагов и притормаживаю за спиной завуча.

– Кто еще не курил? – спрашивает Тыблоко.

Ребята тоскливо вздыхают и молча переминаются.

– Что, все курили? – не поверила директриса.

– Ну это вы зря, ребята, – вмешиваюсь я. – Очень вредная привычка. Меня папа в анатомичку водил...

Делаю микропаузу. Тыблоко, уже обернувшись, чтобы послать меня подальше, заинтересованно прислушалась. Возвращаюсь на пару шажков назад и продолжаю:

– У обычного человека легкие мягко-розовой окраски, приятного цвета. А у курильщика в легкие как будто вдули угольную пыль, цвет даже не черный, а антрацитовый. Представляете, как тяжело сквозь угольную пыль кислород качать?

– Вот! – воодушевленно восклицает Тыблоко, задрав палец к небу. – Слушайте, обалдуи!

– Да, Татьяна Анатольевна, скажите им, что лучше пить, чем курить!

– Верно! – Директриса рубит воздух рукой и, вздрогнув, замирает.

Вижу, как толстый загривок наливается краснотой, и она начинает медленно переступать, разворачиваясь ко мне с грацией основного калибра линкора. Торопливо пчусь, уж больно она бегемота в ярости напоминает, пусть даже карликового, затем разворачиваюсь и срываюсь с места.

– Ну, С-с-с-соколов!.. – несется рев вослед, но я уже за поворотом, далеко от места экзекуции, мчусь как ветер по полутемному коридору, лицо раздирает довольная ухмылка.

Забегая на лестничную площадку и замираю, с досадой прислушиваясь к задорно летящему «Sunny» в исполнении «Бони М». Неожиданная жалость к себе стискивает горло... А ведь у меня на этот вечер были совсем другие планы. Облокотившись на перила, с печалью смотрю на исчезающий в темноте пролет. Голова пустая, ни одной идеи, как выправить ситуацию. В зале тем временем стартовало заводное «Na fanana» Африка Симона. Задумчиво покусываю губы: надо что-то решать, пока идут быстрые танцы.

Блин, ну что за непруха! Ну что ей стоило подумать и взять другие туфли! Обида всколыхнулась с новой силой, и я начал решительно спускаться к гардеробу. Успел дойти до следующего пролета, и тут меня пронзила неожиданная мысль, да так, что от досады сначала со всего маху шлепнул ладонью по стене, а потом еще немного постучался о холодную твердь лбом.

Идиот! Нет, ну точно идиот! Сейчас у средней горожанки на выбор два бюстгальтера – белый и черный. С чего я вообще решил, что у восьмиклассницы есть выбор туфель?!

С облегчением улыбаясь, я прохаживался взад-вперед по площадке. Ну да, виноват, не сообразил сразу, зря наехал. Надо извиняться. Теперь –

легко и с удовольствием. Уф... Хорошо-то как.

Наконец решаюсь и, перепрыгивая через ступеньки, взлетаю на третий этаж. Под обольщающие интонации «Баккары» захожу в зал и радостно оглядываюсь.

В приглушенной полутьме вдоль стены боязливо жмутся мальчишки, отчаянно пытаюсь придать себе вид поуверенней. Получается не очень. У окон, сбившись в кружки, щебечут девчата, время от времени прошивая быстрой очередью взгляда шеренгу ростовых мишеней напротив. Небольшое число храбрецов, вызывая у остальных восхищение пополам с плохо скрываемой завистью, топчутся в центре зала: парни довольно неуклюже, девчонки, напротив, вполне грациозно. Пластика у них в крови, понятное дело. Паштет дергается рядом с Ирккой – ну хоть у него все в порядке. Хм... Тома тоже танцует, вполоборота ко мне. Меня остро укололо недовольство: я там страдаю, понимаешь, а она веселится.

Ладно, сам виноват. Прислушиваюсь к песне – вроде бы последний куплет – и направляюсь к цели, чувствуя, как ко мне прикипели десятки заинтересованных взоров. Щеки начинают гореть, сердце бешено колотится где-то в горле. Яся, заметив мое продвижение, наклоняется и что-то коротко шепчет Томе на ушко. Звучат последние ноты, и мы встречаемся глазами. Делаю два последних шага и, приподняв руки, говорю самые важные слова:

– Я был неправ, извини.

Кружимся в медляке под хриловато-чувственный голос Джо Дассена. Вокруг танцуют «по-пионерски»: у девушек руки вздернуты, как у богомола, локти надежно разделяют обоих, а ладони на плечах фиксируют партнера на приемлемой дистанции. Впрочем, есть и исключения: некоторые пары слиплись между собой так, что хочется смущенно отвести взор, дабы не мешать людям заниматься важным для обоих делом. Я же по привычке встал в позицию с откинутой вбок одной рукой и второй ладонью на талии партнерши, и теперь мы собираем недоуменные взгляды соседних пар.

– Кстати, я нашел решение своей проблемы. – Чуть запрокинув голову, безуспешно пытаюсь добиться того, чтобы наши глаза были на одной линии. – Обещаю вырасти к осени. Буду выше тебя... если без каблуков.

Легко такое говорить, помня, как за лето перед девятым классом рванул на двенадцать сантиметров.

– Не выше, а длиннее, – усмехнулась Тома.

– Томочка, у нас экзамен по геометрии в этом году, а ты до сих пор не запомнила, что если в высоту – то выше. Длиннее – это если мы оба ляжем.

– Никуда мы ложиться не будем. – Щеки девушки слегка потемнели. Подумав, добавила спокойнее: – И все равно длиннее!

– Ладно, согласен. Готов перейти на неевклидову геометрию. Первый пункт аксиоматики – я буду длиннее тебя по всем осям. Видишь, как легко договориться со мной по наиболее важным для тебя вопросам?

Медленный танец, к моему огромному сожалению, быстро закончился, и грянула энергичная «Санта Эсмеральда». Девчонки, собравшись в кружок, подпевали веселым хором. Я смело затесался в их ряды и старался наработать прихваченное умение. Хип-хоп и поппинг я признал слишком революционными и отложил на будущее, а вот встраивание элементов шаффла в полотно школьной дискотеки мне показалось вполне уместным. Даже с учетом моей неловкости что-то начинает уже получаться – невесомо скольжу над полом лунатической походкой, ощущая себя в перекрестье заинтересованных взоров.

– Что-то ты здорово разошелся, Дюш, – задорно бросает Женька в лихом развороте.

– Легко на сердце от песни веселой, – парирую я, подмигнув.

И правда легко. Очень.

Глава 6

Понедельник 28 марта 1977 года, 17:25

Москва, Старая площадь

Хозяин этого кабинета настолько скромен, что во внутреннем телефонном справочнике ЦК КПСС он – единственный, чья фамилия не печатается. Простая строчка «зав. сектором органов КГБ» в разделе отдела административных органов ЦК КПСС – и все. А вот власть у него – колоссальная. Именно он принимает окончательное решение о кадровых назначениях в Конторе, визируя или не визируя, такое тоже случалось, решения Андропова. Сюда, в этот кабинет, руководители управлений и служб КГБ обязаны дублировать все важные сообщения и особенно *сигналы*, чтобы партия могла уверенно контролировать покорность органов.

И не важно, что председатель КГБ входит в Политбюро и неоднократно проверен на преданность и партии, и Генеральному секретарю. Не важно, что он обложен замами, Цвигуном и Циневым, преданными лично Брежневу. В системе есть еще один важный противовес, который бдит, отслеживая малейшие признаки бонапартизма и нелояльности.

За полчаса до конца рабочего дня в этом кабинете раздался звонок секретарши:

– Николай Ефимович, к вам офицер фельдсвязи.
– Пусть заходит, – бросил он в трубку и привычно убрал документы в папку.

Тяжелая дубовая дверь приоткрылась, и на пороге возник знакомый подполковник с оливковой сумкой-баулом в левой руке.

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – четко откозырял он.
– Проходи давай. Что там у тебя в «Феде» для меня?
– Пакет из шестерки ОТУ, – доложил, сдержанно улыбнувшись, фельдъегерь и достал из «вечной» сумки светло-зеленый конверт.

Николай Ефимович неторопливо проверил целостность, прочел квитанцию, хмыкнув на метке «срочно», поставил время и расписался.

Когда за визитером закрылась дверь, он еще немного посверлил взглядом лежащую на столешнице доставку, но так и не смог придумать причину, по которой служба перлюстрации использовала столь необычную для нее пометку «срочно». Как назло, в голову лезло только что-то непотребное из анекдотов про Штирлица. Еще раз невнятно хмыкнув,

Николай Ефимович аккуратно отстриг ножницами край конверта, извлек вложение и, развернув первый лист, прочел.

Совершенно секретно,
фельдпочтой, срочно
председателю КГБ при Совете Министров СССР
Копия: заведующему сектором органов КГБ
отдела административных органов ЦК КПСС
(для сведения)

СЛУЖЕБНОЕ ПИСЬМО

Настоящим докладываю, что 28 марта в 15:25 контролером перлюстрации почтовой корреспонденции прапорщиком ГУСЕВОЙ А. И. при проверке корреспонденции, направленной по адресам списка 3, обнаружено вложение (Приложение 1), содержащее признаки государственной тайны.

Письмо отправлено 25 марта из г. Ленинград, обратный адрес указан.

Адресат письма – начальник ВГУ КГБ генерал-лейтенант ГРИГОРЕНКО Г. Ф.

В соответствии с п. 23.4 инструкции 09/сс-69 доставка письма приостановлена. Прошу указаний относительно дальнейших действий.

Начальник 6 отдела ОТУ КГБ

полковник Виноградский В.Н.

28 марта 1977 г.

Отложив служебное письмо в сторону, генерал взялся за приложения.

– Черт, – пробормотал, наливаясь краснотой после второго абзаца. – Черт, черт...

Возбужденно покачиваясь в кресле, дочитал до конца и, закрыв глаза, откинулся на спинку, впрессовывая текст в тренированную память. Через минуту вострепнулся, медленно прочел еще раз и потянулся к телефону:

– Алена, сделай чайку покрепче.

Затем набрал еще один номер:

– Мурзик, это я. Задержусь сегодня... Угу... Да... Хорошо... Да, целую.

Подошел к окну и, незряче глядя с четвертого этажа на Старую площадь, поводил ладонью по холодному стеклу. Покопался в дородную спину уходящей секретарши, вернулся в кресло и опять начал медленно вчитываться, нервно постукивая обгрызенным торцом карандаша по столу и время от времени звучно прихлебывая из большой глиняной кружки горячий чай.

Вот оно. Об этом его инструктировали в семьдесят четвертом, сразу после назначения на должность. Брежнев и Суслов неторопливо и обходительно в течение двух с половиной часов вели беседу о том о сем, и, когда уже казалось, что разговор заканчивается, вдруг без всякого стука открылась дверь и на пороге возник незнакомый старик. Уверенно прошел к столу, медленно опустился в кресло напротив и, как-то сумев сидя вытянуться в кресле по стойке «смирно», замер.

– Это товарищ Янис, – представил его Суслов. – Он руководит оперативной работой Комитета партийного контроля и является вашим куратором от лица высшего партийного руководства. Всегда помните самое главное, Николай Ефимович: прежде всего, вы – солдат партии. Все остальное идет после этого. Если увидите что-то особо, подчеркну (на этом слове Суслов чуть наклонился вперед, пристально глядя глаза в глаза, и ткнул указательным пальцем вверх) – особо! – тревожное или особо необычное, вы должны сообщить об этом своему куратору. О мелочах и повседневной текучке по этому каналу сообщать не надо. Это устный приказ, о котором кроме нас четверых будет знать еще только товарищ Пельше. Все, больше никому. Подробности взаимодействия вы обсудите с Янисом без нас.

Брежнев энергичным кивком подтвердил сказанное и добавил со значением:

– Мы рассчитываем на вас, Николай Ефимович. Удачи.

Попрощались и ушли, оставив его наедине с человеком, от которого все ощутимее веяло холодком легкого безумия. Генерал, прошедший всю войну, Корею и Вьетнам, не боящийся ни черта ни бога, внезапно понял, что забыл дышать.

С минуту они молча осматривали друг друга. Автоматически включилась привычка оперативника составлять портреты и психологические профили объектов: усыпанная пигментными пятнами лысина подернута бесцветным старческим пушком, вытянутое костистое

лицо со звездочкой старого шрама на правой скуле, тонкие бескровные губы и фанатично светящиеся холодные светло-голубые глаза. И выправка не изменилась после ухода лидеров – еще одно мелкое указание на то, что немощь умело аггравировается.

Потом Янис слегка улыбнулся, отчего его рот ощутимо перекосило влево, и сказал неожиданно густым голосом:

– Начнем, пожалуй...

Хозяин кабинета кивнул своим мыслям. Да, это тот самый случай, тревожный и необычный, выбивающийся из рамок обыденной рутины Конторы. Прокрутил в голове инструкцию и сел за стол переписывать рапорт и приложение. Затем, закрыв документы в сейфе, направился в «буфет № 1 от столовой № 1».

Ввиду вечернего времени в цеховской столовой было малоллюдно. Николай Ефимович взял ломоть тушеной телятины с грибным соусом, отварной картофель, обильно политый растопленным сливочным маслом и щедро присыпанный рубленой зеленью, румяный пирог с яйцом и капустой и клюквенный морс. Протолкнул поднос к кассе и негромко пожаловался кассирше:

– Эх, Тоня, так грибков солененьких иногда хочется – и нет. Сейчас бы белых груздочков соленых, с чесночком и сметаной...

На мгновение пальцы кассирши замерли над кнопками. Чуть пригнувшись, она метнула поверх своего агрегата короткий выцеливающий взгляд, став на миг похожей на ту себя прежнюю, гвардии сержанта пятой ударной, охотящуюся под Харьковом на вторую сотню фрицев, до того как осколок шального снаряда оторвал ей по колено левую ногу.

– С вас пятьдесят семь копеек, – опустив глаза, подвела итог.

Еще через одного посетителя она, оставив подмену «на пару минуток», неторопливо похромала в туалет. На обратном пути перед входом в зал остановилась у висящего на стене телефона, набрала заученный четырехзначный номер и негромко сказала в трубку:

– Седьмой просит встречи.

Выслушала короткий ответ, вернулась на свой пост и, встретившись глазами с неторопливо ужинающим Николаем Ефимовичем, поправила челку. Чуть заметно кивнув, он принялся за пирог.

Выйдя минут через десять из буфета, генерал прошел в сторону лестницы, но, вместо того чтобы начать спускаться, свернул в полутемную рекреацию, где между кадкой с фикусом и окном маячила невысокая плотная фигура. Тихо поздоровавшись, он достал из внутреннего кармана кителя сложенные вчетверо листы и со словами: «Все здесь» – передал.

Визави крутанул руками какой-то неуловимый жест фокусника, и бумаги словно испарились. При этом Николай Ефимович затруднился бы с ответом на вопрос, в каком именно кармане или рукаве они нашли свое пристанище.

– Спасибо, товарищ генерал-лейтенант.

Николаю Ефимовичу было приятно услышать в голосе этого на первый взгляд совсем не опасного толстячка искреннюю благодарность. Они обменялись крепким рукопожатием, и оперативник Комитета партийного контроля удалился слегка подпрыгивающей резвой походкой.

Николай Ефимович глядел вслед и думал о том, насколько ошибочным может быть первое впечатление, особенно если опытный мастер специально поработает над его созданием. Хорошо, что они в одной команде и выступают на правильной стороне. Жизнь в общем-то удалась.

Примерно в это же время в особнячке на Самотечной маялся в ожидании решения по своему служебному письму начальник шестого отдела Оперативно-технического управления КГБ. Полковник был далеко не дурак и понимал, чем потенциально грозит ему прочитанное. Нет, конечно, никакой пули в голову или яда, как в дешевых шпионских романах, он не боялся, а вот поехать лет на пять – десять бороться с национализмом среди якутов – это реально. Закатают в глушь для профилактики, чтобы легче было работать на каналах вероятной утечки информации, – и все.

Через руководителя службы перлюстрации за годы прошло много выцеженных из почтовых отправлений сигналов. В этом письме, текст которого горел в мозгу, пугал объем фактуры. Обычные советские граждане не знают аббревиатур ГРУ и ПГУ, не говоря уже об управлениях «К» и «Т». Одно это сразу выделяло сигнал из массы: писал человек, серьезно знающий систему.

Верхняя чуйка подсказывала, что все указанные персонажи существуют, а значит... Тут полковник начинал путаться в рассуждениях, поскольку не мог придумать позицию, находясь на которой можно было хотя бы просто собрать воедино информацию о людях, занимающих такие должности в столь изолированных друг от друга организациях и подразделениях.

Инициативник с той стороны? Столько знающий и при этом выбравший такой чудовищно нелепый способ передачи информации? Опять не бьется...

Ладно, об этом пусть голова у председателя болит, а вот поедет ли

жена, инженер-метростроевец, в тундру – это большой вопрос... И будет ли там музыкальная школа для дочери?

Короткий стук в дверь прервал его терзания, и в кабинет, козырнув, шагнули личный фельдъегерь председателя и капитан-порученец. Спустя минуту полковник с облегчением знакомился с резолюцией.

Почтовое вложение доставить мне, конверт – на комплексную экспертизу, результаты – лично мне.

Начальнику ОТУ КГБ генерал-лейтенанту Ермакову Е. И. взять с полковника Виноградского В. Н. и прапорщика Гусевой А. И. подписку по форме 6.

Андропов

«Форма номер шесть, какая прелесть. «Никому, кроме председателя КГБ». Ну и слава богу, – думал Виноградский, радостно избавляясь от жгущего ладонь письма. – Подпиской больше, подпиской меньше... На мне все равно уже печать ставить негде».

Офицеры ушли, а полковник еще некоторое время, расслабившись, медитировал за столом, глядя в угол справа от себя. Там истончался, развеиваясь, призрак тундры: сначала из видения стерся дальний речной плес, переходящий в короткий, окруженный глинистыми обрывами мощный пережат, потом стали сливаться, теряя четкость, разноцветные, разбросанные до горизонта пятна мхов, и лишь затем перестали тревожно качаться перед глазами сиреневые метелки иван-чая.

Вторник 29 марта 1977 года, 8:40

Ленинград, Красноармейская улица

Раз в месяц чуть покосившиеся глухие ворота, обычно надежно замкнутые толстой цепью, гостеприимно распахиваются перед желающими попасть во внутренний дворик школы. Сегодня как раз такой день – сдача макулатуры. Крокодил Гена в первой серии таскал металлолом, а современные октябрюта, пионеры и комсомольцы спасают родные березки. Так безопаснее, а то некоторые энтузиасты могут и рельсы выкорчевать. Своими глазами, правда, в лихие девяностые видел на выезде из Питера указатель «Прием рельсов от населения».

Усмехнувшись воспоминанию, перебрал в другую руку увесистую связку газет и притормозил в воротах, пропуская торопящуюся мелкоту.

Надо постараться, чтобы до «Питера» дело не дошло. И до всего

остального, с этим связанного, тоже. Хотя в последние дни стал подозревать, что задача может оказаться сложнее, чем предполагал. Колесо истории скользит по очень глубокой колее, и вырулить из нее будет ох как непросто. Порой даже кажется, что это и не колея вовсе, а русло реки в узком ущелье, – поди перенаправь воду через отвесные скалы по бокам.

Неторопливо вошел в необычно шумный двор и огляделся, припоминая. Вдоль стены рядом, по числу классов, выстроились невысокие горки макулатуры. Около каждой мнется по подмороженному ответственному с помятой от многомесячного использования тетрадкой в руках. Нашел кучку от нашего класса и подвесил свою ношу на крючок пружинного безмена. Пока Армен пыхтел, разбирая в полутьме риску, до которой оттянулся указатель, я засунул нос в записи – в среднем приносят от трех до пяти килограммов, хотя у некоторых энтузиастов доходит и до десяти.

– Пять двести, – подвел Армен итог и черкнул что-то карандашом на страничке.

«А неплохо», – прикинул я, направляясь к выходу. В среднем три тонны макулатуры со школы, да примерно на четыреста школ в городе... Тысяча двести тонн макулатуры с города, это же сколько рощ этим сохраняется? А если по стране взять?

– Дюха, подожди меня! – На углу нос к носу столкнулся со спешащим Паштетом. – Я быстро.

Он рванул к воротам, а я отошел вбок, любуясь воронами, затеявшими салки на коньке крыши напротив. Веселье было в самом разгаре, и мне даже привиделись там, в этом перепархивающем на фоне розоватого неба кубле, мелькание довольных ухмылок и озорной блеск черных глаз. Обожаю наблюдать за этими умнейшими птицами.

Из задумчивости вывел хлопок по плечу.

– Привет, Дюх, – приветливо улыбнулся Антон Веселов. – А ты гигант. Это ж надо было так быстро сообразить и успеть извернуться... Спас наши шкурки.

– Сильно влетело?

– Ну... Могло быть заметно хуже, если бы не один шустрик, – хитро подмигнул он. – А так выгнала с дискотеки и пообещала, что, если еще раз увидит с куревом в школе или около, испортит характеристики для поступления.

– Да ну их на фиг, Тони, эти вонючие палочки... В чем кайф-то? Ты же наверняка еще не втянулся, так, для понтов куришь. Да еще гребля твоя... Тебя тренер урочет, если узнает.

– Это да... Сразу в канале утопит, – озабоченно нахмурился Антон. – Ладно, я с этим сам разберусь. Привет, Паштет.

– Хелоу, Тони! – К нам присоединился зарозовевший от быстрой ходьбы Пашка.

Мы развернулись и неторопливо зашагали к дверям школы.

– Анекдот хотите? – воровато оглядевшись, предложил Антон. – Политическая частушка. Только, чур, никому не рассказывать.

– Э-э-э... – протянул я неуверенно.

– Ага, давай, – часто закивал Пашка, обрадованный высоким доверием.

Мы приостановились, образовав кружок. Секретарь комсомольской организации школы наклонился к нам поближе и, отбивая ритм взмахами ладони, речитативом начал знакомые строки, те, которым вскоре предстоит стать самой знаменитой политической частушкой:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана,
Где б найти такую б...
Чтоб на Леньку поменять!

Я изобразил вежливую улыбку, обдумывая, как бы помягче вправить этому оболтусу мозги. Пашка заливисто рассмеялся и разродился в ответ другим образчиком фольклора:

Водка стала стоять восемь,
Все равно мы пить не бросим!
Передайте Брежневу —
Будем пить по-прежнему!

Парни поржали и вопросительно посмотрели на меня. Быстро перебрав в уме варианты в поисках наиболее безобидного, я выдал:

– Брежнев спрашивает Косыгина: «А как звали одноглазого русского полководца, который разбил Наполеона?» «Кутузов», – отвечает тот. «А того английского одноглазого адмирала?» – «Нельсон». – «А как зовут этого хитрого одноглазого еврея?» – «Моше Даян». – «Ага... Так, товарищи, я не понял, а почему у нас маршал Устинов до сих пор с двумя глазами ходит?»

– Га-га-га!!!

Под дружное реготание мы ввалились в школу и двинулись в раздевалку.

– Тони... – Дождавшись, пока Паштет начнет спускаться в гардероб, я придержал Антона за локоть и полушепотом продолжил: – Ты голову-то включи... Тебе через два месяца экзамены выпускные сдавать, через четыре – вступительные. Ты бы с политическими анекдотами на время завязал, а? А то получишь два дня рождения в пилотке. А если особо повезет, то и три. Оно тебе надо?

– Да ну брось... Я же знаю, кому рассказывать. Ты же не побежишь закладывать. И Пашка тоже.

– Эх... – тяжело вздохнул я, – минер ошибается один раз. И тебе одного раза хватит, чтобы жизнь себе испортить основательно. Десять раз правильно человека оценишь, на одиннадцатый ошибешься. И все – сливай воду, туши свет. Был подающий надежды секретарь комсомольской организации школы и кандидат на золотую медаль – и нет его. Андестенд?

– Правильный ты... – На физиономии Антона отразилась сложная гамма чувств, среди которых преобладала непоколебимая уверенность в светлом будущем. Он покивал каким-то мыслям и добавил: – Пора двигать тебя в комитет.

– Спрашивать вступающих, сколько комсомольцев штурмовало Зимний и как звали лидера индийской революции? На фиг, на фиг... О себе лучше подумай. Я серьезно.

– О'кей, спасибо за беспокойство. – Тони дружески сжал мое плечо. – Я учту. А насчет комитета ты подумай. Нам нужны правильные ребята. Учишься нормально, политику понимаешь, с дисциплиной проблем нет, общественную нагрузку волочешь хорошо.

– Э-э-э... – замычал я от неожиданности, остановив рвущийся из глотки вопрос. Потом решил, что ничего страшного не будет. – Какую нагрузку?

– Ты ж политинформатор?

Я на всякий случай кивнул. Что-то такое действительно смутно припоминается.

– Ну вот... Конфликтов в классе нет. У вас уже комсомольцев достаточно стало, надо кого-то от класса в комитет вводить. Пойдешь?

Я на миг призадумался. С одной стороны, мне это нужно, как собаке пятая нога, с другой – вот с такого мелкого безразличия страна и начала сыпаться. Начав менять историю по-крупному, неплохо бы и самому изменяться хоть в мелочах.

– Если выдвинут без подсказок со стороны, то почему нет? Иначе –

против.

– Вот как... – Антом на мгновение задумчиво свел брови к переносице. – Ну так даже лучше... Ладно, пошли, что ли, переодеваться.

Мы поздоровались с тяжело поднимающейся из гардеробной Верой Соломоновной и, пропустив русичку, скатились по узкой лестнице. В отсеке, отведенном для переодевания нашему классу, я с радостью обнаружил свою палочку-выручалочку и, оттеснив ее в сторонку, начал шепотком прояснять ситуацию:

– Зорь, у меня вопрос... Говорят, я – политинформатор в классе?

– Опять за старое?

– Ну Зо-о-орь... Будь ласка.

– Еще чего захотел, – заулыбалась она чуть смущенно и уже громче сказала: – Да хватит меня уже в темный угол волочь, через семь минут звонок!

– Боишься, что ничего не успеем?

– Я тебе успею!

С добродушной усмешкой наблюдаю, как по Зорькиным щекам начинают гулять пятна румянца. В этом возрасте вгонять девушек в краску так просто...

На мои плечи мягко опускаются чьи-то теплые ладони, и в левое ухо ласково втекает бархатистый голосок подкравшейся Кузи:

– Отпусти Светика, обсуди со мной. Мы успеем.

«Вот зараза, – отмечаю с невольным восхищением, – даже слегка прижалась к спине!» А моему организму сейчас много ли надо, хватает и намека... Кровь с готовностью прилила к скулам, запылали уши, мгновенно пересохло во рту. Типичные признаки стрессорной реакции, только усиленного диуреза недостает...

Роли поменялись, теперь забаву пытаются сделать из меня. Под аккомпанемент раздающихся вокруг девчачьих смешков поворачиваюсь и, пытаясь достойно выйти из положения, вальяжно тяну:

– Всего семь минут... Уж больно ты, Наташ, тороплива.

Демонстративно окинув меня сверху вниз оценивающим взглядом, она со зловредной улыбкой проворковала:

– Да было бы там из-за чего задерживаться.

Стремительно пролистав в уме варианты ответов, отсеивая пошлые, а таких оказалось неожиданно много, выдал первый прошедший через фильтр:

– Ты просто представить себе не можешь, как я счастлив твоей близорукости! – И пока Наташа подбирала ответную колкость, повернулся

к Зорьке: – Ну, партизанка, будешь говорить?

– Буду... куда ж я денусь, – преувеличенно горестно вздохнула Света, закатив глаза к низкому сводчатому потолку. – Переобувайся быстрее и пошли.

Проскочив мимо злобно пыхтевшей Кузи, я переобулся и вырвался на волю. По дороге к классу выяснил, что политинформации проводятся по средам за пятнадцать минут до начала урока; есть три постоянных выступающих – я, Сема и Никита, и мы обычно заранее делим между собой темы выступлений. Понятно, надо на завтра готовиться.

Заняв свое уже привычное место за партой, я задумался. И что это Кузька ко мне цепляться начала? За три учебных дня уже два раза. Не помню я с ее стороны к себе интереса. Да и не нужен он мне, пусть со своим студентом гуляет. Или она со многими заигрывает, оттачивая мастерство?

Покосился на красу класса, которая в этот момент собрала взгляды всех парней, прогулявшись с тряпкой от доски к раковине. Никакой вихляющей походки от бедра – чуть томная, но естественная грация и изящество линий, как на штриховых рисунках Пушкина. Волнительное зрелище не портят даже inferнальные цвета школьной формы.

Намочила, вернулась, слегка приподнялась на цыпочках и начала, неторопливо изгибаясь в талии то вправо, то влево, протирать верх выщербленной кое-где доски, оставляя широкие мокрые полосы. Край юбки, и без того не очень длинной, лишь до середины бедра, при этом интригуяюще вздернулся на добрый десяток сантиметров, дав старт необузданному разгулу фантазии. Я невольно сглотнул и неимоверным усилием воли заставил себя обернуться. Эх, жаль, фотоаппарата нет – феерическая картина приоткрытых ртов и остекленевших взглядов грезящих наяву ребят останется только в моей памяти.

Наклоняясь к портфелю, подмигнул неодобрительно поглядывающей Зорьке, затем достал учебник алгебры и громко пришлепнул им по парте, прерывая чересчур затянувшееся прекрасное мгновение. По классу пронеслось клцанье смыкаемых челюстей, кто-то из парней за спиной нервно хохотнул, возобновился негромкий гул разговоров и движений.

Кузя, закончив подготовку доски к уроку, аккуратно сложила тряпку на полочку и двинулась по проходу: глазки скромно в пол, на лице неясным отблеском намеков на улыбку. Я проводил ее оценивающим взглядом. Да, примерно сорок пять... хотя нет, чуть больше – около сорока восьми килограммов лакомой плоти. Уткнул хмурый взор в парту. Предстоящие годы будут непростыми. Во всех отношениях...

Тот же день, 15:25

Ленинград, Измайловский проспект

Обожаю пить молоко из прозрачного стекла. Сначала медленно вливаю его в емкость и наслаждаюсь тем, как проявляется из воздуха геометрически совершенная форма, будь то граненый стакан или, увы, недоступный сейчас коньячный бокал. Потом, поворачивая то так, то эдак, люблюсь цветом. Настоящее молоко не белое, но и желтоватого оттенка в нем нет, лишь намек на него, легкий отблеск невидимых жиринок, в микроскопических шариках которых и растворен аромат трав. Конечно, у восстановленного молока этот вкус убит, но вот у этого, полчаса назад налитого из бочки на углу, он есть. Я посмаковал первый глоток, прокатив чуть сладковатое молоко по нёбу. Да, однозначно есть.

Вернул стакан на стол и нетерпеливо двинулся к плите. Выхватил из духовки разогретый бублик с маком и располовинил длинным острым ножом вдоль. Наклонившись, с наслаждением втянул чуть сдобный аромат. Затем быстро уложил на срез тонкие ломтики сливочного масла, подровнял ножом, накрыл второй половинкой и несколько раз прижал, чтобы пропитать мякоть. Бейгл готов.

Откусил и, прикрыв глаза, чтобы ни на что не отвлекаться, вдумчиво прожевал. Запил молоком. Кайф...

Собрал со стола осыпавшиеся маковые зернышки и закинул в рот. Все. Вот теперь можно заняться освоением новояза. Сема на завтра выбрал Никарагуа, Никита – НАТО и США, а мне достался Китай.

Придвинул стопку свежих газет, сдернул верхнюю и принялся внимательно изучать первую полосу, начиная с орденов и лозунга «За нашу Советскую Родину». Дойдя донизу, аккуратно, за поля, чтобы не запачкать пальцы легко смазывающейся сажевой краской, развернул. Взгляд сразу невольно метнулся к третьей полосе.

Да, это не лечится... Ну что мне стоило посмотреть стандартное содержание третьей страницы «Красной звезды?» Лень было руку протянуть и взять газету из стопки. Нет, понятно, если им будет надо, то извернутся, но как-то неудобно получается...

Еще раз оглядываю третью полосу, сплошь забитую сообщениями ТАСС на международные темы. Ни одной фамилии или звания советского офицера. Для изменения формата, возможно, потребуется оклик сверху. Ну... тем интереснее.

Борьба за мир на газетной странице идет вовсю. И, что интересно, НАТО и США поругивают, но достаточно дипломатично, с постоянными

отсылками к политике разрядки, а вот Китаю влетает по печени с неподдельной страстью.

Снова пробегаю глазами по строчкам:

«Не обращая внимания на предостережения японских патрульных кораблей, более 20 китайских рыболовных судов, вооруженных пулеметами, вновь вошли в воды островов Сенкаку. Газета японских коммунистов «Акахата» опубликовала сегодня заявление, в котором говорится, что территориальные притязания Китая представляют собой великодержавные действия, обусловленные отходом Китая от позиций научного социализма».

Или вот еще:

«Подводя итоги недавнего визита в КНР президента Сомали С. Барре, зарубежные обозреватели сходятся во мнении, что пекинские лидеры оказали ему подчеркнуто теплый прием, руководствуясь в основном соображениями антисоветизма. Пекин считает нынешний момент исключительно удобным для осуществления своих попыток внедриться в некоторые страны Африки, с тем чтобы оттуда провоцировать беспорядки и сеять рознь между развивающимися государствами».

Да, бьем наотмашь, из всех идеологических калибров. Смысл поддержания такого накала страстей неясен, ведь не к войне же с Китаем готовимся. А переломить созданное в массах настроение потом, при налаживании отношений в будущем, будет сложно. Они что, там наверху, ждут полной капитуляции китайского руководства? Глупо... Непонятная политика.

Правда, и китайцы отнюдь не агнцы. Один только тезис «о неизбежности в будущем большой войны», недавно подтвержденный на всекитайском собрании, чего стоит. Далеко не вегетарианцы. Похоже, пока несколько поколений руководителей там не сменится, с ними кашу не сварить.

Кстати о «сварить»... Я тут припомнил, что печеное яблоко с корицей – Томино слабое место. Мечтательно улыбаясь, открыл духовку и опять включил ее на прогрев. Цыпа-цыпа-цыпа...

Тот же день, 19:45

Москва, площадь Дзержинского

– ...по совокупности этих фактов, Юрий Владимирович, мы сейчас абсолютно убеждены в том, что Огородников действительно является агентом ЦРУ, информация из Боготы о вербовке в семьдесят четвертом подтверждается, – негромко докладывал генерал Бояров, неотрывно глядя

на сидящего напротив Юрия Владимировича.

Андропов задумчиво слушал, слегка прикрыв глаза и уткнувшись подбородком в сложенные перед лицом ладони. Бояров неодобрительно покосился на упертые в стол локти – там, на левом рукаве светлого кардигана грубой вязки, надеваемого шефом КГБ в неофициальной обстановке, была заметна небрежная штопка.

«Ладно, это еще ничего, – вздохнув про себя, подумал генерал. – Суслов вон третий десяток лет в одном и том же пальто ходит».

– Однако доказательной базы для его ареста и начала контригры у нас сейчас нет, он крайне осторожен. Будем работать дальше, – завершил он доклад.

В кабинете повисла тишина. Андропов открыл глаза и, недовольно покачав головой, укорил:

– Плохо. Мы ведем с американцами важнейшие стратегические переговоры, и они видят наши карты еще до того, как мы сделаем ход. Они же все время на шаг впереди нас... Утечка из Управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИДа – куда это годится?! Этот Агроном имеет доступ к широкому кругу документов особой важности... И не убрать никак – спугнем. Да и Андрей Андреевич не верит ни в какую. Что дальше делать думаете, Григорий Федорович? – повернулся он к сидящему справа от него руководителю контрразведки.

Начальник Второго главного управления КГБ генерал-лейтенант Григоренко на мгновение задумался, затем осторожно вернул тонкую фарфоровую чашку на блюдце и начал излагать выработанный план:

– Юрий Владимирович, мы хотим использовать Огородникова в дальнейшем для стратегической контригры с американцами. Для этого надо склонить его к сотрудничеству, прижав к стене неопровержимыми доказательствами. Поэтому работа сейчас сосредоточена именно на выявлении доказательной базы. Нужны тайники, аппаратура, инструкции ЦРУ. К сожалению, в ходе негласных обысков нам пока не удалось их обнаружить, Агроном прячет все очень качественно, по квартире всюду контрольки расставляет при уходе. Мы думаем так: приближается следующий раунд переговоров в Женеве по разоружению. По мере выработки нашей позиции Огородников будет стремиться передать данную информацию в ЦРУ. На подготовке к этому сеансу мы и хотим его взять. Мы обращаемся к вам с просьбой, – Григоренко извлек из папки рапорт и протянул через стол Андропову, – санкционировать установку в его квартире аппаратуры для негласного наблюдения. Полагаем, что он готовится к сеансам именно там, в кабинете.

Андропов согласно кивнул и быстро черкнул разрешающую резолюцию. Григорий Федорович мысленно поставил галочку – одно дело сделано. Дать санкцию на технический контроль в отношении советского гражданина может только председатель КГБ или один из его замов. Обычно необходимость такого разрешения приходится долго и нудно доказывать, но в данном случае все было очевидно и поэтому прошло на ура.

Григоренко на пару секунд задумался, формулируя наиболее деликатную часть своего доклада, касающуюся Константина Русакова, бывшего зама Андропова в бытность того секретарем ЦК КПСС, а сейчас – личного помощника Брежнева:

– Юрий Владимирович... Кроме всего этого, наблюдение выявило близкие отношения между Огородниковым и Ольгой Русаковой, дочерью Константина Русакова. Судя по всему, дело идет к свадьбе...

Из рук в руки перешло несколько фотографий, на которых симпатичный мужчина с бравой выправкой нежно обнимает расплывшуюся девицу «за тридцать». Андропов проглядел снимки, раздосадованно шлепнул пачкой по столу и, поднявшись, взволнованно прогулялся по кабинету. Постоял у окна, глядя на памятник Дзержинскому, потер лоб и раздраженно бросил:

– Нет, товарищи, это надо прекращать... Русакова планируют через месяц на повышение. Нам только родственных связей секретаря ЦК КПСС с американским шпионом не хватало.

Решительно сел за стол, наклонился вперед, собираясь что-то сказать, и внезапно замер, задумавшись.

– Так... – протянул Андропов, придя наконец к какому-то решению. – Есть информация, – он неопределенно указал подбородком куда-то влево-вверх, – что у нашего Агронома один тайник замаскирован под камень в гараже. В этом контейнере – шифр-блокнот и инструкции ЦРУ. Второй тайник – в раскручивающейся батарейке ручного фонарика, причем при обратной сборке у нас могут быть проблемы. И капсула с ядом в авторучке.

Побарабанил пальцами по столешнице, раздумывая, потом пристально посмотрел на подчиненных:

– Григорий Федорович, Виталий Константинович, пока это все. За работу. При подтверждении информации – немедленный доклад.

Покинув приемную, генералы многозначительно переглянулись и молча прошли к лифту. Зубры контрразведки умели извлекать максимум из сказанного и – особенно – несказанного и сейчас стремительно просчитывали открывающиеся перспективы. В родном коридоре восьмого этажа с Григоренко свалилась привычно носимая маска невозмутимого

шахматиста, и по лицу зазмеилась злорадная улыбка, увидев которую шарахнулся куда-то вбок не вовремя вышедший в коридор капитан. Григорий Федорович с усмешкой проводил подчиненного взглядом и многозначительно пробормотал:

– Ну что, Виталий, вот теперь поработаем... Похоже, мы их вскрыли, как консервную банку. Давай-ка через полчаса ко мне со свежими мыслями.

Бояров на пару секунд задержался перед своим кабинетом, с уважением глядя в спину удаляющегося начальника. Мелькнула мысль о несправедливости: кто такой Канарис, знают все, кто такой Григоренко, который еще молодым капитаном в ходе десятков успешных игр как хотел водил за нос спецов абвера, не знает почти никто.

«Ладно, сочтемся славой, ведь свои же люди, – усмехнулся он, решительно заходя в кабинет и переключаясь на Агронома. – Первым делом надо вырвать у этой скотины ядовитые зубы. Капсула с ядом в авторучке. Хм... – Бояров схватил карандаш и задумчиво зажевал его торец, потом, просветлев лицом, схватил календарик. – Эврика! У Игорька Перетрухина на этой неделе день рождения. Вот пусть в баньку сходит со своими подопечными из МИДа, попарятся, массаж сделают... А мы за это время изучим, что там за авторучка. А потом, если найдем капсулу, сделаем шахер-махер, и станут у него гранаты не той системы...»

Пододвинув лист бумаги, Бояров начал набрасывать график операции со списком привлекаемых специалистов.

Процесс пошел, колесо Истории отделилось от предыдущей колеи еще на пару микронов.

Среда 30 марта 1977 года, 14:55

Ленинград, Красноармейская улица

Нога за ногу плетемся из школы, перебрасываясь шутками. К сожалению, до Томиного дома всего метров чetyреста – даже неторопливо бредя, мы пройдем эту дистанцию минут за десять. Ну еще немножко можно будет у парадного потоптаться. Перехватываю в левую руку оба портфеля и пускаю в ход домашнюю заготовку – достаю из конверта, вложенного во внутренний карман куртки, два самодельных батончика мюсли. Неторопливо помахал приманкой перед чуть вздернутым носиком:

– Хочешь?

– Что это? – в изумлении разве что не обнюхала.

– Сладкие батончики вчера испек. Геркулес с тертым яблоком, корицей, изюмом и медом. Вкусно, – тяну тоном профессионального соблазнителя и смачно откусываю от своей порции. Действительно вкусно,

меда с корицей не пожалел.

– Спасибо!

Батончик энергично вырван у меня из рук, и мы захрустели на пару.

– Мм... – закатив глаза к небу, проговорила Тома. – Здоровски... Сложно готовить?

Перед подсечкой делаю драматическую паузу, словно что-то припоминаю, потом небрежно роняю:

– Да нет, наоборот – просто. Хочешь завтра после школы зайти ко мне? Пообедаем, и я проведу инструкторско-методическое занятие. За час управимся. Кстати, обжаренный геркулес можно не только в батончик формировать, но и россыпью делать, а потом с молоком на завтрак. Тоже вкусно. И полезно.

Тома с задумчивой грустью разглядывала огрызок батончика в руках. Я замер с деланным безразличием. Ловись, рыбка, большая и маленькая...

– Я подумаю, – лукаво улыбнулась девушка.

Хм... Мою невинную хитрость раскусили?

– Угу... – В бурчание невольно прокрались недовольные нотки. Чтобы их скрасить, резво продолжаю: – Впрочем, я сейчас наладил производство, на свой один небольшой батончик в день можешь смело рассчитывать.

– Я подумаю, – повторила она. – Можно и у меня пообедать. Я у тебя чай уже пила, теперь твоя очередь. А потом покажешь.

– Прокормишь? У меня после школы аппетит зверский. – Пытаясь скрыть довольную улыбку, следующие два шага делаю чуть-чуть короче, чтобы немного приотстать. Мимика у меня предательски открытая, плохо подчиняется даже прямому волевому контролю. Видимо, тоже возрастная особенность.

– Порадуешь своим жором бабушку, она вечно ворчит, что меня не накормить.

Ах ты ж черт, там бабушка водится... Улыбка стекла с лица, сменившись озабоченным выражением. С другой стороны, подумаешь, бабушка... Как будто я всерьез рассчитывал на что-то осязаемое от этого обеда. Окидываю Томин профиль оценивающим взглядом. Да, до первого поцелуя еще как до небес – семь верст и все лесом...

– Главное, не напугать с первого раза своим аппетитом старушку слишком сильно.

Тома жизнерадостно рассмеялась:

– Это вряд ли, она у нас хлебосольная. Пока, как пузырь, за столом не раздуешься – не выпустит.

– Так когда, говоришь, я смогу познакомиться с этой достойной

женщиной?

Со смехом сворачиваем на Москвину, на повороте нас с понимающей полуулыбкой энергично обгоняет химичка. Дав Елене Дмитриевне отойти, объявляю:

– Анекдот. Знаете ли вы, что у Лжедмитрия Второго была дочка Елена? Елена Лжедмитриевна.

Переждав хихиканье, продолжаю:

– Сейчас проверю, как ты арифметику знаешь. Помнишь, что Владимир Ильич сказал про коммунизм, советскую власть и электрификацию?

– Э-э-э... Коммунизм – это советская власть плюс электрификация?

– Угу... Смотри.

Я поднял с земли прутик, обломал мягкий кончик и вывел на склоне подтаявшего сугроба: « $K = CB + Э$ ».

– Теперь скажи мне, чему, по правилам арифметики, равна электрификация?

Тома задумалась на секунду, потом фыркнула в ладошку и насмешливо скосила на меня глаза:

– Это чему ты честную комсомолку пытаешься научить? Кое-кому из моей родни такая арифметика может не понравиться.

Комсомолка... Пару секунд рассматриваю длинные, болтающиеся почти до пояса, ушки серой пуховой шапочки, изо всех сил стараясь вести себя взросло. Потом машу на все рукой и несильно дергаю за ушки, надвигая край шапки Томе на брови. На мгновение замираем, глядя друг на друга, и вот я уже легко бегу, набирая скорость, через пустую дорогу, на вдохе слышу кислый запах ржавчины трамвайных рельсов, мельком любуюсь переливами бензина на мокром асфальте, в ушах – шум ветра...

Взлетаю на тротуар, увернувшись от заполошно шарахнувшегося из-под ног голубя, сворачиваю левой, туда, где в воздухе разлит горьковатый запах разбухшей от влаги коры тополей, и кошу взгляд назад. В полтора шагах за мной несется тонконогий олененок: из-под шапки кое-где вырвались на свободу рыжевато-каштановые прядки, ноздри раздуваются в наигранном гневе, на губах танцует довольная улыбка. Пробегаю еще метров пять и, резко остановившись, разворачиваюсь, вскидывая портфели в стороны.

Ах как жаль, что нет снежной целины за спиной! Много бы сейчас отдал за то, чтобы увлечь влетевшую в меня девчонку в пушистую белизну и, падая спиной в хрустящую мягкость, увидеть над собой распахнувшуюся высь и изумление в приближающихся глазах...

Четверг 31 марта 1977 года, 13:20

Ленинград, Измайловский проспект

«Все хреново», – подвел я черту под анализом и с укоризной посмотрел на портреты членов Политбюро. Не оправдали они моих надежд, вместо плана – руины. Нет и не будет никакого патрона... Не к кому идти, стучаться, писать и что-то доказывать. Нет адекватного лидера со стратегическим мышлением, способного на поступок. Некому предъявлять доказательства предстоящей катастрофы, не с кого требовать смены курса.

Брежнев и раньше не был стратегом, выполняя, правда достаточно качественно, роль арбитра. Но вот уже три года, как началась его деградация, причем именно сейчас ситуация впервые стала по-настоящему тяжелой. Дошло до того, что мы уклоняемся от организации встреч с президентом США из-за боязни, что Первый что-нибудь начудит даже при встрече в составе делегаций.

Еще долгие пять с половиной лет он будет лежать шлагбаумом на пути страны, наглухо перекрывая любые спасительные маневры. И не прервать никак этот долгий сумрак... Пристрелить, что ли?

Я всерьез задумываюсь. Совесть... Совесть поплачет и заткнется в уголочке. Увы, когда у тебя такая цель, то это оправдывает любые средства. Или нет? Вопросик... Тяжела ты, жизнь прогрессора.

В принципе это реализуемо. Система охраны, любимые места отдыха и распорядок дня для меня не будут секретом. Но вот уйти, скорее всего, не удастся. Наверняка не удастся. Достанут. А это значит, что больше ничего не сделаю. А тогда смысла убирать Брежнева нет. Систему менять надо, а не царя горы. Если бы за ним стояла генерация гигантов мысли, которым он не дает дорогу... Но ведь нет таких.

Покрутив еще раз так и эдак идею с устранением Брежнева, выкидываю ее на свалку и возвращаюсь к кремлевским небожителям.

Номер «два» в табели о рангах – Михаил Суслов. Такой же старец, как и Брежнев, перенес в прошлом году инфаркт и теперь работает не более четырех часов в день. Фанатичный догматик, начетчик и упрямый педант. Основная область интересов – марксистская схоластика и охранение идеологической целомудренности. Не претендует на первую позицию, удовлетворяясь ролью «серого кардинала», и поэтому пользуется абсолютным доверием Брежнева.

Номер «три» – Подгорный, Председатель Верховного Совета. Чванливый чинуша, нахраписто претендующий на лидерство. Ни ума, ни

совести. К счастью, его вот-вот «уйдут на пенсию». И слава богу. А освободившуюся должность Брежнев присоединит к своей и станет, помимо всего прочего, еще и номинальным главой государства.

Алексей Косыгин, предсовмина, главный по экономике. Светлейшая голова, эрудит, трудоголик и ярый сторонник плановой экономики. В прошлом году перевернулся, плавая на байдарке, и прошел через клиническую смерть. Не оправился и уже не оправится. Сейчас это бледная тень прежнего Косыгина.

Вообще экономическому блоку в Политбюро не повезло сильнее всех. В стране раскручивается структурный кризис, а руководители экономики еле живы. Косыгин безнадежно сдал. Мазуров, еще достаточно молодой по советским меркам – всего шестьдесят три года, заместитель, не сработался с Брежневым и через год будет выдвинут на пенсию. К тому же тоже серьезно болен. Ответственный за промышленность Кириленко уже начал впадать в маразм. Главный над селом – Кулак, любитель выпить и закусить, через год умрет от инфаркта. Фактически всей текущей работой Совета Министров руководит семидесятитрехлетний Тихонов, который даже не кандидат в члены Политбюро.

Все силовики и примыкающие к ним полностью верны своим патронам. Андропов в КГБ, Устинов в Министерстве обороны и Громыко в МИДе никогда не пойдут против Брежнева. Замыкающийся на Суслове Пельше приближается к восьмидесятилетию.

Из них лишь Андропов имеет ресурс, который может быть использован для поворота к реформам, но сейчас он номер «шесть-семь» в кремлевской иерархии и абсолютно лоялен Брежневу. Абсолютно. Дословно выполняет распоряжения, даже когда категорически не согласен. Да и не стратег. Тактик – да, хороший, но проблемами страны в целом никогда не занимался.

А когда начинал заниматься, то лучше бы он этого не делал... Чего стоит одно только продавленное им десять лет назад решение об отказе от собственных разработок ЭВМ и обеспечении наших потребностей в данной области средствами подчиненного ему промышленного шпионажа. Мол, это дешевле и хорошо у нас получается.

В итоге были разогнаны перспективнейшие исследовательские группы и закрыты производства, выдававшие на-гора вычислительную технику не хуже, чем на Западе, а по ряду параметров – и лучше. Перешли на копирование американской техники, причем выбрали в качестве образцов отнюдь не самые совершенные модели.

Я скрипнул зубами от досады. Страну одним решением выкинули из

участия в развитии следующего технологического уклада человечества. Идиоты... А ведь до этого решения мы слегка отставали по собственной элементной базе, но в плане идеологии разработок как минимум шли на равных, причем в наличии было несколько конкурирующих между собой перспективных линий развития. Слов нет... И уже ничего с этим не сделать, фарш невозможно повернуть назад – десять лет прошло, отставание безнадежно велико.

Кто там еще в Политбюро остался? Региональная четверка из Гришина, Романова, Щербицкого и Кунаева представляет крупные города или регионы – Москву, Ленинград, Украину и Казахстан. Общесоюзными проблемами не занимаются, классические партийные функционеры. Кто-то чуть лучше, как Романов и Кунаев, кто-то чуть хуже, но никого из них не заподозрить в способности пойти против возвысившего их Брежнева.

Все. Тупик. Нет точки опоры, не перевернуть мир.

Я оделся и пошел бродить в дурном настроении, вглядываясь в лица людей. Неужели вот эти самые прохожие через двадцать лет научатся в ответ на просьбы бросать «нет» не задумываясь? Неужели ничего нельзя изменить?..

Я покрутил головой. Оказывается, в задумчивости уже добрел до ТЮЗа. Задрал голову, рассматривая сквозь голые ветви деревьев небо. Ну не может же такого быть, чтобы разумный человек с таким ресурсом, как у меня, не смог улучшить историю. Не может! Значит, не там рою, мыслю шаблонно. Думай дальше...

Тот же день, 18:10

Москва, Кремль, здание Совмина, объект «Высота»

– Да я уже сколько раз говорил: надо гнать из страны тех, кто не хочет здесь жить. Обойдемся и не заметим! – Леонид Ильич недовольно пристукнул ладонью по столешнице, – Сахарова этого и других евреев. Надоели все эти Азбели, Нудели и Кандели хуже горькой редьки, не хотят – и не надо! Скатертью дорожка!

– По Сахарову есть заключение Министерства среднего машиностроения, что он по-прежнему является носителем государственной тайны, – скорбно сообщил Устинов.

– Гаденыш, – прошипел побагровевший Подгорный. – Пользуется своей безнаказанностью.

Брежнев обиженно насупил, похлопал по карманам пиджака, извлек массивный темно-зеленый портсигар и попробовал достать сигарету. Портсигар упорно сопротивлялся. Раздосадованный Леонид Ильич

посмотрел на часы и растерянно пожаловался собравшимся:

– Ну вот... Врачи сказали сократить курение, а умельцы Юрия Владимировича и рады стараться, изготовили вот эту пакость – открывается не чаще, чем через сорок пять минут... Володя, – повернулся он к своему начальнику охраны, – посиди рядом, покури на меня. – Опустив взгляд в бумаги и что-то вспомнив, опять начал заводится: – Кстати, этот Сахаров все больше распоясывается, ведет себя уже просто похулигански. Вон мне Юрий Владимирович сообщил, дошло до того, что он с милиционером подрался около суда, с женой на пару... Хотя то, что он бабу на старости лет полюбил и женился, молодец. За это я его пожалел. Глядишь, маленькие цукерманы появятся.

– Гы-гы-гы, – зашелся жирным хохотом Кулак, залились подобострастным смехом Романов и Гришин.

Андропов повел глазами вправо: ухмыляется в кулак Щербицкий; уткнув глаза в стол, вяло улыбается Кунаев; сидящий с отсутствующим видом за торцом стола Косыгин озабоченно листает какие-то документы. Быстро метнул взгляд влево: на другом торце стола с постной миной сидит, второй час держа прямую спину, Суслов; о чем-то своем шепчутся, наклонившись друг к другу, Устинов и Громыко.

Прямо по центру тем временем происходит сюрреалистическое для стороннего наблюдателя действие: сидящий за спиной Брежнева охранник нагло курит прямо на заседании Политбюро, пуская дым в сторону генсека. Леонид Ильич чуть шевельнул головой, поймал носом текущую из-за спины струйку и с удовольствием втянул длинным вдохом.

– Да! – неожиданно заулыбался он, вспомнив что-то приятное. – Я ж тут на охоте кабана рекордного завалил! Егеря выследили одно стадо – а там секач больше метра в холке! Я в Завидово рванул, Костика с собой сдернул, еще ехать не хотел, дурашка. Егеря оклад сделали, вышки поставили, мы с ним встали. А красиво-то как вокруг... Аж жить хочется... Как там у Есенина... – Взгляд Леонида Ильича провалился куда-то внутрь, и, чуть помолчав, он с неожиданной экспрессией продекламировал:

Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой,
Подвязалася сосна...

Тут он сбился, огорченно подвигал бровями и, просветлев, продолжил:

– М-да... Или вот еще:

На пушистых ветках снежною каймой
Распустились кисти белой бахромой.
И стоит береза в сонной тишине,
И горят снежинки в золотом огне^[8].

– Да... – Взгляд генсека мечтательно затуманился. – Гайщики стадо из хмызняка на нас выгнали, слышу – ломится кто-то на нас. Вывалился чуть левее – не кабан, кабанище! Лет десять таких не видел. Я за деревом тихонько карабин поднял, у них же боковое зрение сильное, секут все вокруг, и шмальнул его на бегу прямо под ухо, метров с тридцати пяти. Сразу с копыт свалился.

Гордо оглядев собравшихся, поднял палец и с широкой улыбкой добавил:

– Так вот к чему я это рассказываю... Егеря этого кабана, когда выследили, Сахаровым назвали. Так что завалил я этого цукермана! Вот не сообразил сказать из головы чучело сделать, подарил бы на день чекиста твоему Бобкову, Юрий Владимирович, в кабинет на стену.

– Замечательная история, – с чуть заметным сарказмом подвел черту Сулов. – Товарищи, предлагаю продолжить обсуждение оставшегося вопроса.

Михаил Андреевич обвел членов Политбюро тяжелым взглядом, словно учитель гимназии – класс с расшалившимися учениками. Все дружно уткнулись в бумаги.

– Материалы Комитета государственной безопасности убедительно доказывают наличие широких связей между ЦРУ и рядом граждан еврейской национальности, которым отказано в выезде по режимным соображениям, – продолжил он. – ЦРУ дает им прямые указания на то, какая именно информация интересует США в первую очередь. – Сулов пошелестел страницами и обвиняюще ткнул узловатым пальцем в найденный параграф. – Вот, например, перехвачены задания так называемым диссидентам на сбор информации о разработках клистронов большой мощности для радиолокационного наведения, аппаратуры связи для подводных лодок, телевизионной аппаратуры разведывательных спутников. Налажена передача инструкций от ЦРУ через замаскированные под камни контейнеры, обратная передача материалов осуществляется с использованием приемов конспирации. Эта деятельность поощряется

материально путем передачи посылок с Запада и обещаниями оказания помощи после эмиграции. Налицо развертывание на базе так называемых диссидентов полноценной разведывательной сети, действующей против СССР. Наши законные меры по пресечению разведывательной и подрывной деятельности Запад использует в пропагандистской кампании по защите так называемых прав человека, хотя у самих рыло в пуху дальше некуда. Вот, Юрий Владимирович, сколько у нас сейчас сидит по семидесятой статье?

– Сто двадцать два человека, – не задумываясь, отбарабанил ответ Андропов.

– Вот... – Суслов еще раз поискал что-то в папке и, дальнотзорко отставив найденный лист на расстояние, прочел: – «Только в одном Ольстере за последние семь лет погибли более полутора тысяч человек, а несколько тысяч человек брошены в тюрьмы и лагеря по упрощенным судебным процедурам». В США за последние пятнадцать лет ФБР провело расследование в отношении полумиллиона американцев по обвинению в «подрывных действиях», и мы все прекрасно знаем о наличии у них политических заключенных с левыми взглядами. Они не чураются прямых провокаций против нас и постановочных действий. Например, голодовки эти фальшивые... Тьфу, прямо по Ильфу и Петрову – днем эти диссиденты голодают перед иностранными журналистами, а по ночам жрут. Как эта Гальперина сказала с простотой, что хуже воровства: «Если они будут голодать по-настоящему и заболеют, то некому будет руководить нашим движением». Что делать с этими паразитами? Вот Леонид Ильич предлагает гнать в шею, чтобы одна паршивая овца не заразила все стадо. Дмитрий Федорович против по соображениям сохранения государственных секретов. Юрий Владимирович, ваше предложение?

– Хм... – осторожно прокашлялся Андропов. – Товарищи, я считаю, со шпионажем надо бороться в рамках закона, традиционными методами: накапливать улики, доказательную базу, судить и предавать эти дела гласности. Тут все понятно, и сил на это у нас хватает. Что касается подрывной деятельности, то отказ от активных мер по ее пресечению чреват самыми серьезными негативными последствиями. Идти на принципиальные уступки в этом вопросе невозможно, поскольку стоит нам дать где-то послабление, прогнуться под них – и они тут же начнут предъявлять нам другие неприемлемые требования. Поэтому надо пользоваться нашей семидесятой статьей без всякого стеснения. На самом деле такие же статьи существуют в уголовных кодексах и западных стран. – Юрий Владимирович быстро пролистал какой-то документ и зачитал

отчеркнутую выдержку: – В уголовном кодексе Италии говорится: «Гражданин, распространяющий тенденциозные сведения о внутреннем положении государства, способные ослабить кредит или престиж государства, наказывается тюремным заключением сроком не менее пяти лет». Заметьте, даже не «лживые», а «тенденциозные»! А вот как сформулирован параграф сто тридцать один уголовного кодекса ФРГ: «Тот, кто публично распространяет искаженные факты с тем, чтобы оклеветать государственные учреждения или постановления верховных органов, карается лишением свободы сроком до двух лет». Так что лицемерят они на Западе, надо это разоблачать активнее. Вот мы в «Известиях» месяц назад опубликовали статью с доказательствами связи ЦРУ с так называемыми диссидентами, и они сразу сдали назад, уменьшили активность подрывных и разведывательных операций. Наступательнее надо быть.

– А ты-то сам, Михаил Андреевич, что думаешь? – поинтересовался Брежнев.

– Диссиденты существуют благодаря поддержке Запада, – уверенно рубанул Суслов. – Оторви их от Запада – и нет диссидентства. Оттуда поддержка, деньги. Посмотрите на сообщения западной печати. Она в течение многих лет оперирует одними и теми же фамилиями, ссылается на два-три десятка «диссидентов». А что это за люди? Или прожженные циники, рядящиеся в тогу правозащитников здесь, чтобы по выезду из страны получить тепленькое местечко журналиста в какой-нибудь антисоветской газетенке или пропагандиста на радио; или националисты – бандеровские прихлебатели и фашистские прихвостни; или откровенно больные люди, страдающие комплексом правдолюбца. Застревают в инфантильности с ее борьбой за абстрактную справедливость, заикливаются на мелочах, не видя наших громадных достижений. Нет, товарищи, я считаю, – прихлопнул он ладонью, – одних выпустишь, другие появятся. Держать их здесь, рвать связи с Западом, ловить шпионов, вести контрпропаганду, выявляя двойные стандарты. И ничего, ни-че-го из этих провокаций против нас не выйдет. У них у самих все пылает и на собственном дворе, и вокруг. Кризис в США, забастовочное движение нарастает, антивоенное на подъеме, в Латинской Америке восстания одно за другим, диктатуры вот-вот как домино посыплются. Из Азии империалистам пинка уже дали знатного. Исторические прогнозы марксизма-ленинизма подтверждаются, правда на нашей стороне!

– Андрей Андреевич?

Громыко чуть шевельнулся, перетекая из расслабленно-валяжной в элегантно-деловитую позу, выдержал мхатовскую паузу и начал веско

излагать:

– Товарищи, очевидно, что каким-либо образом расшатать советский строй эти отщепенцы не в состоянии. Следовательно, мы должны принимать во внимание два аспекта: их участие в шпионской деятельности и то, как освещается наша борьба с их противоправными действиями в буржуазной печати. На мой взгляд, и там и там нет больших проблем. Ведомство Юрия Владимировича достаточно эффективно пресекает шпионаж, наши суды, опираясь на неопровержимую доказательную базу, выносят справедливые приговоры. Антисоветская деятельность также пресекается в соответствии с законом, причем используемые нами правовые нормы не жестче тех, которые в ходу в западных странах. Нам надо спокойно отвергать претензии Запада поучать нас и последовательно указывать на использование ими двойных стандартов и их собственное неблагополучие с правами человека. Примеров тому не счесть. Режим в Чили массово истязал и истязает политических заключенных, расстреливает по приговорам военных трибуналов, устраивает теракты против своих политических противников даже на территории США – и что, кто-то слышал, чтобы США или страны Западной Европы их за это осудили? То же самое можно сказать о режиме «черных полковников» в Греции, Франко в Испании. Десять лет назад в Индонезии Сукарно устроил резню сторонникам левых взглядов, более полмиллиона человек убито, семьями вырезали, вместе с детьми. Запад им рукоплескал, более того, ЦРУ передавало индонезийской военщине проскрипционные списки с указанием, кого еще надо уничтожить. И они собираются учить нас правам человека? Не смешно. Не стоит поддаваться их давлению, я согласен с Михаилом Андреевичем и Юрием Владимировичем, – оно лицемерно.

– Ну... – протянул Леонид Ильич с некоторым сомнением. – Может, оно и верно по сути... Просто так хочется эту погань побыстрее вымести из страны метлой, – выдохнул он искренне. – Ладно, снимаю я свое предложение. Товарищи, у кого-нибудь есть еще соображения?

– Нет, нет, нет, – дружным эхом раздалось со стороны регионалов. Косыгин молча покачал головой.

– Ну и хорошо, тогда так и принимаем... Э-э-э... Продолжить неустанную борьбу с происками империалистических сил, усилить наступательность нашей пропаганды, жестче вести борьбу с разного рода отщепенцами, используя для этого все предоставленные законом средства. Кто «за»? «Против»? Единогласно. Товарищи, на этом повестка заседания Политбюро исчерпана, спасибо за работу.

Андропов первым торопливо вышел из зала и притормозил в ореховой

комнате, дожидаясь Громыко и Устинова. Вдоль стенки тенью проскользнул порученец и, протягивая записку, негромко доложил:

– От Григоренко звонок был.

Юрий Владимирович развернул лист.

«В гараже Агронома обнаружены исчерпывающие доказательства».

– Так... – протянул председатель КГБ вполголоса, уставившись сквозь капитана невидящим взглядом. – Так...

– Ну, Юра, ты идешь? – положил ему руку на плечо подошедший Устинов.

Андропов завертел головой, выискивая Громыко.

– Вы езжайте, я задержусь. Надо с Андреем Андреевичем переговорить и потом к себе вернуться. – Он озабоченно помотал головой и добавил: – Информация важная пришла.

– Плохая? – уточнил Устинов, пристально вглядываясь в глаза.

– Еще не понял до конца... Многозначительная. Осталось в этих значениях разобраться, – слабо улыбнулся Андропов.

– Ну ладно, разбирайся, я тоже к себе поехал.

– Я вот все думаю, Дмитрий Федорович, когда вы спите? Порученца своего хоть пожалейте.

– А мне много не надо, организм такой... Пять часов сна – и я как огурчик, готов к труду и обороне, – засмеялся Дмитрий Федорович. – А порученцев у меня два, нечестно так гонять одного было бы... Это я могу восемнадцать часов работать, их-то что мучить?

Устинов посмотрел на скопившихся в ожидании лифта членов Политбюро, махнул рукой и, стремительно обогнув дежурного прапорщика, почти бегом начал спускаться по лестнице. Завистливо поглядев ему вслед, Андропов повернулся и пошел наперехват к вышедшему наконец из зала заседаний Громыко:

– Андрей Андреевич, пошушукаться надо.

– Надолго?

– Минут пять.

– Хм... – Громыко на мгновение задумался. – А давай тогда по Кремлю прогуляемся?

– Хорошо.

Спустились на лифте с третьего этажа Сенатского дворца и вышли в узкий пустынный скверик, протянувшийся между дворцом и Арсеналом.

– Ну что у тебя там?

Андропов крутанул головой, озираясь, и медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

– Андрей Андреевич, к сожалению, информация о вербовке вашего Огородникова подтвердилась, сегодня получены исчерпывающие доказательства его предательской деятельности.

– Огородникова? – Громыко делано наморщил лоб. – Не помню такого...

– Да, Огородникова, – терпеливо повторил Андропов. – Того самого, из отдела стратегического планирования МИДа, вашего помощника. Мы с вами в конце февраля говорили о нем, тогда были только веские подозрения, сейчас получены материальные доказательства.

– Ах, этого Огородникова... Да, вроде есть такой. – Громыко с задумчивым прищуром любовался на кремлевские зубцы, выделяющиеся четким изломом на фоне темнеющего неба. – Ладно, это ваш хлеб – шпионов ловить, вот и ловите, советовать не буду. А мне еще в посольство Кипра на прием надо ехать. У них национальный праздник, день начала освободительной борьбы против английских колонизаторов, надо их с этим поздравить. – Андрей Андреевич повелительно махнул своему ЗИЛу.

Монументально устроившись на заднем сиденье, Громыко, словно внезапно что-то вспомнив, воскликнул:

– Представляешь, Юра, я тут по улице Горького намеренно решил прогуляться, зашел в гастроном и не обнаружил в продаже сельтерской воды! А ведь, помню, лет двадцать назад еще была... Что-то у нас, похоже, разладилось. Вот о чем голова болеть должна. – И дверь мягко захлопнулась.

Андропов чуть поморщился вслед неторопливо разгоняющемуся ЗИЛу, втянул поглубже воздух и побрел к своей машине, бездумно скользя взглядом по брусчатке. Исчерпывающие доказательства, значит... Понять бы еще цели тех, кто вкинул это письмо. Отвлечь силы и внимание от чего-то более важного, перегрузив работой по проверке?

Выскочивший из машины офицер охраны распахнул заднюю дверь, и Андропов неторопливо опустился на кожаное сиденье. Глаза привычно выделили в окружающем пейзаже малахитовую патину Царь-пушки. Хотя и не пушка это... Прошлым ранним летом, когда необычно теплая погода выгнала цветы сирени еще в начале мая, как-то на прогулке после заседания Политбюро Дмитрий Федорович целую лекцию прочел. Пушка, оказывается, это когда длина ствола составляет не меньше сорока калибров, а здесь только четыре. Бомбарда это, стенобитная бомбарда. Клади такие на землю, задний торец упирали в глубоко забитые сваи, направляли на стены и кидали каменные ядра. На каждый выстрел уходило по несколько часов, но игра стоила свеч, даже мощную стену можно было продолбить за пару

недель.

Машина, распугав резвящихся в луже воробьев, тронулась, и мысль опять скользнула к непонятной игре с советской контрразведкой. Хотят вышибить ключевых сотрудников? Все-таки в списке два генерала, из КГБ и ГРУ, чрезвычайный посол при ООН.

Да нет, вряд ли... Одно только «мы знаем, что вы знаете» стоит дороже. Сколько, интересно, человек в курсе об операции с Агрономом? Пятнадцать – двадцать, сердцевина контрразведки. Получается, утечка идет отсюда, и они нам с легкостью сдают этот источник? Тогда это начало крупномасштабной стратегической игры, в дебюте которой хотят втереться в доверие, чтобы потом втюхать какую-то дезу. Чем больше дары данайцев, тем опаснее их принимать.

И это только то, что касается Огородникова. А если что-то еще подтвердится? Страшно представить, что они хотят получить взамен, жертвуя таким количеством фигур.

Перед Боровицкими воротами правительственный ЗИЛ взяли в коробочку машины сопровождения: вперед вырвался расчищающий дорогу «лидер», сзади и чуть сбоку пристроился «скорпион» со снайпером. После инцидента в шестьдесят девятом, когда именно у Боровицких ворот психически неуравновешенный террорист пытался выстрелить в Брежнева, такое сопровождение стало обязательным для всего высшего руководства страны.

Со стороны эта группа казалась единым многочисленным организмом. Водители действовали так слаженно, что создавалось впечатление, будто корпуса машин соединены невидимыми жесткими сцепками, – при любой эволюции расстояние между ними оставалось неизменным. Кортж проскочил ворота, черной стрелой пролетел по длинному спуску и, заложив широкую дугу по площади, вырвался на вычищенный от машин проспект Маркса.

Скорость ушла за сотню, справа промелькнул Манеж, затем Исторический музей с афишей «Советское изобразительное искусство к 60-летию Октября» на весь фасад. Еще один легкий поворот направо, и проспект Маркса уперся в памятник Дзержинскому. ЗИЛ неожиданно ловко очертил полуoval вокруг Феликса Эдмундовича, скользнул вдоль монументального светло-желтого фасада, завернул за угол и нырнул во внутренний дворик через предусмотрительно распахнувшиеся тяжелые ворота.

– Григоренко и Боярова через двадцать минут ко мне, – бросил Юрий Владимирович секретарю, проходя через приемную.

В кабинете первым делом откатил вбок дубовую фальшпанель, быстро набрал код и с усилием приоткрыл массивную дверцу напольного сейфа.

– Так... – пробормотал он, в очередной раз проглядывая фотокопию изъятого письма. – Ну тогда проверим, не завелась ли действительно у нас в архиве крыса...

Глава 7

Суббота 2 апреля 1977 года, 16:25

Ленинград, Измайловский проспект

Раздевшись до трусов, стою перед зеркалом и презрительно морщусь. Это даже не синяя птица, это хуже. Тонкие ручонки с утолщениями в локтях, реберный рельеф проступает сквозь грудные мышцы, длинные худые ноги. Да, печально... Работы не на один год.

Впрочем, я никуда не спешу, трудиться над собой надо всю жизнь. Пусть торопыги за полгода на гормонах превращаются в бройлерных цыплят, я не спринтер, я – стайер. Регулярный труд над собой и правильное питание – вот мой рецепт.

Натянул темно-синий тренировочный костюм с начесом, тяжелые, пахнущие резиной кеды и, перемигнувшись с папой, выбежал из квартиры. Начинаю новую жизнь. Первый месяц – только бег, скакалка и растяжки, потом полгода – с базовыми упражнениями по нарастающей, а дальше – в зависимости от реакции организма. Самое главное – это оставшееся с прошлого раза знание, что мое тело можно вполне прилично подкачать. А раз так, то и волноваться не о чем, пыхти себе и никуда не торопись.

Быстрым разминочным шагом дошел до собора, свернул направо и, кося взглядом на Томино окно, перешел на бег. Разогревшиеся мышцы легко толкают вперед почти невесомое тело. Метров через двести из рта повалил пар, запылали щеки. Появилась легкая эйфория – подключились эндорфины, пошла мышечная радость. Добежал до Фонтанки, на повороте полюбовался на сфинксов и полетел, постепенно ускоряясь, над крупными гранитными блоками набережной.

Эх вы, сфинксы мои сфинксы... Как-то сейчас, интересно, в Шарме? Хотя его же еще и нет, никто рыбок не пугает, кораллы не ломает, наполеонов яйцами не кормит... Ха, да там вообще сейчас израильтяне, после войны шестьдесят седьмого они полуостров контролируют. Только через несколько лет отдадут Синай Египту... Если отдадут в этом мире. Да, точно, сейчас там только новенький израильский поселок Офира при базе ВВС, с которой год назад вылетал спецназ освобождать заложников в Уганде. Собственно, именно израильтяне в семидесятые и распробовали это место как курорт, начали нырять в Рас-Мохаммед.

Первый круг есть, еще два – и в Польский садик на разминку и растяжку. Хорошо... И думается легко во время бега.

Да... Думается-то хорошо, только ничего приятного из этих дум не вырисовывается. Не выходит каменный цветок. Не на кого опереться в Политбюро. Сплошь серые старики, по инерции доживающие свой век на вершине власти.

Неужели я тогда в купе ошибся с выбором времени? Неужели надо было бежать к Хозяину? Нет, не верю. Думай дальше.

И я думал, бежал, морщился и думал, иногда вскидывая голову к сероватому небу и прищуриваясь, будто пытаюсь подглядеть решение шарады в редких облачных просветах. Безуспешно.

Кайф! Блаженствую, сыто отвалившись на спинку стула. На часах – без четверти девять вечера. Большая порция макарон по-флотски с крупно натертой морковкой, лучком и приличным фаршем из говядины – это вещь! Особенно под просмотр «Кабачка «13 стульев». Действительно забавные юмористические миниатюры, молодой Державин в роли ведущего, Спартак Мишулин – пан директор, пан спортсмен, пан Зюзя, пани Моника... Местами было неожиданно смешно, но теперь надо поработать. Покопался на папу с мамой, чаевничающих в креслах в ожидании начала программы «Время». Похоже, пора, полчаса меня точно никто беспокоить не будет.

– Пойду почитаю... – Потягиваясь, выполз из-за журнального столика и поволок тяжелый стул на место.

Родители синхронно кивнули головой. Вот и славно. Притворил дверь в свою комнату, включил настольную лампу, достал черновик и начал составлять очередное послание к сильным мира сего. Хуже от этой информации стать не должно, а лучше – может. В любом случае надо набирать авторитет, так или иначе потом пригодится.

«Наши модели ценообразования с высокой степенью вероятности предсказывают:

1. Цена на нефть сохранится на текущих уровнях по апрель 1979 года. Далее рост, средняя годовая цена, \$/баррель: 1979 год – 25; 1980 год – 36.

2. Цена на золото снизится с текущих уровней на 10 % к середине июня 1977 года с последующим 35 % ростом к первой половине марта 1978 года. После 10 % коррекции вниз к концу апреля 1978 года – рост на 40 % с пиком в конце октября 1978 года.

3. Цены на пшеницу будут повышаться во вторых полугодиях 1977 года и 1978 года. Суммарный рост – на 40 %.

Прогнозы в пунктах 1–3 не учитывают влияние, которое

может оказать на рынок информированный о прогнозе крупный спекулянт.

Рекомендуем учесть следующую информацию:

1. На лето текущего года мы прогнозируем климатическую аномалию в Бурятии со среднедневной температурой выше тридцати градусов в течение длительного времени. На 1978 год наша климатическая модель прогнозирует рекордный урожай зерновых на территории СССР. Целесообразно отказаться от закупок зерна за рубежом для запланированного существенного наращивания запасов в госрезерве. 1979 год, напротив, прогнозируется нами засушливым в основных сельскохозяйственных регионах страны.

2. Наши экономико-социологические модели показывают, что чрезмерное потребление западных кредитов Польской Народной Республикой приведет к резкому росту социальной напряженности в 1980–1981 годах и политической дестабилизации вследствие массовых публичных протестов. Расчеты возвратности кредитов польских экономистов основаны на чрезмерно оптимистичных предположениях об эффективности использования средств и не учитывают рост ставок заимствования при рефинансировании долгов (мы прогнозируем удвоение ставки заимствования Польши к 1980 году).

3. В Китае в ближайшие годы с высокой вероятностью продолжится усиление группы Дэн Сяопина и ослабление Хуа Гофэна. Во внешней политике ожидаем существенной активизации контактов с Западом, во внутренней – отхода от ортодоксальных форм организации труда в пользу мозаичного вкрапления элементов рыночной экономики (включая переход на семейные подряды в сельском хозяйстве взамен коммун при сохранении коллективной собственности на землю).

Р. С. Получение письма прошу подтвердить путем публикации на третьей странице газеты «Красная звезда» заметки, где будет упомянут Петр Лихолетов.

QLS».

Умный поймет. Опять надеваю перчатки, переносу спецавторучкой текст, надпись на внешней стороне листа «для передачи тов. Андропову, копия (п. 2 и 3) – тов. Пономареву», домашний адрес Григоренко на

«чистом» конверте, обратный адрес. Убираю заклеенный конверт в папку-уголок и достаю карту города, роликовую рейсшину, карандаш и две игральные кости. Буду играть в интересную забаву под названием «Надури КГБ».

Выделяю на карте города условный прямоугольник, отсекая слишком удаленные районы. Измеряю линейкой стороны и расчерчиваю рейсшиной на тридцать шесть прямоугольных фрагментов.

Бросаю первый кубик – «четыре» по горизонтали. Второй – выпало «три» по вертикали. Угум-с... Район Финляндского вокзала. Значит, нам туда дорога, в этот раз письмо буду вбрасывать где-то там.

Воскресенье 3 апреля 1977 года, 13:30

Ленинград, Измайловский проспект

За окном – низкое серое небо, из которого то и дело что-то сочится. Во дворе сплошные лужи на дорожках, грязные останки сугробов на газонах и между ними – протоптанные в мягкой грязи тропинки. Глаза б не видели, да еще и мышцы после вчерашней пробежки потягивает.

Хорошо, что у меня есть Дело, иначе в отсутствие Интернета я бы сейчас уже лез на стену. А так, прикусив от усердия нижнюю губу, рисую очередной вариант виньетки с актуальным лозунгом. Мускулистое «побеждает» сжимает в смертельных кольцах колючие руны, складывающиеся в «зло», а над этой схваткой головой анаконды возвышается «бабло». Кружки от рядом расположенных «б» пристально глядят на меня, и, кажется, раздвоенный язычок из ножек «л» чуть шевелится, вынюхивая следующую жертву.

Каллиграфы говорят, что написанная Буква – это сосуд, содержимое которого тем чище, тем глубже затрагиваются тончайшие струны души человека. Наверное, я чего-то уже достиг в искусстве начертания символов, поскольку рисунок одновременно и притягивает, и пугает.

Теперь мой путь – ковать бабло?

Опять изучаю выписки из истории основных трендов на биржах США в восьмидесятых. Свинина, соя, пшеница, апельсиновый сок, золото. Покупка или продажа фьючерсов на эти активы, бывает, дает более ста процентов прибыли буквально за несколько месяцев.

Больше всего бесит необходимость умножать в столбик. Запасаюсь терпением и сосредоточиваюсь на счете. Предположим, на начало 1980 года у меня будет 10 тысяч долларов для торговли. Тогда на конец 1986-го будет... будет... Похоже, где-то навалил.

Перепроверяю еще раз. Хм... Сходится. Полтора миллиарда долларов.

Стучу себя по лбу и вычитаю налог по ставке тридцать процентов. Результат уменьшился до пятисот миллионов. Итого рост капитала – в пятьдесят тысяч раз за семь лет. Чуть меньше, чем пятьсот процентов в год.

Закидываю руки за голову и вытягиваюсь в струнку, глядя в потолок. А если прикупить опционов, коллов или путов, сколько брокер сможет собрать с оферов по разумным ценам... А чтобы не тратиться зря на временную стоимость, набирать позу где-нибудь за неделю-две до всплеска волатильности... И продать противоположную ногу, страйками в деньгах... Немного продать, с запасом по поддерживающей марже...

Ладно, на фиг, не буду продавать, вдруг разорвет позу на шальном движении против... На цены-то потом влиять начну, история может немного меняться. И против меня играть могут начать. Решено, не буду продавать опционы, и без этого дух захватывает, работать с ними стану только от покупки.

Вскочил и, возбужденно разминая ладони, заметался по комнате. Все эти тренды носят объективный характер – неурожаи или, наоборот, излишки производства, результаты действий Федеральной резервной системы и так далее. Мое вероятное вмешательство не должно очень уж сильно сказаться на рынках, отменяя тренды. Примерную глубину и длительность рецессий буду знать.

Да, косить не перекосить...

Сажусь и, с трудом сосредоточившись, перепроверяю все еще раз.

Итак, к концу 1990 года, к началу приватизации в России, можно выкачать с мировых бирж порядка четверти триллиона долларов. Это, правда, без учета ограничений по ликвидности инструментов и моего влияния на цены, но зато и без возможностей на других рынках, без акций, трежарис и валют. А там и ликвидности море, и тренды тоже мама не горюй.

За первые три года приватизации страна получила всего семь с половиной миллиардов долларов. И тут я, во всем белом и с несколькими десятками, а то и сотнями. Хм... Может, действительно так и надо?

Скептически покосившись на столбики цифр, пытаюсь прикинуть, на каком разряде меня начнут убивать. Получилось где-то в районе десяти миллиардов году так в 1987 – 1988-го, даже если буду использовать несколько счетов у разных брокеров.

А что, вариант... К этому времени приличную службу безопасности отстрою вокруг себя. А если стать публичной фигурой, филантропией заняться и на этом целенаправленно попиариться, создать легенду... Завалить меня будет сложнее, не каждый желающий отдать приказ сделает

это и не каждый возьмется за исполнение.

Упал на ковер, глядя остановившимся взглядом в потолок. Очень хочется пойти по этому пути. Так сильно хочется, что аж страшно, – что там от меня останется хотя бы к середине пути, а сколько растворится в бабле? Это же ужасно сильный растворитель душ...

Переворот, п-п-пшел отжимания делать, нечего на полу просто так валяться. Давай, мешок, пыхти!

Вторник 5 апреля 1977 года, 13:40

Ленинград, Красноармейская улица

Неприятности начались, когда день перевалил через экватор. На большой переменке в столовой я заметил краем глаза, как Яся, оживленно размахивая надкушенной ватрушкой, что-то рассказывает Вере Соломоновне и тыкает пальчиком в толстую тетрадь, но не придал этому никакого значения. Мало ли какие темы могут быть перед уроком литературы у заслуженной учительницы и ее любимой ученицы.

Когда же по окончании урока Вера Соломоновна, ласково поглядев на меня сквозь толстенные линзы, попросила задержаться, под ложечкой неприятно заняло.

Я обреченно приблизился, с подозрением разглядывая лежащие на учительском столе теперь уже две толстые тетради, шестым чувством ожидая от них подлянки. За плечами у русички оживленно вились Тома и Яся. Наклонившись, разобрал на одной из обложек надпись: «Песенник ученицы 8 «Б» класса Афанасьевой Тамары». Четкая цифра «8» возвышалась над целой горкой зачеркнутых подружек, нижней из которых была кривенькая «тройка».

– Андрей, проверь, пожалуйста, текст. Тома его по памяти писала, нет ли ошибок? – Учительница вручила мне тетрадь, открытую ближе к концу. – Мой старый приятель из Пушкинского Дома как-то утаил от меня эту замечательную историю, укорю его при встрече.

Я опустил глаза и прочел первые две строчки: «Ночь светла. В небесном поле ходит Вesper золотой».

Длинно и грязно выругался про себя. Поставил себе несколько нелicenseприятных диагнозов, но легче не стало. Неторопливо, мазохистски наслаждаясь вакуумом в голове, дочитал до конца.

– Все верно, – улыбнулся через силу Томе. – У тебя отличная память.

Задумчиво повертел в руках тетрадь, и она перелистнулась, открывшись на, видимо, наиболее часто открываемой странице. Полюбовался на вклеенную фотографию Антона Веселова. Крупная

карточка шириной почти во весь тетрадный лист, в нижнем левом углу красным фломастером нарисовано сердечко.

– Отдай! – Тоненько взвизгнув, Тома рванулась ко мне, выдернула тетрадь и двумя руками прижала к груди. – Ну зачем ты туда полез!

Гневно стукнула со всего маху каблучком по полу, стремительно развернулась и выбежала, низко наклонив голову, из класса. Вслед за ней моментально испарилась и Яся.

– Э-э-э... – глупо проблеял я вслед. – Э-э-э...

Озадаченно поморгал, глядя на захлопнувшуюся дверь.

– Да, как-то неловко получилось, – сказала, покачав головой, Соломоновна. – Извиниться бы?

– Да легко... Поможет ли? – Я вопросительно развел руками.

– Смотря как просить.

– От чистого сердца... Действительно глупо получилось. – Я раздосадованно тряхнул головой.

– И никому не рассказывать, – с нажимом продолжила русичка.

– Дурак я, что ли... – пробормотал расстроенно. – Я пойду?

– Иди, Андрей. – И, пожевав бледными губами, добавила: – Прямо сейчас Тому не ищи, пусть успокоится сначала.

Я кивнул, снял с парты портфель и пошел к выходу. Вот не было печали...

За дверью меня встретил встревоженный Паштет:

– Что у вас там случилось? Чего эти выскочили как ошпаренные?

– Трагическая случайность, Паш. Придется просить прощения.

– Ну, может, оно даже и к лучшему сейчас, – задумчиво пробормотал Паштет и, немного помявшись под моим вопросительным взглядом, продолжил: – Тут Свете стукнули, что ты с Томой танцевал, и из школы вас идущими вместе видели... Она... это... сильно расстроилась... Может, теперь порадуются.

– Твою ж мать... – Я остановился, потрясенный плотностью наступившей черной полосы. Да уж... Понедельник – день тяжелый воистину. – Кто стукнул, известно?

– Не-а. – Паштет печально шмыгнул носом.

Пристально посмотрел на него:

– Вот что, друг мой ситный, такие вещи оставлять безнаказанными нельзя. Тебе партийное задание – узнать у Зорьки, кто стукнул. Аккуратно вызнать, понятно? В лоб не спрашивать.

Паша истово закивал. Я вздохнул:

– Пошли уж.

Так, сортирую неприятности. Пушкиниста откладываю на вечер, в спокойной обстановке буду придумывать отмаз. Света... хм... Ей лучше дать день-два пострадать, пока не буду к ней лезть с разборами. А вот с Томой надо сегодня все решить, тут, наоборот, затягивать не надо. Чуть прибодрившись, вошел в кабинет физики и обежал его взглядом.

Картина маслом: Яся, сидя вполоборота, что-то тихим шепотом втирает насупленной Томе, Зорька с гордым видом смотрит мимо меня, глаза чуть поблескивают влагой. Угу, если она думает, что наказывает меня молчанием, то не в моих интересах ее разубеждать. Шлепнулся на свое место и начал придумывать предстоящий разговор.

Гоп-стоп, мы подошли из-за угла... Ну не «мы», положим, а я, но эффект неожиданности сохранился. Яся с готовностью остановилась, а моментально покрасневшая Тома вильнула взглядом и попыталась спрятаться у нее за плечом. Я еще раз окинул взглядом опустевший после звонка на последний урок коридор и выставил вперед ладони:

– Тихо-тихо, тормозим. Давайте спокойно поговорим. – И ободряюще улыбнулся девушкам: – Пошли к окну.

Яся внимательно прислушалась к моим интонациям и спросила:

– Я, наверное, пойду, сами разберетесь?

Мы обменялись с ней понимающими взглядами. Да, повезло Томке с подругой.

– Да оставайся, секретов нет, – ответил я, видя, как Тома посильнее вцепилась ей в локоть.

Я прислушался к своим потрохам – как ни странно, волнения нет. Вот что значит подготовка и правильный настрой. Главное, вовремя вспомнить размер настоящих проблем, после этого все, что сегодня произошло, можно смело считать легким недоразумением.

Бросили портфели на подоконник и встали напротив друг друга. «А вот и неправильно, конфликтная расстановка», – сказал я себе и, развернувшись к окну, кивком пригласил девушек повторить маневр. Вот теперь все верно, стоим рядком, Тома посередине, глядим в окно. Идиллия.

Чуть повернувшись, начинаю:

– Том... Извини, пожалуйста. Я не специально, это была случайность, но все равно – извини за то, что стал причиной твоего расстройства. Я не хотел... честно! – Прижал руку к сердцу и попытался поймать Томин взгляд.

Пока безуспешно, стоит, потупившись, сцепила кисти, но плечи стали чуть менее напряжены. Яся одобрительно кивает из-за ее плеча, мол, давай,

жги глаголом дальше.

– Черт, Том! Было бы странно, если бы в этом возрасте девушке не нравился какой-нибудь парень. И мне глубоко безразлично, кто там тебе нравился некоторое время назад!

Тома метнула в меня взгляд и тут же отвела, но кисти расцепила и стала дышать свободнее. Похоже, я на правильном пути.

– Давай просто перевернем эту страницу и будем спокойно жить дальше. Не произошло абсолютно ничего страшного или неправильного, так ведь?

Молчит, задумчиво рисует что-то ножкой на паркете. Мы с Ясей еще раз переглянулись и тихонько заулыбались.

– То-о-ом... – тяну я, чуть придвигаясь и осторожно беря ее за руку. – Ну Том, солнышко, давай ты не будешь дуться?

– Солнышко, – фыркает Тома, пытаясь сдержать улыбку. – Ты ничего не перепутал?

– Не-а, – радостно отвечаю я. – Смотрю на твою улыбку и прям вижу: рассупонилось солнышко, расталдыкнуло свои лучи по белу светушку...

– Балаболка... – Тома, окончательно успокоившись, тряхнула прядками и насмешливо посмотрела на меня: – Давай мой батончик. И Ясе! А ты сегодня наказан.

Вторник 5 апреля 1977 года, 19:50

Москва, площадь Дзержинского

– ...прямо в подполе, не особо даже спрятано было. Папки с рукописно заполненными листами уложены в двадцатилитровый алюминиевый молочный бидон. Образцы почерков предварительно сверены, эксперты уверенно утверждают, что это писал именно Митрохин. – Григоренко задержал внимательный взгляд на Андропове.

Председатель КГБ за десять минут доклада, казалось, постарел на несколько лет. Тяжело откинувшись на спинку кресла, он глядел остановившимся взглядом сквозь генералов, лицо обрюзгло и покрылось красными жилками.

– Просмотрели выписки? – прошелестел он бесцветным голосом, все так же глядя куда-то поверх голов.

– Да. Объем материала поражает, я пролистал выборочно, взял папку с надписью «Италия». Там собраны доказательства добровольных контактов с нами почти трехсот политиков и представителей деловых кругов за последние пятнадцать лет.

– Как это вообще стало возможно? – Голос Андропова окреп,

приобретая силу.

Григоренко перевел взгляд на Боярова.

– Установлено, что в семьдесят втором в связи с переездом в новое здание в Ясенево Митрохину было поручено провести ревизию всего архива Первого главного управления, в связи с чем он получил полный доступ ко всем материалам, в том числе с самыми высокими степенями секретности, – доложил Виталий.

– Чья виза на доступе? Вы же сами, Виталий Константинович, в тот момент руководили второй службой ПГУ?

Бояров опустил глаза:

– Прошло мимо меня, был в тот момент в отпуске, мой зам Калугин дал добро.

– Вот как, – недобро ощерился Андропов, поднимаясь с кресла. Прошелся пару раз вдоль массивного стола, остановился у угла, достал из папки стопку каких-то фотокопий и с минуту читал. Потом злобно закинул листы обратно в папку, на скулах загуляли желваки. – А распоряжение чье было? – спросил, упершись кулаками в столешницу.

– Мортина. Он к Митрохину хорошо относился, жалел из-за сына-инвалида...

– Ясно... – Андропов еще немного пометался вдоль стола, потом, сделав над собой усилие, заставил себя сесть на место. Помолчал, успокаиваясь. – Так, товарищи, какие есть мысли в связи с этой находкой?

– Мы предполагаем, что частично эти материалы уже переданы на Запад, иначе откуда бы мы узнали об этом Митрохине? – осторожно начал Григоренко, испытующе глядя на председателя. – В то же время хочу отметить два обстоятельства, указывающих на то, что, вероятно, эта утечка только началась. Во-первых, непрофессионализм при хранении выписок. У него, судя по всему, нет даже примитивной фототехники, поэтому держит все на бумаге. Спрятаны эти выписки были тоже очень слабо, мы нашли с ходу, через пять минут, как открыли дверь. Вместе с тем нашему источнику, – еще один быстрый взгляд на слегка скривившегося Андропова, – было известно точное место ухоронки. Такая информация могла быть получена только при личном контакте кого-то из местной резидентуры с предателем. Поэтому в качестве гипотезы мы предполагаем следующую последовательность событий: Митрохин в ходе инициативного контакта передал ЦРУ несколько страниц с целью их заинтересовать. Вероятно, там была действительно интересная информация, раз они пошли на личную встречу, в ходе которой уточняли его возможности, объем уже добытой информации и условия ее хранения. Но передать ему комплект

шпионской аппаратуры и инструкции еще не успели.

Григоренко задумчиво повертел карандаш и продолжил:

– Мы понимаем, что это достаточно шаткие соображения, но хочется обратить внимание на второе обстоятельство: мы пока не заметили по действиям противника поступления к ним этих материалов. А там настоящая атомная бомба, которая, взорвавшись, изменит политический пейзаж ряда стран Запада, в том числе стерев с него компартии. Ну и почти всю работу нашей разведки надо будет начинать с нуля. Так что сигнал поступил чрезвычайно вовремя, иначе наши потери были бы невосполнимы. Мы, естественно, выставили скрытое наблюдение и охрану в поселке, взяли самого Митрохина под самое плотное наблюдение. На наш взгляд, сам по себе этот бидон – вполне достаточное доказательство предательства. Риск нашим интересам в случае дальнейшего поступления этих материалов на Запад превышает всякие разумные пределы, поэтому надо брать его прямо сейчас и начинать игру.

Андропов внимательно слушал, чуть склонив голову вбок.

– Виталий Константинович?

– Я полностью согласен с Григорием Федоровичем. Продолжение утечки материалов слишком опасно для наших резидентур, особенно нелегальных. Надо арестовывать.

– А если он работает не один?

Генералы помолчали, обдумывая.

– Не похоже, – высказался Бояров. – Опять же из-за непрофессионализма. Да и не нужен был ему никто для этого, лишний риск. Сделанное соответствует его возможностям.

– Выясним в ходе допросов, – дополнил Григоренко. – Не производит он впечатление сильного человека.

Андропов достал из папки таинственные фотокопии и снова впился в них взглядом, время от времени поигрывая желваками.

Архив Первого главного управления, святая святых советской разведки. Да за такую утечку, стань о ней известно, он бы гарантированно лишился места в Политбюро! Не простили бы. И прости-прощай все планы и надежды...

Но что таинственный отправитель рассчитывает получить за эту информацию взамен? Что можно было бы считать хотя бы равноценным обменом, не говоря уже о получении выгоды?

Юрий Владимирович еще с минуту побуравил взглядом потолок и решил, что ничего похожего на равноценный обмен для Запада не видно. Все же инициативник с той стороны? Кто-то из руководителей советского

отдела ЦРУ или, судя по городу отправления, из местной резидентуры?

На душе потеплело. Любые деньги, сколько попросит, все что угодно. Это просто прекрасно, что в ЦРУ не введена практика обезличивания агентов при передаче информации внутри фирмы. Все работающие в резидентуре и все их вышестоящие руководители знают почти всех агентов. Очень удобно... для советской контрразведки, достаточно одной протечки.

– Хорошо, – наклонился он вперед. – Давайте обсудим это, товарищи.

После ухода контрразведчиков Андропов взял лист и вывел на нем «майор Д. Гремлин, 3-я страница», поставил подпись и вызвал порученца.

– Василий, съезди в редакцию «Красной звезды». – Поднял покрасневшие глаза на часы, подумал и уточнил: – Завтра. Передашь главному редактору, пусть в ближайшем номере вставят этого персонажа в любом месте на третьей странице. Когда номер выйдет – принесешь покажешь.

Капитан выскользнул из кабинета, тихо притворив за собой дверь, а Юрий Владимирович подошел к окну и привычно уставился на находящийся на одном уровне с ним затылок Дзержинского. «Эх, – мелькнула озорная мысль, – повернуть бы Феликса к зданию лицом, пусть бы понаблюдавал за своим детищем».

Андропов выбил пальцами по подоконнику какую-то сложную дробь и хмыкнул:

– А может, еще и поверну, какие наши годы...

Среда 6 апреля 1977 года, 15:30

Москва, площадь Дзержинского

– Юрий Владимирович, разрешите доложить?

– Что, Василь?

– Съездил на Хорошевское шоссе, в «Красную звезду», отдал главреду...

– Ну хорошо, иди.

– Юрий Владимирович, там интересная ситуация...

– Что? – Чуть нахмутив брови, Андропов подался вперед.

– Как я случайно выяснил в разговоре, вчера к ним с аналогичной просьбой обратились из Московского уголовного розыска. Тоже третья страница, только другое звание и фамилия. – Порученец развернул бумагу и прочел: – Прапорщик В. Эльфян.

– Из МУРа? – Андропов пораженно откинулся на спинку кресла. – Кто

именно, выяснил?

– Да, начальник МУРа Олег Александрович Еркин.

Андропов записал в блокнот, потом кивнул:

– Хорошо, иди.

Оставшись в кабинете один, Андропов почесал лоб, тяжело вздохнул и пробормотал:

– Ни черта не понимаю... МУР-то тут с какого боку?

Он уперся мясистым носом в сложенные лодочкой ладони и задумался, массируя переносицу указательными пальцами. Надо как-то доставать письмо из МУРа, но проклятые слепые зоны... Контору со всех сторон обложили запретами: в партийные органы, от райкомов и выше, не вздумай лезть; в партийную прессу и профсоюзы – нельзя; МВД – вообще государство в государстве, имеет собственную контрразведку, полностью независимую от КГБ. Формальных оснований для запроса по письму нет, надо искать обходные каналы.

Звонить Щелокову с просьбой ох как не хочется... Задействовать втемную Алидина? На миг Андропов заколебался. Начальник Управления КГБ по Москве – старый приятель Леонида Ильича по Днепропетровску. В чем-то правы шутники, говорящие, что российская история делится на три периода – допетровскую, петровскую и днепропетровскую.

«А оно так и лучше даже, я ничего не скрываю, – повеселев, сообразил Андропов. Схватил трубку и замер, ошеломленный внезапно всплывшим воспоминанием. – Это же Алидин убеждал меня недавно в предательстве Калугина... Опа, как интересно-то складывается все... – Юрий Владимирович заторможенно вернул трубку на рычаг и откинулся на спинку кресла. – Совпадение? Хм... А может, играют не контрразведку, а лично меня?.. Черт!» – Он мрачно уставился на портрет Пушкина напротив.

Еще немного поколебавшись, решил и резко накрутил диск:

– Виктор Иванович? Добрый день, Андропов... Виктор Иванович, у вас как отношения с Еркиным?.. Это отлично, что отличные. Мы тут незначительно пересеклись интересами с МУРом по одной нашей теме, хочется оперативно, без лишней писанины, проверить гипотезу... Не в службу, а в дружбу... Да... Олег Александрович вчера обратился с одной необычной просьбой в редакцию «Красной звезды», нам бы хотелось увидеть то, что его к этому подтолкнуло. Возможно, это письмо... Да, это все... Спасибо, Виктор Иванович, жду.

Осторожно вернул трубку на место и замер, задумчиво глядя на аппарат с гербом. Потом, тяжело выбравшись из-за стола, пересел к окну, в

кресло у журнального столика, откинул с подноса ослепительно-белую салфетку и высыпал из мензурки на ладонь горку разнокалиберных таблеток. Чуть поморщившись, проглотил залпом, запил парой глотков белого вина и принялся заедать малюсенькими, с палец, слоеными пирожками с капустой. Любимая закуска проскальзывала в глотку, не доставляя никакого удовольствия: Юрий Владимирович только что впервые всерьез позволил себе представить, что Калугин действительно может оказаться предателем, и от этого допущения на него навалилась дурнота.

«Контрразведка Первого главного... С-с-скотина... Не дай бог... Я ж его протащил сразу через два уровня... Самым молодым генералом в истории КГБ сделал... Предупреждению Алидина не поверил... – Андропов торопливо долил из графинчика вина «Либфраумильх» и бездумно влил в себя еще два глотка. – Ладно, надо еще проверить. По Агроному все верно, по этому Митрохину тоже сошлось. Еще один из списка, Филатов, уже был в нашей оперативной разработке. – Зажмурившись, он вызвал в памяти заученный наизусть текст и принял решение. – Проверю Полякова. Если и тут подтвердится, то...» – Он торопливо прервал течение мысли. Нет, что делать – понятно, но некоторые мысли Андропов предпочитал не думать даже про себя. Так, на всякий случай.

Среда 6 апреля 1977 года, 20:50

Ленинград, Измайловский проспект

Чуть подрагивающей рукой я поднес к губам стакан молока. Уф... Выиграли-таки. Молодцы киевляне, добавили «Боруссию». Один-ноль, даже без Колотова и Веремеева. Как орал сотысячный стадион! Мы с мамой тоже орали, признаю. Тяжелый матч, хотя с чего бы ему быть легким в полуфинале Кубка чемпионов? Немцы грамотно держали оборону, не давая пройти по центру, оттесняя на фланги, а навесы оттуда или выносились рослыми защитниками, или легко брались двухметровым вратарем. По-лисьи остролицый Берти Фогтс весь матч висел на пятках у Блохина, не дав тому сделать ничего убедительного.

Но ничего, продавили в итоге. Шестнадцать угловых за матч «Динамо» подало, и на тринадцатом – число-то какое! – Онищенко выскочил на опережение и таки вколотил головой мяч в угол. Киевляне и дальше давили, не ушли в оборону, но больше ничего не смогли создать.

Поставил пустой стакан и покачал головой, прокручивая избранные моменты. Немного другой здесь футбол. Игроки смелее идут в обводку, даже один против двоих, больше индивидуальной игры. Комбинаций

хватает, но больше на импровизациях, не видно заученного командного движения, треугольников, как в двадцать первом веке. Контактной борьбы, игры в корпус намного-намного меньше. Чаще играют в мяч, и это как-то честнее выглядит. И судейство хорошее было, рефери из Испании со звучной фамилией Ибаньес честно свистел в обе стороны.

Увы, но это, вероятно, предел киевлян. Следующий матч хоть не смотри. Ну не помню я, чтобы они не то что Кубок брали, но и в финале играли. А значит, в ответной игре их вынесут. Жаль, хорошо играют, пожалуй, я в прошлый раз погорячился, сравнивая с «Тереком». Получше будут.

Принял душ и начал ворочаться в кровати, крутя в уме одну и ту же мысль: «Ладно, если рвать когти, то когда?»

Получается, или в начале этого сентября, или через год, следующим летом. Лучше, конечно, раньше, чем позже, больше запас времени будет до начала развала страны. А вот раньше сентября не получится – и физически не буду готов, и материально, и еще пара дел из обязательной программы на конец августа у меня запланирована.

Второй вопрос – как и где?

Южную границу отбросил сразу, пусть Остап Бендер бегают к румынским боярам, я не буду. Китай, Иран, Турция – это все направления повышенной опасности, там плотность до шести пограничников на километр границы. Плюс наиболее инженерно обустроенные рубежи – «кристаллы» навешены, сейсмокосы разбросаны.

Пробираться на запад через страны Варшавского договора? Долго и в силу этого очень рискованно. Хотя... На крайний вариант и об этом можно подумать, через советско-чехословацкую границу вроде контрабандисты в эти годы ходили. Но ведь надо не просто пройти границу, а пройти незаметно, иначе по звонку окажутся подняты службы с другой стороны, а, не будучи местным, уйти от них почти невозможно.

Самое очевидное – идти на прорыв в северо-западном направлении. А тут вариантов очень мало. В Финляндию пешком через границу в Карелии – это раз. В Финляндию через залив по льду на буере – два. В Швецию, до Готланда, на угнанном самолете сельхозавиации – три. Можно еще на моторке через Балтику из Эстонии, там от нашего берега до территориальных вод Финляндии сорок километров, за ночь проскакивается, но нужна машина, чтобы «Грифа» с мотором довести до воды, так что этот вариант, пока я ребенок, отпадает.

При этом надо учесть, что Финляндия по договору выдает советских граждан назад, а несовершеннолетнего искателя приключений может

выдать и Швеция. Значит, самолет и Швеция отпадают, без шума не получится. Надо просачиваться в Финляндию, а там, даже если и возьмут случайно, прикинусь аутичным финским подростком, сбежавшим из дома. А что, финский знать буду, одежду и обувь финскую «на галере» достану. Если уйду тихо да от границы успею отбежать, то, даже если полиция возьмет, особо страшного ничего не случится. Деньги-золото сброшу в крайнем случае, потом соберу начальные активы с нычек где-нибудь в Лондоне. Ну а если нашим попадусь по глупости в погранзоне, прикинусь инфантильным искателем приключений, начитавшимся «Вокруг света».

Припомнил анекдотичный побег профессора медико-хирургической академии Максимова с женой и сестрой из Петрограда в феврале 1922 года. Доехали на последнем поезде до Сестрорецка, выкатили из клуба буер, сели и неторопливо заскользили в ночь по льду Финского залива в сторону Выборга. Потом эмигрировал в Штаты и стал автором теории унитарного кроветворения. Хорошо ему было тогда бежать... Сейчас такое не пройдет, у Выборга ледоколы каждые сутки вскрывают фарватер, нет сплошного льда до Финляндии. Только в сильный мороз если пробовать, когда вода успеет за несколько часов обратно в прочный лед схватиться.

Пешком... Пешком тоже рискованно. После прорыва границы тремя обормотами летом семьдесят четвертого, в котором было больше удачи, чем знаний и умений, погранцов на этом направлении серьезно перетряхнули, уплотнили секреты и патрули, добавили спецтехники.

Стал припоминать схемы подключения «кристаллов» и незаметно провалился в сон.

Среда 6 апреля 1977 года, 21:55

Москва, площадь Дзержинского

Устало ссутулившись, Андропов сидел в кресле у окна и в пятый раз перечитывал доставленное из МУРа письмо.

– В огороде бузина, а в Киеве дядька, – недовольно пробормотал он и нажал звонок. – Соедините меня с начальником МУРа Еркиным Олегом Александровичем, – сказал возникшему на пороге секретарю. Посмотрел на часы и добавил: – Наверное, он уже дома. Добрый вечер, Олег Александрович, это Андропов, – повел он телефонную партию. – Извините, что на квартиру... Все равно извините... Спасибо за интересное письмо. Удалось уже что-нибудь проверить? – Прижав трубку к уху плечом, приготовился записывать. – Вот как... Это тот, которым москвичек два года пугали?.. Два с половиной? Понятно... А как с доказательной базой? Не оговор?

Из-под золотого пера быстро полетели аккуратные строчки: «опознан выжившими жертвами», «дает признательные показания», «обнаружены ювелирные украшения убитых».

– И что, прямо как в письме написано, в пакете с мукой?.. Поразительно... Ага-ага... То есть я правильно понимаю – вы абсолютно убеждены, что этот Евсеев и есть разыскиваемый преступник?.. Сами допрашивали... Понятно. А по другим эпизодам из письма?.. Ну это еще несколько недель, пока эти бригады доедут и дела поднимут... Ах вот как... Интересно...

На бумагу добавилось «Ленинград, март 77, проникновение в квартиру под видом работника милиции, изнасилование».

– Олег Александрович, – в голосе Андропова появились вкрадчивые нотки, – а мыслей по автору письма никаких нет?.. Я это понимаю... И это тоже... В абсолютно неофициальном порядке... Вы же понимаете, что нас это не может не заинтересовать... Экстрасенс? Вы это серьезно?.. Ну, знаете ли, я еще ни одного не видел, а уж как мы их искали. И до сих пор ищем... Да аферистка эта Роза Кулешова, ей в цирке выступать... Да, проверяли... И этого тоже. Фокусник талантливый... Ну это да, все когда-нибудь случается в первый раз... Но все же... Олег Александрович, – Андропов встал, и голос его налился повелительной силой, – мы вас очень убедительно просим тщательнейшим образом проверить все самые невероятно звучащие версии. Может, сообщник был... Да я понимаю, что не может быть один сообщник у четырех преступников в разных концах страны, но все же... Мы же материалисты. Сначала надо проверить все самые маловероятные гипотезы и только потом вводить новую сущность. Да... Я вас прошу держать меня в курсе расследований и по проверке фактологии, изложенной в письме, и по проверке гипотез... Вы же исключительный профессионал, я знаю, у меня таких и нет почти... Хорошо, Олег Александрович, спасибо... Спасибо... Сразу звоните прямо мне... Еще раз извините за поздний звонок, спокойной ночи.

Завершив разговор, Андропов еще некоторое время постоял, упершись обеими руками в столешницу, потом поднял голову, посмотрел на портрет Пушкина напротив, потом на висящего рядом с ним Феликса и злобно выплюнул:

– Кал-лугин... Мразь...

Пятница 8 апреля 1977 года, 16:45

Ленинград, Измайловский проспект

Ути, моя прелесть... По лицу ползет самодовольная улыбка, никак не

могу ее согнать. В очередной раз просматриваю заметки с третьих страниц «Красной звезды», за вчера и за сегодня. Все в порядке, извернулись с форматом. Так, прапорщик В. Эльфян – это МУР, отлично, ставлю птицу, миссия выполнена. А майор Д. Гремлин – это привет от серьезных дядей из КГБ.

Еще раз внимательно вчитываюсь в тексты. Нет, никаких намеков и призывов к дальнейшему сотрудничеству в более плотном контакте. Конечно, не очень-то и хотелось, но даже немного обидно.

Упал на пол и начал в темпе отжиматься. Пятнадцать... шестнадцать... семна-а-ад... ы-ы-ы... цать. Уф... Проклятье. Ненавижу это немоющее тело. Ноги на диван, скрутки. Фиксируй тело в верхней точке, тьюфак! И медленно, медленно все делай...

Откинулся спиной на ковер, восстанавливая дыхание. Еще два цикла – и за английский. Убил бы эту грамматику!

А теперь приседания с выпрыгиванием, пошел! А вот тут быстрее! Резче! Еще резче... А то от погранцов хрен убежишь!

Суббота 9 апреля 1977 года, 07:55

Измайловский проспект

Тяжело дыша, перекатился на спину и забросил гудящие ноги на небольшой замшелый валун, высывающийся из-под кряжистой сосенки. Тихо, птицы еще молчат, безветренно. Неяркое восходящее солнце цепляется за хвойные верхушки, подсвечивая слегка затуманенный утренний лес. Поелозил, удобнее растекаясь на мягком заднике рюкзака, и расслабился. Даже давящая под правое ребро банка тушенки не слишком сильно портит настроение. Надо переложить груз, но сначала – отдохнуть. В любой момент могут понадобиться все силы.

Отстегнул от пояса флягу, поднес к пересохшим губам и влил остатки клюквенного морса. Все, больше она мне не нужна, лишний вес. Покатал кисловатый напиток во рту, протолкнул в пересохшую глотку и с сожалением откинул емкость под сосну. Мелькнула мысль: «Как отработанную ступень ракеты», мелькнула и ушла, сменившись более важными.

За последние сутки я просочился на пятнадцать километров в глубь погранзоны, проскользнув между не слишком частыми секретами, примерное расположение которых заранее вытянул. Пятнадцать – это если по прямой, а так все двадцать пять отмахал, поэтому ноги и гудят перетруженно. Сколько ни готовься, но такой маршрут по глухому лесу не может не утомить.

Хорошо, что здесь, в Карелии, сейсмокосы не ставят из-за низкой эффективности микрофонов на мшистых почвах. Вот на Кавказе – там да, на камнях все слышно. И плотность погранцов на километр в два раза выше, чем здесь. И лесов нет. Без шансов. Нет, единственная реальная возможность уйти – это здесь, в Карелии.

Повернул голову налево и внимательно осмотрел последнее препятствие. Шестиметровая контрольно-следовая полоса и сразу за ней – в два слоя частое проволочное ограждение, натянутое между трехметровыми столбами с Т-образными перекладинами поверху. Эта шеренга столбов с поперечными перекладинами напоминает то ли ряд виселиц, то ли крестов для распятий. Как ждут... Фиг вам, не дождетесь!

Не вижу, но знаю – между рядами колючей проволоки натянуты сигнальные нити «кристаллов», срабатывающие на отклонение или разрыв. Тронешь – и зазвенит на пульте сигнал, с точностью до двухсот пятидесяти метров указывая на точку прорыва секции.

Сразу за проволочным ограждением – густой дремучий лес с завалами и болотистыми низинами до самой Финляндии, все три километра. Да еще кое-где в нем разбросаны и старательно замаскированы «зацепляйки».

До погранзаставы – пять километров на север, здесь почти стык с зоной ответственности соседей. Мои оппоненты, ребята из тревожных групп, домчат сюда по вот этой хорошо накатанной лесной дороге очень быстро. С учетом времени, необходимого на выстригание прохода в проволочном ограждении, у меня будет форы перед тренированными бойцами с собаками всего минуты три-четыре.

Испытал мимолетную гордость за державу – граница на замке, воистину никто отсюда не сбежит. По статистике здесь задерживают почти сто процентов неподготовленных нарушителей. Но я-то подготовленный! Осталось чуть-чуть...

Гляжу на часы. Через пять минут на заставе начнется завтрак, личный состав рассядется в столовой. Это лишние сто пятьдесят метров до гаража и двести – до вольеров. Секунды, которые могут оказаться решающими. Минут пятнадцать можно еще подождать, пусть поплотнее покушают, медленнее бежать будут...

Переложил полупустой рюкзак, туго закатав две оставшиеся банки «завтрак туриста» в одежду «made in Finland», приготовил кусачки и переложил в карман пакетики со смесью красного перца и табака.

Оглянулся назад – еще не поздно вернуться. К вечеру выйду из погранзоны, запутаю следы на всякий пожарный, переночую под выворотнем, а завтра доберусь до Лахденпохьи и потрушу по железке

домой. Пока буду ехать, придумаю, что насвистеть, где был...

Нет. Встряхнул головой, прогоняя страх, подышал поглубже, вентилируя легкие, как перед нырком, встряхнул ноги. Мысленно прогнал еще раз варианты плана. Ну... с Богом.

Шаг, другой... Все, иду по контролке, обратной дороги нет. Позади остается четкий след от наклеенных на кеды подошв сорок третьего размера, пусть финны ищут сбежавшего советского мужика.

Бросаю взгляд на часы, засекая время. Щелк... Конец проволоки упал на землю. Щелк, щелк, щелк. Быстрее, еще быстрее, на лбу начинает выступать испарина. Есть! Присев, протискиваюсь в вырез, еще один взгляд на часы. Черт, минута десять, много... Щелк, щелк, щелк... Вываливаюсь на другую сторону, кусачки в кусты, контроль времени. Две пятнадцать. Пошел...

Несусь в лес строго на северо-запад, подальше от дороги, шестым чувством ощущая, как на другом ее конце рычаг в разгоняющихся машинах, заводясь азартом погони, немецкие овчарки. Забегаю вглубь метров на сто и щедро рассыпаю вокруг первый пакет со смесью. Рывок еще метров на двести, и в дело пошел второй пакет. Все, бегу изо всех сил дальше к границе, слыша, как где-то, уже совсем недалеко, натужно ревет автомобильный двигатель.

Преодолеваю пологий склон, и мягкий мох сменяется жестким лишайником. На что и был расчет, не зря я эту местность выбрал. Оглядываюсь на ходу – следа практически не видно.

За спиной разлился лай – значит, все, встали на след. Ну вот и момент истины. Огибаю полянку с замаскированной «зацепляйкой» и рассыпаю последний пакет. Пробежал еще тридцать метров и резко сменил направление. Теперь мне прямо на север. Продираюсь сквозь небольшой участок глухого ельника и карабкаюсь на поросшую редкими соснами высокую, метров пятнадцать, гранитную гряду, тянущуюся отсюда наискосок почти до самой границы. К этой беговой дорожке я и рвался. Да, дальше, чем напрямки, зато намного удобнее. Камень вылизан ледником, как тротуар на проспекте, главное – ногу не подвернуть в редких выбоинах.

Быстрее, быстрее, пошел последний километр... Банка тушенки опять начинает колотить по ребрам, перед глазами настырно мельтешат черные мошки, в мышцы ног затекает ватная усталость, начинаю спотыкаться. Воздух на вдохе скребет трахею, как наждак, на корне языка комом прилипла густая слюна, не отплюнуть. Лай сзади затихает, уходя вбок. Неужели удалось?

Перехожу на быстрый шаг. Надо чуть-чуть отдохнуть, хотя бы метров

сто, и прислушаться к лесу. Метров через двадцать оборачиваюсь назад и вдруг вижу, как из-под распростертых над землей веток небольшой сосенки молча вылетает мохнатое пятно. Успеваю, как в замедленной съемке, рассмотреть прижатые уши и выражение свирепой ненависти на оскаленной собачьей морде – сморщенный кожаный нос, задранная верхняя губа обнажает десну и два ряда здоровенных клыков под ней. Толчок крупными лапами в грудь, и я с криком ужаса лечу с гребня вниз...

– А-а-а... – звенит в ушах.

Мягко падаю боком в какую-то ямку, больно ударяясь тыльной стороной ладони обо что-то твердое, перекатываюсь на спину и полубезумным взглядом смотрю на распахнувшуюся дверь, в проеме которой стоит встревоженная мама:

– Ты что орешь на всю квартиру?

– А-а-а?..

– Приснилось что? Аж с тахты свалился.

– А-а-а... ага... – Откидываю голову на ковер, шаря взглядом по потолку. Точно, резные багеты... Люстра... Я дома...

Кряхтя, переползаю с пола обратно на тахту и натягиваю на себя одеяло.

– Да, приснилось... – В полном ошеломлении смотрю на маму. – Экзамен по геометрии. Ужасик...

Вытираю ладонью испарину со лба, расслабляю ноющие после вчерашней тренировки ноги. Сердце бухает где-то в горле, кровь шумит в ушах. Да, вот это я накачал вчера запросов о режиме охраны границы. На всякий случай ощупываю простыню. Фу, слаба богу, сухая.

Мама понимающе улыбается:

– Девчонки снились? Не бойся ты их так, они не кусаются. Давай в душ, скоро завтрак.

– Угу... сейчас... пять минут, в себя приду...

Тупо пялюсь на закрывшуюся дверь, перед глазами мелькают то летящая в меня оскаленная морда овчарки, то качающаяся ветка сосны, обросшая у ствола седым лишайником, то строчки красных капель брусники по суровой зелени мха. Натуралистично, ага... Я нервно захихикал. Нет, мы пойдем другой дорогой...

Прошлепал в ванную и, стоя под тугими струями, прокручиваю в уме свежую доставку. Итак, в ленинградском консульстве США сейчас под прикрытием работают семь оперативных сотрудников ЦРУ. Осталось найти способ относительно безопасной связи и выбрать визави. И я, подставив лицо под падающую воду, начал тонкую работу – формирование

следующей партии запросов.

Тот же день, 11:20

Москва, район Ходынского поля

С утра Андропов поехал на объект К-200. «Стекляшка» на Ходынке, окруженная хрущобами и нелепыми, хаотично разбросанными хозяйственными постройками, походила на нарастивший несколько этажей универмаг, но въезд в штаб-квартиру ГРУ выдавал воинскую часть: открытые ворота со звездой, натянутая поперек цепь, побеленные бордюры и проходная со скучающим сержантом-дембелем.

– Здравствуйте, товарищ Ермолаев, – поздоровался Юрий Владимирович с встречающим его у входа в здание полковником, курирующим ГРУ. – Ну пойдемте сразу в наши пенаты... И Петриченко тоже пригласите. Иван Авраамович, Николай Петрович, как идет оперативная разработка Филатова? – как только военные контрразведчики собрались в кабинете, с ходу взял он быка за рога.

– Разрабатываем по «двухпутке», Юрий Владимирович. Мы – на рабочем месте, территориальные органы КГБ – по месту жительства, обмен информацией ведем ежедневно, накапливаем доказательную базу, – бодро начал доклад Петриченко. – Объект демонстрирует пунктуальность в работе с секретными документами, даже нарочитую боязнь несанкционированного доступа к ним. Активно выступает на партсобраниях, демонстрируя политическую зрелость. Политотдел даже порекомендовал выдвинуть его на секретаря партийной организации отдела. Вне работы ведет разгульный образ жизни, купил «Волгу», кутит с женщинами в ресторанах. Мы подсчитали – после приезда из Алжира он уже растратил более двадцати пяти тысяч рублей. Несколько раз продавал нумизматам золотые пятирублевые монеты царской чеканки, происхождение монет неизвестно. Дома в туалете в верхнем торце санитарного шкафа соорудил тайник, пока закладок не было. Также на квартире обнаружен транзисторный приемник марки «Националь Панасоник». Напомню, в конце января прошлого года нами выявлен новый канал односторонних радиопередач американского разведцентра на территории ФРГ. Лепесток устойчивого приема накрывает районы Тульской, Калужской и Курской областей, но технические характеристики данного приемника позволяют вытянуть прием передач и в Москве. Собственно, появление этого канала нас и насторожило – мы стали проводить оперативные проверки офицеров, вернувшихся незадолго до этого из-за границы.

– Так, а что-нибудь материальное нашли, прямо доказывающее его предательство?

– Ищем... – вздохнул Петриченко. – Вероятно, объект проводит тайниковые операции, зафиксированы немотивированные посещения некоторых районов, но проследить, где именно что снимает или закладывает, пока не удалось.

Андропов задумчиво побарабанил пальцами по столу и уточнил:

– Костомаровская набережная входит в число таких районов?

Контрразведчики быстро переглянулись.

– Да... – медленно протянул Ермолаев, – входит... Зафиксировано три посещения. Объект, судя по всему, знакомился с районом.

– Совпадает, – с неожиданным для офицеров ожесточением сказал Андропов. Снял очки, устало потер глаза и продолжил: – Вероятно, связником со стороны американцев выступает работник посольства Крокер. Учтите в работе.

Полковники синхронно кивнули, преданно поедая глазами начальство. Шеф повертел в руках карандаш, думая о чем-то своем, и подвел черту:

– Ладно, верю, что справитесь. По другим офицерам ГРУ за последнее время есть что-нибудь интересное по оперативным проверкам?

– За последнее время, – Ермолаев подчеркнул голосом слово «последнее», – нет.

Андропов вскинул брови:

– А не за последнее?

Лицо Ермолаева стало кислым:

– Есть серьезные, но косвенные подозрения по генералу Полякову. Просьба провести оперативную разработку пришла за подписью непосредственно Ивашутина. ГРУ считает, что у них непропорционально большая доля засыпавшейся агентуры была известна именно ему. Мы докладывали Георгию Карповичу, но он не дал добро на заведение дела оперативной разработки, сказал, – и тут Иван Авраамович неожиданно похоже изобразил голос Цинева, – «генерал ГРУ не может быть предателем». А в ходе оперативной проверки ничего накопать не удалось, очень осторожен.

Андропов брезгливо поджал губы, обдумывая ситуацию: «Подсобил же Ильич с замом... Верхогляд и позер... Только и может, что на меня стучать... Но сейчас это удачно сложилось. Если что, можно разменять мой промах по Калугину на его промах по Полякову...»

– Вот что, товарищи... Пишите по Полякову на Георгия Карповича еще один рапорт на заведение дела оперативной разработки, сразу с

планом. И сошлитесь на то, что у меня есть определенная дополнительная информация по этому... мм... – председатель КГБ запнулся, подбирая слово, – по этому объекту.

Лица контрразведчиков чуть заметно дрогнули. Такое обезличенное упоминание генерала ГРУ не могло быть случайным, что, впрочем, тут же и подтвердилось.

– Включите в план ДОР изучение с помощью рентгена мебели и деталей интерьера у него дома, на даче и в квартире у матери на предмет хорошо замаскированных тайников, это раз, – начал перечислять Андропов. – Во-вторых, особо тщательно проверьте на предмет тайников следующие места: ручку спиннинга, конверты грампластинок, под обложкой несессера... Вопросы есть?

– Нет, – чуть помолчав, качнул головой Ермолаев. – Все ясно. Кристально.

– Хорошо. Докладывать мне при выявлении любой зацепки немедленно. – На последнем слове Андропов повелительно постучал карандашом по столу, потом отложил его вбок и сцепил руки под подбородком. – Кто такой майор Владимир Резун в швейцарской резидентуре?

Полковники еще раз коротко переглянулись, отвечать начал Петриченко:

– Да есть такой... Молодой щегол, ничем не отличился, только выехал. Пока ничего на него не было.

– Есть информация... из заслуживающего доверия источника, что МИ-6 успешно вербует его прямо сейчас. Учтите это. – Председатель КГБ подумал и добавил: – Проверьте, только крайне аккуратно, не спугните. Если подтвердится, будем его играть, у нас сейчас нет каналов для дезинформации англичан.

Андропов замер, обдумывая возникшую прямо сейчас идею. ГРУ отозвало последнего нелегала в пятьдесят девятом, но Запад до сих пор не может поверить своему счастью и землю роет в поисках советских военных разведчиков. Можно будет через этого предателя в Швейцарии подкинуть им доказательства наличия таких сетей... Да, идея перспективная, но это уже с Ивашутиным надо обсуждать.

Юрий Владимирович встал из-за стола, подошел к выходящему на северную сторону окну и, заложив руки за спину, задумчиво рассмотрел открывающийся с шестого этажа пейзаж: поверх светло-салатовой зелени Ходынки чуть перекошенным крестом лежат две широкие взлетно-посадочные полосы, на ближней окраине поля вяло шевелящиеся под

легкой моросью солдаты натягивают брезентовые палатки – готовят размещение для частей, участвующих в тренировках к параду.

«Да, жизнь идет своим чередом, скоро майские... А там и Подгорного свезем под гору. – Андропов усмехнулся про себя нехитрому каламбуру. – И на этом пока стоп. Резких перемен сейчас не надо, я еще не готов. Еще года два-три пусть Леня посидит. Хорошо, что удалось отговорить его от отставки. Он, правда, и сам не сильно рвался уходить, это жена его настропалила, мол, ты уже старый, ничего не можешь, иди отдыхать, а вместо себя Романова ставь. Ну старый – да, старый, но Романова-то зачем?»

Повернувшись, Андропов оглядел почтительно молчащих полковников и сказал в завершение разговора:

– И еще одно, по старым делам... Был в ГРУ такой оперативный фотограф – Николай Чернов. Весьма вероятно, работал на ЦРУ с шестьдесят третьего по семьдесят второй. Проработайте и это направление.

Глава 8

Воскресенье 10 апреля 1977 года, 10:10

Ленинград, Измайловский переулок

Подъезд был роскошный, такие изредка встречаются в петербургских домах: залитые светом широкие лестничные пролеты, старинные кованые решетки с тяжелым деревом перил, на площадках шашечками дореволюционная плитка, лепнина на стенах и потолках. Чисто, тихо, благородно.

Ткнул пальцем в кнопку звонка над латунной пластинкой с гравировкой «Афанасьевы» и прислушался. В глубине квартиры глухо звякнуло. Спустя полминуты дверь осторожно приоткрылась, и поверх натянутой цепочки на меня с большим подозрением уставилась седоватая представительная матрона.

– Здравсте... Меня зовут Андрей, я Томин одноклассник, – представился, шаркнув ножкой.

– Бабушка! – долетел издали крик. – Это, наверное, Андрюша, пусть на кухне посидит!

Маленькие, близко расположенные карие глаза еще раз с подозрением прошлись по мне, цепочка брякнулась, и мне дозволили войти:

– Ну проходи, кавалер...

Я зашел, озираясь. За спиной лязгнул, опустившись в кольцо, запорный крюк.

Из залитой солнцем комнаты вывалился, по-весеннему утробно завывая, пушистый сибирский котяра и посмотрел на меня глубоко безумным взором.

– Но-но, не балуй, – сказал я неуверенно. Встречал я котов, которые снимают с гостей шкуру прямо в прихожей.

– Васька, негодник, иди в комнату, – заворковала бабушка, не спуская с меня глаз.

Кот басовито отверг это предложение и, подойдя, потерся о мою ногу. Я с облегчением выдохнул, драть мясо с костей вроде не собирается. Присел и почесал мученику подбородок. Голова у скотины тут же потяжелела, зенки закатились, и он рухнул всей тушей мне на стопы, урча и извиваясь.

– Да, – я поднялся, расстегивая куртку, – песню дружбы запекает молодежь...

– Андрей! – звонко прокричала Тома откуда-то из глубины квартиры. – Подожди меня на кухне, чаю попей, я через пять минут буду готова.

Я даже не стал ерничать и переспрашивать «готова к чему», бабушка и так продолжала сверлить меня настороженным взглядом, видимо предполагая во мне самые низменные устремления. Обижаться глупо, присутствуют они, чего уж греха таить... Чем ярче весеннее солнышко, тем больше во мне накапливается этих самых низменных устремлений, против природы не попрешь.

На кухне меня встретили горка красновато-бурых и голубых яиц и кекс, продающийся в булочных в предпасхальные дни под стыдливым названием «весенний». Тут же лежала стопка газет. Я сел за стол и полюбовался авангардной инсталляцией: пасхальный кекс, разноцветные яички и газета «Правда», а на заднем плане, в окне, – подзатертый фасад превращенного в склад Измайловского собора.

Бабушка деловито сотворила мне чай, пододвинула мельхиоровую вазочку с сушками и села напротив, внимательно разглядывая и, даже показалось, приняхиваясь.

– Андрей, значит... Куда собрались-то?

– Да просто погуляем... Погода хорошая, весна пришла, что дома сидеть? К Никольскому, думаю, сходим, потом до Театральной. А там посмотрим, или к площади Труда и на Неву, или к Невскому напрямки, – выдал я свои планы.

– Да, – скорбно покивала бабка головой, – у Никольского сегодня должно бытьлюдно. Все в церкву пойдут...

В дверном проеме появилась Тома: глаза блестят, вид гордый и довольный, на макушке наверчено что-то нестандартно-праздничное. Я с удовольствием окинул взором ладную фигурку, подкинув горячего в топку нездоровых желаний. Или здоровых? Наверное, зависит от того, с чьей позиции смотреть. Моя мама и Томина могут иметь диаметрально противоположные мнения по этому вопросу...

– Том, привет. Тебе уже доложили, что Христос воскрес?

– Ага! – Она оживленно подскочила к столу и предложила: – Давай яйцами стукнемся!

Я сцедил улыбку в кулак и выбрал самое темно-синее яйцо:

– В чьих трусах варили?

Девушка прыснула в ладошку:

– В трениках моих старых.

– Ну если в твоих, тогда ладно... Выбирай, бей.

Тома слегка наклонилась и прищурилась, оценивая битки. Солнечные

лучи отразились от выглаженной временем деревянной столешницы и мягкой волной прогулялись по ее лицу, высветив разноцветье глаз и подарив ореолу волос тепло медного отлива.

Я опустил взгляд, вспомнив цветаевское «зелень глаз и золото волос», потом мысленно пересчитал остающиеся месяцы. Пять. Всего пять месяцев, и если не найду решение здесь, то меня ждет намеченная эксфильтрация. И все, и будто бы под небом и не было тебя... Вернусь только к концу восьмидесятых. Десять лет без права переписки... Вечность. В груди что-то сжалось.

– Ты по зубу тихонько постучи яичком-то, – оживленно подсказывала в это время болеющая за внушку бабушка. – Надо, чтобы глухо звучало. Если звонко об зуб стучит – хрупкое.

Совместными усилиями, постукивая скорлупой по клычкам и откладывая в сторону подозрительные, они остановили свой выбор на яйце, окрасившемся в красновато-коричневый мрамор.

– Хороший биток, – одобрила бабушка. – Держи вот так, – она крепко схватила его указательным и большим пальцами, оставив лишь маленькое оконце между ними, – и бей сама!

Я с усилием натянул улыбку и подставил острый конец. Тома хищно тюкнула, и мое яйцо влажно треснуло. Тупая сторона также не смогла оказать достойного сопротивления.

– Сдаюсь, – поднял руки. – Куда же мне против двоих, да опыта поколений в придачу...

Тома, радостно взвизгнув, разбросала руки в стороны и крутанула на цыпочках полный оборот, закинув голову к потолку и разметав в движении волосы широким веером. Я повеселел. Да гори оно все огнем... Есть время бросать камни, и есть время отдыхать душой. Я что-нибудь потом придумаю. Обязательно.

– Ты готова? Не легко оделась?

Тома отрицательно замотала головой, нетерпеливо притопывая ножкой.

– Тогда – вперед!

Бабушка захлопнула за нами входную дверь и опять загрохотала запорным крюком. Мы переглянулись и, весело смеясь, стремительно скатились по ступенькам, оставляя за спиной эхо дробного перестука Томиных каблучков. Я оттянул на себя тяжелую входную дверь, и мы вынырнули из полутьмы парадного в весеннее тепло, льющееся с непривычно глубокой синевы.

Срезая дорогу, пошли насквозь через Троицкий рынок, и Тома тут же с

восхищением прилипла к выстроившимся в рядок аквариумам. Бликовали в солнечных лучах стайки неончиков, среди тянущихся вверх пузырьков воздуха солидно прогуливались ярко-красные и угольно-черные меченосцы, потряхивали роскошными вуалями хвостов гуппи и поражали своей необычной формой мраморные скалярии. Дальше по ряду продавали сушеных дафний, в эмалированных лоточках шевелилась мясисто-фиолетовая масса трубочников и брусничная – мотылей. Тома с брезгливой опаской понаблюдала, как местный дуремар, орудуя спичечным коробком, отложил покупателю на листок газеты копошащуюся порцию и ловко свернул в кулек.

– Брр... Какая гадость, – сказала с чувством.

Вышли на Фонтанку и по пешеходному мостику перебрались на другой берег, по дороге полюбовавшись величественно плывущими откуда-то с Ладоги льдинами, в синеватой толще которых иногда что-то таинственно искрилось и переливалось. В воде Крюкова канала отразилась воздушная, словно произведение виртуоза-кондитера, колокольня Никольского собора, и мы ненадолго замерли, наслаждаясь одним из самых красивых видовых мест Ленинграда. Потом Тома поозиралась вокруг в поисках знакомых рож и, не обнаружив, решительно взяла меня под локоть.

Мир стал еще краше, и я замурлыкал, косясь на девушку:

– День такой хороший...

– А дальше?

– Пожалей мое самолюбие... Дальше эту мелодию с моим слухом не вытянуть.

– Ну Дюх, ну пожа-а-алуйста... – Тома задергала меня за руку.

– Эх... – И я попытался исполнить куплет из «Извозчика» Розембаума, но на последней строке закономерно и очевидно сфальшивил и закашлялся. – Ну вот видишь... Тебе придется принимать меня таким, какой я есть. Ну не певец я.

С колокольни поплыл пробивающий до костей низкий гул, поверх которого тут же лег быстрый перезвон. В небе в панике заметались голуби.

– С колоколенки соседней звуки важные текли... – пробормотал я, озираясь вокруг.

Мимо на службу тянутся старушки, все как одна – маленькие и сухонькие, с платочками на голове. Я огляделся – молодежи нет вообще, мужчин почти нет.

– Темные отсталые люди, – глядя на них с осуждением, резюмировала Тома. – Вот перемрут, как динозавры, и закроем наконец все эти церкви. – И потянула меня дальше. – Кстати о динозаврах... Про мамонтенка Диму

ты ж читал? Как думаешь, может же быть, что когда-нибудь найдут неповрежденного мамонта, разморозят и оживят?

Она мечтательно посмотрела сквозь бредущих богомольцев, видимо представляя на их месте стада возрожденных мамонтов. Я глядел не менее мечтательно, но не на богомольцев и даже не на Тому. Мое внимание привлекла небольшая огороженная площадка на противоположном берегу канала Грибоедова, на которой три молодых человека практиковали стрельбу из спортивного лука.

Охваченный новой идеей и невнятно мыча что-то про генетику и криопротекцию, я увлек Тому по мостику на другой берег к небольшому особнячку. Хм... Кафедра спортивной стрельбы из лука института имени Лесгафта. А что, это может быть решением одной проблемы...

Я воровато оглянулся и, подойдя к входной двери поближе, оценил профиль замочной скважины. Судя по всему, замок унаследован еще со времен проклятого царизма. Это я удачно зашел... Можно и отпраздновать:

– Ну что, по эклеру с кофе сейчас или по пышкам с кофе позже?

Тома задумчиво нарисовала что-то носочком сапога и кивнула:

– Сейчас! У меня пятьдесят копеек есть.

Я отмахнулся от этого предложения и, приняв левее, провозгласил:

– Тогда в кафе на Театральную! День такой хороший...

Вечером по уже устоявшейся привычке прослушал получасовую сводку новостей за неделю на Би-би-си. Пока никаких отклонений в исторической линии на поверхности не видно. В прошедший четверг РАФ, Фракция Красной Армии, успешно провела теракт в Карлсруэ, расстреляв генерального прокурора ФРГ. Впереди «свинцовая осень», всплеск активности партизанских ячеек, мстящих властям за внесудебные казни находящихся в заключении руководителей.

Даже респектабельные газеты Германии сквозь зубы заметят, что есть что-то странное в так называемом «коллективном самоубийстве» четырех заключенных. Ну да, сложно себе представить, к примеру, как смог левша Баадер выстрелить себе в затылок с правой руки, при этом не оставив на коже головы следов пороховых газов.

А как могли попасть пистолеты в камеры к заключенным особо охраняемой и построенной специально для содержания рафовцев тюрьмы Штамхайн? Узников содержали поодиночке в условиях строжайшей изоляции, переводили в другие камеры каждые две недели, камеры обыскивали дважды в день и просматривали раз в пятнадцать минут. Несмотря на это, как объявили власти, террористы продолбили в стенах из

сверхпрочного бетона тайники, где прятали оружие, патроны, радиоприемники, запас взрывчатки и «аппарат Морзе».

Журналистка Ульрика Майнхоф, как первоначально объявили, повесилась на крюке, торчащем из потолка, однако, когда стали возникать вопросы, как ей удалось добраться до потолка высотой четыре метра, власти поменяли версию на анекдотичное «повесилась на форточке». При этом у погибшей не обнаружили обычного для повешения смещения шейных позвонков.

Даже церковь отказалась признать погибших самоубийцами и разрешила похороны в пределах церковной ограды. А когда власти попытались надавить на бургомистра Штутгарта, чтобы он воспрепятствовал захоронению «самоубийц» на городском кладбище, бургомистр, сын знаменитого гитлеровского фельдмаршала Роммеля, известный своими правыми взглядами, неожиданно резко ответил: «В сорок четвертом тоже были сплошные самоубийцы: мой отец, Канарис... Может, их тоже выкопать из могил?»

Из руководства РАФ первой волны в живых осталась только Ирмагд Меллер, несмотря на четыре ножевых ранения в левую половину груди. Прежде чем ее изолируют от адвокатов, она успеет рассказать, что глубокой ночью кто-то ворвался к ней в камеру, и дальше она очнулась уже на больничной койке. Официально орудием «попытки самоубийства» был объявлен столовый нож – тупой и с закругленным концом.

Адвокат Клаус Круассон привел все эти нестыковки, и против него тут же завели уголовное дело по обвинению в «пособничестве терроризму». Круассон бежит во Францию, но власти ФРГ добиваются его ареста, выдачи и осуждают за «принадлежность к террористической организации».

Нобелевский лауреат Генрих Белль пытается выступить в печати с опровержением официальной версии. Его тут же начинают остервенело травить, у сына Белля проводят обыск «по подозрению в сотрудничестве с террористами».

Ползучая ренацификация ФРГ, против которой РАФ пыталась действовать методами городской партизанской борьбы, уже состоялась, ее не обратить вспять. Прекрасившиеся фашисты, включая эсэсовцев, составляют костяк чиновного аппарата страны, действуя на федеральном уровне в солидном большинстве. Теодор Оберлендер, один из теоретиков «решения восточного вопроса», бывший координатор батальона карателей «Нахтигаль» и в последующем командир спецбатальона «Бергман», любивший лично пытаться и казнить советских пленных, дорос в ФРГ до федерального министра. Георг Кизингер, один из помощников Геббельса, в

течение трех лет был федеральным канцлером. А теперешний канцлер ФРГ Гельмут Шмидт, санкционировавший экзекуцию рафовцев в тюремных камерах, в молодости с воодушевлением маршировал в нацистских колоннах по Мюнхену.

И сейчас эти люди учат нас правам человека! Все повторяется... даже будущее в прошлом.

Задумчиво потер подбородок, анализируя «за» и «против» вмешательства по теме РАФ. Пожалуй, воздержусь за неимением ясной цели. Хватит уже набранных задач, с ними бы справиться.

Высунул голову в коридор, прислушиваясь. Родители смотрят грузинские короткометражки, можно поработать. В ближайшую неделю мне предстоит море писанины, надо использовать все возможности.

Достал чистую тетрадь в клетку, разогнул скобки и выдернул из середины лист. Задумчиво изучил чистую поверхность, подтянул почерк и вывел в правом верхнем углу:

Руководителю разведывательного департамента
Управления по борьбе с наркотиками

Глубокоуважаемый Вильям Пинк, прошу принять к
сведению следующую информацию...

Понедельник 11 апреля 1977 года, 14:35

Ленинград, проспект Москвиной

– Привет, комсомол! – Кто-то шутейно потрепал меня по макушке.

На ходу оборачиваюсь и утыкаюсь взглядом в смеющиеся синие глаза. Узнаю и стремительно краснею.

– Привет...

– Как дела, чудо? Вылечил головку? – Она пристраивается сбоку, слегка помахивая сумочкой.

– Даже не хочу знать, на что ты намекаешь... фея моих снов. – От неожиданности у меня с языка слетело «ты». – Участок облетаешь?

– Уже облетела. Значит, фея?

– Да. И занимаешься ты во снах отнюдь не медицинской работой. – Я с обвинением посмотрел на девушку. – Думаю пожаловаться на тебя маме – не высыпаясь, встаю весь разбитый.

Врачиха прихватила меня под руку и жизнерадостно рассмеялась в небо. Хорошо у нее это получается, красиво. Я полюбовался ровной дугой верхних зубов.

– Лучше в профсоюз напиши. Так на меня еще не жаловались. Может, эти гримзы подавятся от удивления.

– А как жаловались?

Лицо ее на мгновение чуть посмурнело.

– Ты еще слишком молод и невинен для этих знаний, – гордо задрала нос вверх. – Но пух из подушек с балкона девятого этажа общежития летел красиво...

Я хрюкнул, давя смех.

– Воистину. Это не заразно?

– Инкубационный период до пяти лет.

– Передается с поцелуями?

– Комсомо-о-ол! И не провоцируй! – Она огляделась. – Тьфу на тебя, совсем заболтал... Проскочила поворот к поликлинике. Нет, точно, надо тебя к психоневрологу под наблюдение, отклонения очевидны.

– А мне они нравятся.

– Ну... если нравятся... Тогда живи пока. – Врачиха еще раз потрепала меня по макушке и, развернувшись, бодро зашагала к повороту.

Я тоскливо облизнул взглядом тонкие лодыжки, вдохнул, выдохнул и побрел дальше, безуспешно пытаюсь вытеснить из головы мешанину соблазнительных образов. Проклятый возраст!

Пашка с мамой живут в коммуналке, в просторной, светлой, на два окна в тихий двор, комнате с остатками старой лепнины под потолком. Под ногами поскрипывает рассохшийся паркет, которому уже не поможет ни цикля, ни мастика. В углу под салфеткой с выбивкой притаилось старинное черное пианино с двумя бронзовыми подсвечниками. Я приоткрыл крышку и осторожно погладил клавиши. Очень похоже на слоновую кость.

На пианино гордо возвышается бутылка из-под шампанского, примерно наполовину заполненная серебром. Это Паштет собирает сэкономленное на спальник из гагачьего пуха. В прошлый раз он так и не успел накопить...

Рядом старое вытертое кресло и торшер, с выцветшего абажура которого свисает золотая рыбка, сплетенная из трубочек капельниц. Я плюхнулся на продавленное сиденье и еще раз огляделся, примечая мелкие детали быта.

– Что будешь, жареные макароны или жареную картошку? – деловито просунулся в дверь Паштет.

Я махнул рукой:

– Пофиг. Что ты, то и я. Что хочешь больше?

Пашка задумчиво подвигал бровями:

– Тогда макароны. Картошку я вчера ел. Сейчас сготовлю.

Он испарился, а я взял для вида учебник по алгебре и задумался, прокачивая свежие данные по ленинградской резидентуре ЦРУ. Но долго мне Пашка скучать не позволил, буквально через пять минут возник с довольной физиономией:

– Поставил доваривать. Дюх, ты икру черную будешь?

У меня глаза полезли на лоб. Тетя Галка работает медсестрой в психоневрологической больнице, и живут они с Паштетом, мягко говоря, небогато.

– Черную икру с жареными макаронами? Паш, ты это в каком парижском ресторане подглядел?

Пашка замялся:

– Да понимаешь... Помнишь, нам реакцию манту кололи? Вот... У меня какой-то вираж обнаружили. Прописали поливитамины и банку икры сказали съесть... А она мне не нравится! Маслянистая гадость какая-то, брр... Выручи, съешь немного, а, Дюх? – Он просительно заглянул мне в глаза и вытащил из-за спины круглую жестяную банку синего цвета с рисунком осетра на крышке.

– Не, Паш, – рассмеялся я. – Будешь плакать, давиться, но есть черную икру – сам. Тут я тебе не помощник, меня совесть замучает. Дай мне лучше пока проверить, что ты там нарезал за выходные.

Паштет обреченно вздохнул и достал из секретера тетрадь. Дела у него в последнее время пошли лучше, во многом благодаря тому, что я подтянул себе умение одного хорошего репетитора.

Угу... похоже, группировку многочисленных Пашка действительно просек. Внимания, правда, не хватает, но логику схватил.

Я обвел найденную ошибку и показал нависающему за плечом Пашкету. Он покраснел и обиженно запыхтел.

– В принципе неплохо, – подвел я черту, – но виден недостаток концентрации. У тебя там макароны не переварятся?

– Ой... – Пашка улетел в кухню.

Я потянулся в кресле, прикидывая, что с ним делать дальше. По алгебре можно переходить к делению многочленов при помощи разложения на множители. И упражнения на концентрацию внимания надо дать. Следить за кончиком секундной стрелки – это раз. Подсчет в уме гласных и согласных букв в абзацах – это два. Упражнение с поиском потерянных цифр. Еще где-то в журналах видел рисунки «найди 5 отличий», тоже пригодится. Ну и хватит пока.

– Дюх, готово, иди жрать, пожалуйста, – улыбается Паштет от двери.

Пашка умеет готовить всего два блюда, но зато делает их мастерски. Тонкие ломтики картошки, зажаренные в большой чугунной сковородке на смеси сливочного маргарина и перетопленного свиного жира, получаются восхитительно – и это самое слабое из возможных определений. Но и жареные макароны в его исполнении ничуть не хуже. Все то же самое, только вместо картошки Пашка закладывает в разогретый жир сырые макароны, обжаривает их до золотистого цвета и лишь потом доликает точно отмеренный объем воды. В этот момент над сковородой встает яростный столб пара, а когда жидкость выкипает, на дне остается хрустящий на зубах шедевр. Пашка иногда посыпает все это сахаром, тогда макароны подергиваются глазурью странного розоватого цвета, но эта вариация нравится мне чуть меньше.

– Вот. – Паштет водрузил на центр кухонного стола шкварчащую сковородку. – И помни, друзья познаются в еде!

Мы набросились и, чуть ли не урча, умяли все за пять минут.

– Кайф, – подвел я итог, озираясь в поисках того, чем бы можно стереть оставшийся на физиономии жир. – Теперь колись, о чем ты с Зорькой на второй перемене шептался.

Взгляд Пашки заметался.

– Стоп-стоп-стоп! – постарался успокоить его я. – Мелкие подробности не надо. Удалось выяснить, кто прокозлил? Больше меня ничего не интересует.

– Лейт.

– Вот гондон! – Я удивленно покрутил головой. Нет, я, конечно, знал, что Сашка Лейтман потом стал отъявленным мерзавцем, но вот что этот фрукт созрел так рано... Это открытие.

– Дратся будешь? – обреченно уточнил Паша.

– Я дурак – об дерьмо руки пачкать? Просто заношу в список любимых врагов. Как там Михаил наш Юрьевич говорил? «Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они волнуют мне кровь». Вот пусть дрожит-боится. А ты, кстати, тоже будь с ним осторожен, эта субстанция мало того что вонючая, но еще скользкая и липкая.

Я помешал сахар в чае, наблюдая за слетающими в кучку чайинками. Забавно, а как же центростремительные силы при вращении? Надо будет нашего физика попытать.

Пашка поелозил немного, собираясь с духом, потом решил:

– Как с Зорькой мириться будешь?

– А я с ней ссорился?

Паштет недовольно поджал губы:

– Она страдает.

– И что я должен, по-твоему, делать? Я что-то совершил против нашей дружбы? Где-то неверно поступил?

Пашка подумал и отрицательно помотал головой.

– Вот... Извиняться мне не за что. Ситуация хреновая, согласен, но тут ни фига не поделывать, увы. Или она переболеет и дружба возобновится, или финиш.

Я допил чай и скомандовал:

– Все, тему эту пока закрыли. Пошли, не подумай чего плохого, с многочисленными развлечемся...

Вторник 12 апреля 1977 года, 13:20

Ленинград, улица Красноармейская

Оно удивительное – это давно забытое чувство большого праздника на День космонавтики. И у детей, и у взрослых приподнятое настроение. На лицах чаще, чем обычно, мелькают улыбки, в глазах виден отблеск нездешности.

Сегодня – день для взгляда поверх обыденности. Праздник немного выпадает из череды советских, сегодня мы гордимся не только СССР, но и всем человечеством.

«Космос – наш», – звучит по радио. – «Наш» – значит, землян. Мы в космосе первые, но открыли его не для себя – для всех. Мы – первые от людей. Передовой отряд человечества, теперь не только на Земле, но и в космосе».

Мы сделали это сами, несмотря ни на что.

Поэтому у нас три Праздника гордости.

День революции отмечает рубеж, когда мы первыми на Земле стали осознано строить неантагонистическое общество.

День Победы – тут слов не надо, лишь молча склонить головы перед памятью павших и мужеством выживших. Тогда мы отстаивали право быть собой.

И День космонавтики, когда мы, советские, вышли в космос.

Три шага, три ступени в будущее, и мы по праву ими горды. Это – наше, и ни зачернить, ни заплевать это невозможно.

Легко жить, когда у тебя за плечами растут крылья от понимания, что ты на правильной стороне Истории. Такое ощущение исторической правоты дорогого стоит. Ты уверен в своей правоте – вот фундамент советского счастливого мироощущения.

Девчонки пришли в парадной форме, с шикарными бантами, мальчишки – в светлых рубашках. На входе в школу висит стенгазета – ракета, распластавшись по диагонали громадного ватмана, несет в будущее лучших учеников и учителей.

На классный час Яся принесла из дома семейный альбом, в котором уже двадцать лет тщательно собираются вырезки из газетных сообщений. Сбившись в кучу, рассматриваем пожелтевшие страницы. Первая полоса «Правды» от пятого октября 1957 года со скромным, в одну узкую колонку, заявлением ТАСС «Первый в мире искусственный спутник Земли». Развернув вырезку на всю длину, Яся дочитывает вслух последний абзац:

– «Искусственные спутники Земли проложат дорогу к межпланетным путешествиям, и, по-видимому, нашим современникам суждено быть свидетелями того, как освобожденный и сознательный труд людей нового, социалистического общества делает реальностью самые дерзновенные мечты человечества!»

Листаем дальше. Вот Белка и Стрелка, «Луна-1», «Луна-2», «Луна-3» и снимки обратной стороны нашего спутника. По праву первооткрывателей мы, советские, нанесли на карту Луны имена лучших представителей человечества: Жюль Верна и Лобачевского, Максвелла и Менделеева, Пастера и Курчатова...

А вот дальше, среда 12 апреля 1961 года. Крупным шрифтом заголовки «Советский человек в космосе!» Ниже – первая фотография Гагарина, биография космонавта, официальные сообщения, фотографии стихийных уличных демонстраций в советских городах...

Вглядываюсь в лица счастливых людей из шестидесят первого и завидую. Они умели всем сердцем искренне радоваться успехам своей страны. Сейчас это умение считать страну «своей» умалилось, а в будущем может и совсем исчезнуть. Дезинтеграция общественного сознания – вот что это такое. Первый шаг назад во тьму, в пропасть небытия человечества...

На оборотной стороне – короткая врезка «Об успешном возвращении человека из первого космического полета». Прокашливаюсь и, подражая Левитану, озвучиваю текст:

– «После успешного проведения намеченных исследований и выполнения программы полета двенадцатого апреля тысяча девятьсот шестидесят первого года в десять часов пятьдесят пять минут по московскому времени советский корабль «Восток» совершил благополучную посадку в заданном районе Советского Союза. Летчик-космонавт майор Гагарин сообщил: «Прошу доложить партии и

правительству и лично Никите Сергеевичу Хрущеву, что приземление прошло успешно, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

– Ура!!! – дурачась, кричит Пашка.

Крик охотно подхватывают, и это искренне выдыхаемое «ура» несется из нашего класса по школьному коридору, рассыпаясь эхом на лестничных клетках.

– А я читал в «Технике – молодежи», что американцы скоро будут на солнечных парусах летать, – возбужденно размахивая руками, говорит Паштет, и все с горящими глазами начинают обсуждать звездные клиперы и пилотируемые полеты к звездам.

Разговор рассыпается на группки, за спиной спорят о пришельцах, упоминая наскальные росписи Наски и колонну из чистого железа в Индии, рисунок инка в ракете и египетские пирамиды. Ор стоит, как посреди колонии чаек.

Обвожу взглядом эти живые лица. Главное, не забыть потом, сидя на холоде, ради чего я здесь появился. Откладываю про запас в память избранные кадры – то маму, готовящую завтрак, то девчонок, беззаботно играющих в классики во дворе, то, вот теперь, своих одноклассников в момент осознания отсутствия преград перед Человеком.

Среда 13 апреля 1977 года, 16:40

Ленинград, Басков переулок

Над головой первой приметой приближающегося лета раскинулось ярко-синее небо. Порывы воздуха холодны, но затылок уже вовсю греет солнце. Еще две недели, и начнут лопаться почки, щедро сбрасывая на землю липкую чешую.

Стою посреди пустынного Баскова переулка напротив непримечательного старого дома и, чуть прищурившись, рассматриваю объект. Обшарпанные стены тускло-серого цвета, врезками в фасад – парадное, вход в булочную и низкий прямоугольник подворотни. Ничего необычного.

Огляделся по сторонам и преступной походкой двинулся в ворота. Глухой двор-колодец встретил вязкой тишиной. Контрапунктом к редкому миролюбивому курлыканью голубей раздается хищный скрежет их же когтей по жести карнизов. Темные пыльные окна враждебно следят за моим продвижением по вечно сумрачному дну. Отсеченный от звуков городской суеты и света дня, я почувствовал себя на дне Марианской впадины.

Повертев головой, обнаружил цель. Странная конструкция из

потемневших досок, вероятно, остов какой-то самодельной мебели, в углу двора, сраза за помойкой. Она, я узнал ее.

Подошел и, встав на нужную перекладину, попробовал, подпрыгнув, сломать. Доска лишь упруго пружинила в ответ. Ее время еще не пришло. Еще четыре года она бы гнила под дождем и снегом, чтобы однажды прощально хрустнуть под ногой играющих мальчишек и выбросить на асфальт из выдолбленного тайника восемьсот с мелочью граммов золота девятисотой пробы.

Придется ускорять процесс. Еще раз внимательно оглядев окна, полез в сумку за молотком и долотом.

Хватило шести ударов по долоту и пинка ногой напоследок. Широкая доска не выдержала и раскололась вдоль, обнажив на сломе высверленный паз. Орудя долотом как рычагом, приподнял из паза тонкий и неожиданно тяжелый сверток. Пересчитывать буду дома, но и так знаю, что без обмана, девяносто четыре николаевских червонца.

«В одном червонце восемь и шесть десятых грамма золота девятисотой пробы. Это округленно... округленно порядка восьми с половиной тысяч рублей, – весело насвистывая, на ходу провожу в уме калькуляцию. – Есть на что сводить девушку в кафе. А если переводить в доллары с учетом моего плана, то через год это можно скинуть где-то в диапазоне между пятнадцатью и двадцатью тысячами. И останавливаться на этом я не собираюсь».

Душа, ликуя, пела. Жаль, спиртное мне еще рано, сейчас фужер шампанского за успех безнадежного дела не помешал бы.

Среда 13 апреля 1977 года, 14:30

Москва, площадь Дзержинского

– ...сильнейший курареподобный яд. Токсикологи затрудняются с идентификацией вещества, но по результатам биопроб – остается летальным даже при очень высокой степени разведения. – Бояров перевел дух и продолжил: – Мы тщательно промыли капсулу, влили обычный физраствор и запаяли.

– Не заподозрил ничего?

– Все прошло гладко, успели, пока его массажист мял. Он как чует, с этой авторучкой не расстается, даже в баню с собой взял. Мм... – Бояров вытянул из папки очередной лист. – Юрий Владимирович, возникло у нас еще одно подозрение. У Агронома полгода назад скорострительно скончалась невеста, клиническая картина мгновенной смерти. На вскрытии ничего не было обнаружено, подумали на внезапную остановку сердца.

Сейчас возникла гипотеза, не была ли она отравлена, клиническая картина схожа... Проверяем.

– Вот же ж тварь! – Андропов раздосадованно пристукнул кулаком по столу. – Каждый раз удивляюсь, откуда у нас такие берутся.

– Дерьмо наверх всплывает, – философски откликнулся Григоренко. – А у нас верхом для многих является работа с заграничными командировками... А отдел кадров в ПГУ, – с напором продолжил он, сердито поблескивая глазами, – относится к некоторым кандидатам с хорошей родословной излишне снисходительно.

Андропов чуть заметно скривился и принялся перебирать бумаги. Потом процедил:

– У нас еще ничего. Лучше, чем в МИДе, и гораздо лучше, чем во Внешторгбанке или Министерстве внешней торговли. – Он переплел пальцы и привычно уперся в них подбородком, став при этом отдаленно похожим на удава Каа. – К сожалению, сменой кадровиков проблему не решить... Она носит системный характер. Западу удастся заразить некоторых советских граждан вирусом мещанства и потребительского отношения к жизни. А одна больная овца может все стадо испортить. – Юрий Владимирович расцепил руки, поводил ладонями по столешнице и продолжил с досадой: – Горя не хлебали, родились с серебряной ложкой во рту. Голода, войны не видели, детьми не работали... Раньше было проще – жило поколение, которое застало прелести капитализма и разрухи после Гражданской войны. Вот они-то были в состоянии оценить грандиозность достигнутых нами успехов, они понимали, за что мы сейчас боремся... Да вот что далеко ходить, у вас у самого, Григорий Федорович, детство было далеко не сахар... Скот со скольких лет пасли?

– Да уж, – крикнул Григоренко. – Точно, что не сахар. Безотцовщина, мать с тремя детьми на руках... Пастушком с двенадцати лет, босяком до шестнадцати ходил. Поздней осенью стопы в поле мерзли так, что искал свежие коровьи лепешки – вставал в них ноги греть. В тридцать третьем чуть не умерли от голода, опух к весне... Потом в город уехал, на физмат поступил, там полегче стало. Да... Нынешняя молодежь так не живет... Но мы же за это и боролись?

– Боролись... Вот и напоролись. Не ценят они того, что им предыдущее поколение набороло. Считают само собой разумеющимся. Эх... Ладно, вернемся, товарищи, к нашим баранам. Что предлагаете делать по Агроному?

Бояров достал из папки план оперативной разработки:

– Брать под контроль, играть... Все как обычно. План игры вчерне

составлен совместно с МИДом и Генштабом. Времени, как всегда, не хватает, – вздохнул Бояров, бросая взгляд на календарь. – Через месяц, точнее, начиная с восемнадцатого мая, в Женеве запланирована большая встреча на несколько дней. Андрей Андреич и Вэнс будут искать развязки в связи с отказом США от Владивостокских договоренностей. Вот до этой встречи хорошо бы влить первый пакет дезы. Для этого нам надо успеть в течение ближайших двух недель добиться согласия Огородникова работать под нашим контролем. Так что надо срочно его арестовывать, припирять набранными доказательствами и раскручивать.

– На что нацелен план?

– Если глобально, то на развитие разрядки, снятие с нас бремени излишних военных расходов. По мнению наших военных планировщиков, отказ США от политики разрядки связан с ожившими, особенно среди правого крыла республиканцев, надеждами на достижение одностороннего военного превосходства над СССР.

– Ну этого они всегда хотели и хотят, сколько себя помню...

– Да, но еще три – пять лет назад технологии обеспечивали стратегический паритет. На любой атомный удар тут же шел бы ответный или ответно-встречный. Однако в последние годы ракетчики, что у них, что у нас, совершили технологический прорыв, и теперь стало возможно сажать боеголовки в цель с точностью до двадцати – тридцати метров. При этом подлетное время у американских оперативно-тактических ракет, размещенных в Европе, пять – семь минут. Появилась принципиально новая возможность для нанесения обезглавливающего удара по СССР с уничтожением нашего военно-политического руководства до того, как будет принято решение о приведении в действие механизма ответно-встречного удара.

– И как далеко все уже зашло? – обеспокоенно заелозил в кресле Андропов.

– ГРУ докладывает, что их штабы уже проиграли сценарии нанесения внезапных ядерных ударов по пунктам командной системы «Казбек» и линиям связи РВСН и пришли к выводу, что они в состоянии при определенном раскладе получить гарантированную победу малой кровью. Но для этого надо существенно нарастить арсенал ракет средней дальности в Европе, для чего они и выводят их сейчас из-под Владивостокских договоренностей. Наши специалисты полагают, что если разрушить эту надежду на безнаказанность, то политика разрядки может быть продолжена. Работу предлагается вести по двум направлениям. Первое – через Академию наук вбросим концепцию «ядерной зимы».

– Мм? – промычал Юрий Владимирович, вопросительно приподняв брови.

– Есть предварительные расчеты группы климатологов, согласно которым массированный удар ядерными зарядами в качестве одного из последствий приведет к подъему в стратосферу такого количества сажи от пожаров, что экранирует поверхность планеты от солнечного тепла и приведет к развитию длительной климатической аномалии – значительному многолетнему похолоданию, бесконечной зиме. Будем работать именно через эту группу ученых, пусть выступают на съездах, конгрессах, интервью дают западной прессе – те любят страшилки печатать.

– А эта «ядерная зима»... – Андропов неопределенно пошевелил пальцами, – действительно может наступить или это деза?

– А вот это до конца не ясно. Климатические модели пока очень грубые. Но отрицать данную возможность нельзя. И этим можно попробовать их напугать, пусть учитывают и такую опасность. А вот по нашей линии мы предлагаем вбросить пакет дезы о подготовке к постановке на боевое дежурство в семьдесят девятом системы «мертвой руки», гарантирующей нанесение удара возмездия даже в случае гибели всего руководства страны. За полтора года американцы физически не успеют произвести необходимое, по их расчетам, количество «Першингов» и «Томагавков» для внезапного нападения. Это должно охладить пыл их милитаристов и открыть возможность для заключения устраивающего нас соглашения.

Андропов заинтересованно наклонился вперед:

– Это о «Периметре» речь? Его еще лет десять разрабатывать и внедрять вроде бы, по мнению военных.

– По последним оценкам, тем, что я слышал на совещании в Генштабе, – лет семь-восемь. Часть ключевых технологий уже оказалась готова. Эскизный проект составлен, с принципами организации определились.

– На чем остановились в итоге? Было несколько версий, я помню, обсуждали на заседании Политбюро, еще Андрей Антонович докладывал...

– Выбрали следующий подход: разбрасываем по ключевым городам сейсмические и радиационные датчики. Если они регистрируют факт массивного ядерного удара по территории страны и при этом на определенное время теряется связь с основными командными узлами РВСН, то инициируется автоматический запуск над территорией нашей страны нескольких командных ракет, оснащенных мощной сигнальной аппаратурой. Они в полете транслируют специальный контрольный сигнал

и пусковые коды для всех компонент ядерной триады. Приемная аппаратура отдельных пусковых установок, приняв такой сигнал, переходит к немедленному запуску баллистических ракет в полностью автоматическом режиме, обеспечивая гарантированный ответный удар по противнику даже в случае гибели всего личного состава.

– Неплохо придумано... Надо форсированно внедрять, – сказал Андропов взволнованно. – Это же реальная угроза, наличие возможности нанесения обезглавливающего удара будет их провоцировать.

– Делают, внедряют, Юрий Владимирович, – принялся успокаивать шефа Бояров. – Но функционирующей системы пока нет и в ближайшие лет семь еще не появится. Военные обещают поставить эту систему в строй только году к восьмьдесят пятому. И, совершенно верно, до этого у США объективно есть окно возможности для нанесения обезглавливающего удара по СССР, особенно в случае прихода к власти в США правого крыла республиканцев, где хватает отъявленных фанатиков-антикоммунистов. Поэтому сейчас принципиально важно подтолкнуть американцев к заключению реально работающего договора о разоружении, иначе они наводнят Европу своими ракетами и году так в восьмьдесят третьем – восьмьдесят четвертом будут испытывать большой соблазн ими воспользоваться. Вот мы и хотим начать вливать через Агронома дезу о том, что такая система у нас вот-вот заработает.

– Служба «А» в курсе?

– Да, Владимир Петрович активно участвует в разработке операции.

– Хорошо, – подвел черту Андропов и замолчал, обдумывая предлагаемую контрразведчиками комбинацию. – Принимается. Давайте ДОР.

Неторопливо водя карандашом по строчкам, прочел план дела оперативной разработки Огородникова, потом размашисто расписался на первом листе.

– Интересно, что они придумают после того, как им станет известно о «Периметре?» – протянул он задумчиво.

– Генштаб считает, что на следующем этапе они попытаются получить одностороннее военное преимущество за счет стратегической системы противоракетной обороны своей территории. Но там лет десять как минимум исследований и испытаний надо... Так что лет пятнадцать безопасности, а с учетом сроков развертывания такой системы и двадцать – двадцать пять, мы получим даже без существенной модернизации компонентов триады. А там да, придется думать, как будем прорывать такую оборону, в случае чего. Мысли есть, время есть, так что Генштаб

считает ситуацию управляемой.

– Хорошо. – Андропов прихлопнул ладонью по листам и побарабанил пальцами. – Есть надежда, что скоро мы получим еще несколько каналов, по которым можно будет подтвердить эту версию американцам.

Контрразведчики понимающе переглянулись.

– Так, – перешел Андропов к следующему вопросу, – что дал первый допрос Митрохина?

– Говорить начал сразу, как бидон свой увидел, остановить не можем, – с готовностью откликнулся Бояров. – Еле успеваем записывать. Охотно рассказывает, как делал выписки, как выносил, как хранил. Но пока отрицает какие-либо контакты с противником. Якобы просто готовил материалы впрок, но не передавал. Ничего, теперь никуда не денется, все расскажет.

– Это, товарищи, – веско произнес Андропов, – крайне важно. Что именно, кому и когда. Очень важно. – Он пристально посмотрел в глаза сначала Григоренко, потом Боярову и повторил с расстановкой: – Особенно – кому. Очень. Важно. Кому.

– Понятно, – кивнул Бояров. – Узнаем. Вопрос времени. Скорее раньше, чем позже.

– Хорошо. Если удастся разговорить по этому вопросу – сразу сообщайте мне. И протоколы допросов доставьте завтра вечером, после заседания Политбюро. Почитаю... Так, на этом пока завершаем. Григорий Федорович, пошли на коллегия, время.

Разглядывая на коллегии комитета очередного докладчика, Андропов внезапно поймал себя на мысли, что обвисшие брылы и опущенные уголки рта делают генерал-лейтенанта Алидина похожим на потертую жизнью собаку-боксер. Усмехнувшись про себя, убрал взгляд вниз и попытался прислушаться. Получалось плохо, мысли все время соскакивали на два таинственных письма, напичканных подсказками. Кто стоит за этим глупым псевдонимом? Квинт Лициний Спектатор... На латынь похоже. Интересно, как пишется... Вывел в записной книжке: «Qvint Liciniy Spectator» и с сомнением изучил. Нет, определенно, латынь – это не его...

Тем временем начальник Управления КГБ по Москве и Московской области перешел к резюмирующей части:

– У нас есть две группы доказательств, позволяющих сузить круг расследования. По совокупности использованных материалов мы пришли к выводу, что террористы, совершившие взрывы в Москве в январе этого года, совершали покупки в одном из трех городов: Ереване, Ростове-на-

Дону или Харькове. Кроме того, при сварке бомб из утятниц использовался особый электрод, применяемый только на оборонных предприятиях. В настоящее время выделяем в этих городах группы, которые могут иметь идеологически обусловленные мотивы: националистическое подполье, различные неформальные объединения. Также изучаем психически больных. Наиболее перспективным направлением считаем группу из трех националистически настроенных фигурантов из Еревана. Один из них, ранее осужденный на пять лет по шестьдесят девятой статье за организацию так называемой «национальной объединенной партии Армении», Степан Затикян, работает на Ереванском электромеханическом заводе сварщиком и имеет доступ к спецэлектродам. Два других, его дальние родственники и соседи, также состояли в указанной антисоветской организации.

– Как вышли на них, Виктор Иванович? – вяло поинтересовался Андропов. Сколько уже таких «перспективных направлений» расследовали...

– Мм... в ходе проверки анонимного письма с сигналом. – Алидин достал из папки фотокопию и, отойдя от небольшой трибуны, передал Андропову: – Пришло через Филиппа Денисовича.

– Угум-с. – Андропов скользнул по фото взглядом наискосок и посмотрел на Алидина: – Виктор Иванович... – Тут рука председателя, держащая письмо, дернулась, и он позабыл, что хотел спросить.

«...путем публикации на третьей странице газеты «Красная звезда» заметки...»

Явственно побледнев, он тщательно прочел короткий текст. Потом, переборов ощущение удара об стенку, еще раз. Внезапный ступор сменился стремительным полетом мысли.

– Филипп Денисович, а как письмо пришло? – переходящим в свист голосом спросил Андропов и, закашлявшись в конце фразы, сообразил, что забыл дышать.

– Необычно пришло, – бодро откликнулся Бобков. – На домашний адрес, хе-хе... В первый раз такое. Очень хочу с автором познакомиться, аж сил нет...

– За мной будете, – на автомате пошутил Андропов.

Вдоль длинного стола полетели смешки и замечания, де, не женский ли почерк.

– Товарищи... – Андропов постучал карандашом и впился глазами в сидящих за столом генералов, – кому еще в последнее время на домашний адрес приходили необычные письма, – сфокусировал взгляд на внезапно

вздвогнувшем Григоренко, – с предложением дать ответ через газету «Красная звезда»?

– Мне... Было такое, – удивленно откликнулся начальник Второго главного управления и, наморщившись, стал вспоминать: – В прошлый вторник... или понедельник. Но там ничего интересного не было, бред какой-то...

– Где? – Юрий Владимирович резко подался вперед.

– Здесь, – кивок в потолок. – Нести?

Андропов чуть помедлил:

– После коллегии.

Едва за Григоренко закрылась дверь, Андропов ринулся к сейфу. На стол рядом легли три фотокопии и один оригинал. Над ними, бормоча, хищно навис председатель КГБ:

– Так... Предатели – раз. Серийные убийцы и насильники – два. Террористы – три. Все отправления из Ленинграда, от двадцать пятого марта. И еще одно, с прогнозами, оттуда же, от второго апреля.

Сел и, обхватив голову, с усилием помассировал виски. Итак, определились первоочередные задачи. Надо делать разработку, поиск и ликвидацию. Точнее, ликвидацию, разработку и поиск, в таком порядке. Но сначала – последняя проверка. Суетливо схватил трубку, набрал Ермолаева. Выслушал серию длинных гудков и, немного успокоившись, нажал кнопку селектора:

– Найдите мне Ивана Авраамовича.

– А он здесь, заходил с час назад, узнавал, когда коллегия закончится, – откликнулся секретарь.

– Жду, – кивнул Андропов и откинулся на спинку кресла, по которому разу обдумывая ситуацию.

– Иван Авраамович, – Андропов чуть поморщился от усиливающейся головной боли, – сначала кратко – есть успехи по Полякову?

– Есть, – отчеканил полковник.

– Да? – поразился Андропов. – Так быстро?

– Отчасти повезло. Поляков с женой две недели как в санатории в Кисловодске, его сына мы отправили в командировку в Ленинград, а матери неделю назад сделали по срочной холецистэктомии, лежит в госпитале. Так что мы могли спокойно заходить и работать. С другой стороны, с вашими наводками работать одно удовольствие.

– Понятно, – задумчиво протянул Андропов. – Ну давайте

подробности. Хотя... подождите минутку.

Пошарил в ящике стола, достал таблетку пенталгина и привычным жестом закинул в рот.

– Давление, видимо, меняется, – пожаловался Ермолаеву. – Продолжайте.

Ермолаев кивнул:

– Начну с дачи. В пристройке организовано полноценное рабочее место краснодеревщика, с токарным станком и привезенными из-за рубежа инструментами фирмы «Блек энд Деккер». Судя по всему, это его хобби. На даче и в квартирах почти вся мебель и детали интерьера – самодельные. Поэтому объем работы по поиску тайников очень большой. Сразу скажу, если бы не ваше указание просветить рентгеном – почти наверняка мы бы тайники в мебели не нашли, настолько высококачественно они изготовлены. Я бы сказал, с большой фантазией и любовью. Специалисты из отдела технического обеспечения только головой качают. Всего пока в мебели найдено восемь тайников: семь пустых, в одном обнаружена закупоренная пробирка с очень мелкими таблетками. Уже получено предварительное заключение – при растворении таблетки образуются чернила для тайнописи, флюоресцирующие при облучении в дальнем ультрафиолете.

– Состав был известен?

– Нет, впервые с таким столкнулись.

– Так, – поджал губы Андропов. – Дальше.

– Несессер не обнаружен, вероятно, взят с собой в санаторий. Наши сотрудники уже вылетели в Кисловодск. В ручке одного из спиннингов действительно обнаружен хитрый тайник, в котором хранилась кассета со специальной самозасвечивающейся фотопленкой «Микрат 93 Щит». Мы проверили – такая фотопленка Полякову не выдавалась, так что, вероятно, была похищена им со склада опертехники ГРУ. Фотопленку заменили, изъятую проявили. На отвлекающем слое засняты пейзажи и портреты, на боевом – два последних выпуска журнала «Военная мысль», издаваемого Генштабом под грифом «секретно». Издание предназначено для генералов от уровня комдива и выше. Также на даче обнаружены две приставки к малогабаритному фотоаппарату «Тессина» для вертикальной и горизонтальной съемки. На квартире у матери найдены листы тайнописной копирки, изготовленные типографским способом и вделанные в конверты для грампластинок. Образцы отправлены в отдел техобеспечения на экспертизу, но уже сейчас можно уверенно утверждать, что копирка – зарубежного производства. – Ермолаев замолчал, мысленно пробежался по

докладу и добавил: – На сегодня это все. Обыски продолжаются, работают посменно сразу пять бригад, так что, возможно, будут еще находки.

– М-да, – тускло процедил Андропов, сцепил ладони и уперся в них лбом. Потом полез в ящик стола за таблетками.

– Товарищ Андропов, – робко напомнил Ермолаев, – вы уже приняли одну...

– Черт! – ругнулся Андропов и раздраженно кинул упаковку в ящик. – Ладно, все понятно с этим генералом. Плохо, Иван Авраамович, очень плохо... Просмотрели мы его. Было что на него раньше?

– Нет. Не пьет, не курит, жене не изменяет. Семью любит. Из увлечений – только столярное дело и коллекция охотничьих ружей. Траты соответствовали получаемому денежному довольствию. В идеологическом плане не выделялся ни в одну из сторон – за коммунизм не митинговал, но и двусмысленных разговоров не вел, всегда держался середины. Не за что было зацепиться.

– Ясно... Ладно, изложите все в рапорте. Давайте отрабатывайте на полную катушку его. Циневу доложите, с Ивашутиным я сам пообщаюсь.

Когда контрразведчик ушел, Андропов вызвал доверенного порученца и, посмотрев на него совершенно больными глазами, выдал распоряжение:

– Сходи к Борису Семеновичу, на послезавтрашний вечер, часов на восемь, пусть подготовит все по схеме «Гараж».

Пятница 15 апреля 1977 года, 15:30

Ленинград, Измайловский проспект

Полчетвертого. Я зашел в ванную комнату и присел на холодный край. Месяц. Месяц назад, плюс-минус несколько минут, я вывалился в этот мир. Время подводить итоги. Я наклонился вперед и, улыбаясь, погладил кафель.

Счастлив ли я? Да, безусловно! Животным счастьем вырвавшегося из капкана зверя. Меня тряхнуло от ужаса – я припомнил свои последние годы. Горько сочувствую себе, оставшемуся доживать там. Бедняга...

Посидел несколько минут, обхватив себя руками и слегка раскачиваясь. Помогло.

Еще раз с благодарностью коснулся плиточки и, успокоившись, вышел на кухню. Встал у окна, как капитан судна на наблюдательном посту на мостике. Внизу тек в своих размеренных повседневных хлопотах Измайловский проспект. Уверенно, спокойно, безмятежно.

Углы рта потянуло вниз, на лоб легла горькая складка. Капитан... Мой громадный корабль прет на скальную гряду за горизонтом, и закладывать

резкий поворот надо уже сейчас, но это видно только мне. И хоть обкричись «право руля!» – никто не послушается. В лучшем случае зафиксируют и обколют нейрореплетиками – из гуманизма и сострадания к больному.

Нет, так-то жить можно... Человек ко всему привыкает, за месяц я вписался в обстановку. Нормально. Как ни странно, больше всего не хватает мелочей вроде полиэтиленовых пакетов в повседневной жизни и своей музыки в FM-диапазоне. Не хватало бы Интернета, но его заменяет брейнсёрфинг, пусть и увечный. Канал тонкий, мерцающий, как на дайлапе в 14,4 килобита сижу после гигабайтной полосы. Но все же работает. Может, раскачается еще. Есть надежда.

Надежда... Опустился на табуретку, обхватил голову ладонями. Капитан корабля ночью тайком спускает шлюпку и плывет к райскому острову неподалеку. А после катастрофы, как дед Мазай, подберет кого сможет... И спасенные будут ему благодарны. Стыдно-то как...

– Твою мать! – Я в сердцах жажнул кулаком по подоконнику. – Да что же делать?!

В ушах стоят скрежет вспарываемой скалой обшивки, треск ломающихся шпангоутов и сытое бульканье ледяной воды, принимающей в свою утробу миллионы душ. Подонки из команды, предусмотрительно протаскившие судовое имущество в шлюпки, отпихивают тонущих. Озверевшие братки из третьего класса сквозь людское мясо выгрызают себе путь наверх. Метет кровавая поземка по окраинам – Сумгаит, Таджикистан, Днестр. Мои братья режут друг другу горло, вспарывают животы, выдавливают глаза, сажают на кол, сдирают кожу, насилюют детей. Мерзостная «Ваффен СС» освоила демократическую феню и перекрасилась в респектабельную власть.

Я прижал лоб к холодному стеклу. Да кто сейчас в такое поверит?!

Алло, небо, это какой круг, скоро ли дно? У болота нету дна, тонуть будете вечно...

– Я увожу к отверженным селеньям, – прошептал, глядя на раскачивающийся красный трафаретный профиль за окном. Что же делать-то, мать его?!

Грустно улыбнулся, вспомнив бородатый анекдот «ну сделайте хоть что-нибудь». Что ж... Сунул в карман салфетку с уворованным из школы мелком и пошел делать хоть что-нибудь.

Тот же день, 18:10

Ленинград, улица Воинова

Очередной проходной двор, уже восемнадцатый за сегодня. Мрачный, с обшарпанными стенами, покосившимися водосточными трубами, мерзкими голубями. Войти, демонстративно повертеть головой, выйти на соседнюю улицу. Посмотреть на облупившуюся телефонную будку, надоевшие фасады, неровный асфальт. И идти дальше, бороздить этот неприветливый город.

Синти всей душой ненавидела эту часть своей работы. Да, поначалу было интересно ходить по разбитым ленинградским улицам, разглядывая, как сквозь аквариумное стекло, эту странную чужую жизнь. Потом ускоряться, нырять в темные проходные дворики и сквозные подъезды, отрываясь от топтунов. Адреналин пульсировал в жилах, кожа бледнела от волнения, и, хоть она в этом никогда бы никому не призналась даже под дулом пистолета, временами она представляла себя девушкой Бонда.

Этот период глупого романтизма продлился ровно три месяца. Потом новизна внезапно испарилась, а на дне остался грязный осадок нарастающего раздражения от непарадных запахов мочи и подгнивших овощей, натруженной шеи и надоевших лиц из наружки. Впрочем, судя по всему, эта беспокойная вице-консул надоела им не меньше.

Все всё понимают, но таковы правила этой затянувшейся игры, и не ей их нарушать. Чем большую площадь города покроют прогулки «призраков», тем тяжелее «семерке» вылавливать возможные меточные знаки: накрыть своим вниманием все стены и тротуары не по силам даже могучему КГБ. Поэтому когда Фред на собрании опергруппы раздает маршруты для прогулок на день, возникает не обида, а тянущая, как привычная зубная боль, усталость.

Да, совсем не так Синти представлялась эта работа, когда она, восторженная выпускница университета, выходила из кабинета вербовщика. И даже после восемнадцати недель на «ферме» она продолжала надеяться на что-то менее рутинное.

Ну и ладно. Она не жалеет о выборе, низовую работу надо пройти. А там... кто знает. За последние годы в Фирме прошли большие изменения, теперь женщина имеет шанс возглавить и резидентуру, уже есть примеры. Кто знает, может, со временем какая-нибудь женщина станет директором? И почему бы ей не носить имя Синти?

Еще полгода в этом холодном городе, и она поедет на Тайвань. С ней уже предварительно говорили. Сыграла свою роль маленькая строчка в личном деле: «Владеет письменным китайским языком на среднем уровне, разговорным – на начальном». Спасибо дедушке Сю, который не пожалел своего дорогого времени для любимой внучки.

Синти приостановилась и улыбнулась собственному отражению в пыльной витрине очередной булочной. Тайвань... Солнце, фрукты, теплое море... Как ей, выросшей во Флориде, этого не хватает.

Но ничего... еще чуть-чуть, еще немного, и она вырвется от этих жестких комми. Все равно она здесь давно и прочно засвечена. А иначе при таком суровом контрразведывательном режиме и быть не могло. Агентурщикам приходится непросто, классическая вербовка здесь практически невозможна, остается только отрабатывать редких инициативников да бегать по дворам, снимая метки и отвлекая внимание. Самая деликатная работа – встречи, броски корреспонденции, закладка тайников – делается агентурой глубокого прикрытия. Ее задача на оставшийся срок – оттягивать внимание КГБ на себя.

Оглянувшись, Синти привычно выделила в редком потоке прохожих неприметного мужчину, пристально изучающего ту самую витрину, в которую она только что смотрелась. Господи, как это все надоело!

Еще три улицы, и на сегодня все, можно домой – снять наконец эту промокшую обувь. Она с укоризной посмотрела на сапожки. Красивые, прочные, куплены на рождественской распродаже за тридцать процентов, за что и любимы, но кто же знал, что придется столько ходить по улицам? Вот и начали промокать...

Шмыгнув носом, Синти чуть ускорила шаг, чтобы побыстрее закончить обязательную программу. Осталось осмотреть пять фасадов, четыре, три... Все, ура!

Повеселев, пробежала к остановке за подошедшим троллейбусом и, заняв место на задней площадке, без удивления увидела, как следовавший за ней мужчина сел в подъехавшие «жигули». Было бы странно, если бы этого не произошло... Четыре остановки, еще пара проходных дворов, и вот уже эта улица со страшным названием «Красной конницы», а вдали видны окна ее съемной квартиры на четвертом этаже.

Проходя мимо знакомой кованой решетки сквера с вросшими в нее шестью старыми липами, Синти замедлила шаг, привычно восхищаясь прихотливым сплетением древесины и металла. Есть, остались еще в этом городе места, которые по-прежнему радуют глаз. Пики ограды, пронзающие странные наплывы деревьев, вызывают череду ассоциаций, в которых психологи Фирмы наверняка отыскали бы оттенки агрессии и секса. Ее передернуло от неприятных воспоминаний. Ну их на фиг, этих мозголопов...

Она неторопливо перевела взгляд на предпоследнюю, наиболее любимую композицию и огорченно нахмурила брови. Какая-то сволочь

размалевала мелом тот лишенный коры участок ствола, где причудливая текстура наплыва образовала почти безупречный иероглиф «девушка». Синти даже начала поднимать руку, чтобы стереть это безобразие, но потом мысленно плюнула и двинулась дальше.

Но ушла недалеко. На втором шаге странные меловые штрихи вдруг сложились в привет из детства.

«Чертенки!» – ударил в голове набат.

Синти ошеломленно мотнула головой и обернулась, с недоверием разглядывая причудливую вязь. Да, не показалось, она со смыслом. Вернулась назад и пару раз мигнула, словно надеясь, что морок спадет. Но нет, пьяные линии по-прежнему складываются в два иероглифа, выполненных в привычном для нее стиле травяного письма. С трудом оторвав взгляд, начала с изумлением озираясь. Вокруг привычно возвышаются стены домов с мозаикой темных и светящихся окон, контуры крыш на фоне ранних сумерек, знакомый кагэбэшник подобрался ближе, чем обычно, и настороженно зыркает, пытаясь понять причину нестандартного поведения объекта.

«Спалилась», – обреченно поняла Синти и, протянув руку, старательно затерла меловые штрихи. Если это какая-то провокация КГБ, то ничего страшного в стирании уже нет, она не смогла скрыть реакцию, если же это кто-то пытается привлечь ее внимание, то тем более не надо оставлять метку с такой информацией.

Немолодой кагэбэшник встал прямо за спиной и сверлит взглядом дерево. Опоздал, дружок... Синти повернулась и, дурачась, показала ему язык. Может, это их немного собьет – клиент решил дурку повалять...

Нет, к Фреду она сегодня не побежит, нечего давать наружке лишнюю информацию. Завтра, все завтра.

Дома первым делом прошла на кухню и вытрясла в широкую чашку, аккуратно похлопывая по дну бутылки ладонью, комковатый кефир. Вот чего будет не хватать на Тайване, так это странного молочного продукта, за три года она к нему не на шутку приистрастилась. Привычно залила емкость горячей водой, взболтала и начала елозить по стенкам ершиком, в который раз изумленно мотая головой. Кто, ну кто мог здесь, в России, узнать то, что знали только четыре человека в семье, включая ее саму и уже шесть лет как умершего деда, ее молочное имя?!

Я тихо прикрыл чердачную дверь и начал спускаться по темной лестнице. М-дя, удалая разведчица... Разве что руками не размахивала, кудахча... Хорошо хоть догадалась стереть рисунок. Кое у кого в

воспоминаниях оказалось очень завышенное представление о себе. Или она потом заматерела, когда в девяностые возглавляла резидентуру в Ереване?

По крайней мере, сигнал принят. Вышел на улицу, огляделся и, посвистывая, направился к улице Чернышевского. Дня через три сделаю следующий ход.

Тот же день, 20:00

Москва, площадь Дзержинского

Одним из первых распоряжений Андропова по приходу в КГБ было замаскировать вход из приемной в его кабинет под шкаф с потайной дверью. Тертые жизнью офицеры, проникая к шефу через сдвинутую фальшпанель, мысленно крутили пальцем у виска и бормотали: «Чем бы дитя ни тешилось...» Потом, через несколько лет, в ходе одного из ремонтов этот шкаф, к всеобщей радости, убрали, однако в некоторых вопросах председатель КГБ продолжал следовать дурным шпионским боевикам с пылом не наигравшегося в солдатиков ребенка.

Полчаса назад «Волга» с затемненными стеклами вывезла Андропова с Лубянки через резервные ворота, и все это время сидящий за рулем оперативник из доверенных нарезал по вечерней Москве неожиданные повороты, уходя от гипотетической слежки. Председатель КГБ ехал на конспиративную встречу с генерал-лейтенантом Ивановым – куратором своей личной разведки и контрразведки, носящей скромное название: отдел «Ф» управления «С».

За этим запутанным названием с двумя литерами в штатном расписании КГБ скрывается финансовая разведка управления нелегальных операций. Но на самом деле несколько десятков тщательно отобранных сотрудников под командованием Питовранова занимаются всем – от установления конспиративных каналов связи с крупными западными политиками и разведки в деловых кругах Запада до проведения разработок в отношении наиболее сложных объектов среди граждан Страны Советов.

«Вообще-то ты счастливчик, Юра. – Андропов скользнул взглядом по контуру университета за окном и вернулся к размышлениям. – Умение приручать людей дорогого стоит. КГБ – весь мой, а десять лет назад я был здесь чужаком. А сейчас – свой в доску, с несколькими десятками проверенных соратников, а вот приставленные приглядывать за мной Цинев и Цвигун так и остались чужаками. Даже один из надзирателей от днепропетровцев, Чебриков, и тот мне присягнул. И я уверен, что это не игра. Крючков есть, исполнительный трудяга, надежный, как скала. Правда, комитет на него не оставить, он не первый, он – второй, зато второй –

отличный. Если все сложится, – мысль в привычной боязни обогнула то, что именно должно сложиться, – в комитет надо будет ставить кого-то другого. Да того же Чебрикова... А Крючкова можно поднять на место Савенкова, в отдел административных органов ЦК. А на ПГУ Борю поставлю».

«Волга» остановилась у сталинского дома в тихом малолюдном переулке. Юрий Владимирович стремительно выскочил из машины и рывком скрылся в подъезде. На первом этаже ждал заботливо подогнанный лифт с раскрытыми дверями – и никого, лишь гулкая тишина. Боясь ее потревожить, на полуцыпочках, сжав от непроизвольного напряжения челюсти, Андропов пробрался в конспиративную квартиру, притворил входную дверь и, с облегчением выдохнув, уже походкой уверенного в себе человека зашел в полутемную комнату:

– Ну привет, Борь.

– Здорово, Юр. Голодный? Я уже половину умял, пока ждал. Но вино оставил.

Со вкусом одетый, элегантный и подтянутый, в солидных очках в толстой роговой оправе на интеллигентном лице, Иванов мог напоминать кого угодно – холеного дипломата, крупного бизнесмена или ученого из престижного западного университета, но никак не боевого разведчика, начинавшего «волкодавом» против финских и абверовских диверсионных групп. Это уже потом он стал специалистом по «главному противнику», поднялся до резидента в Нью-Йорке, был брошен представителем КГБ в Венгрию во время мятежа. А сейчас руководит разведкой СССР в Западном полушарии и дополнительно – «отделом Ф».

Плеснули, чокнулись.

– Ну что у нас нового? – Андропов с аппетитом вгрызся в пирожок.

– Из интересного – наш человек имел беседу со Штраусом. В неформальной обстановке, особенно выпив пива, тот становится достаточно болтлив. Анализ записи проводим, но, судя по всему, их расхождение с Колем притворно. Скорее это скоординированная политика. Штраус остался окучивать правый фланг, а Коль имитирует сдвиг влево с целью развалить свободных демократов и таким образом вызвать распад правящей коалиции.

– Они так верят друг другу?

– Совсем не верят. Штраус каждое утро просыпается с мыслью «свергнуть или поддержать», а Коль планомерно убирает со значимых постов сторонников Штрауса...

Где-то через полчаса в разговоре стали возникать паузы. Иванов все

чаще выжидающе поглядывал на Андропова, тот же застенчиво отводил глаза и мялся.

– Ну?.. – не выдержал наконец Борис. – Юра, что ты как девка мнешься?

– Эх... – Андропов поводил руками по столешнице, потом горестно вскинул глаза на Иванова. – Ошибся я, Борь, сильно ошибся... Очень сильно... И теперь эту ошибку надо как-то зачищать.

– Вот как... – Иванов слегка озадаченно откинулся на спинку кресла. – Ну давай сюда свою ошибку, посмотрим на нее.

– Предателем оказался. – Скривившись, Андропов сунул фотокарточку.

– Опа-на... – Иванов изумленно потеревбил кончик носа. – В каком смысле предатель?

– В самом что ни на есть прямом. ЦРУ, лет так двадцать как.

– Ох и ничего ж себе, – протяжно присвистнул генерал. – Не подстава?

– Увы... Помнишь дела Липки и Кочера? Он сдал. – Андропов поморщился, потом быстро хлебнул вина. – Подвалило тут счастье в виде пакета информации... Для подставы слишком многое уже подтвердилось. И слишком болезненно это подтверждение для нас, такое не сдают в играх... Как тебе утечки из архива ПГУ? Или генерал ГРУ, пятнадцать лет работающий на ЦРУ?

– Не хреново девки пляшут, по четыре сразу в ряд, – пораженно пробормотал Иванов любимую присказку. – А я говорил, что от Данилки дерьмецом потягивает.

– Помню... И не ты один. Говорю же – ошибся, – с надрывом начал повышать голос Андропов. – Ты, что ли, никогда не ошибался? Знаешь, что у тебя в Нью-Йорке, оказывается, тоже крот сидел? Алексей Кулак!

– Ой мать твою... Лешка же фронтовик, Герой Советского Союза!.. – потрясенно выдохнул Иванов. – Ой ё...

– Да, вот тебе и «ё»... – Андропов пожевал губами и продолжил: – И этот «герой» в числе прочего, видимо, сдал Бутенко, помнишь историю с посадкой твоего однофамильца?

Иванов молча покрутил головой, раздались щелчки позвонков.

– Да, ну ты меня и ошарашил... Вот же ж мрази... – Лицо Бориса начала кривить жутковатая улыбка, сквозь маску интеллигента внезапно стало продавливаться что-то запредельно хищное. – Ну этого-то я с удовольствием зачищу. – Он еще раз поласкал взглядом фотографию Калугина и с затаенной надеждой в голосе уточнил: – Пьяные хулиганы зверски замучают случайного прохожего?

Андропов с облегчением перевел дыхание – обсуждение вошло в

конструктивное русло. Он в общем-то в Иванове и не сомневался, но получить очередное подтверждение своему доверию приятно:

– Не-а, не пойдет. Дело ушло наверх, как минимум до Савенкова. Я заставлю пять раз перепроверить причины и обстоятельства смерти, землю носом рыть будут, чтобы выяснить правду.

– Э-э-э... А если до удивления пьяные хулиганы с криминальным прошлым заснут метрах в ста от жертвы? – Иванов никак не хотел отказываться от приглянувшейся ему идеи.

– Нет.

Борис тяжело вздохнул и упавшим голосом внес следующее предложение:

– Тогда автомобильная авария? С пожаром?

Андропов подумал, потом опять отрицательно покачал головой:

– Ненадежно. Экспертиза может выявить нестыковку какую-нибудь.

– Замучает совесть и повесится?

– А предсмертная записка?

– Я его уговорю... – Иванов посмотрел предельно честными глазами.

– Борь, не зли меня, мне и так хреново.

– Ну ладно, ладно. Сейчас... – Он всерьез задумался. – Кстати, а как срочно?

– В идеале – до конца майских бы развязаться.

– Угу... Майские... О! Эврика! – возбужденно наклонился вперед Иванов. – Смотри, отметит Данилыч праздник на даче, и потянет его на приключения – искупаться в карьере. И все... Белое раздутое тело вытащат потом багром. То, что раки не объели.

– Хм... – теперь задумался Юрий Владимирович. – Звучит привлекательно.

– Вот и ладушки. – Иванов довольно потер руки и набулькал в бокалы. – У Женьки боевая пятерка отличная, сделаем в лучшем виде. Я сам все проконтролирую. За успех!

– За успех, – эхом откликнулся Юрий Владимирович, и под мелодичное «дзинь» белое вино отправилось в путь по пищеводам. – Давай, Борь, не подведи. Закончим это дело, перевернем страницу, и там такие перспективы открываются... Очень интересные. Очень... – Андропов задумчиво посмотрел сквозь стену. – Даже страшно иногда становится.

Суббота 16 апреля 1977 года, 09:30

Ленинград, улица Чернышевского

Перед утренней летучкой Фред, проходя, привычно тиснул ее за ягодицу, она точно так же привычно отмахнулась. Сначала ее это пугало: в кровать она была готова прыгнуть только ради брака, а тут, сколько ни прислушивайся, никакого звона свадебных колокольчиков в воздухе не висит. Потом, спустя пару месяцев, поняла, что в этом ставшем уже обычным ритуале нет даже намека на сексуальный оттенок, – лишь привычка хищника метить свои охотничьи угодья, и успокоилась.

– Фред, есть тема. Возможно, на меня кто-то пытается выйти.

Молодой, лишь двадцать девять лет, руководитель ленинградской опергруппы ЦРУ задумчиво почесал бровь и бросил:

– После.

Быстро насовал всем заданий и, непонятно хмыкнув, закончил совещание фразой:

– Синти, а вас я попрошу остаться.

Мерedit тут же сожгла ее взглядом, а пепел развеяла над Невой. Дурочка, ей-богу. Всем уже ясно, что Фред на нее безнадежно запал. Неужели общие ирландские корни так притягательны, что можно влюбиться в эту рыжую образину? Синти искренне надеялась, что дети этой парочки возьмут от них все худшее – пугающий волчий взгляд Фреда, его высокие, выдающиеся вперед скулы, а от Мери – грузный подбородок, широкий зад и кривые ноги. Ну и, понятное дело, они будут ярко-рыжими и омерзительно конопатыми...

– Рассказывай, – выдернул ее из мечтаний Фред.

Босс любит получать сначала лаконичную выжимку. Поэтому она уложила суть в семь заранее составленных фраз, затем взяла лист и нарисовала «сяо гуй» и «нью».

– Так... – протянул Фред и наконец доломал скрепку, первую за сегодня. Обломки привычно полетели в мусорное ведро. – Так... – протянул он опять, недоверчиво разглядывая иероглифы. – Странно... Очень странно... Давай подробности.

– Понимаешь, Фред, у меня с одной стороны есть ханьские корни. Один из предков был в числе «людей сорок девятого». Но в отличие от большинства ему повезло в калифорнийской золотой лихорадке. Он вовремя вышел из игры и начал заниматься тем, что умел, – торговлей, потом передал дело сыну. Где-то прямо перед законом от восьмидесят пятого, когда во Фриско пришла триада, прадед все распродал и перебрался во Флориду, чтобы начать там с нуля.

Синти прервалась, набодяжила себе жиденького кофе со сливками и продолжила:

– В общем, последние лет сто семейство было довольно состоятельным. При этом, как это принято у китайцев, внимательно следили за тем, чтобы ими и остаться: в семье всегда говорили только на мандаринском, привозили учителей литературы и каллиграфии... Ханьцы тогда считали, что униженное положение страны – это временный зигзаг истории, за которым начнется очередное возвышение Срединной империи.

– Боже, какая чушь, – презрительно фыркнул Фред. – Эти голоногие навсегда останутся позади нас. У нас такой отрыв, что им за пять столетий его не закрыть.

– Ну... чушь не чушь, но верили... Мой дед, несмотря на сопротивление семьи, женился на белой женщине по большой любви. Шла Великая депрессия, он был состоятельный мужчина, а она – бедная секретарша... Успела родить мою маму, через год дядю и умерла от горячки. Потом дедушка Сю женился еще раз, уже на китаянке, но это был деловой брак с дочерью партнера. В итоге мама была у него любимым ребенком, а я – любимой внучкой, особенно после того, как папу сбили в Корее. Дедушка меня всячески баловал, оплатил хорошую школу и университет, сам учил каллиграфии. Сейчас я могу пользоваться примерно тремя тысячами иероглифов.

– Сдуреть можно! – Фред уважительно поцокал языком. – Боюсь, сколько бы я мозги ни крючил, мне этого не достичь.

– Я тогда не знала, что это сложно, потому и выучила, – улыбнулась Синти. – Теперь перехожу от предыстории собственно к делу... Тут я вижу три момента. Первый – молочное имя. У китайцев принято давать детям внутрисемейные имена, которые не знает никто посторонний. Дедушка Сю назвал меня «чертенком», и этот иероглиф, – Синти обвела «сяо гуй» карандашом, – был чуть ли не первым, который я выучила. Мы с мамой жили отдельно, и, насколько я помню, «чертенком» меня звали только дедушка, мама и дядя.

– Стоп. – Фред выставил вперед руку, останавливая рассказ. Потом ловким щелчком выбил из пачки «Лаки Страйк» сигарету, закурил и, пустив дым в потолок, задумался, рассеянно глядя вверх. – Но гарантировать, что посторонние этого не знали, невозможно?

– Да, я тогда была ребенком, такие вещи не отслеживала. Но у ханьцев не принято выпускать молочное имя из семьи... Это внутренний запрет примерно такого уровня, как не заниматься сексом прилюдно.

– Понял... Дальше.

– Второй момент – стиль написания иероглифов. В китайской письменности есть *кайшу* – «уставное письмо». Это эталон написания

иероглифов. И есть несколько видов скорописи, которая допускает их упрощение, соединение чертами, отклонение от строго вертикального или горизонтального расположения, разные размеры. Меня научили писать иероглифы в стиле скорописи *цаошу*, и «сяо гуй» был выполнен именно в этом стиле. Более того... – Синти на мгновение заколебалась, но потом продолжила: – Он был выполнен почерком, принятым в нашей семье.

Она подтянула лист поближе и, повернув его к Фреду, показала карандашом:

– Видишь, первый иероглиф, вот эта птичка, в три раза меньше второго. Это не общепринятое начертание, это семейная особенность, как и их взаимное, чуть наискосок, расположение. Традиционное для *цаошу* написание иное, вот примерно так... – Она начертила рядом еще один иероглиф и, сдув упавшую на глаза челку, задумчиво закончила: – Вот так...

Фред наклонился к столу, длинно выдохнул дым через нос, затем старательно вдавил окурок в массивную пепельницу и задумчиво потербил ус:

– Да, дела... Синти, принципиальный вопрос – тебе не могло показаться? В смысле эти черточки... Они не могли случайно сложиться в нечто похожее на иероглиф?

Она уверенно замотала головой:

– Нет... Это как случайно написать стихотворение на английском, не зная латинского алфавита. И еще третий момент... Написали его на том месте, куда я всегда смотрю, проходя мимо, и вижу в текстуре древесины иероглиф «нью», что означает «девушка».

Босс выбрался из-за стола, сотворил себе большую чашку растворимого кофе и долил туда примерно на палец виски. Подошел к выходящему во внутренний дворик окну и, покачиваясь на пятках, продегустировал. Похмыкал, вернулся на место, открыл новую упаковку скрепок, вытащил оттуда следующую жертву и закрутил.

Синти с надеждой смотрела на него. Этой ночью она вся извертелась в кровати, но так и не смогла придумать, как это можно было сделать. Теперь вся надежда на Фреда. Он, конечно, порядочный говнюк, но говнюк башковитый.

– Понятно, что тебя начали играть, но как-то странно. КГБ или ГРУ, ибо больше никто здесь не может знать о тебе такую информацию. Но! – Фред со значением поднял палец. – Показав, что столько о тебе знают, они тем самым засветили фрагмент работы своей нелегальной резидентуры у нас, подставив ее. Ради чего?

Шумно отхлебнув, Фред задумчиво прищурился в потолок, будто пытаясь прочесть там ответ на поставленный вопрос.

– Есть более простые способы подвести к нам контролируемого инициативника... Эти иероглифы, – он неопределенно помотал кистью в воздухе, – это слишком необычно, а необычность привлекает внимание. Следовательно, есть небольшой шанс, что это действительно инициативник, имеющий доступ к твоему личному делу в КГБ. Значит, так... – Фред наклонился вперед и составил руки пирамидкой. – Твоя задача – быть более внимательной, чем обычно. КГБ это или инициативник – в любом случае, если тебе это только не привиделось, последует продолжение. Это был знак «внимание» и указание на способ дальнейшей связи. Ищи вокруг себя эти ваши чертовы иероглифы.

Тот же день, 19:45

Москва, площадь Дзержинского

– Не раскалывается никак. Я даже уважать начал немного. Внешне слизняк слизняком, но какой актер, как держится! Представляете, Юрий Владимирович, вчера, когда его к ночи поплотнее зажали, кинулся ботинки следователю целовать! Так играет... Натурально, слезы льет, пресмыкается, на коленях ползает... Если бы не знал, что часть информации уже передана ЦРУ, поверил бы, ей-богу, поверил.

Андропов искоса зыркнул на Боярова и надавил голосом:

– Виталий Константинович, надо обязательно выяснить, с кем он контактировал, кто еще знал об ухоронке в подвале. Обязательно. Давайте так... – Председатель КГБ посмотрел на перекидной календарь и что-то в нем черкнул. – Срок вам – до первого мая. Работайте с Митрохиным, но так, чтобы его можно было суду предъявить. А потом, извини уж, обстоятельства давят, заберу его у вас и передам специалистам немного другого профиля. Очень надо. – Он провел ребром ладони по горлу.

После ухода контрразведчика Андропов еще довольно долго раздумывал, время от времени перекладывая листы фотокопий, вычитывая то один, то другой фрагмент и иногда недовольно пофыркивая. Затем достал из стола записную книжку и, найдя нужную запись, распорядился в трубку:

– Евгений, вызовите ко мне на понедельник заместителя начальника нашего ленинградского НИИ «Прогноз»... Полковник Кравченко Владимир Павлович... На шесть вечера.

Затем немного поразмышляв, сделал последний звонок:

– Григорий Федорович, вечер добрый... У меня вопрос: в Ленинграде

по линии резидентур противников никакого необычного шевеления в последнее время не было? Угу... Уточните в понедельник. И еще – дайте команду в ближайшие месяцы поплотнее с ними работать. Если надо, усильте город... Хорошая мысль, отправьте на практику в Ленинград весь курс... Хорошо, жду в понедельник по первому вопросу.

Глава 9

Воскресенье 17 апреля 1977 года, 11:20

Ленинград, Крестовский остров

Неторопливо дребезжа и жутко скрипя на поворотах, старенький трамвай тридцать четвертого маршрута везет меня к Елагину острову. Позади осталась мрачная Петроградка. Мне никогда не нравился этот район: его темные улицы-ущелья тяжело протискиваются между вколоченными в асфальт доходными домами с закопченными высокими фасадами, ржавыми водосточными трубами и сумрачными, навечно пропахшими мочой парадными, разбитыми так, словно в них три года шла война.

Трамвай медленно переполз через архаичный Лазаревский мост на Крестовский остров, и сразу будто бы начался другой мир – сплошные, еще прозрачные по весенней поре, сады с редкими вкраплениями отдельно стоящих невысоких особнячков. Мелькнула надпись «Детский городок» на входе в парк, в глубине на аллеях резвятся на просторах стайки беззаботной детворы. Провожая взглядом играющих в классики девчонок и нервно верчу в кармане золотую монетку. В принципе план отступления продуман, но не хотелось бы им пользоваться.

Вот и кольцо на набережной Мартынова. Спрыгнул с подножки на гравий, и ветер с залива начал перебирать мои волосы. Я неторопливо прогулялся назад по берегу Невки, любуясь открывающейся далью, свернул на старинный деревянный мост и, сойдя с него, сразу на входе в Елагин парк был атакован наглыми белками. Шустрые древесные грызуны носились под ногами, вставляли столбиками на пути и возбужденно стрекотали, поблескивая черными глазками.

Присев, я протянул пустую ладонь. Две белки посмелее тут же подскочили и, вцепившись острыми коготками в пальцы, попытались выхватить ожидаемую добычу. Потыкались усатыми мордочками, недоуменно посмотрели друг на друга и, усевшись передо мной, начали злобно ругаться, сжимая лапки в кулачки и тряся хвостами.

– Ну звиняйте, бананов нема, – пробормотал я, поднимаясь и крутя головой. За треть века парк серьезно изменился, надо сориентироваться, где тут исчезнувший в будущем зимний зал.

Я пробирался, виляя от кочки к кочке, по еще не просохшей парковой аллее к цели и еще раз прокручивал в голове собранную информацию.

Вроде риск невелик. Операция, которую я хочу проверить, относится к обыденным. Даже ЦРУ давало агентам золотые червонцы в качестве эквивалента легко конвертируемого кэша. Из нумизматов выбрал наиболее безобидного и вроде бы не замаравшегося ни в чем предосудительном. Все в порядке? Сейчас посмотрим...

Зашел в темный после яркого дня зал и двинулся вдоль рядов. Воскресная толкучка ленинградских коллекционеров в разгаре – нумизматы, фалеристы, бонисты и даже филателисты, хотя это не их основное место. Почувствовав ностальгию, остановился и минут десять листал кляссеры, выискивая редких прибалтов. Затем с трудом оторвал себя от этого увлекательного занятия и повертел головой, выискивая помолодевшего Самуила Абрамовича. Ага, вон он где, в уголке затихарился...

Я поздоровался и протянул на ладошке червонец. По лицу нумизмата за секунду легкой рябью пробежала череда эмоций: напряжение, азарт, интерес, после чего была натянута маска радушного волнения.

– Мальчик, а тебе повезло! – восхищенно, но негромко воскликнул он. – Это же золотой николаевский червонец!

Я молча кивнул, наслаждаясь спектаклем. Самуил Абрамович кинул на меня короткий изучающий взгляд, поправил массивные очки и все так же негромко забормотал:

– Жаль, потерта сильно... и гурт сбит вот здесь. Далеко не коллекционного качества, да... – Он повертел ее в руках, разглядывая. Потом с подъемом резюмировал: – Но ты не расстраивайся, все равно дорогая монета. Сорок рублей! Да, повезло тебе!

Достал старое портмоне, быстро отшуршал четыре красные бумажки, выложил веером передо мной и добавил с ласковой улыбкой:

– Поздравляю с первой удачной продажей.

Я молча отзеркалил улыбку. Самуил Абрамович наколот меня взглядом и на мгновение замер, обдумывая переход от гамбита к миттельшпилю. Медленно наклонился вперед, пристально в меня вглядываясь.

– А кстати, да... Интересно, откуда у тебя, мальчик, эта монета? – спросил он, накрывая ладонью десятки. – У отца из коллекции стибрил? Или у брата? А если милицию позвать?

– Сбегайте позовите, – лениво парирую. – Я здесь пока постою.

Пауза.

– Ты чем-то недоволен?

– Я?

– Ну ты же деньги не берешь?

– Это разве деньги? – заулыбался я. – Самуил Абрамович, у вас в руках восемь и шесть десятых грамма золота девятисотой пробы. Это тринадцать и одна десятая грамма золота пятьсот шестьдесят третьей пробы. Сколько стоит грамм ювелирки, я знаю.

– Ну и иди со своим червонцем в ювелирный. – Абрамыч злобно бросил монету на прилавок и сгреб бумажки.

– Да вы не волнуйтесь, понятие гешефта мне знакомо. Вопрос в том, какой его размер мы договоримся считать разумным. – Я сделал паузу и продолжил со значением: – Учитывая, что это, возможно, не последняя монета, которую я вам предложу.

– И сколько штук ты хочешь продать? – Вот теперь он заинтересовался серьезно.

– Пока, – выделил я голосом, – пять. Сейчас мне много денег не надо. Но если мы наладим отношения, то в следующие разы я тоже к вам буду приходить.

– Шестьдесят за штуку, – буркнул он, подумав.

Я возвел очи к небу и произвел два арифметических действия.

– Сто двадцать пять.

Абрамыч почесал небритую щеку, в свою очередь вычислил среднее и задумчиво выбил пальцами по прилавку какой-то ритм. Я развел руками:

– Девяносто пять мне, за сто двадцать – сто пятьдесят сбросите. Четверть ваша, все по-честному.

– Какая четверть! – бросился он в спор. – Ты думаешь, протезисты у меня по цене ювелирки возьмут? Минус десять процентов в лучшем случае. Мне остается двадцать рублей с монеты. Какой смысл из-за этого рисковать?

– Самуил Абрамыч, – насмешливо протянул я, – какой риск? У меня вы покупаете как коллекционер. А если вас сдаст ваш же стоматолог, то при чем тут я?

– Как коллекционер... – проворчал он недовольно. – Много ты знаешь... Как коллекционер я не могу покупать монеты, уже имеющиеся в моей коллекции. Это будет трактоваться как покупка с целью последующей спекуляции.

– Ну вы же понимаете, что школьника в качестве провокатора органы использовать не могут? – Я посмотрел на него кристально честными глазами.

Абрамыч окинул меня пристальным взглядом:

– И все-таки как часто ты хочешь продавать? Нашел что-то?

Я задумался, прикидывая. Потом, наклонившись над прилавком, тихо спросил:

– А вы можете платить валютой? Не хочу с галерой связываться, лучше буду через знакомых моряков напрямую работать.

Я удостоился еще одного, на этот раз очень внимательного осмотра.

– Может, тебе чеки нужны? Один к четырем сделаю.

– Да там фуффло всякое по чекам, – убежденно сказал я. – Да и курс у вас, Самуил Абрамович, опять с большим перелетом от реальности.

– Фуффло, говоришь... Ну кому как. А реальность у каждого своя. Вот что, мальчик... – Похоже, он пришел к какому-то решению. Достал портмоне, пошебуршал бумажками, отсчитал четыреста семьдесят пять рублей: – Вот, проверь – и аривидерчи.

– Хорошо, что не ваттени, – улыбнулся я, убирая деньги во внутренний карман куртки. – Боно, а престо.

Похоже, так далеко его знание итальянского не простиралось, да и откуда бы, поэтому коллекционер просто недоуменно похлопал глазами мне вослед.

Эх, Италия, Италия, прошутто, лимончелла и прочая дольче вита в траттории... Страшно далеко ты от меня, а я от тебя. Ну и ладно, все еще будет, южный ветер еще подует. Я вышел из выстуженного сумрачного зала и сощурился от холодного света, нисходящего с белесого ленинградского неба. Все-таки нетерпеливый я дурак, ведь думал же, что надо поработать сначала, доверия добиться, и в первый же визит полез с валютой. А за нее до пятнадцати лет тюрьмы можно получить. Это он меня еще мягко послал. Ладно, через месяц снова загляну к нему, посмотрим, может, сам тему поднимет.

Понедельник 18 апреля 1977 года, 9:40

Ленинград, улица Чернышевского

– Фред, есть! – Синти без стука ворвалась в кабинет Фреда и застыла. Да... Надо было постучаться... Именно об этом даже не говорили, а кричали два крайне недовольных взгляда. – Я потом зайду? – пробормотала она, начав тихо отступать за порог.

– Стоять! – Босс вытащил руку из прорези блузки и спустил Мередит с колен. – Иди займись делом, крошка.

Синти посторонилась, пропуская разъяренную фурию, и виновато потупила глаза.

– Так... – Фред деловито застегнул три верхние пуговицы на рубашке, придал пятерней подобие порядка своей шевелюре и привычно потянулся

за скрепкой. – Садись рассказывай.

– Вот... – Синти выложила на стол кассету с пленкой. – Здесь я его сфотографировала.

Подтянула лист, уверенно начертила «хуа юань» и повернула к Фреду:

– Сам понимаешь, случайно такое не нарисуешь... Он появился на крыше, на печной трубе дома напротив. Поверхность расположена так, что видна только с четвертого и пятого этажей. Вчера еще не было.

– Что означает? – Фред стремительно поборол скрепку и начал использовать один из обломков в качестве зубочистки.

– Сад, парк.

– Хм... Вариантов не много, верно?

Синти кивнула. Поблизости есть только один парк – детский городской, который русские по старинке называют Таврическим. Когда остаются силы, она бежит в нем трусцой, босс это знает.

– Ну что ж, – довольно потянулся Фред, – значит, в первый раз было не глупое совпадение и тебе не привиделось. Ты в игре. Пора сообщать об этом Роберту, пусть начинают рыть во Флориде...

Тот же день, 18:10

Москва, площадь Дзержинского

– Здравия желаю, товарищ председатель Комитета государственной безопасности.

Андропов не торопясь рассмотрел вытянувшегося в струнку полковника – выбрит, коротко стрижен, отутюжен и, как слышно даже с такого расстояния, обильно надушен.

– Здравствуйте, Владимир Павлович. – Он наконец выбрался из-за стола и показал рукой в сторону кресел: – Садитесь.

Полковник присел на краешек и, создав между телом и бедрами идеальный прямой угол, замер, преданно поедая глазами высокое, выше некуда, начальство.

– Как идет развертывание института? – максимально благожелательным тоном поинтересовался Андропов.

– В точном соответствии с планом. Руководители города, Политехнического института, командование Военно-медицинской академии оказывают максимальное содействие. Блок... паранормальных исследований, – Кравченко выговорил название осторожно, прощупывая реакцию начальства, – растворен в ряде научно-исследовательских лабораторий и кафедр Военно-медицинской академии. Направления, связанные с развитием прогнозирования социально-политических

процессов, – в Политехе. Прочие разбросаны по ряду закрытых учреждений города.

Юрий Владимирович покивал, с интересом разглядывая начавший поблескивать лоб полковника.

– Сейчас заканчиваем оборудование рабочих мест: монтируются экранируемые камеры, проводятся работы по заземлению аппаратуры, устанавливается и настраивается вычислительная техника.

– Хм... Хорошо. Меня, Владимир Павлович, интересуют два вопроса, – Андропов испытующе посмотрел на собеседника, – и мне бы хотелось получить максимально честный ответ. Первый вопрос такой: вам удалось хоть раз достоверно зафиксировать наличие какой-то... э-э-э... экстрасенсорной активности?

– Пока нет. – Ответ прозвучал без малейшей задержки. – Никаких доказательств биополя, как и способности каких-нибудь людей с ним взаимодействовать, не обнаружено.

– Как вообще организована работа в этом направлении?

– В общем виде так. Комитет, – Кравченко почтительно наклонил голову в сторону председателя, олицетворяющего этот комитет в умах советских людей, – или Генеральный штаб направляют нам людей, в отношении которых есть подозрения о наличии экстрасенсорных способностей. Иногда мы находим сами – по слухам или публикациям в газетах. За эти годы через нас прошло восемьдесят четыре таких... э-э-э... экземпляра. Мы пытаемся найти объективные доказательства способностей. Пока не нашли.

– Опишите, как организована проверка.

– В три этапа. На первом этапе испытуемым предлагается биологический образец в виде изолированной клетки с введенными в нее микроэлектродами, позволяющими фиксировать мембранные токи. Это – простейший биообъект. Испытуемому предлагают осуществить бесконтактное дистанционное воздействие на мембранные токи. Никому это не удалось, причем в качестве причины многие говорят одно и то же: «Объект слишком мал».

Андропов внимательно вслушивался не столько в то, что говорит полковник, сколько в то – как. Темп речи, эмоциональная окраска, движение глаз и появившаяся жестикуляция – все указывало на то, что полковник искренен.

– Тогда мы переходим ко второму этапу – просим изменить частоту сердцебиения у децеребрированной лягушки, как у сложноорганизованного биообъекта. Опять безрезультатно. Говорят: «Фу, лягушка, мне бы что

посложнее». Далее наш профессор-биофизик садится напротив и предлагает: «Ну вот он я, измените мою энцефалограмму». Естественно, безрезультатно...

– Я смотрю, вы сами не очень верите в этих экстрасенсов? – приподнял бровь Юрий Владимирович.

– Пока не увижу, сам руками не пощупаю – не поверю, товарищ Андропов. Я убежденный материалист, мне нужны твердые доказательства.

– Это хорошо, что вы так мыслите, Владимир Павлович. Хорошо... Нам здесь тоже нужны не подозрения и догадки, а твердые знания. Но многие-то верят, даже у нас... Вон сколько уважаемых людей ходатайствовало, чтобы создать исследовательское подразделение такой направленности.

– Эх... Смотрю я на это и вспоминаю фильм «Праздник святого Йоргена». – Кравченко окончательно освоился в кабинете. – Помните, как толпа кричит: «Чуда, чуда!»? Есть такие, кому хочется верить в возможность чуда в нашей жизни. Им часто достаточно намек на него, остальное они сами домысливают. Вот, кстати, характерный пример на днях случился, на последней проверке. Из штаба ВМФ доставили одного чудака в сопровождении целого адмирала. Якобы может лоцировать в Мировом океане подводные лодки США, просят проверить. Ну на тестах испытуемый ожидаемо провалился. Я адмиралу говорю: «Понятно, что, где точно американские подводные лодки в океане находятся, вы не знаете и перепроверить его не можете. Но наши-то подводные лодки вы же знаете, в каком квадрате? Какая разница для экстрасенса, чьим мясом набиты железные коробки под водой – американским или советским? Проверить-то на советских лодках его – час работы. А вы его год кормили-поили за счет флота, чуть не в попу целовали».

– И что адмирал? – ухмыляясь, поинтересовался Андропов.

– А! – Кравченко раздосадованно взмахнул рукой. – Налился злобой, покраснел, как помидор, и молча убежал с этим «экстрасенсом» в обнимку.

– Значит, все пустышки, – задумчиво протянул Андропов. Постучал подушечками пальцев друг об друга и привычно уткнулся подбородком в сцепленные ладони.

Полковник застыл, страхась смешать неловким движением ход начальственной мысли. Сидящий напротив волен в любой момент закрыть секретный институт, сказав лишь: «Я тебя породил, я тебя и убью».

– Ладно, – наконец прервал затянувшееся раздумье Андропов, – пока оставим эту тему. Давайте поговорим об успехах в прогнозировании... применительно к двум областям – климату и движению цен на биржах.

Достиг ли кто-нибудь в мире успехов в прогнозировании климатических аномалий?

– Тут, товарищ Андропов, на мой взгляд, следующая ситуация. Принципиальных препятствий для построения таких прогнозов на не очень большом временном горизонте, скажем на год вперед, нет. Все упирается в разработку моделей и вычислительные мощности. Разработка моделей, в свою очередь, упирается в объем собранной информации об истории объекта. Таким образом, с точки зрения материализма решение таких задач – вопрос времени, рано или поздно мы это сможем делать. Но насколько мне известно, пока ни в СССР, ни в мире реальными успехами в этой области похвастаться не может никто.

– То есть никто в СССР не может построить прогноз, скажем, об аномально теплом лете в Бурятии в этом году?

– Нет, товарищ Андропов, нет таких центров.

– Хм... хорошо. А движение цен на биржах? Их принципиально можно предсказывать?

– Как раз этот вопрос мы предметно изучали в течение нескольких последних лет. Ответ – твердое «нет». На коротких временных интервалах цены движутся случайным образом, на длительных – являются результатом реакции игроков на поток слабо прогнозируемой информации. Причем здесь дело даже не в этой слабой предсказуемости новостей, но в том, что паттерн реакций игроков динамически меняется за счет их самообучаемости. Даже на два одинаковых сочетания событий, но разделенных парой лет, они могут отреагировать принципиально по-разному, поскольку имеют уже иной опыт. Таким образом, сочетание слабой предсказуемости информационного потока и непредсказуемости реакций на них делают прогнозирование цен занятием бессмысленным. В лучшем случае можно добиться только более-менее верного прогноза направлений движений, но не достигаемых при этом ценовых уровней.

Андропов извлек из папки листок и передал полковнику:

– Что вы скажете об этом?

Кравченко, похмыкивая и время от времени скептически выгибая бровь, изучил документ, потом в задумчивости пожевал нижнюю губу, словно пытаясь распробовать прочитанное на вкус, и начал осторожно рассуждать:

– Написано в целом профессионально, я сужу об этом по расставленным ограничениям на прогнозы. Вот это, – он ткнул пальцем, – «с высокой степенью вероятности» или особенно вот – «не учитывают влияние, которое может оказать на рынок информированный о прогнозе

крупный спекулянт». Однако... из перечисленных прогнозов мы можем попытаться проверить только один, относительно закредитованности Польши. Относительно всего остального я остаюсь при своем мнении – сейчас делать такие прогнозы никто не в состоянии. Ни у нас, ни на Западе. – Он на мгновение замер, ловя за хвостик пришедшую мысль. – Или же появился какой-то математический гений, который смог сформулировать и решить неизвестную нам задачу. Но в любом случае для составления такого прогноза надо иметь доступ к массиву исходной информации – метеорологическим наблюдениям и историям движения цен на активы... Да еще неплохо бы иметь макроэкономические ряды. Ну и, обязательно, доступ к мощным вычислительным мощностям, а таких у нас в стране немного, и кто там работает – известно.

– Хорошо... чисто теоретически... Кто у нас в стране мог бы еще работать в этом направлении? Предположим, для себя, из интереса?

Кравченко замер, обдумывая, потом, незаметно вытерев под столом о брючину вспотевшую ладонь, ответил:

– Где-то рядом с этим работали Николай Пантелеймонович Бусленко, член-корреспондент Академии наук, и профессор Китов Анатолий Иванович. Оба – ученики Колмогорова.

Андропов поморщился, припоминая:

– Китов... Что-то знакомое. Какой-то скандал с ним был?

– Можно и так сказать... – осторожно согласился Кравченко. – Он в пятьдесят девятом направил в ЦК КПСС проект по созданию системы вычислительных центров Министерства обороны, объединенных между собой каналами связи. Предлагал использовать эту систему для решения не только оборонных задач, но и задач народнохозяйственного комплекса – так называемая «концепция двойного назначения».

– А, припоминаю... Потом лет через пять это направление Глушков с подачи Косыгина развивал?

– Да. В общем, в свое время он предложил сделать нечто подобное тому, что сейчас в США называют сетью АРПАНЕТ. Поскольку во вводной части проекта была критика сложившейся на тот момент ситуации с использованием вычислительных средств в Министерстве обороны, то его в результате выгнали из партии и уволили из армии. Сейчас он обретается то там, то здесь, в последнее время занимался медицинской кибернетикой... Человек он увлекающийся...

Юрий Владимирович быстро записал что-то в ежедневник.

– Еще кого-нибудь назовете?

Полковник страдальчески наморщил лоб и покраснел от натуги:

– Э-э-э... больше никто в голову не приходит.

Андропов помолчал, разглядывая подчиненного.

– Ну что ж... Я вашу позицию понял, спасибо. Возьметесь за перепроверку по Польше?

– Да, товарищ председатель. – Кравченко с энтузиазмом наклонился вперед, всем своим видом выражая готовность вскочить и прямо сейчас побежать заниматься этим вопросом.

– Хорошо. Определите, какие вам нужны данные, попросим польских товарищей.

Завершив встречу, Андропов еще какое-то время заносил записи в ежедневник, затем отложил «паркер», привезенный Громыко из Нью-Йорка, и вызвал порученца:

– Так, опять тебе путь-дорога в «Красную звезду». Вот, отвези главреду...

Вторник 19 апреля 1977 года, 15:25

Ленинград, проспект Москвиной

Порывистый южный ветер бросил в лицо несколько мелких брызг. Недовольно отвернувшись от пустынной проезжей части проспекта, мазнул взглядом по газетному щиту на стене. О, «Красная звезда», а рядом – «Советский спорт»... Мгновение поколебавшись, покрутил головой и, не заметив ничего подозрительного, приблизился к первой странице спортивной газеты. Старательно скосил глаза влево, на рядом наклеенную полосу армейской, и тихо прихрюкнул: аж все четыре фамилии в одной статье, эти фантомы становятся популярны... Ладно, дома в спокойной обстановке вчитаюсь в текст, вдруг какие намеки есть. А что у нас интересного в «Советском спорте?» Ага, таблица чемпионата страны по футболу. Странно, половину команд не знаю. А, это первая лига... Потеряв интерес, начал отворачиваться, но тут глаз вычленил в тексте под таблицей фразу:

«Нистру» Кишинев – «Спартак» Москва 3:2».

Моргнул – нет, не показалось, все верно. Первая лига, московский «Спартак», проигрыш. Кто-то хлопнул меня по плечу:

– Что, первую лигу изучаешь?

– А, привет, Димон. Да, за «Спартак» переживаю. Надеюсь, они смогут там все же закрепиться, жалко ведь будет, если во вторую съедут. Такая команда, – я восторженно покачал головой, – без нее в первой лиге будет чего-то не хватать.

– Правильно понимаешь политику партии, молодец. Тут ведь как все

устроено: кто болеет за «Спартак», у того стоит не так. А кто болеет за «Динамо», у того стоит не прямо!

– А кто болеет за «Зенит?»

– Народная мудрость гласит, – Димон торжественно поднял палец к небу, – кто болеет за «Зенит», у того всегда стоит!

– А еще? – заулыбался я.

– Еще девчата хором вот такое кричат: «Хочу ребенка от Казаченка! Хочу второго – от Желудкова! Хочу третьего – от Клементьева!»

– Здорово... А матерные есть? – Я заинтересовался всерьез.

– Мы что, идиоты? – обиделся Димон и, зябко передернув плечами, добавил на полтона тише: – Да нам мужики на трибунах за матерные кричалки вмиг головы пооткручивают... Там все серьезно, козлов тут же учат.

Тут мой взгляд остановился на незнакомом значке на лацкане Димона. Серп и молот, а под ними надпись... Я не поверил своим глазам и перечитал, потом еще раз... Потом согнулся в пароксизмах хохота.

– Ты что? – осторожно спросил Димон. – Эй, Дюха, ты что?

– «Голубой патруль», – простонал я, размазывая слезы. – Держите меня...

– Ну да, а что? Я пол-лета в «Голубом патруле» провел, с парнями из местного клуба «Юный натуралист».

Меня согнуло еще раз. Димон с опаской посмотрел на меня и на всякий случай отошел на шаг.

– Извини, – выдавил я из себя, вытирая выступившие слезы. – Все нормально. К счастью, этот юмор здесь никто не поймет.

– А в чем юмор-то? – любопытствовал Димон.

– Западный сленг... Непереводаемая игра слов. Хорошо было?

– Конечно, здорово, – с воодушевлением откликнулся Дима. – Мы даже одного настоящего браконьера выследили, его инспекторы рыбоохраны с поличным взяли – сети в нерестовой зоне закидывал. Почти неделю по утрам и вечерам выслеживали. После этого значком и наградили.

– Завидую...

Димон ушел, а я припомнил историю падения «Спартака» в первую лигу и реформу команды, проведенную по инициативе одного ее страстного болельщика – Константина Устиновича Черненко. Он лично вытаскивал из астраханского «Волгаря» Рината Дасаева, призванного в ЦСКА Вагиза Хидиятулина, выдергивал из МВД Бубнова, гражданскому Бескову присвоили полковника. Подкрепили и материально: в качестве

шефа команды закрепили сказочно богатый «Аэрофлот», влили немерено денег в Тарасовку. Кстати, Брежнев тоже фанат «Спартака», правда, хоккейного. Ну и ладно, пусть тащат свинок из первой лиги. Чем сильнее чемпионат, тем интереснее болельщикам.

С моста через Обводный канал начал сползать одновагонный трамвайчик. Я прищурился, высматривая цвета стекол в верхних углах кабины вагоновожатого: если слева синий, а справа красный, то это мой, «одиннадцатый». Вагончик пробежал универсам «Стрела», и стало видно – мой.

Три копейки нырнули в прорезь плексигласа и разлеглись на черной ленте транспортера – «вот, глядите все, он заплатил». Сидящая у окна бабуля благосклонно кивнула, и я открутил билет. Несчастливый, увы. «Но это еще ни о чем не говорит, – постарался убедить себя. – Все будет хорошо».

А тут, на северной стороне Гостинки, неожиданнолюдно. Я начал неторопливо просачиваться сквозь на первый взгляд хаотично разбросанные группы людей, прислушиваясь к негромким разговорам.

– ...тудей у шайбы чухню с баса отбомбил, наченчил пух и тапки, – чуть возбужденно рассказывает цыганистого вида мужичонка, хищно поблескивая по сторонам глазами. – Уже сбросил Гришке на хазе, по гланды хеппи.

– ...настоящая фирма, «Вранглер» из Америки! – Представительный фарцовщик, упакованный в темно-синий костюм и белую сорочку с галстуком в полоску, уверенным голосом впаривает лоху из провинции колом стоящий самострок. – Клепки, лейбл, двойная строчка. Вместе с пакетом за двести двадцать отдам.

– ...Кен, бумагу отченчишь? – Ага, а это валютнообменные операции... Я скосил взгляд, запоминая действующих лиц, вдруг пригодятся.

– ...а деньги в этот конвертик положите, я специальную отметку на нем поставлю, что вы от меня. С конвертом в синюю секцию зайдете, я скажу, где вход... – Похоже, ломщики работают.

Останавливаюсь, боковым зрением наблюдая за шоу. Точно, пока растерянный «купец» оглядывался, ища, кто его подтолкнул в спину, конверт заменен. Ловки, чертяги...

– ...зря сомневаетесь, смотрите, сейчас спичку о шовчик потру...

Поднимаюсь на второй этаж и выхожу на галерею Перинной линии. Здесь народу поменьше, в основном любители винила. Подхожу к перилам и любуюсь взлетающей в синее небо башней Думы, одновременно продолжая впитывать густую атмосферу торга.

– Чем богат? – долетает басок слева.

– Новые демократы есть, нулевые, с супером, по шестьдесят пять. Юги по двадцать пять. – А этот характерно картавит.

– Список есть? Давай...

– ...биксы клевые будут, – лезет в другое ухо быстрый говорок с неистребимым малоросским акцентом.

– Хм... А меня и старенькое тоже интересует. «Дорз» покажи-ка, «Моррисон Отель».

– Жора, спецов секи, – бросает носатый продавец помощнику и бережно вытягивает диск из дерматиновой сумки.

– ...досвидос, фраер! Самопал форева! – ликующе несется снизу.

Перегибаюсь через перила, разглядывая толкучку под ногами. Точно, это темно-синий костюм возбужденно празднует очередной удачный кидок.

Гляжу сверху на копошение галеры: к днищу моего корабля налипла большая колония полипов. Наивные инфантилы – фрондирующие по кухням интеллигенты. Совсем не берут их в расчет, когда грезят о роли властителей умов. «Ха-ха» три раза. В лучшем случае этим мечтателям светит роль интеллектуальных сервитуток при новых хозяевах жизни. Вот кому они сейчас прокладывают дорогу – этим опасным, как ласка, маленьким и изворотливым зверькам, готовым в стремительном броске прокусить затылок любому, кто легкомысленно повернется к ним спиной.

Седоватый любитель рока тем временем тщательно изучил диск на отсутствие запиллов и деформаций и приступил к ритуальному торгу:

– Давай за полтинник?

У фарцы четкая специализация, мне явно нужен посредник. Еще раз внимательно оглядываю течение жизни внизу. Вон у водосточной трубы пара парней демонстративно закуривает «Мальборо». Похоже, можно начать с них. Спускаюсь, выхожу на улицу и еще раз оцениваю ситуацию. Да, явно из местных, вид уверенный, глаза быстро зыркают вокруг.

– Парни, вы тутошние? Подскажите, кто здесь на передвижке живет?

С удивлением посмотрели на меня, потом быстро проконтролировали взглядами окрестность. Судя по всему, на автомате, так летчики-истребители времен войны каждые сорок секунд оглядывали заднюю полусферу.

– Чего надо, малой? – с пренебрежением поинтересовался один.

Я ухмыльнулся:

– Передвижника. Много чего надо. В том числе шмотье на меня.

– Щаз... – Парень, пристав на цыпочки, завертел головой. – Эй, Гагарин! Подь сюда.

С проезжей части к нам начал пробираться еще один завсегда́тай галеры, с длинной растрепанной шевелюрой ржаво-рыжего цвета, длиннющий и нескладный, похожий на слегка деформированный шест.

– Малой кого-нить с передвижки ищет, погутарь, – пояснил позвавший.

Шест с сомнением окинул меня взглядом. Понимаю, фирмы́ на мне нет, ну совсем.

– Че надо? Жвачку, презики, журналы?

Я мотнул головой на свободный пяточок у стены, отзывая в сторону.

– Прикид новый. Штаны сорок второй размер, шоб фирма́, – цежу лениво, акцентированно акая. – Тапки тридцать девятый посмотрю, «Адидас» или «Найк». Бэг от фиников. Блок жвачки с нормальным сроком годности. «Дабл бабл» желательно, можно «Ригли» – мяту или цитрус. Шоколад бельгийский или французский. Ну и что еще интересного из хавчика надыбаешь.

– Пацан, бабки-то есть или посмотреть пришел?

– Не бойсь, Гагарин, усё есть. Понравишься мне – будем дальше работать. У меня предка из Москвы бросили ваш регион поднимать... Теперь в провинции тусить буду.

– Ага. – Он еще раз с сомнением осмотрел меня.

– Да не парься, космонавт. Переезжали в темпе, два чемодана только взять успели, поэтому я и не прикинут. Давай работай, я здесь жду.

Длинный повертел головой и целенаправленно ввинтился в толпу.

В голову пришла еще одна идея – у Тома скоро день варенья, нужен подарок.

– Стой! – кричу в спину. – Иди сюда, я еще забыл сказать.

Быстро прокручиваю в голове желания. Французские духи или туалетную воду? Ага, диадему с бриллиантами еще подари... Закатай губу обратно, вопросов не оберешься. Огорченно вздохнув, заказываю:

– Еще поищи набор фломастеров, знаешь на двенадцать – шестнадцать штук такие? В общем, чем больше набор, тем лучше. Только чтобы нулевые и западные, венгров и чехов не надо.

Понятливо кивнув, Шест слинял, а я остался размышлять. По большому счету, мне без разницы, что сегодня брат, главное – выстроить отношения с кем-то из фарцы. В начале сентября для рывка в Финляндию мне надо будет собрать полный комплект одежды и обуви скандинавского производства, вплоть до трусов и носков – на случай если в полицию попаду и придется изображать местного неблагополучного подростка, сбежавшего из семьи. Сейчас такой набор покупать рано, за это лето я

вытянусь сантиметров на десять – двенадцать. Стану с Томой одного роста...

На сердце неприятно заныло, и волевым усилием я постарался выгнать из головы все мысли о будущем. Однако как глупо опять все складывается: или Тома, или страну спасти...

Минут через двадцать, когда я уже начал подмерзать в тени, с тоской поглядывая на солнечную сторону улицы, из неторопливо шевелящейся толпы вынырнул Шест и, по-прежнему косясь на меня с некоторой долей сомнения, начал докладывать:

– Твоего размера есть «Монтана» и «Супер Райфл», за двести. Если берешь, буду искать остальное.

Я молча кивнул, и он повел меня по переходам, как оказалось, к туалету. Я было напрягся, но зря – вонючие туалеты здесь выполняют роль примерочных кабин.

– «Монтана» – штатовская, – веско сказал продавец, предъявляя товар. – Модель «сто сорок», самый писк моды.

Я взглянул на вполне себе качественный самопал и с презрением фыркнул:

– Убери и не позорься. Давай фирму́.

Удивленно выгнув бровь, он молча скатал подделку и предъявил следующие джинсы.

– Угу, – пробормотал я под нос. – Деним нормальный, ут́ок не окрашен. По крайней мере, саржа правильная... Нитки... Цвет правильный... – Вывернул брючину. – Угу... оверлочная строчка восьмеркой, равномерная. Похожи на настоящие.

За это представление я удостоился уважительного взгляда от продавца.

– О'кей, ждите, парни, сейчас примерю.

А ничего так сели, жаль, зеркала нет. Клеш... слава богу, небольшой. Ну мода сейчас такая. И вдвойне жаль, что не поносить мне их, никак не залегендировать появление.

– О'кей, – повторил я, выходя из кабинки. – Пакет?

– Пакет – пятера.

– Брось, они в комплекте идут.

– Сказки не рассказывай – пятера, – набылчился продавец.

– Ну лады, лады...

Отсчитал фиолетовыми четвертаками двести двадцать пять рублей, получил честную сдачу и с облегчением вздохнул. Во всяком случае, постоянный состав галеры силовыми акциями не занимается, даже с такими шкетами, как я.

- Тебя как звать-то? – обратился к Шесту, выходя из туалета.
- Иван, – прокашлявшись для солидности, ответил тот.
- Давай, Вань, дуй за остальным.

Прислушивающийся к нам продавец приглушенно фыркнул. Что-то подсказывает, что подсунули мне местного дурачка...

Завершив последний расчет и уложив две банки кока-колы в пакет, я покрутил головой, ища своего Вергилия.

- Космонавт! – окликнул я длинного.

Продавец неприлично громко заржал:

- Гы-гы... Мелочь тебя тоже раскусила, Кор-р-ролев.

Подошедший на оклик фарцовщик густо покраснел и нарочито грубо спросил:

- Ну че забыл, мелочь?

Я качнул головой, снова отзывая его в сторонку.

- В «Балканы» вхож?

- Ну... Бываю...

– Пошли перекусим, угощаю. Заодно перетрем, как дальше контактировать будем.

Заметно повеселевший Ванек пристроился сбоку и начал бубнить мне в темя:

– Ты, если что надо, меня обязательно ищи. Я честно работаю, у меня никого из «купцов» еще не кинули. И уже давно здесь, за год со всеми познакомился, хочешь – диски, хочешь – аляску, все есть.

– Угу... год – это, конечно, круто, – кивнул я. – Здесь срок, наверное, один за шесть идет, как у постоянного офицерского состава штрафбатов во время войны.

- Че, было такое? Год за шесть?

- Да. Хотел бы?

Немного подумав, отрицательно затряс головой:

- Не, ну на фиг. Там от своего пулю словить легко.

Ну слава богу, не совсем дурак.

Швейцар взглянул сквозь нас, и мы беспрепятственно прошли в полутемный зал. Сев за столик у окна, я преувеличенно внимательно изучил следы пятен на белой скатерти, четыре разорванные салфетки, небрежно воткнутые в давно не мытый граненый стакан, помятость одежды халдея и громко спросил, неопределенно очертив рукой круг:

– Ваня, а в этом городе вообще есть приличные заведения? В этом, к примеру, блюда из фарша я брать не рискну и тебе не рекомендую... Не, я понимаю, что это не «Прага», – я брезгливо провел пальцем по вилке, – но

жирные приборы – это перебор даже для ресторана города трех революций.

Официант, скривившись, сунул нам в руки по черной коленкоровой папочке с вытертым тиснением «Меню».

– Тэк-с, – протянул я, разглядывая машинописные листы. – Давайте по языку с горошком... Ваня, шурпу будешь?.. Значит, две шурпы, только передайте повару, чтобы не забыл баранину положить. – Я строго взглянул на официанта. – И... а давайте баранину же с рисом. Тебе тоже? Две баранины. Вино будешь?

Ваня с некоторой робостью изучил винный раздел меню и попросил рислинг.

– Э-э-э... ты уверен, что хочешь к баранине именно белое сухое? – уточнил я и, увидев, как он замялся, повернулся к официанту: – Красное сухое какое есть?

Хмыкнув и закатив глаза к потолку, тот перечислил:

– «Медвежья кровь», «Саперави» и «Каберне».

– «Каберне» – молдавское?

– Мм... Да.

– Вот его, – я оценивающе посмотрел на своего вероятного агента на галере, – двести грамм ему. А мне – чай с лимоном.

Шурпа оказалась неожиданно добротной – с хороводом рубленой зелени поверх мутноватой наваристой похлебки; сквозь зелень яркими пятнами просвечивала крупно нарезанная морковь. Пошуровав ложкой, обнаружил четвертинки картофеля, дольку репы, зеленую алычу и дымящуюся ароматами восточных специй реберную часть – и все это великолепие за восемьдесят пять копеек. Мне стало немного стыдно за разыгранное представление.

– Эх, хорошо... – С довольным прищуром я изучил добросовестно обглоданные и местами изжеванные ребрышки и пододвинул блюдо со вторым. – Ну-с, продолжим... Слушай, Ваня, а чего тебя по фамилии кличут местные, это же небезопасно, наверное?

Он стремительно покраснел:

– Да... это не фамилия – кликуха. – Чуть поколебался, но вино и сытость сделали свое дело, и он продолжил: – Я как-то вначале чуть перебрал и спьяну ляпнул, что в школе хотел стать космонавтом. Вот... прилипло. – Он делано беззаботно гоготнул.

– Не самая плохая мечта, – заметил я серьезно, посыпая хлеб крупной солью. – Я бы даже сказал – достойная.

Ваня покатал между пальцами хлебный мякиш, с тоской посмотрел на улицу, потом натужно рассмеялся:

– Мечта должна кормить! Иначе на фи́га она нужна?

– Думаешь, космонавтов не кормят? – преувеличенно удивился я. – Так это не так. Мне тут недавно тубы с едой для космонавтов предок привез с комбината в Бирюлеве, очень даже ничего... Особенно клюквенный жидкий мармелад, такого и на Западе нет.

– Так это сколько ждать, пока так накормят.

– Ну если ждать, тогда конечно... Можно и не дожидаться.

– Тебе легко рассуждать, – неожиданно зло сказал Гагарин. – Сколько ты сегодня расфукал? Около трехсот? Институт уже тебе выбрали?

– Но-но, полегче на поворотах, Вань... Эти деньги не с кистенем по подъездам собирались. А в институт я в любой... ну почти в любой и сам без блатов поступлю, не дурак, чай. – Я повернулся, одергивая себя, – что-то из роли гадкого столичного сноба выпадать начал: – Официант, счет! Хочу проверить, что у вас в школе по математике было...

Тот же день, 18:50

Ленинград, Измайловский проспект

Пакет с джинсами запихал в щель между стропилом и обрешеткой в самом темном углу чердака, туда же пошли банки с голландским пивом, кока-колой и подсолненным кешью, а также распечатанный блок лимонного «Ригли» и небольшая плоская бутылка мятного ликера, которую я, не сдержавшись, вскрыл и парой глотков продегустировал. Внушительную плитку пористого французского шоколада и большой набор голландских фломастеров – одних голубых и сиреневых оттенков аж четыре штуки! – заботливо припрятал в тумбу стола, под самый нижний ящик. Остатки денег сложил в конверт, приклеенный к днищу этого же ящика. Ну-с, вроде все.

Радостное возбуждение от удачного шопинга постепенно сменялось тревожной задумчивостью. Что-то не нравится мне моя реакция на открывшиеся возможности. Как бы на Западе потребля́тельство с головой не захлестнуло... Столько простых и понятных желаний можно легко реализовать, да не по одному разу... Как бы не забыть про цель.

Мотнул головой, сбрасывая наваждение, крутанул пару разом руками – и упал-отжался. Ну-ка двадцаточку с хлопками, пошел!

Отдышавшись, с ненавистью посмотрел на письменный стол – девятый день, как папа Карло, строчу материалы для Управления по борьбе с наркотиками, набралось уже почти семьдесят страниц с двух сторон. Непривычное к таким нагрузкам запястье правой руки начинает противно ныть, прося пощады, к концу первого часа писанины. А до клавиатур – как

до Луны, двадцать верст и все лесом.

Все-таки заставил себя сесть и взяться за авторучку:

«Грисельда Бланко. После арестов тридцати членов ее группы в Нью-Йорке в апреле 1975 года перебралась в Майами и в настоящее время является важным посредником между группой Пабло Эскобара и наркосетями в США, фактически выполняя роль крупнейшего приемного хаба кокаина на Атлантическом побережье. Ключевыми сотрудниками группы являются...»

Еще немного, еще чуть-чуть... Через час-полтора я закончу эту мутотень, а когда родители пойдут на боковую, закроюсь в ванной «немного попечатать фотографии». В итоге информация с этой толстой пачки бумаги переместится в рулон фотопленки. И можно свиданку Синти назначать.

Среда 20 апреля 1977 года, 12:45

Ленинград, Красноармейская улица

Взяв привычный борщ и гуляш из говядины с двойным пюре, занял один из немногих свободных столиков и по которому уж разу принялся проверять на прочность задуманный алгоритм связи с ЦРУ. Тут, как у минера, ошибок быть не должно, это не продажа золотого червонца и не поход на галеру, где можно, в случае чего, косить под малолетнего дурачка.

Размещение закрытых постов наружного наблюдения мне в общих чертах известно, поэтому основную угрозу представляют пикеты и подвижные наблюдатели. Еще бы проконтролировать, не взяли ли Синти в «вилку» и нет ли опережающего наблюдения в парке... Уж больно она с реакцией на иероглиф подставилась. Но тереться рядом с ней опасно. Съездить посмотреть издали на ее пробежки?

Тут мое одиночество грубо прервали – на стулья напротив вспорхнули две смутно знакомые семиклассницы и, запивая молоком присыпанные сахарной пудрой булочки, начали со смешками строить мне глазки. Я принял глубоко задумчивый вид и срочно заинтересовался дефектами покраски на стене за их спинами.

Не тут-то было. Девочки, как выяснилось, были настроены серьезно, и меня начали играть, вовлекая в разговор. Особенно старалась ширококостная русоволосая хохотушка. Я пригляделся – в будущем ей светит превратиться в знатную пышку. А вот ее подружке, кареглазой хрупкой брюнетке, предстоит стать интересной. Пока же, конечно, только гадкий утенок с умненькими и почему-то слегка печальными глазками.

Эх, девоньки-девчонки, не до подрастающего поколения мне сейчас, у

меня сеанс одновременной игры с КГБ и ЦРУ, обе партии в дебюте. Только е2-е4 сделал, а нервы уже в животе в комок перекрутились...

Тот же день, 14:45

Ленинград, Красноармейская улица

– Девочки, газеты и марганцовку принесли? Белые передники снимаем, оставляем в классе, портфели тоже здесь пусть лежат. Отлично... – Наша классная, Зинаида Эриковна, переоделась в синий рабочий халат и оживленно засучила рукава. – Сегодня на Ленинском коммунистическом субботнике нашему классу доверили окна в столовой. Девочки моют, мальчики меняют воду. Делать всего ничего, по окну на пару. – Она хитровато улыбнулась, блеснув золоченой коронкой. – Все свою пару знают? Ну тогда пошли...

По дороге я первым делом оттер Лейта от Томи, и он скользнул куда-то вбок, в сторону Яси, унося в выразительных еврейских глазах «грусть осенних дней и слезы матерей». Ну даже в мыслях извиняться не буду, на войне как на войне.

Девчонок загнали на высокие, по грудь, подоконники, и веселье началось. Парни обрадованно суетятся вдоль стен с алюминиевыми кастрюльками, за водой и обратно, по дороге с интересом поглядывая на открывающиеся при взгляде снизу дали. Пунцовеющие комсомолки разрываются между необходимостью мыть стекла и одновременно яростными взглядами контролировать стратегически важные участки пола за спиной. Правда, не все – Кузя величественно игнорирует снующих понизу лилипутов. Молодец, не жадная...

Я посмотрел на прикусившую уголок губы Тому и негромко сказал:

– Слезай, я помою, у тебя голова от высоты закружилась.

Секунд пять она непонимающе смотрела на меня, потом, наградив благодарным взглядом, кивнула и радостно соскочила на стол, а с него, опершись на мою руку, на пол. Под удивленные взгляды и перешептывания класса я залез на ее место.

Делов-то... Окно одно помыть, ха! Зачарованно понаблюдал, как несколько крупинок марганцовки, оставляя в воде густо окрашенные хвосты, опускаются, покачиваясь, на дно кастрюли. Взболтал ветошью порозовевшую воду и решительно прошелся по внешней стороне окна. Прополоскал тряпку – и еще раз. «Правду» в комок – и тщательно, до скрипа, протираю стекло. Немного мешают частички отваливающейся с рамы старой покраски, но боже, все бы мои проблемы были такой сложности...

Знать бы, как они будут снимать закладку... Пустят кого-нибудь из «сидящих под корягой», какого-нибудь малозаметного работника архива? Да нет, маловероятно, что сразу задействуют разведчика-агентуриста «глубокого прикрытия». Пойдет кто-то засвеченный. Значит, нужна такая слепая зона, в которую оперативник, не вызывая при этом подозрений, может зайти секунд на десять. Этого должно хватить для извлечения из тайника алюминиевого контейнера из-под диафильмов. Кажется, я такое место знаю...

– ...чтоб на Леньку поменять! – доносится от соседнего оконного проема.

С неодобрением смотрю на Паштета, который распушает хвост перед Ирккой. Из-за угла выворачивает Эриковна, и кружок слушателей распадается. Тома возвращается ко мне, Лейт бредет к Ясе. Ловлю Пашкин взгляд и молча стучу себя пальцем по лбу. Он в ответ беззаботно лыбится. Ну и кто из нас дурак? То ли я за давностью лет переоцениваю опасность, то ли он по молодости недооценивает.

– Воду менять? – звонко несется снизу.

Смотрю на Тому, и на лице против воли расцветает глупая улыбка – вот у нас и совместная хозяйственная деятельность завелась.

Четверг 21 апреля 1977 года, 9:55

Ленинград, улица Чернышевского

В этот раз, перед тем как войти, она осторожно постучала.

– Да, – раздалось из-за двери.

Босс сидел в излюбленной позе, забросив ноги на стол и выставив в сторону посетителя грязные подошвы. Синти грустно про себя вздохнула. Самое обидное, что он даже не играет в грубоватого ковбоя, он такой и есть – хамоватая умная сволочь. Не самый плохой тип начальника, если притерпеться.

– Завтра в восемнадцать.

– Что – завтра?

Синти взяла лист, нарисовала «мин тянь» и «ши ба», и повторила:

– Завтра в восемнадцать.

Фреда выбросило из кресла в сторону шкафа, где он держал бар. Возбужденно плеснул себе неразбавленного.

– Будешь?

– Знаешь, кто пьет по утрам?

– Знаю. Большой босс и те, кому он милостиво разрешает. Будешь?

– Нет.

Синти начала пробивать нервная дрожь, и она зябко обхватила себя руками. Фред это моментально заметил, усы зашевелились в язвительной ухмылке:

– Не ссы. Если это подстава – со спокойной улыбкой отдашься кагэбэшникам и поедешь отсюда на полгода раньше. Но я не вижу для них никакого смысла разводить всю эту бодягу, чтобы спалить уже известного рядового оперативника, который к тому же скоро уедет и так. Прогуляешься, спокойно возьмешь и уйдешь. Но если это не подстава, то прогуляться надо по высшему классу. Давай зови Майкла и Рича, будем соображать.

Через час стали складываться контуры операции, а через четыре были тщательно, вплоть до количества шагов и условных жестов, пережеваны все детали и сценарии.

– Все, стоп. – Фред устало хлопнул ладонью по столу и, сладко потянувшись, выбрался из кресла. – Пошел к Колверу, надо поставить его в известность, что завтра он везет нас на балет.

Оперативники заржали. Генеральный консул США в Ленинграде Колвер Глайстин искренне ненавидит оперу и балет, но вынужден изображать самый неподдельный к ним интерес и регулярно посещать театр имени Кирова, выступая в качестве прикрытия.

Синти бросилась открывать форточку, от клубов сизого дыма в кабинете слезились глаза, остальные участники мозгового штурма выспали в туалет. Минут через двадцать вернулся довольный Фред и, пробираясь на свое место, бросил:

– Дед припахан.

Плюхнулся в кресло и приказал:

– Последний прогон. Давай, Рич.

Высоченный Рич поелозил на стуле тощими ягодицами и начал, поблескивая крупными, на пол-лица, стеклами очков, дотошно излагать план операции. Синти слушала отвлеченно, чувствуя себя уже наполовину там, бегущей трусцой по насквозь просматриваемому парку под прицелом враждебных взглядов. От страха намокли подмышки, потом начало крутить живот. Мотнула головой, убирая съехавшие на глаза волосы, и попыталась расслабиться. Может, если перебояться сегодня, завтра будет уже не так страшно?

Глава 10

Пятница 22 апреля 1977 года, 15:05

Ленинград, Красноармейская улица

– Кто «за?» «Против?» – Антон бегло оглядел с трибуны актовый зал и уверенно продолжил: – Единогласно! Комсомольское собрание школы, посвященное сто седьмой годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина, объявляю открытым. Предлагаю избрать почетный президиум в составе директора нашей школы Татьяны Анатольевны Яблочковой, инструктора Ленинского райкома КПСС товарища Куприянова Алексея Викторовича и... – Голос Антона поднялся и завибрировал от переполняющих его чувств. – Товарищи комсомольцы! У нас сегодня большое событие – к нам на собрание пришел старый большевик, человек, лично знавший Владимира Ильича, встречавшийся с ним еще до революции, – товарищ Михаил Натанович Зельдинский, прошу также избрать его почетным членом!.. Э-э-э... почетного президиума!

По актовому залу прокатилась волна перешептываний и смешков, все дружно повернули головы налево. Там в уголке рядом со ступеньками, ведущими на сцену, между Тыблоком и в меру упитанным инструктором райкома подремывал, чуть наклонившись вперед, щуплый дедок.

– Кто «за?» «Против?» Единогласно! Товарищи, прошу в президиум.

Тыблоко подхватила старичка под локоть и поволокла на сцену, к накрытому красной материей столу. Следом, активно жестикулируя и продолжая что-то жизнерадостно рассказывать спине директрисы, двинулся инструктор.

Я покосился на сидящую рядом Ясю, точнее, на маленькие допотопные часики на ее запястье. Бабушкины, наверное, ремешок вытерт... Три десять.

Вздохнул и нервно заломил пальцы, обдумывая, уложится ли собрание в час? И ведь не скажешь: «Товарищи комсомольцы и коммунисты, у меня сегодня неотложное дело на шесть часов назначено – сеанс связи с ЦРУ, пожалуйста, ограничьте регламент...» Как-то опрометчиво я время операции назначил, мог бы и сообразить заранее насчет неотвратимости комсомольского собрания в такой день.

– Слово предоставляется Татьяне Анатольевне! – Антон покинул трибуну и осторожно присел к торцу стола.

– Товарищи комсомольцы! – наклонилась Тыблоко к микрофону, и

колонки сначала противно зафонили, а затем сорвались в какой-то клекочущий хрип.

Сидящие в зале болезненно поморщились, многие девчонки схватились за уши. Дедок на сцене продолжил сидеть с благостной улыбкой, глядя поверх голов.

Антон рванул куда-то к задникам сцены и закопошился у усилителя, прямо под портретом укоризненно поглядывающего на зал Карла Маркса. Звук внезапно опал, и на собравшихся опустилась благословенная тишина.

– Товарищи комсомольцы! – взмахнув рукой, звонко и торжественно повторила Тыблоко, и голос ее легко полетел по залу. – Сегодня вся страна отмечает большой праздник – день рождения Владимира Ильича Ленина! Это особый день! Утром у Вечного огня на Марсовом поле наши младшенькие вступали в пионеры... Так же, как и вы несколько лет назад, они, волнуясь, произносили: «Перед лицом своих товарищей торжественно обещаю горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия». Вспомните! Вспомните, как вы произносили эту великую клятву! Пусть эти слова освящают всю вашу жизнь...

«А она трибун, вон как шпарит», – подумал я с невольным восхищением, наблюдая, как раскрасневшаяся Татьяна Анатольевна уверенно держит зал на поводке эмоционального подъема.

– С нами этот день празднуют тридцать шесть миллионов комсомольцев страны! И мы, комсомольская организация нашей школы – небольшой отряд этой великой армии, тоже вносим свой вклад в дело партии! Кто-то льет сталь, кто-то водит комбайны или защищает небо нашей Родины, а наша с вами совместная задача – воспитать новое поколение советских граждан, тех, кто возьмет наше знамя и понесет его дальше! Вы должны! Да, должны! – Она с силой похлопала ладонью по трибуне. – Должны стать лучше нас, знать больше, быть добрее, но! Самое главное! Быть еще дружнее! Всегда помните – в единстве наша сила! Поэтому мы должны воспитывать в себе коллективизм и товарищескую взаимопомощь, ставить общественное выше частного, помнить о своем долге перед обществом, перед будущими поколениями...

Тыблоко четко уложила в десять минут, и я с энтузиазмом присоединился к аплодисментам, которыми ее проводили с трибуны.

– Слово предоставляется товарищу Куприянову Алексею Викторовичу!

Райкомовский работник живчиком подлетел к трибуне, с легкой улыбкой обвел глазами зал, достал из папки и разложил перед собой стопку

листов. Затем опустил взгляд в текст, весь как-то выцвел и приступил к монотонному зачитыванию:

– Товарищи комсомольцы, советский народ торжественно отмечает сто седьмую годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Под всепобеждающим ленинским знаменем наша Родина уверенной поступью идет к коммунизму. Учение Ленина освещает всем угнетенным народам путь к избавлению от бесправия и эксплуатации, путь борьбы за свободу, мир и социальный прогресс. С именем Ленина связаны самые выдающиеся революционные свершения двадцатого столетия – Великая Октябрьская социалистическая революция, ознаменовавшая начало новой эпохи в истории человечества, образование мировой системы социализма. Ленинская партия, ее коллективный разум и непреклонная воля, ее организующая и направляющая роль явились той силой, которая подготовила создание Союза ССР, руководила его развитием на протяжении полувека, уверенно ведет его вперед. КПСС объединяет передовых представителей всех наций и народностей страны, представителей советского народа – новой исторической общности, возникшей в СССР за годы социалистического строительства...

Правильные в общем-то слова успевали умереть еще до того, как глуховатым бормотанием срывались с его губ и истлевали, не долетев даже до первого ряда. Под потолком актового зала дрейфовали, не оскверняя сознание сидящих, ссохшиеся тени идей; достигнув дальней стены зала, они осыпались тленом, соприкоснувшись с беломраморными досками, на которых золотом вбиты в вечность фамилии медалистов.

Глаза комсомольцев осоловели, справа протяжно и почти беззвучно зевнул Паштет... Яся мотнула головой, отгоняя дремоту, поморгала и полезла в портфель за газетой «64» и карманными шахматами. Чуть повернув голову, я пригляделся: слегка покусывая от напряжения губы, она анализировала эндшпиль прошлогодней партии Властимила Горта и Виталия Цешковского на межзональном турнире в Маниле.

– Коварство гроссмейстера было несомненно, – шепнул я ей в ушко.

Усмехнувшись и не отрывая взгляд от доски, она не задумываясь парировала:

– С необычайной легкостью гроссмейстер жертвовал пешками, тяжелыми и легкими фигурами направо и налево.

– Кыш! – За Ясиным профилем нарисовался чуть прищуренный Томин глаз. – Не отвлекай ее.

– Вы не поверите, – продолжил я доверительно нашептывать, – как далеко двинулась шахматная мысль. Ласкер дошел до пошлых вещей, с ним

стало невозможно играть...

– Угу, – протянула, что-то просчитывая, Яся, – знаю... Он обкуривает своих противников сигарами. Шахматный мир в беспокойстве.

Тома попыталась дотянуться до меня кулачком.

– А вот нефиг было Ясю между нами сажать, – перехватил я тонкое запястье.

На нас стали с интересом оглядываться. Я нехотя отпустил законную добычу и попытался вслушаться.

– ...современный этап коммунистического строительства требует значительного повышения социальной активности личности, творческого отношения к труду, заинтересованности каждого в решении государственных, общественных дел, – продолжал, не поднимая головы, бубнить инструктор. – Партия видит одну из задач своей социальной политики именно в том, чтобы развивать эти качества, создавать такую социально-политическую, нравственно-психологическую атмосферу, в которой они смогут проявляться в максимальной мере. Совершенствуя всю политическую организацию социалистического общества, партия подчеркивает, что главным направлением этой деятельности служит дальнейшее развитие социалистической демократии. Она заботится о том, чтобы каждый советский человек чувствовал себя гражданином в полном смысле этого слова, заинтересованным в общенародном деле и несущим за него свою долю ответственности. Формирование нового человека – одна из главных задач КПСС в коммунистическом строительстве. Эта задача включает формирование у широчайших масс трудящихся коммунистического мировоззрения, воспитания у них советского патриотизма, коммунистического отношения к труду, новой гуманистической морали, условий для всестороннего развития личности...

Словесные конструкции, тяжеловесные даже на бумаге, при проговаривании вслух становились и вовсе не подъемными для восприятия. Буквально на пятой фразе я почувствовал, что еще чуть-чуть – и уже мой рот распахнется в могучем зевке.

Засунул руку во внутренний карман и слегка погладил пальцами сложенный вчетверо конверт с двумя кадрами фотопленки – и тут же, как по волшебству, сонливость сдуло. Гулко бухнуло сердце, раз, второй, толчками отдаваясь где-то под адамовым яблоком. Кровь шумными волнами запульсировала в висках, щеки начали гореть от возбуждения. Я сделал два глубоких вдоха, успокаивая вставший на дыбы от выброса адреналина организм. Рано, еще рано бояться...

В очередной раз скосил глаза на Ясино запястье. Инструктор треплется

уже полчаса. На сколько у него там, интересно, утвержденная заготовка? Надеюсь, минут на сорок, ну не может же быть для школьников больше? И еще этот фактор икс – старый большевик. Не просто же так его притащили на собрание, посидеть в президиуме за столом...

Попытался поставить себя на место организаторов. Сколько на все про все можно отвести? Часа, пожалуй, мало. Двух – много. Значит, полтора? Полтора меня устроит, два – уже нет. М-да, и, в случае чего, тихо не выйти: класс посреди актового зала посадили. Попытка встать и удалиться будет немалым вызовом...

Я откинулся и прикрыл глаза, в очередной раз прогоняя данные из заимствованной памяти о вечернем маршруте.

– ...партия воплощает в себе боевое товарищество и дружбу трудящихся СССР, нерушимое единство всего советского народа. КПСС – партия интернационалистов-ленинцев. Партия Ленина – ум, честь и совесть нашей эпохи! – с заметным облегчением в голосе прочел инструктор последнюю фразу своего доклада и, повеселев, поднял глаза.

Зал отреагировал на наступившую тишину вялыми хлопками.

Перехватил Ясину руку и посмотрел на стрелки. Полпятого. Через полтора часа Синти должна побежать по парку, если, конечно, она увидела иероглифы и правильно поняла смысл послания. Через полчаса, край – через сорок минут, мне надо смыться из школы. Я тревожно заелозил на жестком сиденье.

– Товарищи! – На трибуне вновь Антон. – Сейчас Михаил Натанович поделится воспоминаниями о Владимире Ильиче Ленине!

Зал, ожив, бурно зааплодировал. Старичок неловко встал и, как-то чуть накренившись и пошатываясь, побрел к трибуне. Последствия инсульта или пьян?

– Товарищи комсомольцы и комсомолки, – начал он невнятно и чуть хихикнул в микрофон.

Немного выпимши, определил я, разглядев характерную сизоватость носа.

– Я долго говорить не могу... – Он замер секунд на десять, о чем-то задумавшись.

За эту фразу я сразу простил ему все, главное, чтобы она оказалась правдой.

– Пожалуй, в честь такого дня расскажу вам две малоизвестные истории про Ульянова...

Инструктор обернулся к трибуне и напряженно замер.

– Одна произошла в девятнадцатом году, вскоре после переезда

правительства из Петрограда в Москву. Я, кстати, переезжал тогда в одном составе с Лениным. Тревожно было, особенно когда приехали на станцию «Малая Вишера», а там целый состав с матросами-анархистами оказался. Если б не латышские стрелки, неизвестно, как бы и повернулось все... – Он немного удивленно потряс головой и продолжил: – Так вот, Надежду Константиновну по приезде сразу в больницу положили, с зобом. А в Москве тогда голодно было, и Владимир Ильич к ней по вечерам после работы на машине ездил, проводывал, с бидончиком молока. Бандитизма разгул бы, скажу вам, – каждый вечер стреляли по городу то тут, то там... И вот, значит, едет он с сестрой Марией Ильиничной в машине, а из охраны – только шофер, из царского гаража еще, и еще один товарищ с наганом. Не было тогда принято машины с охранниками по городу возить. А зима... Дороги заметены, сугробы... Лишь посередине, где пути трамвайные, расчищено. Машина между сугробами ползет, как по траншее. И вот недалеко от, как тогда называли, Николаевского вокзала на одном из перекрестков банда их местная, значит, тормозит. Из машины высадили, портмоне, браунинг отняли... Бидончик, правда, оставили. И уехали на той машине. Ну Ленин побежал сразу в пункт охраны районный, как, мол, так, на вашей территории председателю Совнаркома гоп-стоп сделали, ищите... Да где ж там найдешь! Хе-хе... А самое забавное знаете что? Бандюган этот, Янька Кошелек, потом портмоне открыл, а там документы Ленина. И он потом, пока не застрелили при очередной облаве, хвастал всем: «Да я самого Ленина брал!» Правда, недолго – в том же году, в июне, на Божедомке его и достали.

Зал отозвался тихим одобрительным смехом. Инструктор сидел задумчивой мышкой, пытаюсь квалифицировать сюжет.

– А вторая история раньше произошла, в девятьсот двенадцатом, в Кракове. Мм... Вы, наверное, знаете, что в этом году были выборы в четвертую Думу. В партии были разные мнения по вопросу, идти на эти выборы или нет. Ленин был твердо против, так как считал, что царское правительство сделало такие условия выборов по куриям, что нам, большевикам, в Думу все равно не пройти. Но на Пражской конференции большинство делегатов приняло решение на выборы все же идти, с требованиями демократической республики, восьмичасового рабочего дня и конфискации помещичьей земли. Да... Ну и Владимир Ильич, раздосадовавшись, в сердцах пообещал выпить за каждого прошедшего депутата рюмку коньяка. На пятьдесят грамм. Хе-хе... Так-то он не пил почти, пиво только уважал, да... Две-три кружечки по литру – редко когда больше... М-да... Баварское, знаете, предпочитал, с венскими

сосисочками... – Старый большевик мечтательно причмокнул в микрофон. – Псевдоним «Ленин» он, хе-хе, как раз в Мюнхене в пивной придумал, когда писал программную статью «Что делать?». А вот Надежда Константиновна, та пуншевать предпочитала, весело так, компанейски...

Я с неподдельным интересом наблюдал за тем, как инструктор райкома елозит на стуле, постепенно наливаясь краснотой. По залу бродило, нарастая, оживленное перешептывание.

– Ну так, значит, в Думу прошло целых шесть депутатов. Шесть! Вместе, кстати, с оказавшимся потом провокатором Малиновским. А я, значит, когда об этом стало известно, как раз в Кракове у Ленина был, приехал с отчетом о работе в Киеве. Ну... Ленин же – человек слова, как сказал, так и сделал. – Приятные воспоминания заметно взбодрили ветерана, и речь его текла непрерывным ручейком, лишь иногда спотыкаясь на особо сложных для дикции словах. – У Нади отпросились, значит, ну и в гаштет... Он сразу как зашел, шесть рюмок коньяка заказал. И пошло веселье... Хе-хе... А назад когда шли, он все «Варшавянку» на улицах пел, знаете, эту... – Зельдинский начал, слегка помахивая правой рукой, выводить надтреснутым голосом: – Вихри враждебные веют над нами...

Здесь терпение инструктора лопнуло, – наверное, он имел музыкальный слух. Быстро подскочив к трибуне, вырвал микрофон из некрепких старческих рук и, натянуто улыбаясь, произнес:

– Я думаю, товарищи комсомольцы, мы сердечно поблагодарим Михаила Натановича за то, что он смог прийти на торжественное собрание и...

Зал разразился бурными овациями.

– ...и попросим, чтобы именно он провел награждение отличившихся в ходе коммунистического соревнования учителей вашей школы и членов комсомольской дружины почетными грамотами райкома партии.

Все! Горю синим пламенем!

Я наклонился к Паштету:

– Паш, если что будут спрашивать, скажи, что я чем-то отравился и меня затошнило, угу? А теперь выпусти меня отсюда.

Проскользнув мимо удивленного Паштета, я, пользуясь тем, что внимание большей части сидящих в зале приковано к сцене, пригнувшись, пронесся по проходу, выскочил в двери и сломя голову скатился по лестнице в гардероб.

А спустя двадцать минут я с ненавистью смотрел на трафаретную надпись «выхода нет» на двери остановившегося по неизвестной причине в тоннеле вагона метро. Что такое «не везет» и как с ним бороться...

Тот же день, 17:50

Ленинград, Таврический сад

Спортивный костюм она купила в Нью-Йорке в свой первый отпуск. Хотелось по возвращении бросить вызов Советам. Бегать по улицам Ленинграда в звездно-полосатом костюме с орлом на спине, собирая удивленные и негодующие взгляды прохожих, было забавно, особенно под дипломатическим иммунитетом. Сегодня она впервые об этом пожалела, сейчас бы стать неприметной серенькой мышкой-поскребушкой.

За пять минут быстрой ходьбы от дома до парка Синти согрелась. Наружка, вероятно, тоже. Как обычно, пасли ее впятером, если, конечно, нигде в домах вокруг нет стационарных постов. Фред полагал, что есть, и не один, слишком близко расположен парк к месту сосредоточения консульств.

Ну и ладно. Несмотря на то что парк, особенно сейчас, весной, просматривался почти насквозь, на маршруте ее бега есть пять небольших мертвых зон. Она привычно вычислила их еще в первый год, просто на всякий случай. Сейчас она их и осмотрит... И Синти перешла на легкий бег, привычно топча мокроватый гравий аллеи.

Странно, но сегодня она не чувствует страха, лишь возбуждение охотника, идеальное состояние для выхода на операцию. Неторопливо труся, Синти подметала взглядом узкую дорожку перед собой. Знак не может быть далеко.

Вот и первая мертвая зона, пять метров между кустами еще не расцветшей сирени. Синти впиалась взглядом в неприметную черту на гравии. Просто черта... Или не просто? Пробежав, она попыталась восстановить рисунок в уме. Линия с маленькой черточкой на конце, как стрелка с одной палочкой. Случайность, указатель или иероглиф «и»?

Дорожка изогнулась вдоль берега искусственного пруда и направилась к выгнутому дугой мостику. Вокруг все как обычно: резвятся на площадке с игровыми аттракционами детишки, на скамеечках сидят шахматисты, за их спинами, тихо перешептываясь, обсуждают ход матчей болельщики. Идеальное место для наблюдения за ней.

Пронеслась, ускоряясь, по прямому участку, и дорожка начала закругляться, направляясь поперек парка. Навстречу попадают редкие прохожие, срезающие путь к метро. Все ли они безобидны или кто-то косит на нее взглядом? Или они рассматривают ее костюм? В этой России параноиком заделаешься...

Вот и вторая слепая зона. Да! Мысленно Синти заоплодировала себе,

щедро выставив «пять» и за наблюдательность, и за сообразительность. Две черты, верхняя чуть меньше нижней. «Эр» – два. Значит, там было «и» – один. Раз-два. В такие совпадения она не верит – это иероглифы. А где было «раз-два», будет и «три».

Синти чуть притормозила бег, слишком уж разогналась в эйфории. Обогнула быстро шагающего подростка с длинной веточкой в руке и устремила к следующему промежуточному финишу, где, как она была теперь уверена, ее ждет «сань» – три.

Нет! У нее возникло ощущение, как будто с разбега впилилась мимо дверного проема. Только не тормозить, только не оглядываться... Прошлого раза хватило. Можно бегать кругами, пока ноги не отвалятся, возможность рассмотреть еще будет.

Но как странно! Обиженно мотнула головой, отбрасывая свалившуюся челку, дунула посильнее на непокорную прядь и побежала дальше. Она была уверена, что здесь ее встретят три черты. Не могла же она просмотреть?

Раз-два, раз-два... Неужели все-таки дети? Да нет, вряд ли...

Четвертую точку она миновала с вытянутой физиономией, а после пятой, самой большой слепой зоны, за тылами кинотеатра «Ленинград», и вовсе ничего уже не понимала. Пусто...

Обгоняя немногочисленных гуляющих, пробежала вдоль решетки, что отгораживает парк от улицы Суворова, и свернула на второй круг. Так, «и». Нет, ну точно – «и». Взлетела на мостик и потрусила ко второй зоне. Угу, «эр», без каких-либо сомнений. И что это значит?

Резкий поворот – и под горку... еще поворот, легкая дуга...

«Сань»!

– Shit^[9], – чуть слышно выругалась на бегу. Просмотреть этот знак она точно не могла. Значит... Сердце забарабанило еще сильнее. Раз-два-три. И?..

Так, в пятой зоне еще одна новинка – на гравии появилась как бы небрежно начириканная заглавная буква «Ё» – с чуть перекошенной перекладиной, всего с одной точкой и разрывом у верхней черты. «Та».

Он, она, оно применительно к вещам. И через шаг наискосок белеет очищенный от коры прутик, указывающий на обочину. Пробегая, Синти скосила глаза и зацепила взглядом сложенный вдвое и заколотый скрепкой использованный билет в кинотеатр.

Оно! Вот оно!

Остаток второго круга пробежала, выравнивая дыхание. Третий и четвертый – контроль наблюдателей. И лишь на пятом круге, убедившись,

что этот пяточок действительно не просматривается, на бегу чуть вильнула вбок, легко дотянулась до голубовато-зеленоватой бумажки и тут же спрятала ее за тугую манжету рукава.

И?.. Будут брать?.. Синти изо всех сил боролась с желанием оглянуться. Внезапно остро захотелось на кабинетную работу. Шаг, второй, третий... Десятый... Фу... Здесь не взяли. Отбросила подрагивающей рукой со лба мокрые от пота волосы и потрусилась домой. Мозг охотно перечислял варианты, где еще могут взять, но организм, и так купающийся в чистом адреналине, уже не реагировал на эти провокации.

На дрожащих ногах, готовая заорать от ужаса от любого резкого движения или громкого звука, Синти вползла на четвертый этаж и, захлопнув за собой дверь в квартиру, обессиленно сползла по косяку на резиновый коврик. Загнанно дыша, прислушалась к тишине квартиры и трясущимися пальцами достала из рукава билет. Сняла скрепку, развернула и уставилась на выпавший кусочек фотопленки. Затем закрыла ладонями глаза и глухо зарыдала, смывая слезами пережитой кошмар.

Через пять минут, продолжая изредка горестно всхлипывать и потирать опухшие от рева глаза, она с трудом разобрала пудреницу и спрятала добычу в тайник. Потопталась у окна, бессмысленно пялясь на трубу напротив, и, поймав минуту просветления, повела себя в душ. Когда позвонил Колвер, она уже была в состоянии обмениваться кодовыми фразами. Еще через полчаса села в машину и молча отдала косметичку. Балет Синти смотрела ничего не видящими глазами.

Тот же день, 18:15

Ленинград, улица Чернышевского

Да, так и засыпались советские разведчики... Нелегкий хлеб... На экране все красиво, а в реальности – рубашку можно выжимать. И ведь ничего не делал, считай, прогулялся по парку. Чертово собрание и сбой в метро... Идиот.

Хорошо хоть она пробежала мимо не в момент рисования иероглифов или закладывания тайника. Вот была бы встреча на Эльбе...

Вывернул из подворотни и первое, что увидел, – двух идущих навстречу серьезных мужиков в костюмах, рожи протокольные, движутся синхронно. Внутри все свернулось в узел и пару раз перекрутилось, под коленками противно задрожало. Уткнув взгляд в землю, иду мимо, чувствуя, как лихорадочно горят щеки.

И?.. Будут брать или показалось?

Шаг, второй, третий... десятый... Заворачивая за угол, проверил –

чисто, мужики идут себе дальше. Порывисто выдохнул, неторопливо зашел в парадное на углу и тут же изо всех сил полетел, прыгая через три ступеньки, вверх по лестнице. Третий, четвертый, пятый этаж, рву на себя дверь чердака, закрываю изнутри на щеколду и несусь, огибая углы, по сумрачному лабиринту. Удачно здесь сделано, чердаки аж трех домов объединены переходами в единую систему... Зашел на одной улице, вышел на другой. Идеальное место для отсечки хвоста, если он был.

Спустился по темной вонючей лестнице и притаился у полуоткрытой двери парадного – жду, успокаивая дыхание.

Мимо, тормозя, прокатил сине-белый троллейбус. Распахиваю створку двери, бегу к остановке и ввинчиваюсь в переполненный салон. В глазах черно от напряжения, в ушах звон.

Чтоб я еще раз... Да ни в жизнь!

Воскресенье 24 апреля 1977 года, 12:25

Ленинград, Васильевский остров

Воскресенье – день веселья... У кого как, а у меня по выходным – страда. Опять стою напротив красивого старого петербургского здания, в сердцевине которого притаился клад. Седьмая линия Васильевского острова, аптека Пелля. На чердаке, у южной стены, под песочной обсыпкой ждет меня бутылочка с золотыми пилюлями. Всего делов-то: прийти, увидеть и забрать.

Поддернул перекинутый наискосок ремень от сумки и деловито вошел в подъезд. Пока поднимался на пятый этаж, опять обдумывал внезапно пришедшую этим утром тревожную мысль: почему я не помню из прошлой жизни встречу на комсомольском собрании со старым большевиком? Вот в упор не помню. Такие байки про Ильича я бы не забыл.

Проболел? Или ее и не было?

Неужели реальность так легко прогибается даже под небольшими изменениями? Я полагал, что история более инерционна. Надо приглядеться к новостям, не пошли ли изменения уже и на высшем уровне. Или пока это происходит только вокруг меня?

Конечно, я здесь для того, чтобы изменить ход Истории, но, с другой стороны, знание прошлой череды событий – это мощный ресурс, и я на него серьезно рассчитывал. Теперь есть подозрение, что не только мощный, но и краткосрочный. Тает, как ледышка в руках. Плохо.

Толкнул чердачную дверь, и она протяжно заскрипела ржавыми петлями. Шагнул за порог и немного постоял, привыкая к освещению. Проникающий сквозь высокие слуховые окна дневной свет приятно

размывает полутьму; в центре чердака яркими белыми пятнами болтается на веревках чье-то свежевystиранное постельное белье и пузыряются внушающие уважение размерами голубоватые панталоны с начесом.

Недавно Ив Монтан жестоко пошутил над Советским Союзом, скупив в наших галантерейных магазинах чемодан образцов нижнего женского белья и по возвращении устроив выставку, вызвавшую ажиотажный интерес у парижанок.

Я с ироничным восторгом оглядел панталоны и почувствовал себя немного французом. Мысленно надел их на Тому и чуть истерично захихикал от представшей перед внутренним взором картины.

Пробрался к южному скату крыши и остановился, прикидывая объем и последовательность работы. Память донора не сохранила точного места клада на чердаке. Увы, придется прощупывать песочную обсыпку вдоль стены, пока не найду стеклотару. Поставил сумку на пол, сверху набросил куртку, опустился на корточки и начал методично орудовать небольшой лопаткой, прикупленной вчера в туристическом отделе.

Пыхтя, перекапываю вдоль стены полосу шириной примерно метр. Торопиться некуда... Никуда от меня этот клад не уйдет, не спрятаться ему, не скрыться... Достану и двинусь на вторую точку неподалеку. Вот там надо будет отдирать половую доску, чтобы добраться до свертка с червонцами. К вечеру почти удвою свой золотой запас, доведя его до девятнадцати тысяч долларов. Неплохо, особенно если учесть, что сейчас доллар заметно полновеснее – раза так в два, чем в момент моего отбытия из будущего.

Где разумнее будет осесть – в Лондоне или в Чикаго? Пожалуй, в Штатах на биржу проще будет выйти. И затеряться тоже проще. Еще куролесят хиппи, как перекасти-поле носятся на «харлеях» рокеры, скоро подоспеют панки. Парень с короткой стрижкой легко может затеряться в этой пестрой толпе.

Другое дело, что переправлять информацию в Кремль оттуда будет архисложно... Ну да ничего, замучу что-нибудь с резидентом Первого главного управления, подобно тому, что здесь делаю с ЦРУ. Все будет хорошо...

Остановился, размял начавшие затекать колени, поменял рабочую руку и продолжил ворошить песок дальше.

Глупость, конечно, сотворил с обменом золота на рубли. И риск лишний, и золото там понадобится. А здесь надо по ухоронкам с рублями пройтись. В следующее воскресенье зайду в гости на дачу к Мефистофелю или Леве Дуберману. Эту «Хунту» не грех обнести – как они обносят

выезжающих из СССР.

Лопатка с легким скрежетом подцепила толстую ржавую проволоку. Я с натугой потянул, и из-под слоя песка вынырнул тяжелый брезентовый сверток. Хм... Определенно это не бутылка с золотом.

Отложив лопатку, осторожно раскрутил проволоку и развернул добычу. Да, на такое я никак не рассчитывал... С любопытством взялся за рифленую рукоять и, повернув к свету, с трудом разобрал выбитое на вороненом стволе «F.V.Radom 1936 ViS vz35». И какой-то орел посередине, но явно не российский и не немецкий. Вытащил обойму и выщелкнул на промасленный брезент пять тускло поблескивающих латунью патронов. Задумчиво взвесил на руке тяжелую находку и переложил на дно сумки. Туда же пошла связка из нескольких странного вида крючков, нанизанных на проволочное кольцо. Вероятно, набор отмычек.

Напоследок я оставил сладкое – кортик с вычурной рукояткой. Повертел в руках и с удивлением протяжно присвистнул, увидев с обратной стороны рукоятки свастику и сдвоенные молнии. Сдвинул ножны с изящного лезвия и попытался разобрать готическую надпись. Безуспешно, и видно плохо, и шрифт не знаю, да и немецкий тоже. Пожалуй, и не кортик это... На кинжал СС похоже. Стильная вещица. Хмыкнув, я присоединил ее к пистолету.

Подумать только, к вечеру в сумке будет просто шикарный джентльменский набор – пистолет, кинжал, набор отмычек и золото.

Тот же день, 16:20

Ленинград, Васильевский остров

– В «Минутку» или в «Лягушатник»? – поставил я вопрос ребром, когда мы миновали Дом книги.

Тома задумчиво вскинула глаза к синему небу и неуверенно начала:

– Так сразу и не определишься... Всего и сразу! И побольше!

– Ребенок! – хохотнул я и попытался увернуться от тычка пальцем под ребро. – Давай оставим что-нибудь на следующий раз.

– Хо-о-чется!

– Сегодня не успеем, – с сожалением вздохнул я. – Нам через полтора часа на спектакль. И вообще: бойся исполнения своих желаний, нечего хотеть будет.

– Да у меня их море!

– Это так кажется, – фыркнул я и скомандовал: – Быстро перечисли три первые пришедшие в голову.

– Мороженого с сиропом, чтобы наши в Никарагуа победили... и... э-

э-э... чтобы бананы и мандарины круглый год продавались!

Я по-новому оглядел ее, озадаченно помолчал и подвел черту:

– Ну... тогда – мороженое!

Под ручку поднялись по высоким ступенькам, прошли в глубь заведения и расположились у огромного, от пола до высокого потолка, окна на уютном, обтянутом зеленым плюшем диванчике с высоким изголовьем. Огляделся вокруг, узнавая расписанные кувшинками стены, и попытался призвать девчонку-официантку, веселящуюся около стола с группкой распивающих шампанское студентов. К моему удивлению, она тут же отреагировала и, бойко цокая по паркету каблучками, подскочила к нам, взяв блокнот на изготовку:

– Что будете заказывать?

– Шампанское детям наливаете? Ну-у... я так и знал... Тогда два по двести – пломбир с орехом и крем-брюле, с двойным... с тройным сиропом, и два кофе с эклерами. Мм... Кофе глясе.

– Подпоить меня решил? – Тома шутливо подергала меня за рукав, когда официантка отпорхнула от стола.

– Было бы неплохо, – честно признался я. – Но и Райкин под шампусик хорошо бы пошел... Но пока не судьба.

– Райкин всегда хорошо идет! Уи-и-и... – Тома радостно передернулась. – Никогда его живьем не видела.

– Я тоже не видел. – И мысленно добавил: «Давно».

– А ты спиртное уже пробовал? – Повернувшись, Тома лукаво посмотрела на меня.

– Мм... – Что бы ответить правдиво? – Да, недавно ликер попробовал мятный. Так себе, резковат.

– А я еще нет, – немного расстроено протянула Тома. – Но ничего... Родители обещали на день рождения шампанского бокал налить.

– Кстати... – начал я.

– Да, кстати, – она быстро меня перебила, – я хочу тебя пригласить, ты сможешь? Восьмого мая? – Она хихикнула, что-то припомнив, и слегка зарумянилась. – Только... – протянула девушка, водя пальчиком по столу, – ты сможешь приехать на дачу? У меня там будет отмечание. Я тебя и Ясю приглашаю.

– А дача где?

– В Сиверской.

– Жди меня, и я вернусь. – Я улыбнулся, пристально глядя в глаза. – А что мы так хихикали, приглашая?

– Да... Вспомнила бабушкин комментарий... – Она весело

ухмыльнулась.

– Ну Том, не томи, рассказывай.

Девушка еще раз хихикнула:

– Да вчера она назвала тебя майским барином. Когда ты во всем новеньком зашел перед кино.

– Лжа! У меня ботинки были старые... И белье... Ох недолюбливает она меня, а я ведь честно съедаю все, что она на стол выставляет!

– Ага, проглот еще тот, так она сказала.

Мы весело рассмеялись, и я смог еще раз полюбоваться беспечно веселящейся Томой. Прекрасная пора.

На стол перед нами приземлились металлические креманки. Сглотнул и в предвкушении чуть прищурился на темное озеро сиропа вокруг оплывающих сливками покатым холмов. Рядом встали чашки, в которых пенящиеся сугробы мороженого сливались в экстазе с горьким кофе, образуя нотку сладкой жизни.

– Хороший кофе должен быть крепок, как рукопожатие, сладок, как поцелуй любимой, и черен, как дьявол, – произнес я подчеркнуто нравоучительно. – Принимая в себя мороженое, он теряет напускную строгость, как серьезный мужчина – рядом с нежной женщиной.

– Ой-ой-ой, какая птица-говорун! А как поет! И, верно, ангельский быть должен голосок! – Тома решительно зачерпнула горбик мороженого, окунула его в кофе и, блаженно зажмурившись, отправила в рот.

Я с вожделием любовался на четко очерченные выразительные губы и пронзительно, до ломоты в зубах, представил их вкус, прямо сейчас, холодных, с ароматом кофе глясе...

С трудом отвел взгляд и тоже заработал ложкой, поддерживая репутацию проглота. Терпение, все еще будет...

Тот же день, 22:20

Ленинград, Кировский проспект

Из фойе Дома культуры ручейками вытекают возбужденные театралы. Я бережно засунул взятую на память программку в карман, предложил Томе локоть и, чуть поворачивая голову, прислушался к разговорам вокруг.

– ...Ась, а ты обратила внимание на шишак? Он, помнишь, в первом отделении себя кулаком по лбу стучал? Представляешь, после антракта у него там шишка выскочила!

– Да ну, не может быть!

– Точно говорю, я в бинокль видел. Здоровый такой налился...

С другой стороны кто-то артистично грассирует примарным голосом:

– Практически в одиночку зал ни на минуту не отпускал! Три часа! И ведь минимум жестов, пластика аскетична... Из образа в образ просто перетекает с помощью смены интонации и двух-трех жестов! И даже комментарии к образу не нужны, все понятно с первых секунд, и не важно, боком стоит или даже спиной... Поразительно!

Его собеседник дребезжаще рассмеялся:

– Да... А ведь его отец, Исаак Давидович незабвенный, порол его в детстве со словами: «Еврей – клоуном?! Да никогда!» Да... Дай бог Аркаше длинной жизни, как у его деда. Тот в девяносто четыре года был полон жизни и умер, неудачно спрыгнув со стола, танцуя на чьей-то свадьбе!

Хмыкнув, я повернулся к Томе:

– Слышишь?

– Угу... Нет, не понимаю... Дядя говорит, что Романов Райкина не любит – ну почему?! Такой артист, с таким добрым юмором... А что он критикует кое-что, так это ж хорошо, правда? Правда, Дюх? – Тома, прижатая ко мне благословенной толкучкой, чуть потербила меня за локоть, торопя с ответом.

– Ну как тебе сказать... Я бы это критикой не назвал. Он думать учит – а вот это может не понравиться.

– Думать? Что ты имеешь в виду?

– Помнишь про хор? – Наклонившись к аккуратному ушку, я тихонько процитировал: – «Хор видели? В тыщу человек. Как поют, слышали? Ну а если один где-нибудь там, в середке, не будет петь, а только рот открывать? Разве заметишь?» Это, Том, мягкий вариант. Это еще ничего, можно проглотить. Можно ведь подумать, что он так укоряет лентяев. Ладно... А вот когда он про покраску забора эдак многозначительно замечал: «Если вы хотите, чтобы мы и дальше красили вместе, то должны видеть вещи в едином цвете», то это уже жесткий вариант. О чем бы ты тут подумала?

Людской поток протолкнул нас сквозь двери на Кировский проспект, и я бросил быстрый взгляд напротив, на противоположную сторону. Стоит! Чуть наискосок от выхода, у Дома моды припаркован автомобиль с дипломатическим номером и американским флагом на капоте. Скомкал торжествующую улыбку и перевел взгляд на призадумавшуюся Тому. Есть контакт! ЦРУ подает сигнал об успешном получении от меня фотопленки с таблицей односторонней связи и местом закладки первого тайника.

Ликуя, притянул к себе не ожидавшую такого подвоха Тому и чмокнул в завиток на виске.

– Что это было? – спросила она ошеломленно.

– Извини, не удержался, – повинился я. – Очень хотелось!

– Первый поцелуй – на бегу? Ну ты даешь...

– Э-э-э... Ты, как всегда, абсолютно права, вон как раз замечательный скверик напротив. Умоляю, дай мне шанс исправить эту глупую ошибку! – Я попытался направить нас туда, под голые кроны, к белеющим в полутьме свежеекрашенным садовым скамейкам.

Тома посмотрела на меня чуть свысока, расплываясь в ироничной улыбке:

– Нет уж, нет уж! Я теперь буду настороже. Честная девушка – как птичка, стоит коготку увязнуть...

Опять глухой лязг опускаемого за дверью крюка, латунный блик из-под кнопки, почти нечитаемое «Афанасьевы». Тусклая сороковатка под потолком, неуверенно разгоняющая полутьму, старый кафель, дерево перил, тяжелая дверь, сразу за которой таится в наступившей ночи громада собора.

Не хочу... Как не хочу уезжать! Я с болезненной любовью провел взглядом по геометрически выверенным линиям фасадов, куполам, прислушался к родному перестуку колес торопящегося в парк трамвая и, обернувшись, привычно нашел светящееся окно. Занавеска дернулась, и я увидел, как Тома прильнула к стеклу. Помахал рукой, получил ответную отмашку и, глуповато улыбаясь, побрел домой. Не хочу...

Понедельник 25 апреля 1977 года, 12:35

Ленинград, Красноармейская улица

– Зо-о-орь... – Я подсел к Светке, в одиночестве жующей капустный салатик.

Глаза обрадованно сверкнули, но попыталась облить презрением и злобно пофыркать:

– Опять за старое?!

– Да ладно тебе... Как у Паштета с химией продвигается? – Я откусил от ватрушки с повидлом и сделал пару глотков молока.

Углы Светкиных губ чуть дрогнули вниз, и она немного потускнела – видимо, надеялась на другую тему. Ах, любовь, что ты, подлая, делаешь...

«А может?..» – Я чуть вздрогнул от внезапной мысли и окинул Зорьку оценивающим взглядом – тем, что, пыхтя, бросают на штангу примеривающиеся к ней атлеты. Может, по силам?

Секундное напряжение воображения, и я разочарованно сбрасываю мысленный вес. Нет, не получится сделать счастливыми обеих одновременно. Несчастливыми – легко. Увы, это не книжка, это – жизнь.

Да и вообще о чем я думаю, когда светит мне дорога дальняя да ночью лунною? Надеюсь, у Зорьки получится «с глаз долой – из сердца вон». Немного мне осталось ей глаза мозолить...

– Да ничего, – начала она тем временем отчет. – Мозги присутствуют под толстым слоем лени и безалаберности. Если понукать, то едет.

– Свет, скоро контра будет по галогенам. Надо твердую «пять». – Я наклонился, пристально глядя в светло-серые глаза. – По алгебре он вроде врубаться начал.

– О, можно к вам, голубки? – На стул рядом со Светой элегантно опустилась Кузя с двумя тарелками и красно-синей пирамидкой. – Я что-то не понимаю, Дюш, в твоих эволюциях совсем запуталась. То с Томой, то со Светой... Даже как-то с Ясей видела. – Она доброжелательно улыбнулась побуревшей Зорьке.

Я мысленно скрипнул зубами. Надо же, при такой ладной фигурке и интересном личике – такой стержневой характер! И ведь далеко не дура.

– Ох, – с мукой выдохнул я, – ну что тебе от меня надо, длинноногое создание? Пытаешься вычислить свои шансы? Так они невелики.

– Хамите, парниша? – Кузя довольной улыбкой оценила случайно сорвавшийся комплимент и, чуть поведя плечами назад, приосанилась.

Я постарался рассмеяться побеззаботнее:

– Да ладно, ладно, не притворяйся. Признавайся, ищешь кандидатуру на замену тому студенту?

Наташа пару раз задумчиво взмахнула ярко-черными, прямыми, как стрелки, ресницами и медленно процедила:

– Дошутишься, Соколов, что я действительно обращаю на тебя внимание. Мало не покажется.

Я быстро проглотил остаток ватрушки, влил в себя молоко и уточнил, вставая:

– И будешь возить меня на таксо?

Вслед мне полетело обиженное:

– Да у тебя вся спина белой будет...

Довольно ухмыляясь, сунул посуду в окно моечной и двинулся на выход из столовой.

– Стебешь Натаху? – пихнул меня локтем в бок Ара. – Опасное дело, загрызет... Ты вчера смотрел?

– Смотрел что?

Ара с недоумением оглядел меня:

– Как наши канадцев разнесли.

– А... – с облегчением протянул я. – Только третий период. На Райкина

ходил.

– О-о! – восторженно взвыл Армен. – Так ты почти ничего не видел! Там такие драки были! Наши их вчистую разносили, шесть-ноль к концу второго периода. Нервы у них сдали, начали клюшками наших бить! Барышева с поля без сознания увезли, влупили сзади по голове со всего маху! Профессионалы... – протянул он презрительно. – Фил Эспозито в первый раз в жизни шлем надел! И получите, гады, одиннадцать-один!

– Угу, видел концовку, – согласился я. – Шикарно. Очень душевно.

– Ха! – сообразил Ара. – Так ты, наверное, и футбол тоже не смотрел, как наши греков раскатали?!

– Ну уж прямо-таки и раскатали... Два-ноль всего.

– Ничего-ничего... Шансы есть у наших футболистов. Вдруг повезет?

– Ага, – иронично улыбнулся я. – Чемпионами мира станут.

«Да легче СССР с социализмом спасти без брейнсёрфинга», – подумал про себя.

– Ну... может, не в этом цикле, – частично разделил Ара мои сомнения, – но в ближайшие лет десять – точно! Мы же самые сильные – хоккей наш, баскетбол, волейбол, гандбол – тоже. Осталось в футболе стать первыми... А то непорядок, лучшая страна должна быть лучшей везде! Пусть завидуют.

Я согласно покивал головой, разглядывая вышагивающие впереди три пары стройных ножек. Кто ж тут будет спорить, что это – лучшая страна?

Тот же день, 21:35

Ленинград, Измайловский проспект

Я доскреб пюре с остатками подливки, с легким вздохом отставил тарелку и, чуть поколебавшись в выборе между земелахом и курабье, остановился на ближайшем. Посмаковал сладковатый аромат корицы, запил терпким чаем и повернулся к отцу:

– Слушай, а конгресс чему был посвящен?

– Биологические основы поведения человека. – Папа пыхнул трубкой и добавил с едва заметной горечью: – Удивительно, что кого-то у нас на такой конгресс посылают. Могут и прикрыть направление со временем, слишком опасное.

– Для кого опасное?

Папа молча ткнул черенком вверх.

Я подумал, потом спросил:

– Табула раса?

Удостоился внимательного взгляда.

– Да, – медленно начал папа, – она самая. Биосоциальную природу человека мы еще сквозь зубы признаем, но дальше – ни-ни. Ни влияние врожденного на мотивацию, ни соотношение биологического и социального. В аксиоматику научного коммунизма заложили возможность массового воспитания нового человека. А если это не так? Если его невозможно массово воспитать по биологическим причинам? Или возможно, но очень не скоро? Это же получится, что пчелы неправильные, надо весь улей перестраивать.

– Но ведь если эта предпосылка заложена в фундамент, то очень важно проверить ее правильность... Иначе все пойдет наперекосяк.

Папа раздосадованно махнул трубкой:

– Вот, даже ты это понимаешь. А там, – еще один тычок черенком вверх, – не хотят. «Вы пытаетесь найти оправдание асоциальному поведению», – процитировал он кого-то.

– Мм... – промычал я, раздумывая. – Но симпозиумы у нас по этой теме проводят, ты же ездишь регулярно. Статьи печатаются, книги пишутся...

– Все верно. До определенного предела можно исследовать. – Папа задумался, попыхивая. – Даже нет, не так... Исследовать можно в принципе все. Просто никому потом нет дела до результатов. Они игнорируются. Получается, как два несвязанных колесика вращаются, каждое само по себе... Сто лет уже копают в этом направлении, даже больше. Гамильтон аж в восемьсот шестьдесят пятом опубликовал исследование под названием «Наследование таланта и характера», где изучал разлученных близнецов. А марксизм до сих пор это осмыслить не может...

Суббота 30 апреля 1977 года, 09:30

Ленинград, улица Чайковского

– Так, – Фред поднял руку, привлекая внимание, и разговоры стихли, – предупреждаю: Роберт пообещал откусить голову любому, из-за кого Советы раскроют его трюк. Поверьте, он не шутил. Поэтому сейчас буду дрючить вас до мокрых штанов. Смотрите, – он положил на стол дипломат и прикрутил к нему провод, тянущийся от небольшого пульта, – этот реквизит придумал сам Роберт два года назад. Использовался пока только в Москве, всего несколько раз.

– Какую руку ты ему выкручивал? – уточнил Майкл.

– Не руку – яйца. – Фред обвел оперативников серьезным взглядом и хлопнул в ладоши. – Смотрите! – И нажал кнопку.

– Ой! – непроизвольно вырвалось у Синти, когда крышка дипломата

стремительно распахнулась и из-под нее выметнулось нечто.

Через секунду это нечто превратилось в надутую поясную куклу.

Фред обошел стол по кругу, внимательно оглядывая фигуру, затем заботливо поправил ей парик и манишку.

– Знакомьтесь, парни, это Джо. Джо, эти олухи повезут тебя сегодня на прогулку.

– Ого! – Рич засунул свой вездесущий нос под крышку дипломата и, уважительно покачивая головой, изучил жгуты проводов и шлангов вокруг баллона со сжатым воздухом.

– Ой! – еще раз пискнула Синти, когда голова куклы вдруг повернулась и тщательно нарисованные глаза с укоризной посмотрели на нее.

Фред, держащий в руках пульт, довольно захихикал в усы, и Синти с ненавистью сожгла его взглядом. Проклятый ублюдок, да ведь он специально!

Майкл взял пульт и пощелкал тумблерами. Кукла отзывалась движениями – то поворачивала голову вправо-влево, то двигала руками.

– Мысль проста, – сказал Фред. – Сразу после закрытого поворота Синти, – он метнул веселый взгляд на все еще куксящуюся разведчицу, – выскакивает из машины в подъезд, а Рич, сидящий за рулем, кидает дипломат на ее место ручкой вперед и жмет кнопку. Появившаяся из-за угла машина наружки опять видит двоих, сидящих на переднем сиденье. Чтобы сохранить им эту иллюзию, Рич время от времени через пульт, крепящийся под рулем, меняет положение манекена, как будто вы там ржете, перемывая мне косточки. Круг по городу – и домой. Через пару часов проделываем все в обратном порядке, подбирая Синти. – Раздался резкий хлопок, и фигура оплыла вниз. – Это наш план в общих чертах.

Фред поставил рядом два стула и похлопал по левому:

– Садись, Рич, и давай балуйся с надувной куклой, пока не овладеешь ею, как своей пятерней. – Он глумливо хмыкнул. – А ты, Синти, иди ищи на себя два одинаковых плаща. Парик под тебя у меня в коллекции найдется, так что стричь не будем. И не трясись ты так, курица!.. – прикрикнул он.

Часы показывали девятнадцать тридцать.

– Ну что, хлопцы запряжены, кони напоены? – Фред опять озадачил оперативников непонятной русской идиомой и припрятал полупустую литровую бутылку «Джека Дэниелса» в тумбу стола. – Все, валите по домам, завтра выходной. И спасибо, – добавил он в спины, – четко

сработали, молодцы.

Когда за последним оперативником закрылась дверь, он прогулялся до окна и, открыв форточку, задумчиво втянул прохладный воздух. Картинка никак не складывалась, словно в ней отсутствовал важный фрагмент. Вернулся к столу и снова заперебирал толстую пачку свежих отпечатков с материалами из успешно изъятого сегодня тайника.

Совершенно очевидно, что с той стороны сидит профессионал. Выход на Синти, первое сообщение с указанием на тайник, контроль получения, выбор удобного места размещения тайника со слепыми зонами на подъездах, таблица для дальнейшей связи – все говорит о хорошей школе.

Но материал – ну очень странный... Не профильный. Ладно, забросим в Лэнгли, пусть передадут смежникам из Управления по борьбе с наркотиками. Это их хлеб, может, пригодится.

Фред сделал еще один глоток чуть теплого кофе и поморщился. Интересно, где хоть эти дыры находятся – Кали и Медельин? И что это за чуваки такие: братья Оча, Хосе Гача, Пабло Эскобар? Легкая озабоченность не проходила.

Ему было неизвестно, что сегодня его личное колесо истории, столкнувшись с небрежно брошенным под него камешком, уже выскочило из колеи. Фреду, как и любому человеку, в будущем угрожает целая куча маловероятных опасностей, от автокатастрофы до сосульки на голову. Но в этом списке уже нет той шальной пули, что была пущена темной ночью девяносто третьего года пьяным грузинским ополченцем вслед не остановившейся на горной дороге машине. Она бы, иронично фыркнув через пламегаситель, радостно сорвалась в череду своих сестриц с обреза ствола и, пролетев несчастные восемьдесят метров, как бы шутя нарисовала входное отверстие под правым глазом резидента ЦРУ в Грузии Фреда Вудроффа, оглянувшегося в этот роковой миг назад. А дальше, игриво кувыряясь сквозь мозги, протанцевала бы до затылка, вежливо стукнулась в кость и понеслась гулять дальше, а вслед ей из развороченной головы плеснул бы на сидящего впереди Эльдара Гоголадзе, руководителя охраны президента Грузии, фонтан из крови и мозгов цэрэушника.

Но этого уже не будет.

Глава 11

Перед майскими в кинотеатрах пошло сразу два фильма из тех, что потом еще долго будут вспоминаться как золотой фонд советской классики: «Двадцать дней без войны» с Гурченко и Никулиным и «Аты-баты, шли солдаты...» Быкова. Я вытащил Паштета, а через него и Зорьку, на оба.

Светка была со мной демонстративно холодна, пока не забывала об этой своей позе, и тогда возвращалась симпатичная, то озорная, то жизнерадостная, то сентиментальная девчонка. При расставании она вспоминала о принятой роли, но играла ее неубедительно, без огонька, чем была смущена. Похоже, ее начало понемногу отпускать. Или это я выдаю желаемое за действительное?

Пашке неожиданно понравился фильм «Двадцать дней без войны». Он недовольно проерзал в кресле первые минут десять, а потом намертво прикипел к экрану и всю дорогу домой был необычно молчалив и серьезен. Взрослеет, что ли...

На меня обе картины опять мощно надавили, но иначе, чем в прошлый раз. Я почувствовал себя карликом, под шумок дезертирующим с плеч гигантов, и маялся от внутренней неустроенности и предощущения разлуки с дорогими людьми.

Пытаясь отвлечься, перекачивал по брейнсерфингу мегабайты данных и планировал свой проект в мелочах. Подробный план торговли на десять лет вперед записал сокращенной прописью, которой брокеры лет через тридцать будут передавать друг другу ордера, и зашифровал по Плейферу, благо этот метод не очень трудоемок.

Благословенный мир восьмидесятых сулил мне к концу десятилетия позицию самого богатого человека в мире с большим отрывом от совокупного капитала следующей десятки.

Одновременно начал проработку сети брокерских и банковских счетов, планируя спрятать концы в мутной водице Британских Виргинских островов, азиатских и арабских банков. Да и европейских «помоек» хватает.

Как-то набрался храбрости и нырнул в воспоминания о мире кремлевских инсайдеров периода приватизации, после чего, чуть не умерев от омерзения, составил список из двадцати самых наглых пиявок, а в плане оргмероприятий появилось формирование своего убойного отдела. Не раз и не два, когда тоска накатывала особо сильно, я мечтал о том, как буду

отдавать туда приказы.

Все в моих планах вроде неплохо сходилось. Но маета не отступала.

Воскресенье 1 мая 1977 года, 09:30

Ленинград, Измайловский проспект

Залитый солнцем проспект на всю длину густо забит людьми, терпеливо ожидающими команды на движение. Несмотря на добровольно-принудительный характер демонстрации, над формирующейся колонной района витает легкое праздничное настроение.

Расположившиеся вперемешку с нашей школой сотрудники какого-то института охотно балагурят, привычно убивая время. Проходя, мельком слышу похвальбу о выписывании «у этого дуба» трех литров спирта «для протирания оптических осей приборов» и широко усмехаюсь.

– В чем соль-то? – дергая меня за рукав, вполголоса спрашивает тоже прислушивающаяся к этому разговору Яся.

– Оптическая ось – это воображаемая линия, – охотно поясняю я.

Мы смотрим друг на друга и громко хохочем, щедро расплескивая вокруг радость от солнечного утра, молодости и взаимной симпатии. Заразившись от нас, начали смеяться и Паштет с Томой. Держась за руки, огибаем сбившихся в кружок старшеклассников, решительным голосом тянущих: «Солнечный круг, небо вокруг...», и озираемся, ища место сбора класса.

Порывистый западный ветер теребит разноцветные флаги, коварно рвет из рук детей надувные шары и охотно разносит по округе льющуюся из оживших тарелок-репродукторов бравурную музыку. Бренчит гитара, и радостно размахивает флажком маленький ребенок, занявший стратегически выигрышную позицию у бородатого папки-гитариста на шее. Улыбки, смех, кто-то уже пританцовывает, носятся кругами дети, играя в догонялки.

Наконец наша четверка набрела на Эриковну. Раскланялись с ней и, отойдя, притерлись к веселящемуся поблизости квинтету.

Музыкантам было уже очень хорошо, судя по всему – еще со вчерашнего дня, особенно пузану-перкуSSIONисту, с лица которого не сходит блаженная улыбка. Время от времени, иногда прямо посреди наигрываемой мелодии, он освобождает одну из рук, достает из-за пазухи плоскую бутылку с коньяком и коротко к ней прикладывается, а потом, каждый раз безуспешно, пытается поделить эликсиром счастья с товарищами. Что интересно, вторая рука все это время продолжает жить своей жизнью, лихо и безошибочно извлекая ритм из водруженной на него

установки. Музыканты наяривают что-то совершенно незнакомое, безумно-веселое и, благодаря банджо и саксофону, нереально-нездешнее. Беззаботное джазовое настроение расходится по людской реке упругими волнами, причудливо переплетаясь с пока еще недружными криками «ура».

Паштет резко нырнул куда-то вбок и быстро вернулся с добычей – выдернутой из толпы Ирккой, делано отбивающейся от довольного похитителя.

Справа от нас классная, деликатно приглушив голос, пропесочивает смурного Резника. Я покосился, прислушиваясь:

– Семен, ты пойми, у тебя в жизни больше не будет возможности сходить на Первомайскую демонстрацию в год шестидесятилетия Октября! Все! Один только раз в жизни такая возможность выпадает!

Она улыбается чуть смущенно и жалостливо, ей неудобно, что приходится прилюдно разжевывать очевидные вещи. Сема хмурится, понимая, что от демонстрации не отвертеться. Он уже смирился с этим и недовольно бурчит в ответ «да как-то не очень-то и хочется» лишь по инерции.

Перевозу взгляд чуть дальше и невольно, словно от укола, вздрагиваю, опять встретившись с умными и внимательными глазами Гадкого Утенка. Вот уже пару недель я чуть ли не ежедневно ловлю на себе этот бросаемый издали взор, то спокойно-оценивающий, то пугающе-мечтательный, и опасаясь браться за толкование сокрытых в нем смыслов. Чур меня, чур...

Черная челка резко мотнулась, и Гадкий Утенок двумя быстрыми шагами скрывается в шевелении толпы, а я, нервно сглотнув, возвращаюсь к идущей в нашей компании беседе.

– Нет, – ровно говорит Яся, – я никуда не поеду, мне и в городе летом хорошо. Буду на залив ездить в Солнечное, а потом, в июле, начнется чемпионат СССР по шахматам, тут меня и насильно не увезешь. В зал турнирный буду ходить, тренер обещал пропуск достать.

– Эх, – мечтательно тянет Паштет, – мне бы перейти в девятый... И спокойно уйду в поход. Мы в Литву, в заповедник на месяц идем, в июле. Там просто сказка...

– А ты? – требовательно теревит меня Тома.

– А я... – При мысли о надвигающейся осени настроение стремительно портится. – А я в Латвию, а потом на море с родителями. В августе к Пашке, может быть, на Валдай на неделю заеду перед школой.

– Давай! – обрадовался Паштет. – За грибами походим, на рыбалку сплаваем.

– Тони! – заметил я проходящего мимо Веселова. – Куда поступаешь-то?

– А никуда, – добродушно улыбнувшись, открывает тот секрет. – На завод к отцу пойду, а потом – в армию.

– С ума сошел?! – хором ахнули девушки.

– Не-а, – доверительно улыбнулся он. – Я по партийной линии хочу пойти. Надо побыть рабочим, там в партию вступить... А после армии на вечерний в универ поступлю, затем партийную школу окончу. Да что вы так вскинулись-то? Нормальный рабочий как профессор может получать. Да на заводе вообще здорово, мне нравится. У меня отец турбинные лопатки точит, работа очень тонкая, интересная. У нас семейные рабочие династии приветствуются, так что я к нему и пойду на обучение. Все вообще отлично складывается, со всех сторон. Женюсь, на очередь встану, года через четыре квартиру получу, все пучком будет!

– Карьерист, короче, – пошутил я.

– Да нет, – он резко посерьезнел, – нравится что-нибудь важное делать.

Внезапно, без какой-то очевидной команды, колонна пришла в движение. Музыканты, прервавшись на полутакте, отвязно грянули «Прощание славянки» в джазовой обработке, и беззаботная улыбка вновь прокралась на мое лицо. Мимо проплыл сначала Томин дом, потом – родная подворотня, мы взобрались на вершину Измайловского моста, и впереди блеснула игла Адмиралтейства. Я вскочил на поребрик и оглянулся назад.

– А меня?! – тут же возмущенно задержала меня снизу Тома.

Я протянул ей руку и затянул на высокий, чуть ли не на полметра возвышающийся над пешеходной и проезжей частью, поребрик. Вместе озираемся, возвышаясь над толпой.

Поверхность людской реки, густо текущей к Дворцовой, обильно усыпана разноцветными надувными шарами, портретами членов КПСС и кумачовыми транспарантами с лозунгами. По осевой линии, возвышаясь, подобно большим жукам над муравьями, медленно ползут установленные на платформах ЗИЛов и ПАЗов изощренные агитационные инсталляции, вызывая в памяти бразильские карнавалы. Взгляд человека с жизненным опытом легко отыскивает приметы организации: ворота во дворы по маршруту следования надежно заперты, серьезные люди с непреклонными лицами на перекрестках одним своим видом пресекают поползновения сачков уйти вбок. Вперед, только вперед – другого нет у нас пути...

Впрочем, предстоящая полтора часовая прогулка, похоже, никого не тяготит. К выходному добавлен еще один праздничный день, а дома ждут

миски традиционного оливье и сельди под шубой.

Школьная колонна быстро размылась, перемешавшись с другими. Подростки, включив третью космическую, ушуршали в голову колоны и даже дальше, оставив неторопливо гуляющих учителей далеко позади. Вот за разговорами и шутками промелькнула улица Майорова, и впереди, за непопулярным памятником Николаю Первому, показался серый фасад «Астории».

С досадой обнаруживаю, что на ботинке развязался шнурок, и приотстаю, отступив к обочине. Вроде и недолго завязывал, но, когда поднял голову, моей компании и след простыл.

Я заметался по колонне, как пес, потерявший в толпе след хозяина. Сначала рванул догонять, но на повороте к Дворцовой наткнулся на хвост Адмиралтейского района; развернулся, прошил демонстрацию в обратном направлении и минут через семь наткнулся на неторопливо идущих учителей. Очевидно, они не могли бы нас обогнать... Снова помчался вперед и скоро тоскливо замер на углу, вглядываясь в проплывающий мимо людской поток. Бесполезно, похоже...

В очередной раз бросил взгляд вдоль колонны и почувствовал, что рядом со мной кто-то встал. Повернул голову, и мои брови удивленно поползли вверх. Вот тебе на – опять Гадкий Утенок...

– Здравствуй, – храбро выдавила она из себя, чуть задрав вверх подрагивающий подбородок. Половину слова сказала, половину просипела шепотом и замерла, испуганно поблескивая из-под вороной челки выразительными темно-кариими глазами.

– Привет, – отозвался я и затравленно зашарил по толпе взглядом, выискивая знакомые лица. Мне еще только слухов о такой подружке не хватало.

Она подождала, пока я вновь взгляну на нее, и сказала:

– Тома.

– Где?! – воскликнул я, вновь принимаясь озираться.

– Я – Тома, – уточнила с легкой укоризной.

– Да? – Я с изумлением посмотрел на нее. – Везет же мне на Том...

– Хорошо, что ты это понимаешь, – серьезно покивала она.

Я тяжело вздохнул, расставаясь с надеждой найти в этой сутолоке своих.

– Ну пошли, что ли, Тома...

– Пошли, – согласилась она обрадованно и попыталась заглянуть мне в лицо.

Я чуть отвернулся, закатывая глаза к небу. Придется немного

потерпеть этого ребенка... Достал из кармана пластинку цитрусового «Ригли»:

– Угощайся.

– Спасибо, – почти напела она благодарность и, осторожно откусив треть, аккуратно завернула остальное в фольгу и припрятала в карман.

– Ты из какого класса? – вежливо поинтересовался для поддержания разговора.

– Седьмой «Б», Биссектрисы. А... давай будем дружить?

Я поперхнулся от плавности перехода и скептически уточнил:

– Ты же, наверное, в курсе, что мне есть с кем дружить?

Тома посмотрела на меня непонимающе, потом сверкнула белозубой улыбкой:

– А-а, ты про эту... Я подожду.

Смешной ребенок. Я покачал головой:

– Долго ждать придется, так старой девой и останешься.

Она сдержанно улыбнулась и промолчала. Я проворчал:

– Как будто что-то знаешь, чего не знаю я. Какая ж ты смешная, девочка моя.

Улыбка стала ярче.

Я с некоторым испугом вгляделся. Да, симпатичная девчонка, и, как я вижу, через три-четыре года, когда расцветет, красота ее станет как лепесток огня, будет и греть, и обжигать. Но нет, даже этот отблеск будущего меня не соблазняет. И слава богу!

С облегчением выдохнул. Не то чтобы я боялся почувствовать себя старым педофилом. Что-то окончательно сдвинулось в восприятии мира, и для меня эта мелкая уже почти ровесница, а себя я ощущаю умудренным жизнью подростком, эдаким ходячим парадоксом. Нет, просто не хочу опять попасть в силки запутанных отношений и многослойной лжи. Да здравствует прямолинейная, ничем не замутненная простота!

– Быстрее, бегом! – внезапно заорал в рупор какой-то бешено вращающий глазами тип, и толпа с весельем покорила команду.

Хватаю мелкую Тому за руку, и мы легко несемся вперед, пристроившись за разгоняющимся ЗИЛом с кумачовой композицией «Миру – мир».

– Ура! – заорал кто-то во всю глотку.

– На штурм! – весело подхватил второй.

– А-а-а-а!!!

Держа портреты и флаги наперевес, толпа с радостным ревом выметнулась на Дворцовую. Широкие улыбки на раскрасневшихся от

пробежки лицах, залиvistый женский смех, азартные выкрики детей. Над головой плывут вверх вырвавшиеся на свободу воздушные шарикИ, и катится под ногами, высыпая мелкие опилки, чей-то оторвавшийся раскидайчик.

– Быстрей! Быстрей! – гавкая в рупор, носится вдоль колонны еще один невысокий человек в темном. Его испуганно выкаченные, определенно армянские глаза, кажется, живут самостоятельной жизнью. Разрыв демонстрации перед трибунами, перед телекамерами – дело серьезное.

Пробегаем еще метров пятьдесят разреженного пространства, и колонна, уткнувшись в хвост предыдущей, вновь начинает уплотняться. Людской поток разбивается на несколько ручейков, каждый из которых спокойно течет между цепочками из редко стоящих курсантов Поповки, приобретая окончательный, пригодный для съемок и трансляций вид.

Подмерзшие от длительного стояния в оцеплении морячки заговаривают, пытаются познакомиться с проплывающими мимо девушками. Вот какой-то старшина с четырьмя шпалами на шевроне обрадованно строчит номерок телефона прямо на ладонь... Бог в помощь, в Полярном с невестами туго.

Совсем рядом на трибуне узнаю властный курносый профиль невысокого Романова, левее выстроились многозвездные генералы в каракулевых воротниках. Вглядываюсь в кандидата на роль Первого, пытаюсь уловить характер. Без толку, за улыбающейся маской не видно ничего, кроме усталости от махания рукой, и постоянно взрывающаяся возгласами «ура» радостная толпа волочет меня дальше.

С удивлением обнаруживаю, что по-прежнему удерживаю теплую ладошку. Пытаюсь выпустить ее на волю, но не тут-то было – ладошка не теряла бдительность ни на секунду и как приклеенная следовала за моей, даже в карман куртки, где тут же попыталась свить себе теплое гнездышко.

Я расхохотался и посмотрел на мелкую с симпатией. Хорошая девчонка, забавная. Надеюсь, все у нее сложится хорошо.

Тот же день, 15:05

Ленинград, Измайловский проспект

– Старые большевики очень недовольны, – проскрежетала бабушка, щедро накладывая тертый хрен на упруго колеблющийся студень. – Термидор революции, вот что сейчас происходит. Радует одно – сдохну раньше, чем все развалится.

– Ну мам, зачем ты так? – взволнованно вклинился дядя. – И потом,

другие времена, другие нравы.

– Нравы... – Рот бабушки поехал в сардонической улыбке. – Без бумажки слова сказать ни один не может. Стыд и срам! Вот, помню, Кирова слушала, так он три часа без бумажки выступал! Зал не шелохнулся! Три часа про развитие резинотехнической промышленности!

– Гхы... – подал я голос из своего угла. – Зачем так долго-то? Тем более на такую тему... Краткость – сестра таланта.

– А ты цитаты-то не воруй, – живо обернулась бабушка. – Сам мысли формулируй. Цитата – ум дурака.

– А это кто сказал? – парировал я.

Папа негромко хмыкнул в бороду, родственники сдержанно засмеялись.

– А! – Бабушка безнадежно махнула рукой, отворачиваясь. – Раньше если человек с трибуны что-то говорил, то он в это верил, по-настоящему верил. Трибуны были! А теперь это – обычная работа, говорильня... А этот, – она кивнула на телевизор, где беззвучно шевелил губами монохромный Брежнев, – даже плохо понимает, что читает. Да и остальные не лучше.

«Ты его еще через пять лет не видела, бабушка, – подумал я. – Это еще живчик».

– Суслов – бледная моль, – продолжила она анализ, подцепляя вилкой шпроту. – Тоже мне идеолог, ни одной своей мысли не родил. Да он как марксист даже Сталину в подметки не годится. Косыгин, кроме экономики, ничего не видит и не хочет видеть. Громыко из-за границы не вылезает. Никого живого в Политбюро не осталось. Если только свежую кровь запустить... Кстати, Машеров, говорят, в Белоруссии хорош.

Я справился с обязательной программой – громадной тарелкой неизменно вкуснейшего оливье – и заколебался: бутерброд с сервелатом или отварной язык, раз уж не наливают? Традиционный стартовый шампусик родичи раскатали, даже не взглянув в мою сторону, массандровский мускат тоже пролетел мимо, только ароматом ноздри пощекотал, а оставшаяся рябина на коньяке, пожалуй, для меня сейчас крепковата.

Выбрал язык и начал его пилить, прикидывая так и эдак. Машеров – это, возможно, ресурс. Вот только что я могу для него сделать? Если я буду успешен, тот грузовик и так не встретится ему на дороге.

Дверь распахнулась и впустила громадную парящую супницу с самолепными пельменями. Густой ароматный шлейф заполнил комнату, я сглотнул слюну и просительно протянул маме тарелку. Этот молодой

организм – как бездна, в нем без следа исчезает все, что ни закинь, и еще требует.

Выступление Брежнева по телевизору закончилось, и дядя, наклонившись, включил звук.

– Первомай шагает по планете, – торжественно объявила дикторша начало международного блока.

– За праздник! – провозгласил дядя в очередной раз, и хрустальные рюмки, разбрызгивая гранями разноцветные блики, дружно сдвинулись к центру и зазвенели.

Интересно, какая у меня сейчас норма по этанолу?

Понедельник 2 мая 1977 года, 15:55

Карельский перешеек, поселок Репино

Ловили меня двое. Один – настоящий гигант, с громадной выпяченной челюстью, низким покатым лбом и выпирающими далеко вперед надбровными дугами. Классический тормознутый акромегал. Мимо него можно было бы попытаться проскользнуть и уйти на скорости, если бы не второй – невысокий и резкий, напоминающий поглаженного против шерсти кота. Этот не заторможен, напротив, быстрые глаза блестят, словно пару минут назад вынюхал дорожку. От него убежать рискованно, пробежать мимо – бесперспективно.

Третий, очень низенький, почти карлик, с мерзкой полоской усиков под характерным носом, не бегал, а, заняв позицию на круглой башенке, возвышающейся над крышей, контролировал участок вокруг дома и сейчас спокойно раздавал сверху команды:

– Он не ушел еще. Хан, встань в коридор между лестницами и не спи. Котовский, осматривай первый этаж и слушай, он может попытаться через окно уйти. Тут я его винтарем и сниму.

Надо же – Котовский, угадал я с повадками...

– Какой винтовкой? – недоуменно переспросил Хан вполголоса у макушки Котовского.

– Молчи, идиот, – простонал тот тихо в ответ. – Просто молчи.

Гигант недоуменно пожал плечами, и они вышли. Я с облегчением сменил опорную ногу и чуть-чуть приоткрыл дверцу, увеличивая зону обзора.

Если вырвусь, я этому Хану шоколадку куплю. Ящик шоколадных конфет. «Золотой нивы», ее Брежнев, наверное, не зря любит... Только бы ногу не свело...

– Эй! – Опять донесся сверху баритон. – Выходи, не тронем. Отдашь,

что взял, и разойдемся краями.

Ага, уже поверил. Три раза. Вспоминаю, как рыбкой мелькает в синих от наколок пальцев Котовского финка с наборной рукоятью, и меня опять пробирает крупный озноб.

Эти прятки-догонялки начались минут десять назад. Я уже расслабленно нес потяжелевшую сумку к выходу, когда чуть не столкнулся на повороте с невесть откуда взявшимся Ханом. Да, это его тяжелую поступь я тогда услышал за углом и был вынужден, наплевав на шум, прыгать через лестничный пролет и нестись по коридору ко второй лестнице только для того, чтобы обнаружить, что черный ход надежно заперт.

Ну как надежно... Этот замок даже для такого неопытного взломщика, как я, скорее видимость. Было б у меня хотя бы три минуты...

Мне повезло дважды. Во-первых, они меня пока не видели и ловят сейчас дерзкого мужчину неизвестной степени опасности, а не тощего подростка.

Ну почему, почему я не взял пистолет?! Боже, посмотрите на меня – какой дурак погибает... Сейчас бы ушел, как белый человек... Взял на мушку, загнал в подпол, заставил вытолкнуть лестницу наверх и, пока они там цирковую пирамиду будут строить, ушел бы, только хвостиком вильнул – и лови ветер в поле...

Мечты, мечты...

Во второй раз мне повезло, когда, услышав поднявшийся в доме многоголосый шум, я успел тихо подняться по дальней лестнице в ту самую обзорную башенку, что возвышается над третьим этажом, и переползти незамеченным по покатою, норовящей скинуть меня крыше к приоткрытому чердачному окну на другой половине дома.

На этом везение закончилось. Когда я прокрался мимо запертых дверей вниз к прихожей, то обнаружил, что выход уже закрыт на ключ. Метнулся к высокому окну со старинными шпингалетами и услышал быстро приближающийся из глубины дома топот. Все, на что меня хватило, – это, как в дурном кино, залезть в нижнюю тумбу узенького резного буфета, притворить изнутри дверцу и, извернувшись, застыть в крайне неудобной позе.

В тот момент я не испытывал никаких высоких сожалений по поводу проваленной миссии. Меня переполнил чистый, ничем не замутненный животный страх. Молодому телу просто хотелось жить, и это желание легко смело все. Я не понесся наугад с криком ужаса лишь оттого, что не мог рассчитывать на ослабевшие ноги. Поэтому я замер, как замирает в

траве детеныш антилопы, почуявший поблизости голодное рыканье рыщущего прайда.

Жадно, словно от этого зависело, обнаружат меня или нет, приник к узкой замочной скважине.

Сначала мимо пробежали широченные бедра Хана и махом прошлась громадная ладонь с неестественно длинными пальцами. «Мама дорогая, – оценил я размеры, – да он же одной кистью может взять меня сверху за темя и поднять!.. Сейчас рванет дверцу...» – пронзила молнией догадка, и я, оцепенев, познал, что шевеление волос на голове – это не метафора.

Не успело сердце, бухнув под горлом, погнать в виски следующую шумную волну, как в узком тоннеле перед глазом появился, пугая первобытной красотой, нервно жаждущий моей крови клинок. Он огляделся, нашел мой расширенный зрачок и вогнал в него острый блик, а затем нырнул вниз, волоча за собой руку второго подручного. На короткий миг она замерла неподвижно, давая себя рассмотреть: сквозь густые клочковатые заросли волос, отвратительно жестких и рыжих, проступила не оставляющая надежд на милосердие вязь наколок. Ослабев, я хотел глухо простонать, но мне повезло – воздуха в легких уже не было.

Прерывисто, не заботясь о шуме, втянул в себя жаркий, наполненный пересохшим столярным клеем воздух. Когда круги перед глазами улеглись, опять прилачился к скважине, в глубине души надеясь, что самое страшное уже увидено.

Не-эт! Все предыдущее поблекло, когда я увидел предвкушающий оскал Сомосы. Ясно, абсолютно вне всяких сомнений понял, что смерть моя легкой не будет, и подавился еще одной волной ужаса.

– Нету, – с грустью констатировал Сомоса неожиданно глубоким баритоном. – Хан, стой здесь, а ты ко второму выходу – и слушай. Я на самый верх.

– А может...

– Нет.

– Сомоса, опасно.

Недокарлик грязно выругался и негромко согласился:

– Хорошо, проводи. Только брать живым. Надо выяснить, откуда про тайник узнал.

Они ушли направо, к лестнице и куда-то вверх, а я остался в паре метров от Хана, пытаюсь унять гулкие удары сердца и понять, что делать и где допустил ошибку.

Детская самонадеянность, бесшабашность – вот что это такое. Глупая вера, что все само собой сойдется. Опять забыл, что не вмонтированы еще

тормоза в эти недозревшие мозги. Надо на будущее учесть... Если оно у меня будет. Если выберусь живым из логова «Хунты» – самой дерзкой банды Ленинграда этого периода, промышляющей грабежами и налетами на готовящихся к выезду евреев.

Скудные данные об этом объекте я насерфил из дедка-пенсионера. Остальные участники той драмы уже давно вовлечены в круговорот веществ в природе и сейчас распускаются по весне почками и зеленеют травкой. А старый оперативник даже треть века спустя сохранил восхищение хитроумностью тайника, который главарь «Хунты», Сомоса, самолично соорудил и долго использовал в своем загородном доме.

Мое внимание среди небольшого числа похожих тайников этот привлек именно качеством исполнения. Я предположил, что какой-то специальной охраны в отдельно стоящем особняке быть не должно.

Ее и не было. Я провисел на деревьях почти два часа, запоминая и перепроверяя положение занавесок на окнах, – за это время не дернулась ни одна. Когда я перелез через глухой двухметровый забор, во дворе было тихо и безлюдно. Поковырял отмычкой в замке, нащупал нужный рычажок и потянул – дверь беззвучно приоткрылась. Я скользнул в проем и прислушался. В доме царила мертвая тишина.

На всякий случай я прошелся по нему, прислушиваясь и изучая расположение, последнее меня чуть позже и спасло. Ни-ко-го.

Поднялся на чердак, к третьей слева массивной балке, и нащупал на стороне, обращенной к крыше, два чуть выступающих «сучка». Потянул за них в разные стороны, и, тихо щелкнув, почти полтораметровый участок древесины отошел вниз, обнажая выдолбленное нутро объемом с хороший чемодан.

Я посветил фонариком и тихо присвистнул. Натуральный сим-сим... Ну вот куда ему столько?

Ладно, ювелирка мне на фиг не нужна... Хм... А вот крупные бриллианты без оправы – это неплохая идея, богатство в очень высокой концентрации. Однокаратник хорошего качества, а это камешек с ноготь мизинца, сейчас должен стоять три – пять тысяч долларов. Очень удобно – на таможне не звенит и легко меняется на наличку в любой крупной столице без ненужного любопытства со стороны покупателя. Хотя сейчас металлодетекторов на границах еще нет, звенеть нечему...

Я высыпал поблескивающие гранями конусы на ладонь и пересчитал. Четырнадцать. Чистоту и наличие включений, конечно, сам не определяю, но огранка качественная и размер хороший – от одного до двух, может, даже чуть больше, карат. За пяток таких камней можно весь этот огромный

старый особняк купить.

В хозяйстве пригодятся, и я отправил их в пакет, а пакет – в карман.

Рубли и валюта лежали порознь, стопками аккуратно перевязанных бечевой пачек. Доллары, фунты стерлингов, финские и германские марки, итальянские лиры... Даже йены есть!

Я заколебался. В общем-то я шел сюда за рублями, и надо мне немного, пару тысяч до осени перехватить.

С другой стороны, кто знает, как планы мои изменятся, они же не в камне высечены... Запас карман не тянет... Да и не сиротку из детского дома обношу... Уговаривая себя таким образом, утрамбовал в сумку, не особо разбирая, разноцветных бумажек и, помучившись, защелкнул фальшбалку. С облегчением выдохнул, написал красным фломастером на стропиле: «Храните деньги в сберегательной кассе» – и, довольный собой, пошел вниз. А спустившись на площадку второго этажа, вдруг понял, что сейчас из-за угла выйдет кто-то по-настоящему крупный...

Я еще раз поменял опорную руку и ногу и стал думать, как буду выбираться из ловушки. Никаких «Один дома», боже упаси. Чистый дер на скорости. Моя легкость и тренированность против резвости и выносливости Котовского. Сумку при плохом раскладе придется бросить, не до жиру...

Приоткрыл дверцу и прислушался. В коридоре жалобно поскрипывают, прогибаясь под переминающимся Ханом, половые доски. Вот он что-то спрашивает громким шепотом у осматривающего гостиную Котовского, тот рассерженно шипит в ответ.

Выползаю из спасительной тумбы, с трудом разгибая перенапрягшееся тело, встряхиваю затекшие ноги и медленно, на уровне колен, поверх пухлого сиденья кресла, выглядываю из-за угла.

Можно! Два бесшумных шага, неторопливых – чтобы не потревожить воздух, чтобы не мелькнула тень, и я скрываюсь за другим углом, приблизившись к окну. Чутко прислушиваясь к происходящему всего в десяти метрах от меня, осматриваю незнакомые шпингалеты и соображаю, как они действуют. Ага, вот здесь надо потянуть...

Легкий скрип оконной петли чуть не разорвал мне сердце. Я обмер, превратившись в одно большое ухо. Услышали?

Чистый воздух свободы из открытой створки зовет плюнуть на осторожность и полететь напролом стремительным ветром. Я с большим трудом переборол этот порыв. Отступать буду медленно и неторопливо.

Звуки возни в глубине дома не изменились. Глубоко вздохнул пару раз, вентилируя легкие, и, пересев с беломраморного подоконника на жесть

водоотлива, плотно прикрыл за собой раму. Все, я на улице!

Спрыгиваю на мягкую землю и перекатываюсь, втягивая сладкий воздух свободы.

Пригнувшись, крадусь вдоль облицовки фасада и, завернув за угол, обессиленно прислоняюсь к стене. Теперь, даже если они выскочат в ту или иную дверь, меня сразу не увидят, а я их услышу.

Отираю с покрасневшегося лица пот и пытаюсь вспомнить подсмотренное с деревьев расположение построек. Верчу в уме получившуюся картинку, прикидывая мертвые зоны для башенки наверху. Таких, чтобы незаметно отойти от дома к забору, похоже, нет. Придется рисковать.

Так, эту сторону первого этажа Котовский уже осмотрел... Медленными плавными шажками отхожу от стены и провожу взглядом по окнам. Никого. Еще четыре шажка от дома, и я осторожно выглядываю из-под крыши на башенку. В ней никого не видно... Нет, вообще никого нет.

Хм... Оно и верно, там окна для Сомосы высоко сделаны, ему табуретка бы понадобилась... И где же он?

Чутко вслушиваясь, продолжаю вполоборота медленно отступать от дома в глубь двора, под прикрытие построенного из шлакоблоков гаража. На коньке крыши тоже никого не видно...

Хитрый карлик! Я встревоженно крутанулсЯ, озираясь вокруг, и, плюнув на осторожность, рывком ушел за гараж.

Ну здравствуй, забор! Оглядываю его, примеряясь. Закинул за спину сумку, подпернул ремень поудобнее.

Прямо за спиной пронзительно заскрипели ржавые петли. Чувствуя, как обрывается все внутри, резко подпрыгиваю, оборачиваясь к гаражным воротам за спиной. Глаза выхватывают быстро растущий темный проем и выступающую из него на солнечный свет человеческую фигуру. В горле мгновенно пересохло, и отчаяние парализовало меня.

Четвертый был с меня ростом и похож на паучка – хлипкий, с непропорционально длинными худыми ручками и ножками. Голова башней сидит на коротком бочкообразном теле почти без шеи, над скошенным подбородком в окружении бесцветного пушка тонко кривится неуверенная улыбка. Из-за роста я чуть было не принял его за ровесника, но у подростков не бывает такого липкого, ощупывающего взгляда усталых глаз.

На секунду мы оба замерли от неожиданности, затем, переборов ужас, я резко шагнул вперед и с силой толкнул его обратно в гараж. Тщедушное тело молча улетело в сумрак. Я закрыл дверь на засов и передернулсЯ, сбрасывая след от приставучего взгляда.

Короткий разбег, прыжок, цепляюсь руками за верх, легко вздергиваю себя на забор. Закинув ногу, на мгновение замираю, окидывая взглядом по-прежнему тихий, безмятежный двор, и покачивающаяся на ветру сосновая ветка колко тычется мне в затылок. Спрыгиваю на упругий мох и тут же резко стартую в глубь редкого сосняка, наращивая расстояние между собой и «Хунтой». Напитанный хвоей воздух омывает чистыми струями лицо и смывает пережитой ужас. Бегу, ощущая лбом, щеками тепло солнца. Живой!

Вторник 3 мая 1977 года, 18:30

Ленинград, Театральная площадь

Я отошел от бассейна «Дельфин» и, миновав монументальный Дом культуры, свернул правее, к Театральной площади. Прямоугольник спортивной сумки через плечо как бы намекает возможным наблюдателям на то, что ребенок идет с тренировки. Внутри я уложил мокрую мочалку с мылом и плавки с шапочкой.

Перестраховка? Возможно. Но иногда лучше перебдеть, уж я-то теперь знаю...

Энергично прошагал мимо Кировского театра в сторону Троицкого собора и, поднявшись по ступенькам на углу, зашел в кафе-столовую. Любовно оглядел разнообразие аппетитной выпечки: песочное кольцо с присыпкой из жареного арахиса, покрытая ровной темно-шоколадной глазурью песочная же полоска со слоем повидла, румяные сочники, слоеные пирожки с ароматным фаршем... Глаза разбегаются. Выбрал в итоге «Столичный» салат с крупными кусками отварной говядины и удивительно вкусным, как я уже успел выяснить, майонезом, ромовую бабу с изюмом и традиционный кофе с молоком из высокого бака.

Встал к круглой стойке у окна, бросил под ноги сумку и приступил к неторопливой трапезе, время от времени лениво поглядывая на копошение народа вдоль театрального фасада.

Минут через семь к левому крылу Кировского, всего метрах в пятидесяти от кафе, плавно подплыла, притягивая к себе взгляды спешащих театралов, вызывающе шикарная, идеально вымытая, глянцевочерная машина с дипломатическим номером на красном фоне и флажком США на капоте. Выдержав длинную паузу, задняя дверца плавно отошла, из нее тяжело выбрался Колвер Глайстин и с заметной ненавистью, вызвавшей у меня тихий смешок, обозрел окружающие его по-имперски пышные здания театров.

То, что генерального консула должны пасти, – не вопрос. Но вот

обнаружить в людской сутолоке разведчиков службы наружного наблюдения...

«Мышку-наружку» надо уважать. Спец может утром валяться «пьяным» у помойки, а вечером танцевать на балу; часами прикладываться к все той же кружке пива в замызганной забегаловке и артистично растягивать в шикарном ресторане отведенную на мероприятие сумму. Нудная, монотонная работа, из месяца в месяц ждать и догонять, не имея ни малейшего шанса узнать смысл той игры, в которую вовлечен. Успех воспринимается как должное, редкие неудачи – ЧП. Героическая махра контрразведки... За все время существования «семерки» в ней не было ни одного предателя. А ведь раскрыть методы советской наружки – голубая мечта всех действующих против нас разведок.

Эта работа – командная игра. Объект ведут сыгранной группой, члены которой постоянно взаимодействуют, меняясь местами и стилями работы, передавая то по цепочке, то идя параллельно, то навстречу или иногда даже лидируя.

Вести разведчика силами менее пяти-шести человек бесперспективно, опытный оперативник их быстро вычислит, а это провал для наблюдателей. Малыми силами можно успешно вести только ничего не подозревающего рассеянного человека. Настоящая же слежка – это очень непростое занятие, требующее четко организованной команды из минимум десятка толковых контрразведчиков, мужчин и женщин.

Я медленно отпил уже подстывший кофе и бросил поверх поднесенной ко рту чашки небрежный взгляд в окно, начиная тренировку недавно подтянутого умения контрнаблюдения. Сейчас посмотрим, смогу ли определить в этой суете наблюдателей.

М-да... Можно было обойтись и без умения... Колвера демонстративно ведут к театру коробочкой – построением, призванным не скрыть наблюдение, а, напротив, выставить его на обозрение, отпугивая возможного контактера. Так же демонстративно в десяти метрах от машины с флажком стали отираться два спортивных молодых человека в одинаковой одежде. Похоже, контрразведка проводит какую-то операцию, прерывая на последнем рубеже возможную утечку информации. Вероятно, блокируют какого-то инициативника, подготовленные агенты с консулом не контактируют.

Следующая пришедшая мысль заставила поперхнуться, и я засипел, закашлялся, потом полез в карман за платком и промокнул выступившие слезы, чувствуя на себя взгляды окружающих. Вот тебе и умение, мать-мать, профессионалом себя ощутил...

Меня? Блокируют от меня?!

Да нет, прибрелось, наверное... Придет же такое в голову...

Все еще время от времени покашливая, в попытках выбить из себя застрявшую где-то в трахее каплю кофе, отвернулся от окна и стал доедать, уже без всякого аппетита, «Столичный» салат. Поперхиваться-то зачем было?! Главное, машина прибыла в указанный интервал времени, запарковалась на нужном месте капотом к театру, а с левого запястья Колвера свисает, покачиваясь на ремешке, театральный бинокль – сигнал успешного снятия закладки.

В принципе достаточно было и одной машины, Колвера я припахал по приколу. Попросить, что ли, в следующий раз, чтобы он прошел по Невскому в высоком цилиндре в цветах штатовского флага? Как бы среди оперативников ЦРУ падеж от смеха не произошел...

Поставил в уме Фреду и Синти по жирной «пятерке». Молодцы, ей-богу, молодцы. Заметили, поняли, смогли правильно среагировать. Приятно работать с профессионалами, их можно просчитать.

Догрыз белую помадку с ром-бабы, влил в себя остатки кофе и направился к выходу. Итак, первая порция кристально чистой правды ушла в ЦРУ. И на этом я останавливаться не собираюсь, благо конспиративный канал теперь налажен. Правда, правда и ничего, кроме хорошо подобранной правды, – нет более надежного инструмента для достижения своих целей.

Пятница 6 мая, 15:25

Ленинград, Польский сад

Однорукий алкоголик проводил меня на седьмой круг предельно благожелательным взглядом. Мы уже неплохо представляем распорядок дня друг друга. Он, ящером выползающий на первое весеннее тепло из сумрака коммуналки, ежедневно внимательно наблюдает за моим втягивающим циклом, благо больше наблюдать тут не за чем, а я, раз за разом пробегая мимо, хорошо знаю его основной цикл.

Присев на изрезанную низенькую скамейку у задней стены разваливающегося особняка Державина, он первым делом достает из-за пазухи потертого длиннополого пальто мерзавчик «Столичной» и, взболтав, смотрит сквозь него на небо, словно одному ему доступным методом проверяя процентное содержание альдегидов в спиртовом растворе. Удовлетворившись, ловко прикусывает коренными зубами язычок фиолетовой крышечки и резким движением руки сдергивает ее с горлышка, а затем отплевывает в стоящий рядом куст старой сирени, присоединяя к

солидной куче подружек. Секунд на пять замирает, вглядываясь в мой бег, одобрительно чему-то кивает, затем достает из кармана пальто граненый стакан и наполняет примерно на треть. Решительно, как лекарство, забрасывает внутрь и, не закусывая, откидывается на спинку скамейки, блаженно щурясь. Выждав минут пять, а я обычно к этому времени начинаю растяжку, вытягивает из матерчатой сумки сверток с еще теплыми чебуреками и начинает обед, время от времени дозаправляясь из бутылки. Когда я перехожу к прессу, он, как правило, уже достигает нирваны и, откинув голову назад, незряче смотрит вверх крыши напротив.

Сегодня он достиг этой стадии раньше обычного – я поставил себе задачу довести пробежку до пятнадцати кругов, поэтому чебураки пошли в ход, пока я еще пыхтел, ускоряясь на последних трех кругах, а в дрему он впал аккурат к приседаниям.

Мой залет в Репино меня напугал, серьезно напугал. Вчера в гастрономе, поставив Тому в очередь в отдел, отошел к кассе и внезапно ослабел в ногах, мельком увидев размытую татуировку на заросшем рыжей шерстью тыле чьей-то кисти, и лишь через пару секунд рисунок сложился в штурвал. За эти две несчастные секунды я успел чуть провалиться на шаг из-за дрогнувшего колена, задохнуться и глубоко вдохнуть, почувствовать удар сердца по адамову яблоку и вспыхнувшие жаром щеки. А сегодня ночью во сне пришел четвертый, бесцветный, словно отбракованный снимок, недодержанный в проявителе начинающим фотографом, и предвкушающе мне улыбнулся. Я проснулся в воздухе над кроватью, изогнутый дугой, и потом долго успокаивал грохочущее на всю квартиру сердце.

Прошел по краю, чудом...

Не готов я еще к таким эскападам. Да и на фиг они не нужны, особенно здесь, в СССР, где я свой, родной и моя милиция меня бережет. А вот на Диком Западе мне придется первое время плавать у дна и рисковать. Поэтому надо за оставшиеся четыре-пять месяцев поставить себе хоть минимальную самооборону, с учетом того, что я сейчас быстрый, но легкий. Решено – подтягиваю себе бой.

Приняв решение, я повеселел и, неторопливо наклоняясь к заброшенной на спинку скамейки ноге, уже со спокойной душой вернулся к короткому тексту следующего письма. Ничего особого, наработка авторитета, пока у меня еще есть для этого материал, да попытка проложить ложный след. Мол, дорогой товарищ Григоренко, 13 июля в Нью-Йорке внезапно случится отключение электричества на двадцать пять часов и будет очень-очень мутно. Вашим коллегам из Первого главного

управления ничего в федеральных агентствах взять под шумок не надо? А 27 августа в центре электронной разведки, что, как вы знаете, расположен на трех последних этажах посольства США в Москве, серьезно полыхнет, да так, что сверхсекретная документация АНБ разлетится по соседним улочкам – готовьте батальон энтомологов с сачками.

Улыбаясь, формулирую в уме причину предстоящих происшествий:

«...как вероятный косвенный результат наших запланированных воздействий в иных сферах.

Искренне Ваш, Квинт Лициний Спектатор».

Представляю, как КГБ будет выискивать маленьких зеленых человечков, и настроение ползет вверх, словно столбик термометра в последние дни. Теперь, даже если как-то меня локализуют, то пять раз подумают, прежде чем лезть, и будут особо деликатны. Но лучше все же до этого не доводить...

Суббота 7 мая 1977 года, 09:25

Ленинград, Красноармейская улица

– Мне! – Пашка попытался откинуть пас, но Валдис вовремя прервал нашу «стеночку», и красно-синий резиновый мячик заметался в мешанине азартно сучащих ног, а потом отрикошетил за куст акации.

Быстроногий Ара первым вывалился из распадающегося кубла тел и успел протолкнуться дальше, а затем коряво прострелил вдоль ворот. Мячик по какой-то нелепой, совершенно не футбольной траектории заскакал по двору, наткнулся на Семину голень и влетел в наши ворота, аккуратно между моей правой ногой и изображающей штангу сумкой.

– Да что ж вы кучей-то за мячом носитесь, как стадо оленей?! – раздосадованно заорал я своим. – Шире играйте, в пас!

– Ребята! Автобус пришел! – Из-за угла вынырнула Ирка и призывно замахала рукой.

– Три-три, – подвел итог распаренный Валдис и, подхватив мяч, устремился к месту посадки.

Около закрытых дверей бело-синего лобастого пазика вскипела веселая толчея с повизгиваниями и подталкиваниями, пока Эриковна, возвысив голос, не навела видимость порядка:

– Сначала девочки! Мальчики, отойдите от дверей!

Я со вздохом сожаления отошел от занятой в нелегкой борьбе позиции у створок. План занять место для Томи провалился.

Водитель открыл двери, и девчонки радостной гурьбой ввалились в автобус.

– По трое на сиденье! Два первых сиденья не занимать! – продолжала раздавать руководящие указания классная, стоя у передней двери в компании с Соломоновной и незнакомой сухощавой старухой.

Наконец запустили и нас. Зашел одним из последних, и давно забытая смесь запахов тут же атаковала меня: авангардом шла тяжелая резиновая нота, тянущаяся от запасного колеса под сиденьем, поверх плыл аромат горячего замасленного металла, на заднем плане витали оттенки поролона и кожама.

Такие неожиданные встречи с упрятыми глубоко в памяти черточками детства по-прежнему вызывают на моем лице мечтательную улыбку, будь это стакан виноградно-яблочного сока за двенадцать копеек в гастрономе на углу, коробка с разноцветными брусками пластилина, коллекция кулинарных рецептов на отрывных листках календаря или четвертый месяц любовно выращиваемый Паштетом кристалл медного купороса в пол-литровой банке на подоконнике. Вот и сейчас я глубоко вдохнул, узнал и не сдержал счастливой улыбки.

Все так же улыбаясь, плюхнулся на драное сиденье рядом с Семой и посмотрел на прижатую к окну Зорьку – она по-прежнему общается со мной демонстративно холодно. Как-то надо уже положить этому конец...

Сема извернулся и вытащил из спортивной сумки какую-то папочку, любовно достал оттуда пожелтевший листок и закричал на пол-автобуса:

– Девчонки, что я принес! Вам интересно будет. – Он помахал бумажкой.

Шум чуть-чуть приутих, и Резник начал читать:

– Памятка беременной колхозницы, тысяча девятьсот тридцать шестого года издания.

Автобус грохнул хохотом.

– Так... Вот пункт три любопытен: «Тщательно следить за чистотой своего тела, белья и одежды. Мыться в бане не реже трех раз в месяц». – Он с победным видом оторвался от листка и обвел взглядом весело ржущих одноклассников. – Девчонки! Вот еще для вас: «Необходимо носить панталоны»...

Автобус резко дернулся, под днищем что-то заскрежетало, проворачиваясь, и рустированный фасад школы поплыл назад.

– Дай посмотреть. – Я отнял у Семы листок и с завистью повертел. Настоящий раритет, чего стоит один выразительный рисунок колхозниц, с шайками идущих к деревянной бане. – Клево, – оценил я. – Береги.

– Угу, – откликнулся Сема, – я такие собираю. У меня есть еще «Наставление по РККА по использованию противогазов для лошадей» и,

звезда коллекции, «Происхождение клеток из живого вещества» Лепешинской!

– О, знатный труд. Предисловие должно быть интересным...

– А то! Сейчас, я некоторые фразы наизусть выучил. – Сема повернулся в Зорьке: – Свет, ты знаешь, что «пока есть капиталистическое окружение, укрепление советской социалистической идеологии является важнейшей задачей работников науки? Вот почему мы должны еще и еще раз внима-а-ательно посмотреть, не гнездится ли идеализм где-нибудь в забытом уголке науки».

Зорька внимательно посмотрела на него и ласково констатировала:

– Дурачок.

– Почему дурачок? – чуть растерянно протянул Сема.

– Подрастешь – поймешь, – безапелляционно отрезала Зорька и отвернулась к окну.

Сема покосился на меня:

– Не в духе... С чего бы? Или, точнее, с кого бы?

Света чуть слышно фыркнула в стекло.

– Да, – живо развернулась сидящая наискосок Кузя. – Я бы, Соколов, на месте Светы уже семь шкур с тебя спустила.

Сидящий бок о бок с Кузей Паштет завел глаза к потолку, что-то быстро соображая, потом просветлел ликом и продекламировал:

– Если б я была кингиха, спичит ферстая герлиха... Ой...

Попытка Кузи шлепнуть его по плечу совпала с резким поворотом автобуса и трансформировалась в неожиданные объятия, из которых одна вышла вполне собой довольная, а второй – заметно сконфуженный и порозовевший.

– Обними сосед соседку, а теперь наоборот, – засмеялся Сема. – Пользуйтесь моментом, товарищи, осталось всего семь поворотов...

Автобус весело катил к Пулковским высотам.

Начало мая выдалось почти по-летнему теплым, солнце ласково щурилось нам с бледно-голубого неба, а легкий ветерок взбегал по склону и приветливо теребил детские вихры и косички. Юго-запад высоты под нашими ногами уже ошетинился ежиком светло-салатовой зелени, поверх которой густыми частыми мазками, совсем по-вангоговски, желтели головки одуванчиков. Вдали, за широким распаханном полем, поверх вязи распускающихся веток широким фронтом заняли позиции аккуратные белые кубики новостроек.

Эриковна с трудом, срывая голос и гневно поблескивая линзами,

согнала разгулявшийся на свободе молодняк в тесную группку, в центре которой, окруженная пустотой, стояла, уперев взгляд в землю, незнакомая старуха.

Ну как старуха... Высушенное временем волевое лицо, жесткая пакля седовато-рыжих волос, допотопное пальто с очень крупными пуговицами. Еще пару месяцев назад я бы сказал «женщина в возрасте», но сейчас этот термин я стал использовать для классной, которой только что стукнуло сорок. Эта же была на поколение старше.

– Так! – хлопнула Эриковна в ладоши. – Сегодня, в преддверии Дня великой Победы, мы проведем здесь, на Пулковских высотах, урок мужества. Будьте серьезны, пожалуйста. – Она обвела нас строгим и одновременно просящим взглядом. – Нам повезло, сегодняшний урок мужества с вами согласилась провести Светлана Николаевна. Тридцать пять лет тому назад она была в числе защитников Пулковских высот, а сейчас работает в музее истории города... Паша, что ты там такое интересное делаешь?!

Паштет быстро спрятал за спину почти законченный венок из одуванчиков, на который уже пару раз с легкой благосклонной улыбкой косилась Ирка, и замотал лобастой головой:

– Ничего, Зинаида Эриковна, слушаю.

– Вот и слушай... Прошу вас, Светлана Николаевна. – Классная сделала пару шагов назад, присоединившись к до сих пор пытающейся отдышаться после тяжелого подъема Соломоновне.

Старуха оторвала наконец глаза от земли, провела по кругу тяжелым взглядом и уставилась куда-то поверх голов, словно пытаясь подобрать слова для первой фразы, а потом неожиданно выстрелила вопросом:

– Вы знаете, какая главная улица в нашем городе?

– Невский, Невский, Невский... – полетело удивленно вразнобой.

– Да... Есть такое мнение, – протянула Светлана Николаевна и взмахнула рукой в сторону видневшейся вдали окраины города. – Но по мне, так главная улица идет вон там, за полем, от «Дачного» к «Сосновой Поляне». Проспект Народного Ополчения. Город – это, прежде всего, его люди. Многие тогда ушли в ополчение, ушли, и почти никто не вернулся. Ленинград обеднел на них... Вот об этих людях я и хочу вам сегодня рассказать.

Она чуть помолчала, потом с горечью выплюнула:

– Война эта проклятущая... Сожгла золотой фонд страны – забрала лучших, тех, кто стоял насмерть в обороне и первым шел в атаку. Погибло девять из десяти сознательных строителей коммунизма... А они были

предназначены не для этого! Они должны были нести идеи коммунизма дальше, возмужав, воспитать следующее поколение настоящих людей. Но их не стало... Эта прореха не заросла до сих пор, даже за треть века. И еще неизвестно, как это нам икнется... – И она заговорила, вколачивая каждое слово, как сваю: – В дивизиях народного ополчения самые тяжелые потери были среди членов партии и особенно среди партийных работников. За первые недели боев состав комиссаров, парторгов и комсorghов полностью сменился по несколько раз. Вчерашние секретари райкомов, парторги цехов погибали, поднимая цепи, погибали, ведя сводные группы на закрытие вражеских прорывов, погибали, прикрывая отход раненых... Это страшные, невосполнимые потери.

Прикрыла на пару секунд глаза, сглотнула и продолжила уже спокойным размеренным голосом:

– А ополчение действительно было народным. Оно названо так не ради красного словца. В первые же дни войны в военкоматы города явились более ста тысяч добровольцев. Люди буквально осаждали военкоматы, требуя зачислить их в действующую армию. Улицы, площади перед военкоматами были забиты людьми. Никого из нас на войну не «гнали». Наоборот, часто гнали из ополчения. Ученых, высококвалифицированных специалистов и рабочих оборонных предприятий буквально за руку вытаскивали из строя и отправляли назад. Люди скандалили, требуя отправить их на фронт. Вдумайтесь в это – требовали отправить под пули, бомбы и снаряды! – Она помолчала, уйдя на какое-то время в себя, потом досадливо встряхнула сединой и горько добавила: – И я не уверена, случись война сейчас, будет ли военкоматы осаждать такое же количество добровольцев... А эти люди знали, что и почему они защищают! И были готовы умирать за это! Вот ты, – она неожиданно ткнула пальцем в Армена, – скажи, когда ты станешь взрослым?

– Когда школу закончу. – Ара от волнения пошел пятнами.

– Нет. Неверно. Ты станешь взрослым не тогда, когда получишь табель со школьными оценками, и даже не тогда, когда затащишь первую девчонку в постель. – Армен горячо вспыхнул. – Нет. Ты станешь взрослым тогда, когда найдешь в этой жизни то, за что готов умереть.

Я опустил запыхавшее от стыда лицо к земле.

– Люди той эпохи были взрослыми, – сказала она твердо.

– А нашей эпохи? – пискнул кто-то из девчонок.

– Деточка, – усмехнулась старуха снисходительно, – да вы вообще в неэпоху живете.

– Это как? Почему? – полетело с разных сторон.

– Ну... – протянула Светлана Николаевна, – может быть, потому, что не имеете общей мечты? Наша мечта о коммунизме, глядя из сейчас, была наивной. Мы думали, что коммунизм – это трехразовое питание, чистая простыня на койке и возможность сходить раз в месяц в кино. Смешно, правда? Но мы мечтали об этом не для себя, а для всех. И верили, что это будет достигнуто благодаря нашему труду, возможно, даже при нашей жизни, и были готовы за это умирать. Не за трехразовое питание умирать, а за возможность самим создавать это будущее! А у вас есть общая мечта, за которую вы готовы умирать? Свое видение будущего? Пока этого нет, у вас нет шанса на создание своей эпохи.

На какое-то время над нами повисла задумчивая тишина, лишь со стороны аэропорта доносился приглушенный рев прогреваемых самолетных двигателей. Потом Светлана Николаевна продолжила:

– За два первых месяца войны в дивизии народного ополчения ушло более ста тридцати пяти тысяч добровольцев. И это без учета тех, кого призвали в соответствии с призывными планами военкоматов. К ним добавьте еще девяносто тысяч человек, которые не дошли до фронта, но были готовы принимать участие в уличных боях, если бы фашисты прорвали рубеж Пулковской обороны и вошли в город. Об этом мало известно, но когда здесь, на Пулковских высотах, шли ожесточенные бои, в городе формировались новые батальоны добровольцев, предназначенные для ведения уличных боев. В связи с острым дефицитом вооружения на складах этих батальонов лежали охотничьи ружья, немного гранат, бутылки с зажигательной смесью, кинжалы и пики... В состав этой последней линии обороны брали добровольцами уже и женщин с подростками. Вдумайтесь! – воскликнула она горячо, и голос ее зазвенел. – Женщины и подростки, готовые воевать на улицах своего города с фашистами кинжалами и пиками! Да немцам просто повезло, что они не вошли в город, Сталинград был бы здесь! Они бы никогда не получили Ленинград! Никак!

Ветерок шевельнул мне волосы на затылке. Или не было ветра?

– А теперь посчитайте сами: население города составляло около трех миллионов. Мужчин – половина. Из них вычтите детей и стариков, мобилизованных в кадровую армию и тех, кого просто не отпустили с заводов на фронт как незаменимых специалистов. Получается, что каждый третий мужчина ушел добровольцем на защиту своего города. Вот так-то, детки... Каждый третий! Добровольцем! Готовый умереть! Вот что такое был мой Ленинград. – Она с какой-то тоской и недоумением обернулась и

посмотрела на город вдаль, потом глуховато продолжила свой рассказ: – Проблем было много. Даже не недостаток вооружения – худо-бедно, но дивизии оснастили и пулеметами, и артиллерией, и связью, а острая нехватка кадровых командиров, знающих, как организовать ведение боевых действий. В среднем на полк приходилось по три кадровых офицера, их выгребали по сусекам. К примеру, командир моего стрелкового полка пришел с должности командира дисбата округа. Хороший командир оказался, воевал с выдумкой, мог и сам, когда надо было, пойти в атаку. А после войны делал «Войска дяди Васи». Знаете, что это такое? – улыбнулась она.

– Знаем, – откликнулся я. – Кто не знает, расскажу.

– Во-от... – продолжила Светлана Николаевна. – Дядя Вася – это тот самый командир третьего полка первой дивизии народного ополчения Василий Филиппович Маргелов, первый командующий ВДВ. Было принято решение, – возобновила она рассказ, – формировать из добровольцев, тех, кого не могла принять по штату кадровая армия, дивизии народного ополчения. По мере формирования они отправлялись на фронт навстречу врагу. Всего в Ленинграде было сформировано десять дивизий народного ополчения. Это не считая отдельных более мелких частей – например, было сформировано, преимущественно из спортсменов, несколько десятков отдельных разведывательно-диверсионных рот и батальонов, которые подолгу действовали в тылу врага. И все дивизии – все! – воевали беспримерно героически. Приведу ради примера свидетельства из донесений и дневников фашистских генералов. – Она вытащила из кармана листок и зачитала: – Командование пятидесятого армейского корпуса, наступавшего на гатчинском направлении, так характеризовало советские войска: «Многие воинские соединения то ли по убеждению, то ли под давлением комиссаров сражаются очень хорошо и сопротивляются до полного их уничтожения». А фашистский генерал Шмидт, командовавший тридцать девятым моторизованным корпусом, что воевал на южном побережье Ладожского озера, жаловался Гитлеру, что «большевистское сопротивление своей яростью и ожесточенностью намного превзошло самые большие ожидания». Другой генерал рапортовал в ставку, что «ввиду упорнейшего сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не было». А вот запись из дневника еще одного генерала: «Русские – как фанатики. Они бьются за каждый метр земли. Нас прижимают к земле, не дают выпрямиться. Такого ада мы не видели в Европе»...

– А у нас что, не Европа? – недоуменно подняла брови Аня. – У них по

географии что в школе было, у этих генералов?

– Для них мы были азиатскими варварами, подлежащими уничтожению, – пояснила ветеран.

Вокруг раздалось недовольное хмыканье. Как-то незаметно расстояние между нами и старухой уменьшилось, а наш строй стал плотнее.

Она чуть задумалась, потом снова заговорила:

– Знаете, можно было бы рассказывать, какая дивизия, где и когда вела бои, но мы же говорим о людях? Я приведу несколько коротких примеров, в которых можно увидеть их отблеск. Вот, помню такой случай. Командир нашего полка на дороге, ведущей с фронта, встретил идущего в тыл бойца. «Что, трусил?» – спросил он. «Никак нет, – ответил боец. – Шарнир на протезе разболтался, сейчас подтяну – и назад». А в третьей дивизии, что на Карельском перешейке воевала, почти весь разведбат дивизии составили из подросших у нас детей испанских коммунистов. Те вообще страха не знали. Знаете, как снайперов финских ловили? Работали двойками. Узнавали район, где снайпер вражеский сидит, один скрытно занимал позицию, а второй шел «живцом», вызывая огонь на себя. Представляете, каково это – выйти из укрытия и пойти по открытому участку, зная, что в тебя сейчас целится снайпер?! Вот так по очереди они этих кукушек и снимали. А еще очень хорошо воевали отступившие к Лужскому рубежу батальоны рабочей гвардии Риги, Елгавы и других латвийских городов. До Лужского рубежа дошло около тысячи двухсот бойцов под командованием проректора сельскохозяйственной академии Карлиса Ульпса. Стояли насмерть, их остатки потом воевали на Ораниенбаумском пятачке. А весной сорок второго, уже когда фронт здесь стабилизировался, пришли добровольцы от спецпереселенцев, так тогда называли раскулаченных. Наш комдив сначала не хотел их брать на пункте пополнения, а уже через месяц приезжал туда и орал: «Мне раскулаченных, мне!» Тоже по-своему золотой фонд был...

Но, конечно, основную тяжесть боев приняли на себя ленинградцы. Интересно, что в дивизиях народного ополчения, составленных из рабочих заводов и интеллигенции города, долгое время, даже после преобразования их в кадровые части, бойцы и командиры обращались друг к другу по имени-отчеству, а в приказах фигурировали выражения «пожалуйста», «прошу вас», «не откажите».

– Василий Иванович, не откажите в любезности прикрыть наступление нашего левого фланга, – негромко хихикнул Сема.

На него тут же осуждающе зашикали.

– Да, именно так, – кивнула старуха. – Первые три дивизии народного

ополчения, сформированные в основном из рабочих Кировского завода, Путиловской верфи, «Электросилы» и завода «Скороход», приняли удар врага на западных границах нашей области и, отступая, два месяца изматывали противника в кровопролитных боях. Потеряли по семьдесят – восемьдесят процентов состава, попали в окружение и по две-три недели лесами выходили из них, с ранеными и артиллерией. А следующие дивизии встретили противника здесь, на Пулковском рубеже и подходах к нему. Бои шли такие, что земля была вся перепахана, как будто черт в свайку играл. Здесь все нафаршировано металлом. И вот здесь у фашистов дригнула кишка! Вот именно здесь, где мы с вами стоим, – она обвела вокруг руками, – рабочие завода «Русский дизель», студенты и преподаватели университета, Политеха, Академии художеств и консерватории, ученые Академии наук остановили фашистов.

Мы огляделись, примериваясь, словно подбирая себе позиции на склоне. Она поняла:

– Молния два раза в одно место не бьет... У вас будут другие испытания, другие герои... я так надеюсь. А именами некоторых из тех героев названы улицы нашего города. Вы должны их знать. Комиссаром нашего полка в сентябре был секретарь Выборгского райкома партии Смирнов. Он пал смертью храбрых здесь, в дни самых горячих сентябрьских боев, ведя сводную группу из свежего пополнения в контратаку для закрытия прорыва фашистов. Теперь его именем названа улица около Финляндского вокзала, та, на которой расположен Дом культуры «Выборгский». И там же, на Выборгской стороне, есть улица Феодосия Смолячкова. Этот восемнадцатилетний штукатур, только что окончивший училище, стал здесь снайпером. Погиб в январе сорок второго года, но до этого всего за пять месяцев успел уничтожить сто двадцать пять фашистских оккупантов, потратив при этом только сто двадцать шесть патронов. А вон там, – она махнула рукой на северо-запад, – идет улица братьев Горкушенко. Один только что закончил десятый, а другой – девятый класс, расчет пулемета... Представьте себя на их месте: небольшой окопчик на окраине капустного поля вдоль Ропшинского шоссе под дождливым сентябрьским небом и катящая на вас свежая механизированная дивизия немцев... Оба тяжело раненные вели бой в течение двух часов, уничтожив значительное число фашистов. Но не отступили!

– А я б тоже не отступил, – набычившись, негромко проговорил покрасневший Пашка.

Я согласно качнул головой. Точно, этот не отступит...

Глава 12

Воскресенье 8 мая, 12:45

Ленинградская область, станция «Сиверская»

Электричка выплюнула дачников на перрон и под затихающий перестук колес сбежала в сторону Луги. Я приостановился у перил, пропуская груженный рюкзаками и корзинами людской поток. Пятнадцать чайных роз на длинных, почти метровых стеблях, результат сложной логистической операции, заставляли осторожничать.

«Только вчера тетя Карина с куста срезала, – гордо сказал Ашот, вручая мне их на вокзале, и задорно пошевелил усами. – Три недели стоят будут, мамай клянус!»

Принцип «за ваши деньги – любой каприз» на Кузнечном рынке соблюдается неукоснительно. Доставка роз утром к электричке, кстати, пошла бонусом в счет будущих отношений. Ашот высоко оценил как мою готовность платить, так и души прекрасные порывы.

И вот я заботливо баюкаю объемный букет, укутанный во вчерашний выпуск «Ереванской правды», и озираюсь в поисках обещанной автобусной остановки. Вот она, ошибиться невозможно – суевающаяся толпа нервно переминающихся дачников, на глаз раза в четыре большая, чем может вместить автобус, четко обозначила место ожидаемой посадки. Я озадаченно остановился – шансов на сохранение цветов в предстоящей мясорубке немного. Идти пять километров?

– Дюха! – Размахивая руками, ко мне вприпрыжку несутся две легкие девичьи фигурки.

Я прищурился, наслаждаясь зрелищем, затем быстро сорвал газету. Два шага навстречу – и, глядя в милые глаза:

– С днем рождения, Томочка! Пусть этот день запомнится тебе праздником!

– О... – зардевшись, протянула она и неуверенно приняла букет.

– О... – Яся удивлена не меньше. – Розы в мае? Ну, Дюх, ты даешь... Пятнадцать! – пискнула восторженно.

Тому чуть качнуло в мою сторону, но она тут же взяла себя в руки, некстати вспомнив о приличиях, и покосилась куда-то вбок.

– А я дядю уговорила тебя на машине встретить. – И девчонки потянули меня через площадь к одиноко стоящей черной «Волге».

– Ого, – присвистнул я. – А кто у нас дядя?

Яся кинула на меня быстрый взгляд, а Тома чуть помялась, но с гордостью в голосе ответила:

– Секретарь нашего райкома. Третий.

Я присвистнул еще раз:

– Идеология?

– Он хороший, – горячо заступилась Тома. – Пятнадцать лет на Кировском в цехе проработал. Руки – золотые! Он до сих пор, когда там аврал, иногда выходит в ночную со своей бригадой!

Я кивнул. Интересно, но не однозначно. Мне лучше затеряться на заднем плане.

У «Волги», присев на передок, курил крепкий русоволосый мужик чуть за сорок, с жестким, но располагающим к доверию слегка курносым лицом.

– Дядя Вадим! – Тома, пританцовывая, горделиво потрянула букетом.

– О... – Он поднялся, поворачиваясь нам навстречу, щелчком откинул на обочину почти докуренную сигарету и протянул руку. Пожатие было ожидаемо крепким.

– Андрей, – кивнул я, представляясь.

– Это ты знатно выступил, – указал дядя подбородком на букет и, опускаясь за руль, поинтересовался: – Родители так много получают?

Ну да, закономерно. Мажор в джинсах клеится к племяннице. Сейчас мне будут прилюдно подрезать крылья.

Я пропустил девушек на заднее сиденье, сел третьим и максимально нейтрально отрапортовал:

– Отец – подполковник, мама – библиотекарь. Родни в торговле и сфере обслуживания нет.

Он завел мотор и, вырулив на дорогу, уточнил с иронией:

– Ага, значит, машину у булочной по утрам разгружаешь? Вагоны на овощебазе для тебя пока тяжеловаты.

– Дядя! – Тома, словно защищая, накрыла мою ладонь.

Я обрадованно переплел наши пальцы и улыбнулся:

– Можно и головой работать.

– Да? – продолжил ехидничать родственник. – Научишь?

Достал. Я так тоже могу.

– Да вы уже ученый. – Я чуть наклонился и мягко провел свободной ладонью по спинке переднего сиденья «Волги». – Ученого учить – только портить.

Он хмыкнул и, на удивление, промолчал.

– Суждены нам благие порывы, – извиняясь за это бодание, негромко

пробормотал я Томе, откинувшись назад. – Да! Подарок-то я и забыл! С днем рождения! – Достал из сумки здоровенный набор голландских фломастеров.

Дядя попытался углядеть подарок в зеркальце, но я, зловредно улыбнувшись, опустил его пониже.

Глаза Томы блаженно замерцали, и я понял, что, будь мы одни... Но мы были, к сожалению, не одни, и все ограничилось благодарным поглаживанием по предплечью, а потом девушки восторженно защебетали, сравнивая цвета.

Машина, сбавив скорость, свернула в кое-как присыпанный гравием проулок, потряслась метров сто на ямках, миновала колодец и заехала в распахнутые ворота. Мы вышли, я огляделся. Довольно большой участок, вокруг – низенький хлипкий забор, по периметру еще голые кусты малины и смородины, ближе к даче – довольно большой огород. Сам дом невелик: одноэтажный, деревянный, давно не крашенный, под высокой двускатной крышей с кирпичной трубой, небольшие низкие окна в мелкую расстекловку... Ничего необычного.

С веранды, пристально меня разглядывая, спускается стройная красивая женщина. Я с восхищением посмотрел на нее, на Тому, обратно на женщину и испытал острое сожаление по поводу отсутствия еще одного букета. Остановил взгляд на Томе, безнадежно махнул рукой и протянул:

– А, согласен...

Тома густо залилась краской и спряталась за букет. Ее мама, а это однозначно была она, слишком велико сходство, звонко засмеялась:

– Томик, а ты не говорила, что он мелкий подхалим.

– Ну уж мелкий, – делано обиделся я. – К осени вытянусь.

– Раз согласен, – усмехнулась мама, – приезжай через две недели картошку сажать.

– Да запросто, – согласился я, не задумываясь. – Сейчас вот только проверю еще, как в этом доме кормят.

Сзади гулко захохотал дядя Вадим.

Конечно, никакой вазы под стебли такого размера не нашлось, поэтому, чуть обрезав, розы разместили в оцинкованном ведре, в котором обычно держат колодезную воду, и поставили на невысокую этажерку. Яркое облако начавших распускаться бутонов парило, притягивая взгляды, чуть в стороне от стола.

Праздновали всей большой семьей, аж в четыре поколения, дружно. Со стороны было всего трое. Яся, которая, как оказалось, сидела рядом с

Томой на горшке еще в яслях и участвовала во всех ее днях рождениях за последние десять лет, и два новичка – я и, как недовольно называла ее бабушка, «Варька з Шепітовки», которую зачем-то приволок с собой дядя Вадим. Из обрывков услышанных разговоров – а эту тему, недовольно шипя, негромко обсуждали по углам – я понял, что он уже пару лет шефствует над этой комсомольской активисткой и сейчас как раз удачно пропихнул ее в обком комсомола.

Услышав «Шепетовка», я вздрогнул и некоторое время исподтишка изучал эту Варьку, за что даже заработал предупредительный тычок локтем в бок от Томи. Нет, в этой обкомовской работнице ничего от сверхъестественной сущности не наблюдается. Акула обыкновенная. Я бы на месте Вадима был крайне осторожен – не задумываясь пережует, кости выплюнет и поплывет дальше. Но этот тертый жизнью мужик, похоже, испытывал на ее счет какие-то иллюзии, которые Варька умело поддерживала. Нет, она не ластилась, не кидала своими коровьими глазами томные взгляды и вообще не использовала эти обычные женские штучки. Вместо этого она время от времени смотрела на него снизу вверх взглядом преданного бультерьера, привычно проверяющего, нет ли у хозяина нужды кого-нибудь *исполнить*. Томин отец, добродушный, чуть рыхловатый, начинающий лысеть доцент института железнодорожного транспорта, непроизвольно ежилась всякий раз, когда Варька, залиvisto хохоча или что-то живо рассказывая, вскользь проводила по нему холодным взглядом политического терминатора.

Тому усадили во главе стола. Справа от нее было зарезервировано место для Яси, которое та молча, под многозначительное переглядывание родителей, уступила мне.

– Спасибо, – шепнул я ей благодарно.

Эх, как бы в декабре в мое отсутствие и для нее букет лучше организовать? Заказать в сентябре Ашоту с доставкой на квартиру в нужный день? Сделал себе пометку в памяти, не забыть бы...

Отец разлил по кругу первую бутылку полусладкого «Советского шампанского», вскрыл вторую и заколебался, глядя на нас.

– Ну налей им один раз, – разрешила чутко следящая за процессом мама, и девчонки торопливо придвинули бокалы.

– Доча, – поднял первый тост отец, – ты стала такая большая... Вон мальчик уже рядом сидит. А помнишь...

Мальчик закаменел лицом и мысленно поморщился, в очередной раз дивясь столь частой у родителей нечуткости. Меньше всего их дочка, только начавшая чувствовать себя девушкой, хотела бы сейчас вспоминать,

как она пачкала пеленки.

Чувствуя, что тост затягивается, я окинул взглядом стол. Он был обильным, но простым. Обязательный оливье в самой большой в доме посудине, салат «Мимоза», винегрет с сочной квашеной капустой, печеночный торт с выглядывающей между блинами рубленой зеленью с рынка, сыр, скумбрия горячего копчения и бутерброды с одуряюще вкусно пахнущей вареной колбасой. Много всяких засолок, маринованных овощей и грибов. Чувствуется, что к сезонным заготовкам здесь подходят основательно.

Сало! Свое, похоже, с нежно-розовым отливом у тонкой шкурки и двумя узкими прожилочками темного-красного мяса... Я нетерпеливо заелозил на стуле. Сидящий напротив дед усмехнулся в густые седоватые усы и тихонько подмигнул.

«Заметано, делим на двоих», – улыбнулся я в ответ.

Папа наконец закончил сеанс воспоминаний, и бокалы нетерпеливо сдвинулись. Я прицельно звякнул о Томин, Ясин, чокнулся с дедом, скрепив наш договор, а затем, встретившись глазами с сидящей наискосок мамой, дотянулся до нее.

Пригубил сладковатую шипучку. Ну... В общем, не фонтан. Надо будет еще сухое и брют по случаю попробовать. А пока – черняшка с салом!

Где-то через час пришла уютная сытость. Разговор за столом давно потерял единое русло, рассыпавшись на несколько изредка пересекавшихся ручейков. Женская часть жарко обсуждала рецепты салатов и солений, перебирая богатую коллекцию отрывных листков календаря. Мужики перетирали общих знакомых, а я, уже минут десять как брошенный ускользнувшими из комнаты девчонками, вяло прикидывал, чем так долго можно заниматься.

По затылку прошелся легкий сквознячок, и я оглянулся. Довольная Тома заговорщицки поманила сквозь приоткрытую дверь в полутемную прихожую. Заинтригованный, я вышел. Она торопливо закрыла дверь, на секунду замерла, прислушиваясь, а потом поволокла меня на прохладную веранду.

В самом дальнем углу около шаткого столика, застеленного вытертой клеенкой, на венском стуле, приобняв гнутую спинку, задом наперед сидела Яся. Коптила поставленная в пол-литровую банку свеча, бросая неровный подрагивающий свет на катастрофически криво даже не открытую, а вспоротую наискосок консервную банку «Глобус» с тушеными овощами. Рядом на тарелке лежал порванный на кусочки пухлый лаваш и стояла в

окружении трех мутных граненых стаканчиков начатая бутылка черносливной наливки «Спотыкач».

– Сперла по случаю, – честно призналась разрумянившаяся Тома. – Их там несколько.

– О, – протянул я, приглядевшись к блеску уже слегка окосевших глазок и следам «Спотыкача» в двух стаканчиках. – А огрести в день рождения не боитесь?

– Волков бояться – в лес не ходить, – дружно захихикали девушки. – И вообще, ты с нами или нет?!

– С вами, с вами, куда ж я денусь, – сказал я, снимая нагар ножом. Свет сразу стал ровнее.

Разливая, заметил:

– Вы в следующий раз вызывайте меня консерву вскрывать – вижу, битва здесь была нешуточная, чудом живы остались.

Взяли стаканчики. Девчонки выжидающе молча уставились на меня. Что бы такого сказать задушевного? Из памяти всплыло стихотворение, которое наверняка уже не будет подарено мне три года спустя одной хорошей знакомой.

Я начал, поглядывая на обеих:

Пусть в вашей жизни будет больше света,
Пусть в вашей жизни будет больше лета,
В котором солнце, птичьи голоса
И на траве – зеленая роса.

Пусть в вашей жизни будет меньше плача,
А больше смеха, радости, удачи.
Пусть с вами будет множество друзей.
Пусть больше будет в жизни светлых дней.

Чокнулись. Я посмаковал. А хорошо... Чернослив чувствуется, сладенькая... Сказал бы, что для девочек, но шестнадцать градусов.

Смолотили, работая по кругу алюминиевой ложкой, овощи. Маслянистые остатки овощного сула со дна дружно собрали лавашем. Под короткое «за нас» от Яси выпили еще раз, и мир, чуть покачиваясь, начал наполняться таинственным смыслом.

Я придвинулся к Томке вплотную и заметил, что по открытым плечам Яськи гуляют зябкие мурашки. Стянул ее к нам на диванчик, пристроив с

другой стороны от себя, и набросил общий на троих плед. Как-то очень естественно, не вызвав ничьих возражений, мои руки расположились на талиях.

Девчонки быстро отогрелись и слегка пьяными голосами задушевно затащили мне в уши:

– Мы вдруг садимся за рояль, снимаем с клавишей вуаль...

Огонек свечи загадочно подмигивал, постепенно размываясь, с двух сторон меня грели юные девы. Рай, натуральный рай...

– Сейчас нас хватятся, – нехотя спрогнозировал я, – и кто-то рыжий получит полотенцем по заднице. И хорошо если полотенцем.

– Рыжий? – протянула Тома, задумчиво наматывая прядку на палец и рассматривая ее, как будто увидела в первый раз.

– Рыжий, рыжий, – весело хихикнув, подтвердила Яська и припрятала почти опустевшую бутылку за диван.

– Тебе нравится рыжий? – уточнила Тома. – Я у мамы хну видела...

– Не вздумай! – ужаснулся я. – И думать забудь! Пошли, сработаем на опережение, порадуем семью своим видом.

Я толкнул дверь и, пропустив девушек вперед, зашел в комнату. Взявшись за руки для устойчивости, девчонки промаршировали к своим местам неестественно твердой походкой. Их проводили добродушными взглядами – всем было хорошо, еще когда я уходил, и за прошедшее время стало еще лучше.

Антураж немного поменялся: в центре стола появился закопченный чугунок с парящей желтоватой картошкой, на большом блюде под тонко нарезанными луковицами серебрились боками обильно политые подсолнечным маслом ломтики иваси, осторожно выглядывали из-под толстого слоя сметаны чуть отливающие зеленью соленые грузди. Судя по витающему аромату, где-то в кипятке томились сосиски. По центру стола дед, деловито пошевеливая густыми бровями, целеустремленно разливал по стопарикам «Пшеничную».

«Надо срочно картошкой с маслом или салом заесть», – мелькнула у меня спасительная идея, пока я по замысловатой траектории приближался к столу.

– О, молодежь пожаловала, – чуть пьяно протянул отец. – Сейчас мы, Вадя, у них спросим. Что комсомолия думает...

– О чем спорим, – уточнил я, утвердившись на стуле, – о работе или о женщинах?

Мужики весело заржали.

– Ну, можно сказать, что и о работе, – сказал, отсмеявшись, Вадим.

Я скользнул взглядом по стоящим на полу пустым бутылкам. Шампанское, шампанское, вино, беленькая. Ага, значит, вторую добивают... Сильны.

– О проекте новой конституции спорим, – пояснил отец. – Я за многопартийность. Вон в ГДР и в Польше по несколько партий – и кому это мешает? Пусть бы были.

Я громко фыркнул. С высоты опыта моего поколения этот детский лепет был достоин лишь осмеяния, и я не задумываясь припечатал:

– Многопартийность невозможна без хотя бы относительной свободы прессы. А как сказал один мудрый человек на предложение ввести свободу прессы в СССР: «Через месяц после отмены цензуры в Чехословакии нам пришлось вводить туда танки. Скажите, кто будет вводить танки к нам?»

Дядя Вадим с интересом посмотрел на меня.

– Так можно не убирать совсем, лишь раздвинуть рамки, – загорячился отец. – Пусть все разрешенные партии будут за социализм.

– О... – протянул я, с сожалением обнаруживая пропажу сала со стола. – Вы даже не представляете пока, какие тут открываются широкие возможности для подрыва строя.

– Да как ты его подорвешь, если все за социализм?! – в сердцах воскликнул отец. – Вы с Вадимом сговорились, что ли?!

Я наложил картошки, кинул сверху толстый ломоть масла и, любуясь тем, как оно начинает плыть, размягчаясь от идущего снизу жара, сказал:

– Начнем с того, что тогда придется предельно четко сформулировать, что такое социализм, – не вообще, абстрактно, а вот прямо здесь, на местности, в частностях. Представьте, сколько будет возникать горячих споров по этим частностям, размывая границы дозволенного до полной потери политической ориентации. Например, обязательно ли при социализме собственность должна быть общенародной или допустима коллективная? Если допустима коллективная, то можно ли иметь ее не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, как в Югославии? А почему, собственно, нет? Опять встанет вопрос с артелями... А если можно в промышленности, то почему нельзя в форме корпораций? А если можно в форме корпораций, то почему бы не начать торговать их акциями на бирже? И так по каждому существенному вопросу.

– Ну и что плохого-то? Поспорим, разберемся, выясним истину...

– Хех... А дальше начнет выясняться, что классики в новых условиях устарели. Заговорят о том, что некоторые положения нуждаются в пересмотре. Правильно, кстати, заговорят... Кто будет в этих спорах судьей? Тетя Клава из коровника на выборах будет это решать? Иначе

говоря, кто и как будет определять, где та граница, за которой оканчивается социализм?

– А по следованию принципу «от каждого по способностям, каждому – по труду», – продолжал горячиться отец.

– Да не уедешь далеко на одном этом принципе. Пятьсот рублей талантливому директору крупного завода – это по труду? А тысяча? А десять тысяч? А сто тысяч? А почему нет? По труду ж... Но не это главное, – прервал я пытающегося что-то ответить папу, – даже не это... Представьте публичную дискуссию, в которой с одной стороны – уверенный в своей правоте энтузиаст из альтернативной политической партии, а с другой, – я указал рукой на дядю Вадима, – какой-нибудь его работник, единственным достоинством которого является умение читать многочасовые доклады, не засыпая от вымороченного языка. Готова ли КПСС к поражениям в таких дискуссиях? А к поражению на выборах, пусть даже местных? Уверен, что дядя Вадим активно против многопартийности. И он прав. Пока партия в таком состоянии, никакой многопартийности допускать категорически нельзя.

За столом наступила осторожная тишина, лишь слева от меня продолжали о чем-то своем беззаботно хихикать девчонки. В глазах у Варьки зажегся нехороший огонек, и она, хищно подобравшись, оглянулась на Вадима, словно спрашивая: «Ну теперь-то уже можно, хозяин?»

Я потянулся за хрустким огурцом, раздумывая, не сболтнул ли чего лишнего.

– Кхе, – кашлянул дед. – Люба, салка нарежь еще.

Я с благодарностью посмотрел на него. Мама двинулась в сторону кухни и притормозила у косяка, с тревогой глядя на дядю Вадима.

– Значит, – задумчиво констатировал тот, – тебе положение в партии не нравится... А чем, позволь полюбопытствовать?

А, гори оно все синим пламенем!

– Единомыслием. Любая партия – это коалиция разномыслящих людей, имеющих общую цель, – коротко ответил я, потом подумал и добавил: – И еще массовым неверием в идеалы, даже среди работников идеологического сектора.

– А они должны именно верить? – усмехнувшись, уточнил дядя Вадим.

Мне его усмешка не понравилась, и я, заподозрив подвох, коротко задумался. Не обнаружив, ответил:

– Конечно, а как иначе? Если сам не веришь, то, выступая, не можешь передать эту веру слушателям. Нужны трибуны, – вспомнил я бабушку, – а

их нет.

Дядя Вадим еще раз усмехнулся, уже победно.

– Я тебе сейчас один умный вещь скажу, только ты не обижайся, пожалуйста... – За столом чуть отпустило, появились неуверенные улыбки, а мама отлипла от косяка и пошла за салом. – Глупость ты говоришь. И, учитывая обстоятельства, – он покосился на увлеченно болтающих Яську с Томой, – я тебе сейчас объясню почему.

Я откинулся на спинку и предложил, удивленный:

– Давайте определимся с тезисом. Я правильно понимаю, что вы сейчас будете доказывать, почему работник идеологического фронта может не верить в то, что он говорит?

Дядя Вадим кивнул:

– Абсолютно правильно. Ты только это доказательство дальше не распространяй... Оно для внутреннего использования. – Он наклонился вперед, пристально глядя мне в глаза. – Идеология – не религия, чтобы внушать веру, у нее другая задача. Идеологические установки должны *приниматься* населением, – выделил он голосом. – Идеология, любая, подчеркну, идеология – это способ организации общественного сознания, правления людьми путем приведения их сознания к некоторому установленному образцу. Понимаешь?

Я замер, пораженный простотой объяснения.

– Ага... Но... А раньше ж было иначе?

– А это уже диалектика. Тебе пока простительно этого не понимать. – Дядя Вадим оглянулся, взял с тумбочки позади себя кастрюлю и протянул: – На, сосисок поешь.

Я благодарно кивнул, поделился с девчонками, подкинул им картошки и приготовился внимать мудрости.

– Понимаешь, первые лет двадцать у нас в СССР вообще не было никакого опыта управления страной, мы только нащупывали свои методы, набирались путем проб и ошибок структуру управления. Тогда и была востребована страсть народных трибунов, об отсутствии которых ты сожалеешь. Это был опыт прямого народовластия, когда революционно настроенная масса выталкивала на поверхность активистов, вручая им сразу всю полноту власти. Тогда, по сути, это был единственный способ управления, бескомпромиссного, не считающегося ни с какими потерями, прущего буром. Но постепенно стал складываться аппарат власти, которому можно было делегировать властные полномочия. Эпоха прямого народовластия выносила в себе этот аппарат, и трибуны стали не нужны. Аппарат власти – более эффективный, хотя и опосредованный, способ

реализации трудящимися своего права на управление. Слышал такое выражение про командные игры – «порядок бьет класс»? Вот тут то же самое. Аппарат может состоять из средних людей, делающих свою работу, может даже из ничтожных, но вместе они делают святое дело так, как никогда не смогут трибуны с их страстью.

– Двадцать лет, – протянул я задумчиво. – До тридцать седьмого, значит.

– Примерно да, – кивнул Вадим. – Соответствует.

– Это надо осмыслить... Внешне выглядит логично. Но, – встрепенулся я, увидев слабое место, – разве это «принятие» населением не хуже искренней веры? Оно же часто будет неискренним, поверхностным, может легко смыться в моменты кризисов.

– Приятно видеть, что у нас еще есть мыслящая молодежь, – отвесил мне Вадим комплимент. – Есть такое дело... Массовая идеологическая работа нацелена на то, чтобы охватить хоть как-то максимально широкий круг граждан. А вот дальше включаются два самостоятельных механизма: подражания и самоубеждения. Когда все вокруг хотя бы напоказ следуют доведенным и принятым нормам поведения, это уже большой плюс, они постепенно действительно становятся *нормой*, – опять надавив голосом, выделил он суть. – А часть граждан, причем, заметь, значительная часть, начинает искренне в них уже верить и активно распространять вокруг себя. Еще одно-два поколения – и все, в обществе будет достигнута критическая масса для стабилизации социалистического общественного сознания. Оно станет абсолютно доминирующим и самоподдерживающимся. Еще чуть-чуть, еще немного... – На стол легло блюдо с салом, и его мысль спикировала из абстрактных высей к конкретике. – У всех налито?

– У нас – нет! – с надеждой в голосе пискнула Тома.

– А с тобой я завтра поговорю, – пообещала мама и недовольно посмотрела на меня.

Тома сникла. Я откинулся на спинку стула, чувствуя, что уже не в состоянии продолжать осмысленную дискуссию. В голове шумело все сильнее, стол начал ощутимо покачиваться.

«Пока все пьют, – мелькнула мысль, – надо дойти до двери – и на улицу, на холодок».

– За Тому, – веско произнес дядя Вадим. – Красавицей и умницей она уже стала, теперь пусть станет счастливой!

Стопки взлетели ко ртам. Я, покачнувшись, осторожно выполз из-за стола и сделал несколько нетвердых шагов к двери.

– Андрей! – раздалось сзади.

Я оглянулся, держась за косяк. Дядя Вадим поставил стопарик и, глядя на меня неожиданно трезвыми глазами, сказал:

– А где ты не прав с единомыслием, мы в следующий раз поговорим. Если он будет.

– Я постараюсь. – Скользнул глазами по Томе и вылетел за дверь.

Позорище... С бокала шампанского и двухсот граммов наливки... Проклятый возраст!

С пылающими от позора щеками, я, покачиваясь, вышел на крыльцо и присел на верхнюю ступеньку, приобняв для устойчивости столб. Попытался выговорить вслух «Джавахарлал Неру» и, огорченный результатом, задремал.

Понедельник 9 мая, 08:45

Ленинградская область, станция Сиверская

– Подожди, я сейчас, – сказала Тома и, взлетев по ступенькам, скрылась в доме.

Я упал на лавочку и подставил лицо солнцу. Легкая дурнота, уже лет десять как не посещавшая меня, продолжала мутить нутро. Ничего, сейчас до станции прогуляюсь, разойдется. Там в магазине кефирчика куплю...

Рядом кто-то сел, и я нехотя приоткрыл один глаз. Дед приветственно ухмыльнулся и, приложившись к горлышку, сделал длинный глоток «Ячменного колоса». Меня явственно передернуло, и ухмылка деда стала откровенно издевательской.

Из приотворенной двери на веранду донеслись грохот падающей табуретки, звон стекла и возмущенный вскрик бабки:

– Варька, зараза! Поставь стакан! – Затем раздался сочный шлепок полотенцем.

Загрохотало и звучно покатилося по полу задетое ведро. Дверь хлопнула, и мимо очумело пронеслась активистка.

Я, не выдержав, заржал в голос, хлопая ладонью по дереву:

– На цепь... Немедленно... Куда хозяин смотрит...

– Зар-раза!.. – Бабка встала на крыльцо и с победным видом проводила взглядом поверженного противника. – С утра винище хлестать начинается, в одиночку. Что Вадька себе думает, непонятно.

Вышла Яська, потянулась и, подтолкнув плечом, присела с другой стороны. Я с завистью посмотрел – свежая, глазки чистенькие, бодрая.

– Сейчас Тома соберется – и пойдем проводим, – сказала она.

Из дома тем временем стал опять доноситься шум. Мы с дедом прислушались и недоуменно переглянулись, – похоже, шумели Тома с

мамой. Пожав плечами, я откинулся на нагретую стенку и стал терпеливо ловить солнечное тепло.

Минут через пять дверь с грохотом распахнулась, и из дома буквально вылетела Тома. Мама, горестно всплеснув руками, остановилась в проеме. Я встал и от неожиданности икнул.

– Ой...

Тома горделиво подбоченилась.

Я медленно полез в карман, вытащил носовой платок и протянул:

– Конечно, настоящую красоту ничем не испортишь, но... немедленно смой. И на ближайшие лет тридцать можешь о косметике забыть. У тебя свои цвета хорошие.

Мама победно улыбнулась и растворилась в доме. Тома обиженно надулась и поплелась за ней.

Я повернулся, прощаясь, к деду:

– Ну... Спасибо за все, что ли... До свидания.

– Давай, малец, – махнул он свободной рукой. – До дому?

– Не-а. – Я поглядел на солнце. – На Невский.

– Хорошо... – Дед понятиливо кивнул и, чуть помолчав, добавил: – Заезжай.

Тот же день, 12:15

Ленинград, Невский проспект

Они шли, казалось, нескончаемым потоком, не в ногу, но ровными шеренгами, ряд за рядом, как волна за волной. В гражданских костюмах и военной форме. Кто-то, служащий еще и сейчас, – в парадной офицерской, цвета крымской штормовой волны, с желтым ремнем и золотистой бляхой. Иногда мелькает черная с кортиком у левого бедра. А кто-то – еще в той, бережно хранимой в глубине темных кладовок для смотра раз в году, в самый главный день. В День Победы.

И медали, медали, медали... рядами, как золотистая чешуя, у некоторых аж по пояс. Не звон, нет, не легкий звон, а солидный шорох медалей уверенно ложится поверх праздничного шумка, как доверительный разговор вполголоса.

А справа – ордена, почти у всех, у многих – не в один ряд. Изредка мелькают, сразу притягивая взгляд, золотые искорки «Героев». Не много, но есть, живы.

Я стою на мосту у Дома книги, невольно вытянувшись по стойке «смирно», и смотрю на крепких еще стариков и старух.

Да какие старики! Не стары они еще, походка свободная и уверенная.

Не походка – поступь. Поступь победителей.

Это потом этих мужиков согнет предательство детей и внуков. Это потом они, потерянные и никому не нужные, будут доживать. Это потом их начнут стыдить за стойкость убеждений и призывать лобызаться с теми, кто стрелял им в спину.

А пока – победители.

На Невском солнечно и тепло, но меня пробивает озноб. На плечи неподъемно лег пласт Истории. Эти не отступили. Пашка – тоже. Воображение мотнуло перед глазами сочные листья капусты, мокрую глину торопливо отрытого окопчика и, между рычащими коробочками, фигурки в фельдграу на планке прицела.

Я в той жизни слишком долго отступал. Все, дальше некуда.

Среда 11 мая 1977 года, 14:35

Ленинград, Красноармейская улица

Минут за десять до окончания классного часа в дверь проскользнула завуч и, что-то нашептав на ухо Эриковне, повела ее за собой.

– Никому не расходиться, – встревоженно обернулась классная в дверях. – Сейчас состоится комсомольское собрание класса. У нас серьезное ЧП.

Класс возбужденно загудел, перебирая версии. По всему выходило, что самым серьезным происшествием последней недели был эпизод, когда Валдис и Сема на перемене перед физкультурой забросили в девичью раздевалку Чижику из седьмого «А». Визг действительно стоял знатный, а потом полуодетая Кузя, торжествующе держа страдальца за крепко вывернутое ухо, выпнула его за дверь, но на серьезное ЧП это никак не тянуло. Во-первых, это происходило уже не впервой, причем к негласному взаимному удовлетворению сторон, поэтому в визге из раздевалки преобладали скорее азартно-радостные нотки. А во-вторых, Валдис и Сема очередной втык за это уже получили.

Некоторое время мы поупражнялись в остроумии, подбирая формулировку возможного взыскания за это происшествие по комсомольской линии. Сема настаивал на выговоре «за такие недостаточные усилия по углублению и расширению» и просил в качестве особого наказания закрепить за ним Кузю в качестве наставницы. Разрумянившаяся Кузя была согласна взвалить на себя такую нагрузку, но сразу честно предупредила, что расширять и углублять под ее руководством Сема сможет хоть по три раза на дню, но исключительно с Валдисом. Я слушал, изумленно задирая брови. В прошлый раз такие коннотации в речах

одноклассников проходили мимо меня, не встречая никакого узнавания и понимания.

Постепенно возбуждение пошло на убыль. Тут дверь наконец распахнулась, и в класс прошествовала административно-партийная верхушка. Первой с деловито-озабоченным видом вкатилась Тыблоко. За ней по-хозяйски уверенно зашел невысокий сухонький мужичок в костюме, буквально лучащийся радостной энергией. Чувствовалось, что человек горит на работе. Затем в проеме возникла невнятная суতোлка, было видно, что кто-то, размахивая руками, пытается безуспешно уступить кому-то дорогу. В итоге сдались оба, и в дверь, чуть ли не обнявшись, протиснулись Эриковна и Антон Веселов.

Тыблоко постучала указкой по столу, и на класс опустилась вязкая тишина.

– Товарищи комсомольцы, нам необходимо провести комсомольское собрание для обсуждения фактов, изложенных в поступившем в райком партии заявлении от члена нашей комсомольской организации. – Она поджала губы, обвела класс серьезным взглядом и добавила: – Суть заявления будет изложена инструктором Ленинского райкома партии товарищем Горячевым Сергеем Ивановичем.

Мы за минуту выполнили формальности: приняли решение о проведении собрания и избрали в его председатели Алену. Затем слово предоставили инструктору райкома.

– Товарищи комсомольцы, – начал он, – по школе, оказывается, гуляет мерзкий стишок про Генерального секретаря КПСС дорогого товарища Леонида Ильича Брежнева и героического руководителя коммунистов Чили товарища Луиса Корвалана. Печально, но об этом нам сообщил только один сознательный комсомолец, – веско сказал он и с угрозой окинул учеников взглядом. – Только один, и в этом тоже предстоит сегодня разобраться.

Сидящий в президиуме Веселов отчетливо позеленел, Эриковна ссутулилась сильнее обычного, а Тыблоко сжала губы в тонкую полоску и уставилась на инструктора.

Я напрягся, вспоминая, потом оглянулся, увидел довольного Лейтмана и все понял.

Ах ты ж мразь! Решил так расчистить себе путь в девятый класс?!

Мысли понеслись галопом в поисках выхода. Надо выводить Пашку из-под удара, остальным ничего существенного не будет... А Пашка про Антона умрет, но не скажет.

Решение пришло через три удара сердца. Да чем может быть опасен мне этот возбужденный властью плешистый хорека?! Я уже вне его

юрисдикции. Как же приятно это ощущать! Я хищно улыбнулся и прикинул план глумления, затем наклонился к уху окаменевшего Паштета.

– Паш, – шепнул чуть слышно, – ты мне веришь?

Паштет посмотрел на меня расширенными зрачками и заторможенно кивнул.

– Сиди и молчи, спросят – ничего не было, не задумывайся даже. И Томе с Иркой передай. – Я оглянулся на встревоженных девчонок и быстро начеркал короткую записку.

– Итак, – продолжал тем временем распинаться партайгеноссе, – пусть тот комсомолец, который притащил эту гадость в школу, объяснится сейчас перед своими товарищами. А потом заслушаем тех, кто его не прервал, не схватил за руку и не сообщил об этом возмутительном происшествии куда-то. – Последние два слова он произнес слитно, возбужденно трясая в воздухе листом бумаги, а потом бросил донос на стол перед собой.

Тыблоко тут же перекосилась вбок и принялась жадно вчитываться.

«Интересно, – подумал я, готовясь встать, – есть ли там про Тому и знает ли Тыблоко про ее дядю?»

– Ну что, – инструктор, не находя себе от возбуждения места, дергано перемещался вдоль доски, – нет смелых? Как антисоветчину рассказывать, так смелые, а как держать ответ – в кусты?!

Тыблоко дочитала донос примерно до середины листа и, вздрогнув, посмотрела на Тому, а потом повернулась к Хорьку и замахала рукой, безуспешно пытаясь привлечь его внимание.

«Есть. Знает», – понял я с удовлетворением и, сжав на прощанье Паштету предплечье, поднялся с места и направился к доске. Тыблоко с удивлением воззрилась на меня, а Антон поверх бледной зелени пошел ярко-белыми пятнами.

Я вышел, выполнил четкий разворот через левое плечо, неторопливо провел взглядом по лицам товарищей и спокойно улыбнулся. Господи, хорошо-то как! Как хорошо не бояться!

– Ребята, – начал я задушевно, – и девчата! Недели три назад я пошел в баню на Шкапина. Попарился так хорошенько, взял шайку, намылил, понимаешь, голову. И тут какая-то сволочь возмутительный анекдот рассказала. Пока мыло смыл – нет уже никого вокруг. Поверите, – я прижал ладонь к груди, – ночь потом не спал, так на душе от возмущения все кипело!

По лицам наиболее сообразительных поползли понимающие усмешки.

– Утром не удержался и поделился своим возмущением с комсомольцем Лейтманом.

Все дружно повернулись и оценивающе посмотрели на пораженно застывшего Лейта. А я тем временем исподтишка показал кулак порывающемуся вскочить Паштету и скорчил ему зверскую рожу.

– Вот. Все, – закончил я и, глумливо улыбнувшись, шаркнул ногой.

Тыблоко наклонилась вбок и сильно дернула за рукав ошалевшего от моей наглости инструктора, буквально подтягивая его к себе.

«Идиот». – Клянусь, именно это слово я прочел в шевелении ее губ, прежде чем, нагнувшись, Хорек закрыл видимость. Тыблоко что-то жарко зашептала ему на ухо и экспрессивно ткнула пальцем куда-то в донос, чуть не проткнув его. Хорек сдупся на второй фразе. Только что это был победитель, готовый, изгаляясь, вдоволь помурить жертву, и вот это уже какое-то недоразумение, жалкий преющий обмылок с бегающими глазками, переминается, нервно теребя подрагивающими пальцами несвежую манжету.

Я с победной ухмылкой в упор посмотрел на еще ничего не понявшего Лейтмана, а потом сделал пару шагов в сторону и сгреб лист со стола.

– Ого! – быстро, даже не читая, лишь бросив взгляд по диагонали текста и выцепив нужные фамилии, произнес я ключевую фразу. – Да тут корыстный оговор, а не сообщение честного комсомольца! Татьяна Анатольевна, – я с возмущением посмотрел на Тыблоко, – это все из-за объединения классов! У Паштета... э-э-э... извиняюсь, у Паши средняя оценка чуть лучше, чем у Лейтмана. И они оба на грани прохождения в девятый.

Тыблоко понимающе дернула уголками рта, властно изъяла у меня донос, с укоризной посмотрела на Хорька:

– Сергей Иванович, надо было сначала ко мне с этим зайти, – и тряхнула листком.

Тот сокрушенно развел руками, признавая как свою ошибку, так и право директора на выправление ситуации. Тыблоко удовлетворенно кивнула, со значением посмотрела на Тому и, отрицательно покачивая головой, уточнила:

– Афанасьева, ты ведь не слышала, чтобы кто-нибудь при тебе рассказывал политический анекдот?

За спиной Тыблока затряс головой бледный инструктор.

– Нет, – ровно улыбнулась Тома.

Веселов шумно выдохнул, и пятна покинули его физиономию, переселившись на перекошенную рожу Лейтмана, только теперь они были не белые, а ярко-красные.

Выходя вслед за расслабленным Хорьком из класса, Тыблоко мне подмигнула, а Антон откровенно облапал, и это могло бы показаться странным для секретаря комсомольской организации школы – только что мне объявили замечание за политическую наивность, но Веселову было сейчас не до тонкостей этикета.

Да и замечание это мне пришлось долго выпрашивать, объясняя, что иначе нельзя, что это минимальная реакция на ситуацию со стороны комсомольской организации, которая только что подтвердила свое здоровье, извергнув из своих рядов клеветника. Ну как извергла... Это решение еще должно быть утверждено на школьном комитете, но, судя по злому блеску в глазах Веселова, за ним не заржавеет.

Доносчиков не любит никто, а дураков в классе нет. Почти все всё правильно поняли на раз, а кто не понял, тому быстро объяснили. Возмущенное собрание не церемонилось, а непротивление представителя райкома и одобрительное кивание Тыблока лишь ускорили расправу над Лейтманом.

Теперь я собирал плоды резко возросшей популярности. Было приятно и немного стыдно – ведь на самом деле я практически ничем не рисковал. Даже при худшем раскладе райком просто никак не успевал серьезно мне нагадить за оставшиеся недели. Более того, в этом худшем случае у меня мог появиться понятный мотив для запланированного поступка. Но что случилось – то и случилось.

Меня одобрительно хлопали по плечу, жали руку, мне широко улыбались девчонки, а потом сквозь толпу протолкалась Зорька и прилюдно, под радостный свист и веселые аплодисменты, коротко обняла и шепнула: «Молодец». За ее спиной Тома, вся светясь, подняла вверх большой палец. Зачет.

Пятница 13 мая 1977 года, 13:55

Москва, площадь Дзержинского

– Что?! – возмущенно всплеснул руками Андропов. – Что значит «третий день не можем найти»?!

– Нигде нет, Юрий Владимирович, – потерянно развел руками Чебриков. – Поисковые группы закончили прочесывание местности – никаких следов. Машина, верхняя одежда – на месте, а сам как испарился.

– Ну не дай бог! Не дай бог, опять по бабам пошел, – злобно прорычал Андропов, оглядывая потупившихся генералов. – Это последняя капля будет... Жену допросили?

– Да. – Бледный Чебриков невольно вытянулся по стойке «смирно». –

Она и позвонила позавчера днем оперативному дежурному. В последний раз видела мужа вечером восьмого, вместе легли спать. А утром не обнаружила. Два дня выжидала, думала, что к любовнице смотал.

– Так... – Андропов выбил по столешнице какую-то дробь, что обычно делал, стараясь успокоиться, и начал твердым голосом раздавать указания: – Создать штаб, координирующий поиски. Виктор Михайлович, вы назначаетесь руководителем. Ориентировку на Калугина в погранслужбу, линейные отделения на транспорте. Группы по родственникам и знакомым. Задействуйте МВД в полном объеме, пусть вывернут своих информаторов. Опросите местных жителей. По списку, всех! – Он рубанул ладонью по столу и повернулся к Григоренко: – Григорий Федорович, по линии вероятных противников оживления в резидентурах нет?

– В Москве в последние дни ничего выбивающегося из обычного порядка не было. В Ленинграде было небольшое шевеление две недели назад по линии ЦРУ. Судя по всему, проводили какую-то тайниковую операцию. К сожалению, это пока все, что мы можем предполагать. Мы сейчас там с ними по вашему распоряжению плотнее обычного работаем, на пятках висим.

– Хорошо. – Андропов поймал себя на том, что выбивает победную дробь, и резко убрал руки под столешницу. – Хорошо. Виктор Михайлович, – обратился он к смурному Чебрикову, – найдите мне Калугина. Найдите! Срочно. Мне доклад каждые четыре часа. Всё, все за работу. Борис Семенович, останьтесь.

Когда за последним уходящим закрылась дверь, Андропов молча приподнял правую бровь. Иванов позволил себе так же молча улыбнуться, чуть-чуть, самыми кончиками губ.

– Удалось узнать, как Картер собирается реагировать на успехи сандинистов? – Андропов, чуть усмехнувшись, направился к сейфу. – Поехали, по дороге расскажешь. Гайр Аванесович форельки привез, еще вчера в Севане плескалась. Давай на шампурах сделаем? – Он многозначительно помахал в воздухе вытянутой из сейфа папкой.

– Ишхан? Это хорошо. – Иванов сладко потянулся и выбрался из-за стола. – Поехали. Только лимон надо захватить.

Тот же день, 16:15

Московская область, «Горки-9»

Они расположились на солнышке в плетеных креслах у беседки позади скромного деревянного домика. Перебрасывались

малозначительными фразами, неторопливо потягивали белое вино, закусывали сыром с пресным лавашем и наблюдали, как дымок лениво овеивает изогнувшиеся дугами тушки мелких, чуть больше ладони, рыбешек.

Если бы какая-нибудь сущность, способная прозреть игру вероятностей, приоткрыла этим еще крепким мужчинам завесу над наиболее возможной реализацией будущего, то они бы с искренним удивлением и негодованием увидели на этом самом месте морок преисполненного имперской пышности, наполненного челядью громадного дворца для пышнотелого юриста. К счастью для их душевного благополучия, власти предержащие не представляют для таких сущностей никакого интереса, и неторопливая беседа продолжала спокойно течь на опушке начинающей зеленеть березовой рощи.

– Кстати, опять хоромы для детишек строить стали, – пробурчал Иванов. – Я тут Жору озадачил, он насчитал несколько десятков за последний год. Перепродажи пошли – уходят всяким директорам рынков и гастрономов по тридцать – пятьдесят тысяч.

– Кто, к примеру? – заинтересованно повернулся Андропов.

– К примеру, Гришин. Гарбузов. Патоличев. Андрей Андреевич... тоже для сына строит.

Андропов раздосадованно крикнул:

– Я же три года назад продавил запрет строительства благоустроенных дач ближе пятидесяти километров к Москве, чтобы пресечь это безобразие с перепродажами. Эх, разболталась система... Уже и решения Политбюро ни во что не ставят. Пора немного гайки подкрутить.

– Угу, – согласился Иванов, подтягивая на пробу один шампур. – Пора. Чего ждем?

Они обменялись взглядами, потом Андропов крутанул головой.

– Да чисто. Я секу, – успокаивающе махнул рукой Иванов. – Кстати, можно начинать.

– Отлично. – Андропов аккуратно снял на тарелку рыбку с шампура и побрызгал гранатовым соусом. – Как все прошло, Борь?

– Штатно. Взяли тепленьким в сортире, мягко зафиксировали и вывезли. Потом было два часа на поработать. Ну и концы в воду, так сказать... В крови следы алкоголя будут.

– И? Удалось что-нибудь узнать?

– Угум-с. – Иванов с удовольствием впился в похрустывающую спинку, с блаженным видом прожевал вместе с косточками, запил вином и, приняв серьезный вид, продолжил: – Информация подтвердилась. Из

первых, так сказать, уст.

– Удалось-таки расколоть? Так быстро?

– Есть методы, – туманно пояснил Иванов, неопределенно перебрав в воздухе пальцами. Вытащив из внутреннего кармана конверт, протянул Андропову: – Здесь эрзац. Если кратко, то да, сам активно пошел на вербовку во время стажировки. Нагадил нам знатно за эти годы. Давить таких в колыбели надо.

Андропов беззвучно перебрал губами.

– Да... Была все-таки надежда на ошибку, – пробормотал, задумчиво водя прутком по полу. – С другой стороны... С другой стороны, это хорошо.

– Хорошо? – изумленно дернулся вперед Иванов. – Юр, ты мне эту светлую сторону не покажешь? А то у меня, кроме удовольствия от того, что эту гадину собственными руками раздавил, ничего больше нет, одно расстройство.

Андропов еще раз инстинктивно огляделся.

– Борь... Насчет гайки подкрутить. Скоро встанет вопрос... куда, как и кто поведет страну. Старики уже не в счет. Щербицкий, Романов, Гришин, я. Будет борьба. Сам знаешь, как нас боятся. Пуганые вороны... Жирные такие. Потому и обложили со всех сторон. – Он отодвинул в сторону тарелку и, привычно сцепив ладони, уткнулся в них носом. – Победит в конечном итоге тот, кто будет больше всех знать.

Над столом на некоторое время повисло молчание. Потом председатель КГБ продолжил:

– Я, пожалуй, больше ничего говорить не буду. Сам все поймешь. На. – Он подтолкнул лежащую на углу папку к Иванову. – У тебя есть три – пять сотрудников, которым ты можешь абсолютно доверять? Не боевиков, тут надо будет думать.

Иванов задумался, мысленно пересчитывая в уме, потом уверенно ответил:

– Есть. И больше найдется.

Андропов испытующе посмотрел, потом хмыкнул:

– Как ты был идеалистом, так и остался. Ладно. Мальчик большой, прочтешь, подумаешь... Делай группу, пусть занимаются только этой темой. Назовем ее... – Андропов вскинул глаза к верхушкам берез и задумался. – Назовем «Сенатор».

– Не прямолинейно? – поинтересовался Борис.

Юрий Владимирович покачал головой и повторил:

– Прочтешь – поймешь.

– Задача?

– Задача-минимум – получить двусторонний канал связи с «Сенатором». Максимум – привлечь к сотрудничеству.

– Все как обычно, – покивал Иванов.

– Да не совсем, – усмехнулся Андропов.

– Да? – с сомнением переспросил Борис и кивнул на папку: – Можно?

– Да, пора.

Иванов энергично вытер руки салфеткой, сделал большой, финальный глоток вина, отставил бокал подальше и решительно открыл папку. Андропов откинулся на плетеную спинку и, покачивая бокалом, с интересом наблюдал за лицом своего конфиденнта.

– Хм... – промычал тот, переворачивая первый лист, и его рука, дернувшись, поползла в сторону бокала. – Хм... – С досадой метнул взгляд на конечность и, отдернув ее, почесал лоб. – Высоко сидит, далеко глядит?

– Ты дальше читай, дальше, – ласково напел Андропов.

Иванов поиграл бровями и опять уткнулся в папку, то стремительно заглатывая страницы, то недоуменно застывая на каких-то фразах. Иногда он возвращался назад и выборочно что-то медленно перечитывал, губы его в такие моменты шевелились, а свободная рука комкала салфетку. Минут через пять непонимающе сморщился и спросил с редкой для него неуверенностью:

– Это как?..

– А вот так, Борь, а вот так, – с удовольствием откликнулся Андропов.

– А вот не постесняюсь задать вопрос... – Иванов взвесил папку в воздухе. – Юра, это что, на полном серьезе?

Андропов молча кивнул.

– Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца. Врите, врите, бесенята, – невнятно пробормотал Иванов и с удвоенной скоростью принялся поглощать информацию.

Перелистнул последнее экспертное заключение, пару секунд побуравил ничего не видящим взглядом коленкор папки, быстро ее захлопнул, прижал, обхватив двумя руками, к груди и отчаянно закрутил головой:

– И не просите, вашбродь, не отдам!

– Ну почему?! – патетически воскликнул Андропов, всплескивая руками. – Боже, ну почему, за что?! У всех, ну буквально у всех доверенное лицо – серьезный, солидный, вменяемый человек, а у меня... – И он процедил чуть ли не по слогам, артистично изобразив омерзение: – А у меня – Иванов!

– Такая у тебя, Юра, планида, – поучительно сказал Иванов. – Терпи, атаманом будешь.

Они посерьезнели.

– Да... Пожалуй, я ошибся, – огорченно сказал Иванов и коротко задумался. – Два. Только два...

– Что – два? – не понял Андропов.

– Только двух человек могу под такое привлечь. Увы...

– Это очень хорошо, – оценил Андропов. – Ровно в два раза больше, чем у меня. Вот, кстати, еще свежачок. – Он извлек из кармана лист. – Сегодня на ленинградском главпочтамте изъято. Само письмо на экспертизе, это текст.

Иванов прочел, задумчиво потеревил ухо и начал рассуждать вслух:

– Нет, ну если мне задачу поставят, я Нью-Йорк выключу, не слишком сложно... Но вот заранее просчитать, на сколько именно часов... То же самое с пожаром в посольстве. Надо будет – полыхнет, и именно на тех трех этажах, хотя это заметно сложнее, чем Большое Яблоко загасить. Но вот предугадать, что при этом случится разлет документации, да указать, по каким именно улицам... да за три месяца вперед... Давай, Юр, подождем-посмотрим, как они это делать будут?

– Угу. Все так. Золото, кстати, за месяц после четвертого письма припало в Лондоне на семь процентов.

Иванов быстро листнул папку, нашел нужное письмо и вчитался.

– Хм... Прикупить, что ли... Выходы есть.

– На твое усмотрение. И еще... Первое письмо открой, вторую страницу, где про Митрохина. – Андропов подождал, пока Иванов найдет и прочтет нужный абзац. – Его три недели Бояров вертит так и сяк. Про все уже рассказал в мелких подробностях, кроме одного, – кто еще знал про бидон. Может статья, и врет: одно дело – умысел на предательство, другое – само предательство. Но, помня про драгоценности в пакете муки из второго письма, про киноплёнку с садистскими записями, – а МУР и Главное следственное управление все указанное в том письме уже нашли, – он, может, действительно никому и не говорил. – Председатель сделал еще одну паузу. – Но в этом надо быть уверенными. В общем, забирай себе, работать можешь предельно жестко, но ответ получи. Потом мне предложение по закрытию дела.

– А фальшивомонетчик этот? Один работал? Тоже взять в разработку?

Андропов отрицательно качнул головой:

– Нет. Допрашивать, конечно, допрашивай сколько хочешь, но исключительно в обычных рамках. Там приписку помнишь по нему, про

милосердие? Мы должны быть очень отзывчивы к просьбам этого «Сенатора». – Он подумал и добавил: – По сути, это единственное пожелание, которое нам пока выставлено за весь объем информации.

– Угу, согласен, – кивнул Иванов. – Тут жаться не стоит.

– Этот тип, кстати, действительно оказался интересен. Самородок, каких мало, да еще и почти бескорыстный. Думаю, дать условно и пристроить в отдел техобеспечения, пусть теперь, наоборот, ловит фальшаки.

Иванов весело рассмеялся:

– Получается, и тут мы в плюсе?

– Угу... А вообще, – Андропов неопределенно взмахнул рукой, – есть мысли?

Иванов открыл рот, собираясь что-то ответить, но вместо этого издал какой-то неопределенный звук и задумался.

– Знаешь, я, Юр, пожалуй, воздержусь, чтобы не было потом мучительно стыдно. – Он наморщил лоб. – Спектатор – это же вроде наблюдатель? Спектр, спекулянт, спектакль... Найду я этого театрала. Не сразу, но найду. Обещаю.

Суббота 14 мая, 13:25

Москва, Старая площадь

Солнце летней птицей билось в наглухо закрытые окна кабинета, но этот человек предпочитал рабочую тишину, легкий полумрак и отсутствие сквозняков. Он опять неважно себя чувствовал и предыдущую ночь провел в палате правительственной больницы, что на Грановского, но доктора так и не уняли тянущую боль в левом локте, и поэтому яркий свет вызывал сегодня особое раздражение. Впрочем, он умел себя контролировать и никогда не выплескивал свои проблемы на окружающих. Недостойно это, особенно учитывая его положение.

Плохо чувствовать себя старым... Он всегда был не очень здоров, давал о себе знать детский туберкулез, но особо унижительно ощущать не болезни, приходящие извне, все эти гриппы, ангины и пневмонии, а предательство собственного организма. Еще, кажется, вчера, ну пусть не вчера, но шесть-семь лет назад, ты мог легко метаться по волейбольной площадке и быть со своим ростом метр девяносто центровым, а сегодня из развлечений остались только доминошные турниры на вылет между коллегами из Политбюро да посиделки в правительственной ложе на хоккее.

Память и та стала подводить. Нет, помнит он все по-прежнему ясно, и

мозг работает так же остро, но отчего-то воспоминания по ночам приходят безвкусными, как картон. Сохранились даже мелкие детали, но эта череда картин проходит, не вызывая никаких эмоций, не всколыхивая ничего внутри. Все серо и неинтересно, как будто это было не с ним. И даже последняя любовь, Настенька Черняховская, искрящая весельем вдова почти маршала, любящая потанцевать и поиграть на гитаре, и та как будто не ему улыбалась тридцать лет тому назад.

С этим, впрочем, Михаил Суслов смирился, но гнетет тяжелой гирей долг, а врачи теперь отпускают на работу не более четырех часов в день. Приходится концентрироваться на самом важном, ведь передать пост, увы, некому, и это проблема. Да, большая проблема...

Длинные тонкие пальцы, про которые и не скажешь, что крестьянского сына, еще раз задумчиво поворошили лежащие на столе листы.

Дверь беззвучно отворилась, и он вопросительно вскинул очень светлые, почти белые глаза на вошедшую.

– Борис Николаевич звонил, пошел на обед, – доложила, стоя на пороге, бессменная секретарша Шурочка. – А Пельше что-то нехорошо сегодня, в больницу поехал.

– Ясно. Ладно, с Пономаревым пока одним обсужу. – Михаил Андреевич достал из верхнего ящика пухлый конверт с деньгами и каталоги издательств. – Саша, отправь, пожалуйста, как обычно.

Встал и двинулся к выходу, оставив листы на столе. Будучи почти первым человеком самой мощной страны, он мог ничего не бояться, тем более здесь, в этом здании на Старой площади, в цитадели партии. Не было в этой стране силы, которая бы рискнула без спроса засунуть нос в его бумаги.

Он легко мог стать и Первым: тогда, в шестьдесят четвертом, многие секретари были готовы пойти за ним, а не за Леней. Именно он был тем стержнем, вокруг которого потаенно складывался круг недовольных, именно он рисковал больше всех, ведя закулисные переговоры с глазу на глаз. И потом именно он открыто встал на трибуну пленума и методично бросал Никите увесистые обвинения в отходе от ленинского курса.

От прокурора на трибуне до нового Первого – один шаг, это было понятно всем участникам пленума. Но он отказался, сам, заранее, добровольно уступил еще на стадии договоренностей. Вся эта парадная мишура – не для него, он любит работать. Пусть жизнелюбец Брежнев красуется в капитанском мундире, его же устраивает роль бессменного вахтового у штурвала или, даже вернее, штурмана, неумоимо прокладывающего путь в будущее.

Он ни разу не пожалел о том, что посторонился тогда, ведь все последующие годы последнее слово почти всегда оставалось за ним. Да, по мелочам Брежнев иногда мог продавать свое решение, если они расходились во мнениях, как, к примеру, в семьдесят втором, когда решали, посылать хоккеистов в тур по Канаде или нет. Но по действительно важным вопросам Брежнев никогда, совсем никогда не принимает решение сам, а бормочет: «А это как Михал Андреич посмотрит...» И это хорошо, ведь Второму больше, по сути, ничего и не надо.

Шурочка привычно тормознула его в дверях и придирчиво осмотрела, а после зачем-то одернула и так ровно сидящий пиджак и смахнула лишь ей одной видимую соринку с рукава. Михаил Андреевич с высоты своего роста добро улыбнулся своему ангелу-смотрителю и пошел на обед, мысленно поставив в уме еще одну галочку напротив плана дел. Сегодня он, как это делал втихую от всех уже много-много лет, сдал четверть своей зарплаты в Фонд мира, а на вторую четверть заказал книг для школьной библиотеки в родном селе Ульяновской области. Зарплаты у членов Политбюро неприлично большие, ему столько не надо. На еду хватает, одежду он меняет редко, и мебель с казенными бирками на квартире его вполне устраивает. Настоящий коммунист должен быть хоть немного аскетом. Впрочем, это личный выбор, он никогда не требовал этого от других, лишь поднимал планку для себя.

Неторопливо идя по коридору, Суслов приветливо здоровался с сотрудниками и ощущал себя дома. За десятилетия Михаил Андреевич настолько сроднился с этим зданием, с его длинными коридорами с бордовыми дорожками по центру, переходами и лифтами, фикусами в кадках рекреаций, что чувствовал порой эти стены как самого себя, как еще один слой одежды, как броню, надежно защищающую от беспокойства медленно подышающего «старого мира». А еще ему нравилась пронизывающая здание пульсация коллективной мысли, которая, оформившись и получив его одобрение, становилась волей силы народа.

В цеховской столовой он привычно пристроился в короткую общую очередь и, доброжелательно улыбнувшись, так же привычно пресек робкую попытку пары гостей здания пропустить Второго вперед. Ему не надо привилегий. Никаких. Он даже своему водителю приказал ездить строго по правилам, поэтому его машина никогда не едет быстрее шестидесяти.

Пробежался глазами по строчкам меню и, быстро произведя в уме вычисления, заранее набрал из кошелька монет, с точностью до копейки. Яйцо с майонезом, щи из свежей капусты, пара сосисок с пюре, два куса черного хлеба и компот – он всегда был неприхотлив в еде. Не в этом

счастье, не в этом...

– Приятного аппетита, – поприветствовал он Пономарева, осторожно водружая нагруженный поднос на стол.

Этот секретарь ЦК КПСС, его формальный заместитель, не был доверенным соратником, хоть и проработал в этом здании почти столько же. Не был он и другом – не возникала между ними та особая химия, что вызывает взаимную симпатию. Но, будучи почти одного возраста и пройдя примерно по одним и тем же ступеням, имея даже одни и те же предпочтения, они были товарищами по работе. Да, это привычное слово «товарищ», произносимое часто бездумно, как артикль, имеет свой смысл и как нельзя лучше отражает связывающее их взаимное уважение. Суслову нравился такой тип отношений.

Ели неторопливо, обсуждая всякую всячину, и настоящий разговор в небольшом столовом кабинете, отделенном от общего зала лишь тяжелой занавеской, завязался только к компоту.

– Прочел я доклад Яниса, – бросил Суслов, загоня куском хлеба остатки пюре на вилку. – Интересно, но не более того. Не вижу причин для той волны беспокойства, что он погнал в связи с этим. Арвида Яновича запугал чуть ли не до приступа, тебя взбаламутил... Спокойнее. Пусть Юра отрабатывает, его вопрос.

– Он уже и отрабатывает, аж зачистку аппарата начал. – Пономарев приглушил, насколько смог, не сваливаясь в неуместный шепот, свой мощный голос и теперь осторожно оглянулся, прикидывая, слышно ли его за занавеской.

– Даже удивительно, что осмелился, – тонко улыбнулся Суслов, – осторожный наш...

– Боится, – сдержанно усмехнулся в усы Пономарев.

– Да. И хорошо, пусть боится. Лишь бы от страха глупость не выкинул. – Михаил Андреевич вытряхнул из стакана на ложку грушу и внимательно ее осмотрел. – Вот за этим и надо следить. А остальное – блажь.

Пономарев озабоченно вздохнул и уточнил:

– А Морис? Так и спустим? Просто утремся?

Суслов спокойно догрыз разваренный сухофрукт, сложил кисти рук в замок и похрустел суставами, выглядывая что-то в глубине полированной столешницы.

Пономарев чуть заметно поморщился. Этот мертвящий хруст, издаваемый Михаилом Андреевичем в моменты задумчивости, был глубоко чужероден этому зданию с его говорящими вполголоса сотрудниками. Так,

должно быть, хрустят у костров, попивая чифирь из оббитых эмалированных кружек, потные мужики в фуфайках, те, что только что валили лес и вязали плоты.

– Да... – протянул Суслов. – Кто бы мог подумать, десятилетиями проверенный товарищ... Самое плохое, Борис, даже не то, что через него шли деньги компартии США. Мы были с ним откровенны, вот что плохо. Предельно откровенны с агентом ФБР.

– Что делать будем? Мне же с ним встречаться придется, а из меня актер неважный.

– Из меня тоже. Да... – Суслов еще раз задумчиво хрустнул суставами. – Нет, в такие игры мы играть не будем. Партия отказалась от использования крайних мер, мы не можем нарушать наше же решение. И не будем. Не тот случай.

Пономарев ограничился недовольным похмыкиванием.

– Предатели... Это болезненно, конечно, очень болезненно, как с Морисом, но не опасно. – Суслов хладнокровно отодвинул пустую тарелку.

– Михал Андреич, – не выдержал Пономарев, – ты список видел? Ничего себе «не опасно»!

– Да ты пойми, Боря, все эти игрища военных и разведок – это борьба на периферии. Она не в состоянии отменить неизбежное, не может победить законы социального развития. Конечно, надо этот список тщательно отрабатывать. Конечно! Но это пусть КГБ трудится, Кэ-Гэ-Бэ. – Он наставительно постучал вилкой по столу. – Но никакой предатель или даже несколько предателей, даже будучи генералами, не погубят нашу страну. Максимум – замедлят продвижение социализма по планете. Это плохо, мы должны с этим бороться всеми силами, должны – и будем. Но у нас с тобой, у Арвида с Янисом – другая задача, и эти ресурсы переданы нам для решения другого вопроса. Нам надо не пропустить удар в сердце. Для этого нашу службу и задумывали. И расконсервировать кадры, как того требует Янис, – это тратить ее ресурс на решение не своей задачи.

Пономарев озабоченно поерзал в стуле:

– У Яниса чутье, ты же знаешь... Если он волнуется, то я нервничаю. Сильно нервничаю.

– Да хватает у Яниса ресурсов, хватает и так. Пусть посматривает за развитием из-за плеча Андропова. А самостоятельно действовать не надо. Пусть не отвлекается, московский горком сейчас важнее.

– А источник?

– А что источник... Найдет его Иванов, тогда и подумаем. Если найдет. Так Янису и передай. А Арвиду я сам скажу.

– Ну добро, – согласился Пономарев. – А насчет Мориса я тогда сам прикину, как использовать.

– Да никак не используешь. ФБР не делится информацией с ЦРУ. А Мориса, не выкладывая обвинения товарищам из компартии, из игры не выключить. Так что пусть и дальше деньги носит. – Суслов ухмыльнулся. – А ФБР, значит, и дальше будет охранять наши передачи.

Пономарев ушел, а Суслов еще некоторое время побыл один, наслаждаясь покоем и удовольствием от принятия еще одного правильного решения. Это на самом деле не сложно, если хорошо знать марксизм и владеть диалектикой.

Еще в юности, пятьдесят лет назад, во время студенчества в институте имени Плеханова, он открыл для себя стройную красоту этого учения и, ослепленный его простотой и логичностью, влюбился, влюбился весь, без остатка, раз и навсегда. Эта любовь стала стержнем его жизни, она дала ему все: и великую цель – прекрасный в своей абстрактной справедливости коммунизм, и понимание, как ее достичь. Все, буквально все может быть объяснено и понято с платформы этого учения. При этом, несмотря на универсальность, марксизм сохраняет стройность и элегантность, присущие скорее законам Ньютона или курсу оптики, чем законам социального развития.

Он никогда не рвался наверх. Работал, как честный коммунист, изо всех сил, творя Историю вокруг. И История была к нему благосклонна, выделив из прочих. Раз за разом его призывали все выше и выше, вручали все большую власть. Он вошел в самый узкий круг высшего руководства еще при Сталине, и с тех пор его влияние в стране и мире только росло. Десятилетиями он применял марксизм на практике и раз за разом достигал успеха. Практика – критерий истины, что может быть лучшим свидетельством правильности марксизма, чем грандиозный прогресс СССР?

Всю свою жизнь он растил коммунизм. И он надеялся, что его запомнят именно таким – скромным и мудрым *пестуном* юного коммунизма.

Ощущение правильности дарило где-то глубоко внутри теплое уютное счастье, то самое, что испытываешь, сидя холодной зимней ночью у растопленного камина. Суслов, безусловно, был счастлив правотой своего дела, правотой своей уже почти прожитой жизни. Пожалуй, больше всего он хотел бы так счастливым и уйти.

Тот же день, 16:15

Ленинград, улица Чернышевского

Две чайные ложки мелко помолотой смеси арабики и робусты из Франции, ложка советского сахара, чуть-чуть привезенной из дома корицы, чтобы обозначить отступление от канона, и влить в джезву холодной воды. Он поджег спиртовку и начал медленно, совершенно механически, водить над ней медным сосудом, дожидаясь появления идущего от дна сердитого гудения. Вдохнул проявившийся аромат и замер на несколько секунд, собираясь с силами. Да, можно было бы сегодня, после почти бессонной ночи, и не напрягаться, отложить на завтра, а то и вовсе на понедельник, но он в свои двадцать девять стал резидентом во втором по значимости городе основного противника не потому, что давал себе послабления. Есть такое слово «надо», он выучил его в детстве, поднимаясь со дна, и оно его много раз выручало. Сейчас тоже надо, и поэтому Фред щедро влил в джезву ирландского виски, испачкал безупречную черноту кофе несколькими каплями до смешного дешевых местных сливок и отставил настаиваться.

Он глубоко откинулся в кресло и закинул ноги на край стола, бездумно глядя, как прогорает по контуру, обнажая багровеющий табак, тонкая бумага очередной, раскуренной в две быстрые затяжки, сигареты. Да, ему нравилось шокировать курятник, но еще больше он ценил удобство, а именно в этой расслабленной позе, когда взгляд беспрепятственно скользит по потолку, походя цепляясь за мельчайшие трещинки в побелке, его мозги работают особо хорошо.

Мозги... То, что у него есть, точнее, Бог дал, и Фреду нравилось их напрягать, нравилось даже больше, чем секс и выпивка. Каждая нерешенная загадка – это вызов, а вызовы он, будучи победителем, любил.

Подумать было о чем. Спонтанно начавшаяся операция привела к неожиданным результатам. Неделю назад прямиком из Лэнгли свалился приказ принять и оказать максимальное содействие туристу, которому вдруг приспичило посмотреть Ленинград. Приехавший днем действительно с неподдельным удовольствием осматривал город и прошелся по Эрмитажу, уделив особое внимание Питеру Брейгелю-младшему и другим малым голландцам, а вечером забрел к Фреду на огонек и, предъявив удостоверение директора разведывательного департамента Управления по борьбе с наркотиками, по-хозяйски расположился в кабинете. Всю ночь он умело, до зубовного скрежета, потрошил сначала Фреда, потом Синти, заставляя вспоминать малейшие детали. Загоревший под нездешним небом, с лучиками белых складок вокруг голубых глаз и повадками тигра, он легко отмахнулся от жалоб цэрэушников на тяжесть работы в СССР:

– Вы страх, парни, забыли, как выглядит. Поверьте, у вас тут лафа! У меня там тоже такие, как вы, работают, молодые и с зашкаливающими борзометрами... Три недели назад одного раскрыли, а тело потом подбросили. Так вот ему коленные суставы дрелью высверливали. Все понятно?

Фред задумчиво прищурился, глядя куда-то вдаль сквозь расплывающееся над ним колечко дыма. Основное было сказано на прощанье, сегодня утром:

– Те восемьдесят страниц, что вы принесли, прозвучали как набат колокола. Мы прохлопали, что к нам в постель ползет черная мамба. Все очень серьезно. Президент через неделю проводит совещание по этому вопросу. Я буду просить, чтобы вас не двигали из Ленинграда. – Он с усмешкой посмотрел на чуть слышно застонавшую Синти. – Нам очень-очень нужна такая информация, за любые деньги и под любые гарантии. Можете смело считать, что одно это письмо окупило все затраты на ЦРУ в этом финансовом году. Скоро вам подкинут пару опытных агентов глубокого прикрытия, но главные – вы. Вы начали, вы достигли успеха, вы и продолжайте. Берегите контакт – это раз, дрожите над ним, хольте и лелейте. И попытайтесь сделать его двухсторонним. Ищите, думайте. Еще раз повторяю – любые гарантии, любые деньги, при необходимости – все наши возможности по эксфильтрации из СССР. Нам этот человек очень нужен, он очень много знает. Кстати, там и аналитическая часть неслабая, учитесь. Ну бывайте...

Не снимая ног со стола, Фред изогнулся и дотянулся до джезвы, наполнил крошечную чашку, с облегчением откинулся назад и, сделав первый тягучий глоток, начал сортировать возможные зацепки. Они есть, определенно есть, их не может не быть...

Эпилог

Воскресенье 15 мая 1977 года, 13:50

Ленинград, набережная Фонтанки

– Куда пойдем? – Тома обхватила мою руку и на мгновение чуть повисла на ней.

– Сюрприз, – довольно улыбнулся я.

– А что в сумке? – С детской непосредственностью обернулась вокруг меня, с любопытством разглядывая пухлую ношу, свисающую с моего правого плеча.

– Еще пара сюрпризов. – Я наслаждался теплым прикосновением.

– Сегодня будет день сюрпризов?

Я серьезно взглянул на резвящуюся девушку и, на секунду замерев, еще раз задумался. Уверен ли я в себе? В своем решении?

Подо мной, балансирующим на грани, распластался покорный мир, на миг представ беспмятным телом, распятым на операционном столе Истории. Пронзительно ясно, даже сквозь укутывающий будущее туман, я ощутил развилку: сделав сейчас с этой грани шаг в ту или иную сторону, могу как убить, так и вылечить пациента.

Удивительно, из каких мелочей складываются повороты Истории. Или не мелочей?

– Да, – говорю твердо. – Сегодня – день сюрпризов.

Веселясь и дурачась, прошли метров сто по теплым плитам набережной, и я направил нас вниз, к реке, по истертому гранитному спуску. Фонтанка лениво полизывала язычками мелких волн последнюю ступень, на фоне неглубокого песчаного дна бликовало серебро пробирающихся вверх по течению то ли уклеек, то ли колюшек.

Я притянул Томино запястье, взглянул на часики и нахмурился.

«Опаздывает... надеюсь. А нет, вон он», – выдохнул с радостным облегчением и с предвкушением заулыбался, глядя на торопливо выкатывающийся из-под моста знакомый катерок. Небрежно предложил:

– Как насчет прокатиться по каналам?

Тома округлила глаза:

– На чем?

– Уверен, такой красивой девушке никто не посмеет отказать. Помашу катеру рукой.

Тома нерешительно взмахнула, и посудина, чуть повернув, запыхтела в

нашу сторону и начала притираться к спуску.

– Что, молодежь, садись, – пробасил краснолицый Степаныч, чей энтузиазм был вчера удобрен червонцем и моим обещанием дать еще один по завершении прогулки.

Я перешагнул через борт и, подав недоумевающей Томе руку, провел ее к расположенному вдоль борта сиденью. Достал из сумки клетчатое покрывало и накинул поверх досок:

– Пристраивайся.

Она неуверенно села, наклонилась к моему уху и, постреливая глазами на корму, прошептала:

– Что это он?..

Я воспользовался моментом и, практически уткнувшись губами в мягкое ушко, нашептал:

– Не устоял перед твоим обаянием. Как и я.

Довольно посмеиваясь, Тома легонько ткнула меня кулачком в бок:

– Я серьезно!

– Это сюрприз.

– А-а-а... – Она отклонилась и как-то по-новому посмотрела на меня. – Здорово...

Мыплыли в полумрак Измайловского моста. Я приобнял пожившуюся Тому за талию и чуть притянул к себе:

– Давай полюбуемся городом. С реки он выглядит совсем иначе.

И действительно, при взгляде с воды ровные фасады питерских особняков и доходных домов, встав на пьедестал гранитной набережной, становятся заметно выше, и родные места вдруг преображаются в таинственных незнакомцев, даря новый взгляд на привычные ансамбли. Прижавшись друг к другу, неторопливо скользим по городу дворцов, казарм и парков, замороженно любуясь необычными видами и лишь изредка обмениваясь удивленными и восхищенными восклицаниями.

В тени мостов я придвигаюсь еще ближе и, чуть касаясь губами основания шеи, длинно и осторожно выдыхаю теплый воздух. Тома, дернувшаяся в первый раз от неожиданности, теперь зябко замирает и крепче прижимает к себе мою руку. Я же сладко млею от той неясной надежды, что, возникнув от этой невинной близости, начинает стремительно разгораться, выжигая всю мою сущность; от надежды, что сворачивает мир почти в точку, в маленький уютный кокон, зыбкие границы которого намечены теплом, исходящим от наших тел. Потом железные фермы, усыпанные гигантскими заклепками, заканчиваются, и на нас отвесно падает свет, безжалостно разрушая краткое уединение. Мы

смущенно отклоняемся друг от друга, чуть-чуть, на несколько сантиметров, так, чтобы уже возникла видимость раздельности, но только видимость и не более того, и с надеждой измеряем взглядом расстояние до следующей густой тени.

Проводили глазами Аничков мост, я, чуть отсев, полез в брошенную под скамейку сумку. Тома иронично зафыркала, когда я, позвякивая, извлек два стибренных из серванта хрустальных бокала и бутылку шампанского:

– Дачу уже забыл?

Я густо покраснел и с сожалением посмотрел на бутылку:

– Н-да... Ну тогда только по два бокала – и все. Степаныч, – я повернулся к корме и показал бутылку, – поможешь добить?

– Да не вопрос. Помогать молодежи – наша святая обязанность, – убежденно сказал он и довольно разгладил правый ус.

Я хлопнул пробкой и лихо разлил пенящуюся струю по бокалам. Проплыли Инженерный замок, поднырнули под мост, и мимо потянулся Летний сад.

– Тома... Томочка... – Горло неожиданно перехватило, и я смешался, забыв подготовленные слова, а потом выдернул на язык первое подвернувшееся: – Я старый солдат и не знаю слов любви...

Кончик носа Тома презрительно сморщился, чуть-чуть, почти незаметно. Улыбка еще танцевала на губах, но зрачки превратились в воронки, куда, как в черные дыры, начало стремительно истекать веселье.

Я замер с перехваченным от волнения дыханием – так замирает сапер, обнаруживший, что уже поставил ногу на мину, но еще, к счастью, не услышал щелчка взрывателя.

– Стоп! – замахал рукой, пытаюсь прогнать только что наговоренную чушь. – Стоп... Ты права, фигню молочу.... Паясничаю на нервной почве. Извини. Сейчас...

Посмотрел в высокое небо. Господи, ну почему это каждый раз так мучительно тяжело?!

Пару раз глубоко вздохнул, собирая всю смелость, и решительно взглянул прямо. Голова закружилась, и я начал проваливаться в эти наполненные тревожным ожиданием, разноцветно-зеленые с оранжевыми крапинками глаза.

– Солнышко... – выдохнул с радостным страхом, – понимаешь, я без тебя жить не могу... Я тебя люблю. Молчи! – испуганно воскликнул я – вдруг показалось, что она хочет качнуть головой. – Молчи... пока.

Я замер на миг, вслушиваясь, готовый ко всему, вплоть до тревожного скрежета разверзающихся прорех мироздания и визга выскакивающих

оттуда лангольеров. Нет, тихо... Наклонился поближе и, осмелев, с жаром продолжил:

– Да, люблю. Я знаю, что мы лишь школьники, почти что дети... – Я чуть печально улыбнулся. – Пока дети. Ты можешь не отвечать, я лишь хотел сказать тебе о том, что ты теперь для меня значишь.

Сказал! С облегчением выдыхаю и вижу, как ползут у Тома вверх уголки губ, а на щеках начинают проявляться милые ямочки. Меня неудержимо тянет вперед, и я наклоняюсь к ее губам. Тома опять стреляет глазами мне за плечо, на корму, и заливается густым румянцем.

– Потом... – шепчет чуть слышно.

Я приостанавливаюсь, незаметно втягиваю ставший родным запах, затем улыбаюсь глазами и согласно прикрываю веки. Потерплю. И вновь поднимаю позабытый бокал:

– Пусть этот тост будет за нас, за то, чтобы наше прекрасное далеко – было.

Тома, улыбаясь, согласно кивает. Наши бокалы извлекают легким касанием высокий летящий тон, и я вдруг постигаю второй смысл только что прозвучавшего и вновь замираю, застыв перед выбором. Прекрасное далеко... Не предаю ли я его прямо сейчас? Бездумно смотрю на скользящий мимо гранит, чувствуя, как между бровями залегает складка.

Вплываем в последнюю перед Невой тьму, и где-то посередине до меня доносится просящее:

– Я отвечу... потом, подождешь немного, Дюш? – На мою руку легла ее ладонь.

Катер вынырнул на невский простор и сделал широкий, на полреки, разворот вдоль Петропавловки. Я еще раз любовался игрой света на хрустальных гранях и подставил лицо свежему ветру. Сегодня прекрасный день для меня, будет ли он так же прекрасен для мира?

Со стороны залива, громяхая и вспыхивая, косым потоком надвигается, растворяя городскую перспективу, завеса серовато-стального цвета. Вот за этой пеленой исчез белый торец гостиницы «Советская», затем накрыло Египетский мост, начал затушевываться пешеходный мост у Крюкова канала. Отпечаталась в сетчатке траектория очередной молнии, вонзившейся где-то в районе Троицкого рынка. Спустя пару секунд раскатисто громынуло. Теплый воздух невнятно заволновался и овеял ботинки пыльными струйками.

Я стою, облокотившись на излучающий тепло гранитный парапет, и весело наблюдаю за этой жалкой попыткой прогнать меня с улиц родного

города. Прикрыл глаза и вновь, в который раз за последний час, вызвал из памяти робкую нежность неумелых губ.

Кривовато улыбнулся, удивляясь своим колебаниям, ведь все так очевидно. Сразу за этим осознанием пришла волшебная легкость, даже не пришла, а протекла сквозь меня упругим колеблющимся потоком – так, слегка вибрируя, проходит сквозь пальцы быстрая теплая вода.

Редкие тяжелые капли начали достигать земли, и от дороги потянуло перегретым асфальтом, подсушенной березовой пылью и городской пылью. С удовольствием длинно вдохнул этот любимый ленинградский запах. Удивительно, какой сегодня сытный воздух!

Первый порыв ветра залез в мои волосы и, запутавшись, затих. Затем, собравшись с силами, упруго ткнул в висок, растрепал челку и игриво пробрался за шиворот. Я негромко рассмеялся, пожившись от ласковой щекотки, и, повернувшись лицом к наступающей грозе, подставил небу ладони, пробуя на ощупь первые теплые капли.

Внезапно асфальт вдали, на спуске с Измайловского моста, почернел, и над ним белым покрывалом повисла разбившаяся в пыль водяная шрапнель. По набережной ко мне грозно покатила темная, вскипающая пузырями полоса. Сто метров, пятьдесят, двадцать...

С неба наотмашь хлестануло, чувствительно пройдясь по ушам и мгновенно намокшим плечам. Я перелетел через пустую набережную к подъезду и рванул, в два легких прыжка преодолевая лестничные пролеты, наверх, на вечно открытый чердак. Толкнул скрипучую дверь и встал на пороге, давая глазам возможность привыкнуть ко мраку.

Крыша отзывалась на ниспадающий поток непрерывным глухим шумом. Чернеющие в таинственной полутьме балки на какой-то миг превратили чердак в трюм бригантины. Я покрутил головой, выискивая лаз наверх, и бросился к слуховому окну, выходящему на Фонтанку. Ввинтился в треугольный проем, неловко зацепившись ладонью за выступающую шляпку криво забитого гвоздя, и вырвался из чрева дома под льющей с неба мокрый свет.

Из-за плеча в левый глаз полыхнуло ослепительно-белым. Мощно щелкнуло, как будто по крыше хлестнули кончиком гигантской нагайки, и жестяные листы под ногами тревожно загудели. Со всех сторон раздался громкий треск, словно прямо над головой разорвали гигантский кусок брезента. Меня сильно качнуло воздушной волной, и на мгновение я замер на краю глухо вибрирующей крыши. Пахнуло озоном и горелым железом.

Я запрокинул лицо навстречу дождю:

– Ха, небо, ты хочешь меня испугать?!

Видимо, да, потому что в тот же момент очередная молния саданула за крышу, в Польский сад, и почти сразу же оттуда пришла смачная громовая оплеуха.

– А вот хрен тебе, – тут же радостно крикнул я ответ и, выбросив от плеча окровавленный кулак, проорал вверх: – Я ОСТАЮСЬ!!!

notes

СНОСКИ

БАН – Библиотека Академии наук СССР.

Песня «Чему учат в школе» на слова М. Пляцковского, муз. В. Шаинского.

Четыре. Неуверенно и, как обычно, согласование времен (*англ.*).

Москва – столица нашей Родины, Союза Советских Социалистических Республик... (*англ.*)

Садись (*англ.*).

Автор стихотворения Лев Токмаков.

Всесоюзное общество «Знание» – просветительская организация СССР, возникшая в 1947 году.

Из стихотворений Сергея Есенина «Пороша» и «Береза».

Дерьмо (*англ.*).